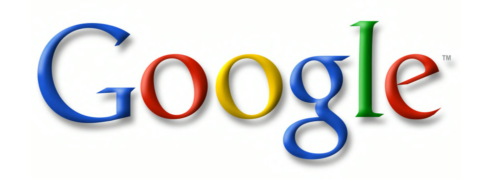

Том 2

ИЗВѢСТІЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

СОСТОЯЩАГО ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ II.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°.)
1865.

ИЗВѢСТІЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

состоящаго при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

v. 1

Редакторы: Д. П. Сонцовъ и А. П. Федченко.

ИЗДАНІЕ Д. П. СОНЦОВА.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
1865.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.			Должно читать.
Стран. 16,	стр. 1.	Это кумиры	Были ли это кумиры?
— 17,	— 26.	Графъ Пій Ф.	Графъ Евстафій Піевичъ.
— 34,	— 5.	Сланяно-Скандинавскія.	Славяно-Скандинавскія.
— 37,	— 13.	этотъ опросъ	этотъ вопросъ
— 64,	— 2.	Наблюденія анатомическія и *физiологическія*	Наблюденія анатомическія и *морфологическія*

ДИРЕКЦІЯ ОТДѢЛЕНІЯ.

Директоръ отдѣленія Дмитрій Петровичъ Сонцовъ.
Секретарь отдѣленія Алексѣй Павловичъ Федченко.
Хранитель коллекцій Николай Григорьевичъ Керцелли.

КОМИТЕТЪ

ДЛЯ УСТРОЙСТВА

РУССКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ И МУЗЕЯ.

Предсѣдатель комитета В. А. Дашковъ.

Президентъ Общества Заслуженный Профессоръ Г. Е. Щуровскій.

Вице-Президентъ Профессоръ А. Ю. Давидовъ.

Директоръ антропологическаго отдѣленія Д. П. Сонцовъ.

Секретарь отдѣленія А. П. Федченко.

Предсѣдатель анатомической коммиссіи Профессоръ И. М. Соколовъ.

Секретарь коммиссіи Н. Я. Березницкій.

Предсѣдатель этнографической коммиссіи (ваканція).

Товарищъ Предсѣдателя коммиссіи Профессоръ А. П. Богдановъ.

Секретарь коммиссіи, Секретарь Общества Н. К. Зенгеръ.

Хранитель этнографической коллекціи Н. Г. Керцелли.

Предсѣдатель археологической коммиссіи Профессоръ И. Д. Бѣляевъ.

Предсѣдатель художественной коммиссіи Профессоръ К. К. Герцъ.

Предсѣдатель ботанической коммиссіи Профессоръ Н. Н. Кауфманъ.

Товарищъ предсѣдателя И. Я. Ковалевскій.

По **скульптурной части** выставки Профессоръ Н. А. Рамазановъ.

По **архитектурной части**, составитель плана выставки, архитекторъ В. В. Соболевъ.

Члены комитета:

Николай Петровичъ Бочаровъ.
Василій Федоровичъ Ошанинъ.
Василій Николаевичъ Ульянинъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ:

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

ПЕРВОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

Декабря 2 дня 1864 года.

Декабря 2-го дня 1864 года происходило первое засѣданіе Антропологическаго Отдѣленія Общества Любителей Естествознанія подъ предсѣдательствомъ Директора Отдѣленія Д. П. Сонцова, въ присутствіи Президента Общества Г. Е. Щуровскаго, Секретаря Отдѣленія и 39 членовъ Общества и стороннихъ посѣтителей.

1. Засѣданіе было открыто Директоромъ Отдѣленія Д. П. Сонцовымъ, выразившимъ присутствовавшимъ членамъ Общества благодарность отъ имени лицъ, избранныхъ въ члены Дирекціи Отдѣленія; затѣмъ онъ обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами:

Господа! Наше Антропологическое Отдѣленіе имѣетъ всѣ данныя для успѣшнаго результата въ своихъ занятіяхъ; труды нашего Отдѣленія могутъ сказать много новаго о человѣкѣ.—Ни одинъ край не имѣетъ столько богатствъ для изслѣдованій по занимающей насъ наукѣ, какъ громадная Россія: обширность ея предѣловъ съ различными племенами, населяющими ее въ наше время; масса народовъ, обитавшихъ въ ней въ эпоху древнѣйшую, и наконецъ, какъ переходный пунктъ племенъ, заселившихъ остальную часть Европы. Мы имѣемъ всѣ способы для изученія племенъ, ихъ отношеній, быта народовъ и степени постепеннаго развитія человѣка. Всѣ отдѣлы антропологіи — этнологія, этнографія и этногонія могутъ быть успѣшно разработываемы и тѣмъ болѣе, что мы счастливо начинаемъ: среди насъ мы имѣемъ спеціалистовъ по каждому изъ этихъ отдѣловъ, которые не только своими знаніями могутъ разъяснить всѣ наши недоумѣнія, но и подвинуть впередъ самую науку.

Успѣхъ нашъ несомнѣненъ, если мы дружно, совокупными силами будемъ трудиться съ одной только цѣлью прогресса, съ однимъ желаніемъ успѣха наукѣ.

Примѣръ всѣхъ ученыхъ обществъ намъ ясно говоритъ, что только одно можетъ дать истинно плодотворную жизнь ученымъ собраніямъ, это — единодушное желаніе пользы всѣхъ членовъ общества и взаимное ихъ вспомоществованіе въ достиженіи общихъ цѣлей.

Антропологическое Отдѣленіе имѣетъ все для успѣха; отъ насъ, господа, зависитъ теперь осуществить его блестящую будущность совокупною, но не эгоистическою дѣятельностью въ нашихъ занятіяхъ.

2. Секретарь Отдѣленія А. П. Федченко изложилъ цѣль и программу Отдѣленія въ слѣдующихъ словахъ:

Позвольте мнѣ, господа, изложить предъ вами тѣ соображенія, которыя привели наше Общество къ мысли открыть при немъ Антропологическое Отдѣленіе, позвольте передать вамъ ту программу, которою Общество опредѣлило кругъ занятій нашего Отдѣленія.

Наука о человѣкѣ — наука молодая. Человѣкъ лишь недавно ввелъ себя въ кругъ своихъ научныхъ изслѣдованій. Психическая сторона его, правда, давно уже была предметомъ многостороннихъ изслѣдованій, но, къ сожалѣнію, добытые результаты положительно не соотвѣтствуютъ тому труду, который былъ положенъ на эти изслѣдованія. Изученіе анатомическаго строенія, физіологической дѣятельности человѣческаго организма не исчерпываетъ еще задачи антропологіи, науки, можно сказать, не о человѣкѣ, а о человѣчествѣ, подобно тому, какъ зоологія изучаетъ не одно какое-либо животное, а всесторонне весь животный міръ.

Изученіе человѣка въ такомъ обширномъ смыслѣ мало подвинулось еще впередъ; обширность предмета, недостатокъ трудно добываемыхъ матеріаловъ, ложность направленія и взглядовъ, съ которыми прежде смотрѣли на человѣка, объясняютъ это печальное состояніе антропологіи. Но теперь и въ этой наукѣ замѣтно оживленное движеніе впередъ; она возбудила къ себѣ всеобщій интересъ, чему много содѣйствовали изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ, особенно тѣ, которыя пролили такой свѣтъ на древнее существованіе человѣка на землѣ.

Человѣкъ началъ интересоваться собою и живо стала сознаваться необходимость сдѣлать для него хоть то, что давно уже сдѣлано для породъ домашнихъ животныхъ.

Нужно сознаться, что Россія по своей важности для антропологическихъ изслѣдованій занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду другихъ странъ: въ какомъ другомъ государствѣ мы найдемъ такое множество племенъ и народовъ, гдѣ такое разнообразіе климатическихъ, почвенныхъ и другихъ физическихъ условій существованія? Черезъ нее переходили въ древности народы изъ центральной Азіи въ своемъ движеніи на западъ, въ ней они оставили слѣды своего перехода въ многочисленныхъ курганахъ и другихъ остаткахъ. Богатъ матеріалъ для антропологическихъ изслѣдованій въ Россіи, но никто еще не воспользовался имъ во всей его полнотѣ. Посильно помочь этой разработкѣ—вотъ цѣль нашего Отдѣленія. Мы специализируемъ нашу задачу Россіей, во-первыхъ потому, что необходимо заняться прежде всего своимъ собственнымъ т. е. русскимъ, и во-вторыхъ потому, что лишь разработкѣ частныхъ вопросовъ можетъ содѣйствовать наша общая работа. Вопросы общіе, какъ вѣрно замѣтилъ К. М. Бэръ, рѣшаются настойчивою работой мысли одного человѣка; занятія такими вопросами могутъ имѣть полезные результаты напр. въ парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ, гдѣ изъ преній объ нихъ если не получается общаго рѣшенія, то во всякомъ случаѣ они имѣютъ то значеніе, что масса матеріаловъ по этимъ вопросамъ увеличивается, благодаря присутствію въ Парижѣ большаго числа людей много путешествовавшихъ, много видѣвшихъ и знающихъ. Послѣ этого, надѣюсь, насъ никто не обвинитъ въ узкости нашей програмы, напротивъ нужно надѣяться, что благодаря этой то специализаціи наши труды и не пропадутъ безслѣдно.

Вотъ тѣ соображенія, которыя легли въ основу нашей программы. По этой программѣ одною изъ первыхъ нашихъ задачъ будетъ составленіе коллекціи череповъ и скелетовъ; описаніе и сравненіе череповъ множества племенъ, обитающихъ въ Россіи, внесетъ, безъ сомнѣнія, богатый матеріалъ въ столь мало разработанный еще отдѣлъ антропологіи, какова краніологія; изученіе скелетовъ, относительнаго развитія различныхъ его частей у разныхъ племенъ дастъ, безъ сомнѣнія, много новыхъ отличій между племенами, отличій основанныхъ на физическомъ строеніи. Главная цѣль нашего Общества—ознакомленіе публики съ данными науки, популяризація ея между массой — занимаетъ видное мѣсто и въ нашей программѣ относительно антропологіи; этого предполагается достигнуть составленіемъ коллекцій костюмовъ и предметовъ домашняго быта, характеризующихъ различные народы, публичностью засѣданій, сообщеніемъ отчетовъ о новыхъ трудахъ по антропологіи и русской этнографіи. Раскопкою похоронныхъ кургановъ, описаніемъ находимыхъ въ нихъ остатковъ мы также надѣемся содѣйствовать вырѣшенію вопроса о древнихъ народахъ, населявшихъ или временно останавливавшихся въ Россіи. Ввести въ кругъ нашихъ изслѣдованій всю Россію, понятно, составляетъ горячее желаніе каждаго изъ насъ, но боязнь за недостатокъ матеріаловъ и за наши скромныя средства для такого обширнаго изслѣдованія заставили на первое время ограничить нашу программу мѣстностью Московскаго Учебнаго Округа, предоставляя себѣ, понятно, по мѣрѣ возможности

приступить къ антропологическимъ изслѣдованіямъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Вотъ, господа, наша программа! Дружной, общей работой идти къ выполненію ея—вотъ наша цѣль!

И. Д. Бѣляевъ и Г. Е. Щуровскій выразили надежду и желаніе, что Отдѣленіе не ограничится губерніями Московскаго Учебнаго Округа, но найдетъ средства распространить свои труды и на всю Россію.

3) Г. Е. Щуровскій прочелъ:

О новѣйшихъ открытіяхъ въ области ископаемаго человѣка.

I.

Ископаемый человѣкъ третичнаго періода.

Ископаемые остатки человѣка и произведенія его искусства въ послѣднее время были находимы не только въ аллювіальныхъ, но и въ дилувіальныхъ наносахъ. Существованіе человѣка въ такую отдаленную эпоху, какъ дилувіумъ съ самаго начала казалось весьма невѣроятнымъ и было предметомъ многихъ ученыхъ споровъ. Наконецъ кончилось тѣмъ, чѣмъ, по словамъ Агассица, оканчиваются всѣ необыкновенныя открытія. «Какъ только новый и поразительный фактъ появляется въ наукѣ, говорятъ: *это неправда,* послѣ: *это противно религіи* и подъ конецъ: *это уже давно извѣстно всему свѣту.*» Открытіе ископаемыхъ остатковъ человѣка въ дилувіальныхъ наносахъ уже прошло эти три фазы, принято за истину, и всѣ успокоились на той мысли, что дилувіальный періодъ есть самый крайній предѣлъ, съ котораго можно считать появленіе человѣка на земной поверхности. Но въ недавнее время это спокойствіе было нарушено новымъ открытіемъ, изъ котораго мы узнаемъ, что существованіе человѣка не ограничивалось дилувіальнымъ періодомъ, а простиралось въ болѣе отдаленную эпоху—въ третичный или такъ называемый *пліоценовый* періодъ.

Этимъ новымъ открытіемъ мы обязаны французскому ученому Денойэ (J. Desnoyers). Оно заслуживаетъ полнаго вниманія и мы на немъ нѣсколько остановимся.

Открытіе, о которомъ идетъ рѣчь, было сдѣлано во Франціи, въ окрестностяхъ города Шартра (Chartres), именно въ каменоломняхъ въ Сенъ-Прэ (Saint-Prest) *. Во время посѣщенія этихъ каменоломенъ Денойэ, работники открыли нѣсколько костей въ такихъ осадкахъ, которые видимо находились въ своемъ нормальномъ положеніи. Найденныя кости принадлежали носорогу (Rhynoceros megarrhynus. Christol), слону (Elephas meridionalis. Nesti), гиппопотаму (Hippopotamus major) и оленю. Освободивъ эти кости отъ песку, Денойэ замѣтилъ на ихъ поверхности борозды или царапины различной формы и величины: однѣ изъ этихъ царапинъ пересѣкали кость въ поперечномъ направленіи, проходя черезъ всѣ ея возвышенія и углубленія, другія направлялись вдоль кости; однѣ чрезвычайно чисты, тонки и гладки, другія же болѣе широки и какъ будто произведены зубчато-рѣжущимъ орудіемъ. Вмѣстѣ съ означенными царапинами были еще другія рѣзко ограниченной эллиптической формы и, повидимому, произведенныя ударомъ остраго орудія.

Точно такія же царапины, какъ извѣстно, были наблюдаемы на костяхъ различныхъ животныхъ, которыя были находимы въ дилувіальныхъ пещерахъ, въ торфяникахъ или даже въ древнихъ могилахъ галловъ, бретоновъ и германцевъ. Сходство казалось очевиднымъ. Но желая еще болѣе увѣриться въ безошибочности своего наблюденія, Денойэ осмотрѣлъ всѣ кости, добытыя изъ каменоломенъ Сенъ-Прэ и принадлежащія въ настоящее время разнымъ коллекціямъ, частнымъ и публичнымъ. Эти коллекціи, для большей вѣрности, Денойэ осматривалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ Лартэ (Lartet), весьма опытнымъ геологомъ относительно дилувіальныхъ и аллювіальныхъ ископаемыхъ. Осмотрѣвъ болѣе ста различныхъ костей, Денойэ убѣдился, что большая часть изъ нихъ дѣйствительно имѣла на своей поверхности царапины или борозды, какія можно произвести только посредствомъ кремневаго рѣжущаго орудія съ болѣе или менѣе острымъ концемъ и съ краями болѣе или менѣе зазубренными. На нѣкоторыхъ

* *L'homme fossile aux environs de Chartres,* note par I. Desnoyers, membre de l'Institut (Academie des inscriptions et belles lettres). Въ *L'Ancienneté de l'homme,* appendice, *l'homme fossile en France,* par Sir Charles Lyell. 1864.

костяхъ можно было замѣтить еще слѣды стрѣлъ, которыя, казалось, скользили по кости, пройдя черезъ кожу и мясо, ее покрывавшія. Можно было даже отличить острое треугольное углубленіе и боковые нарѣзы, произведенные острымъ концемъ и зазубринами стрѣлы кремневой или костяной.

Въ числѣ прочихъ костей изъ окрестностей Шартра очень много такихъ, которыя принадлежали особенному виду оленя, чрезвычайно большаго роста (*Megaceros carnutorum*, Laugel). Черепа этихъ оленей, по наблюденіямъ Денойэ, во всѣхъ коллекціяхъ представили одну замѣчательную особенность: они были раздроблены при самомъ основаніи роговъ, и, повидимому, сильнымъ ударомъ въ лобъ. Тоже самое, какъ извѣстно, было замѣчено датскимъ ученымъ Стеенструпомъ (Steenstrup) на другихъ ископаемыхъ черепахъ, принадлежавшихъ двукопытнымъ животнымъ. На черепахъ оленей Денойэ наблюдалъ еще особенные слѣды, направленные поперечно и сверху внизъ, слѣды, которые, повидимому, можно было произвести только рѣжущимъ орудіемъ при сдираніи кожи и отдѣленіи сухожилій. Рога, встрѣчающіеся отдѣльно, всѣ раздроблены одинаково и такимъ образомъ, какъ бы назначались служить рукоятью для кремневыхъ орудій, и очень похожи на тѣ, которые были находимы въ аллувіальныхъ наносахъ, особенно же въ торфяникахъ Пикардіи и въ озерныхъ или свайныхъ жилищахъ Швейцаріи. Нѣкоторыя кости, по замѣчанію Денойэ, были раздроблены въ длину, другія поперекъ, вѣроятно для извлеченія изъ нихъ мозга, какъ это нерѣдко случалось наблюдать на пещерныхъ костяхъ, и въ такъ называемыхъ кухонныхъ остаткахъ, которыхъ такъ много найдено на островахъ Даніи.

Кромѣ того, что было изложено выше, на многихъ костяхъ изъ окрестностей Шартра подлѣ царапинъ, видимо произведенныхъ рукою человѣка, Денойэ замѣчалъ еще другія, которыя нельзя объяснить тѣмъ же способомъ. Это чрезвычайно тонкія и правильныя царапины, очень длинныя и пересѣкающіяся другими такими же. Вообще онѣ имѣютъ такой видъ, какъ бы зависѣли отъ правильнаго полированія костей пескомъ, и потому живо напоминаютъ собою царапины или полосы, какія замѣчаются на эрратическихъ *валунахъ*, подвергавшихся сильному тренію ледниковъ. Значитъ животныя, которымъ принадлежали эти изчерченныя кости, и люди, которые употребляли ихъ въ пищу и вели съ ними непрерывную борьбу, быть можетъ, были свидѣтелями эрратическаго переворота, или ему предшествовали. Предположеніе это тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что описываемыя кости принадлежатъ такимъ животнымъ, которыя донынѣ были находимы только въ *пліоценовыхъ* формаціяхъ, болѣе древнихъ чѣмъ дилувіальные наносы, именно: *Elephas meridionalis* (Nesti), *Rhynoceros leptorrhynus* (Cuvier) или *megarrhynus* (Christol), *Hyppopotamus major* (Cuvier), *Megaceros carnutorum* (Laugel) и нѣк. др.

Результаты изслѣдованій Денойэ мы пополнимъ нѣкоторыми замѣчаніями Ляйэлля, который съ давняго времени такъ зорко слѣдитъ за всѣми открытіями, касающимися ископаемаго человѣка.

Болѣе положительное опредѣленіе Шартрской формаціи прежде другихъ было сдѣлано Ляйэллемъ. Когда открытіе Денойэ придало этой мѣстности новый интересъ, Ляйэлль снова осмотрѣлъ ее въ сопровожденіи самого Денойэ, съ нимъ же осмотрѣлъ онъ и всѣ извѣстныя коллекціи костей, добытыхъ изъ Сенъ-Прэ.

Ляйэлль убѣдился, что открытыя кости дѣйствительно находились тутъ въ своемъ нормальномъ положеніи; не менѣе того убѣдился онъ и въ точности описанія царапинъ или бороздъ, о которыхъ мы говорили выше. Ляйэлль выражаетъ только нѣкоторое сомнѣніе относительно тѣхъ царапинъ, которыя Денойэ старается объяснить дѣйствіемъ ледниковъ. Такъ какъ въ Сенъ-Прэ вмѣстѣ съ *Elephas meridionalis* найдены остатки огромнаго грызуна, теперь уже не существующаго въ живомъ состояніи и принадлежащаго къ семейству бобра, именно *Trogontherium* (Fischer), то Ляйэллю пришло на мысль, не зависятъ ли нѣкоторыя изъ описываемыхъ царапинъ отъ огладыванія костей этимъ животнымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ прямымъ опытомъ, онъ обратился къ Bartlett'у, завѣдующему зоологическимъ садомъ въ Лондонѣ, и просилъ его кости лошади и быка, еще покрытыя мясомъ, передать нѣкоторымъ животнымъ для огладыванія. Такими костями Bartlett кормилъ различные виды *Histrix (cristata, javanica)*, запирая ихъ въ особыя клѣтки, и со всѣми предосторожностями, чтобы въ огладываніи этихъ костей

не участвовали другія животныя, особенно крысы. Послѣ этого опыта кости дѣйствительно были изцарапаны, и по видимому такъ же, какъ и тѣ, которыя вырыты изъ Сенъ-Прэ. Но когда Ляйэлль показалъ тѣ и другія изцарапанныя кости г. Лартэ, которому такъ часто случалось видѣть и пещерныя, и могильныя кости, то онъ тотчасъ замѣтилъ, что однѣ изъ этихъ царапинъ, именно происшедшія отъ огладыванія, совершенно одинаковы съ царапинами пещерныхъ костей, но различны отъ тѣхъ, которыя находятся на ископаемыхъ костяхъ изъ Сенъ-Прэ.

Кости *Elephas meridionalis* и другихъ животныхъ, существовавшихъ въ одно съ нимъ время, кромѣ Шартра найдены еще въ Англіи, въ Кромерѣ (Cromer), въ формаціи, называемой *Forest-bed;* но ни одна изъ нихъ, какъ показали недавнія изслѣдованія Лартэ, Гукка и Кинга, не представляетъ такихъ царапинъ, какія находятъ на костяхъ изъ Сенъ-Прэ. Впрочемъ, это неудивительно, потому что и въ Сенъ-Прэ изчерченныя или изцарапанныя кости составляютъ какъ бы исключеніе изъ другихъ.

Въ графствѣ Кламорганъ открыты двѣ пещеры, лежащія одна подлѣ другой и весьма богатыя остатками животныхъ, повидимому, такой же древности, какъ шартрскія. Въ одной изъ этихъ пещеръ, именно *Bosco's Den,* найдено множество оленьихъ роговъ; Ляйэлль изслѣдовалъ всѣ эти кости и не замѣтилъ на нихъ ни малѣйшаго признака царапинъ. Въ той же пещерѣ не найдено ни одного искуственнаго произведенія. Но въ другой сосѣдней пещерѣ, называемой *Long-Hole,* нашлись кремневые ножи, вмѣстѣ съ черепомъ носорога, *Rhynoceros hemithoechus* (Falc.). Кости, сопровождавшія этотъ черепъ, имѣли на себѣ поперечныя царапины, сходныя съ тѣми, которыя Денойэ приписываетъ дѣйствію человѣческой силы. Есть и другія пещеры въ Великобританіи, напримѣръ Kent's Hole подлѣ Torquay, въ которыхъ изчерченныя кости сопровождаются ясными доказательствами пребыванія тутъ человѣка.

Можетъ показаться страннымъ, что въ Сенъ-Прэ, гдѣ такъ много доказательствъ пребыванія человѣка, до сихъ поръ не открыто ни одного кремневаго или костянаго орудія. По мнѣнію Ляйэлля это зависѣло, вѣроятно, отъ недостатка вниманія рабочихъ, которымъ бросаются въ глаза только кости и зубы и то самыя большіе, а другіе предметы отъ нихъ ускользаютъ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что вещи, принадлежащія такому отдаленному времени, должны быть чрезвычайно грубы и могутъ обратить вниманіе только опытнаго археолога.

Нѣкоторыя изъ царапинъ на черепѣ слона Денойэ, какъ сказано выше, объясняетъ дѣйствіемъ стрѣлъ, которыя проникли до самаго черепа и скользили по его поверхности. Это предположеніе Ляйэллю кажется нѣсколько смѣлымъ. Вообще онъ полагаетъ, что искусство распознаванія царапинъ и другихъ признаковъ, встрѣчающихся на ископаемыхъ костяхъ, находится еще въ такомъ младенческомъ состояніи, что трудно согласиться съ Денойэ, что бы по ископаемымъ въ Сенъ-Прэ можно было *съ большимъ вѣроятіемъ* (la haute probabilité), допустить существованіе человѣка прежде ледянаго или эрратическаго періода. Но факты, имъ открытые, и объясненіе этихъ фактовъ, предложенное съ такимъ остроуміемъ, по мнѣнію Ляйэлля должны побудить геологовъ и археологовъ къ новымъ изслѣдованіямъ, именно къ отысканію какихъ либо искусственныхъ произведеній въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть кости съ признаками царапинъ и бороздъ. Открытіе, сдѣланное въ Сенъ-Прэ, по мнѣнію того же геолога, предвѣщаетъ еще какое-либо другое и, быть можетъ, великое открытіе.

II.

Замѣчательнѣйшіе черепа дилувіальнаго человѣка.

Въ недавнее время въ гибралтарскихъ пещерахъ и тамошнихъ дилувіальныхъ разсѣлинахъ открыто множество костей ископаемаго человѣка и между ними два черепа, очень хорошо сохранившіеся, и весьма замѣчательные по своему устройству. Мнѣ желательно сообщить Обществу нѣсколько словъ объ этой драгоцѣнной находкѣ и въ тоже время, для сравненія, припомнить и о другихъ замѣчательныхъ черепахъ, которые были найдены въ дилувіальныхъ пещерахъ.

Такихъ череповъ всего четыре; одинъ изъ нихъ найденъ въ пещерѣ Engis, въ окрестностяхъ Люттиха; другой въ Неандертальской пещерѣ, близъ

Дюссельдорфа; остальные два въ гибралтарскихъ пещерахъ *.

Въ пещерѣ Engis человѣческій черепъ найденъ докторомъ Шмерлингомъ вмѣстѣ съ остатками дилувіальныхъ животныхъ и принадлежалъ взрослому индивидууму. По описанію доктора Шмерлинга этотъ черепъ былъ далеко неполонъ для того, чтобы опредѣлить его лицевой уголъ. Дѣйствительно въ немъ не доставало многаго, именно: лѣвой височной кости, всего основанія черепа и всѣхъ лицевыхъ костей. Судя однако по узкой лобной части этого черепа, можно было догадываться, что онъ принадлежалъ индивидууму съ весьма слабымъ умственнымъ развитіемъ. Докторъ Шмерлингъ сравнивалъ его отчасти съ еѳіопскимъ типомъ; но Жоффруа-Сентъ-Илеръ и другіе опытные анатомы положительно отвергали это сходство. Свойства Люттихскаго черепа всего яснѣе выказываются изъ сравненія его съ другимъ, который былъ найденъ докторомъ Фульротомъ въ Неандертальской пещерѣ. Полагаютъ, что этотъ послѣдній черепъ принадлежалъ полному скелету, но что рабочіе, не понимая всей важности этой находки, растеряли значительную часть костей и сохранили однѣ только большія.

Черепъ и другія части скелета, найденные въ Неандертальской пещерѣ, покрыты множествомъ дендритовъ, обыкновенно свойственныхъ такимъ костямъ, которыя очень долгое время пролежали въ землѣ. Къ тому же эти кости потеряли такъ много органическаго вещества, что сильно прилипаютъ къ языку, — признакъ болѣе или менѣе общій всѣмъ дилувіальнымъ костямъ. Ляйэлль полагаетъ, что этотъ скелетъ, вѣроятно, одинаковой древности съ Люттихскимъ изъ пещеры Engis; но такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ не нашлось никакихъ животныхъ остатковъ, болѣе опредѣленно указывающихъ на время ихъ существованія, то этотъ вопросъ остался не совсѣмъ рѣшеннымъ.

* Свѣдѣнія о двухъ первыхъ черепахъ заимствованы изъ сочиненія Ляйэлля: *Древность человѣка*, переведеннаго на французскій, нѣмецкій и русскій языки. Послѣдній переводъ принадлежитъ г. Ковалевскому и вышелъ въ нынѣшнемъ году двумя выпусками. О Гибралтарскихъ черепахъ было сообщено въ *Bibliot. Univers.* LXIX année. Nouvelle periode. Tome vingtième. № 80.—20 août 1864.

Когда Неандертальскій черепъ, вмѣстѣ съ другими частями скелета, былъ представленъ собранію нѣмецкихъ ученыхъ въ Боннѣ въ 1857 году, то многіе натуралисты выразили сомнѣніе, дѣйствительно ли это человѣческій скелетъ. Профессоръ Шафгаузенъ не раздѣлялъ этого сомнѣнія съ другими и обратилъ вниманіе на самыя замѣчательныя особенности Неандертальскаго черепа, именно на его необыкновенную величину и толщину, низкій узкій лобъ, и очень сильно развитыя надглазничныя части. Другія части скелета, именно верхнія и нижнія конечности, по замѣчанію профессора Шафгаузена весьма близко подходятъ къ размѣрамъ такихъ же костей нынѣшняго европейца. Сверхъ того толщина этихъ костей необычайная; возвышенія и углубленія, служащія для прикрѣпленія мышцъ, также необыкновенно развиты. Изъ всего этого профессоръ Шафгаузенъ заключилъ, что индивидуумъ, которому принадлежалъ Неандертальскій черепъ, имѣлъ весьма мало развитый мозгъ и необычайно развитое туловище.

Профессоръ Гексли, разсмотрѣвъ слѣпокъ того же черепа, доставленный ему Ляйелемъ *, нашелъ, что это самая обезьяно-подобная форма, какую когда-либо случалось ему видѣть. При болѣе подробномъ изученіи этого необыкновеннаго черепа, Гексли замѣтилъ, что онъ столько же ненормаленъ по формѣ своей затылочной кости, сколько по лобной и надглазничной. Изъ сравнительнаго измѣренія этого черепа и Люттихскаго оказалось, что они до того различны между собою, что необходимо должны принадлежать двумъ особымъ расамъ. Притомъ Неандертальскій черепъ изъ всѣхъ извѣстныхъ человѣческихъ череповъ наиболѣе подходитъ къ животному типу. Онъ приближается къ черепу обезьянъ не только сильнымъ развитіемъ надглазничныхъ или надбровныхъ дугъ и выдающимся положеніемъ орбитъ, но еще болѣе сжатою формою мозговой полости и направленіемъ затылка. Не смотря на все это, Неандертальскій черепъ, по своей вмѣстимости все еще далеко превосходитъ maximum вмѣстимости черепа обезьянъ.

* Этотъ слѣпокъ былъ сдѣланъ докторомъ Шпрингомъ, съ нѣкоторыми пополненіями изъ кусочковъ, найденныхъ въ той же пещерѣ и точно подходившимъ къ другимъ костямъ.

Въ послѣднее время было открыто нѣсколько черепов въ Борреби, въ Даніи, которые, по своему образованію, нѣсколько похожи на Неандертальскій; но замѣчательно то, что другіе черепа той же мѣстности представляютъ вообще большую степень развитія. Черепа Борреби, судя по тѣмъ предметамъ и животнымъ, которые были найдены вмѣстѣ съ ними, должны принадлежать сравнительно къ весьма недавнему времени, именно къ каменному или аллувіальному періоду. Если бы было доказано, говоритъ Ляйэлль, что черепа Борреби и Неандертальскій принадлежали одному и тому же родственному племени и были одинаковой древности, то это служило бы доказательствомъ того, что Неандертальскій и Люттихскій черепа принадлежали дѣйствительно двумъ различнымъ племенамъ, жившимъ въ весьма отдаленное время одно отъ другаго.

Оба черепа, Люттихскій и Неандертальскій, по мнѣнію Ляйэлля, возбуждаютъ одинаковое удивленіе, но по противоположнымъ причинамъ. Люттихскій, потому что, не смотря на его несомнѣнную древность, такъ близко подходитъ къ наиболѣе развитому, кавказскому типу; Неандертальскій же потому, что, будучи повидимому не столь древнимъ, какъ Люттихскій, такъ далеко отходитъ отъ нормальнаго человѣческаго типа. Объясненіе этого загадочнаго явленія предоставлялось будущимъ, болѣе подробнымъ изслѣдованіямъ. Къ счастію къ такимъ изслѣдованіямъ скоро представился весьма благопріятный случай.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ пещерахъ и береговыхъ разсѣлинахъ Гибралтара нашлись брекчіи, заключающія въ себѣ множество человѣческихъ костей, съ остатками нѣкоторыхъ вымершихъ или уничтожившихся животныхъ. Извѣстные англійскіе ученые Фальконеръ и Бёскъ (Busk) получили оттуда болѣе 400 обломковъ, въ томъ числѣ нашлись черепа и кости очень хорошо сохранившіеся. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ Бёскъ.

Одинъ изъ найденныхъ череповъ совершенно сохранился, исключая нижней челюсти. Къ сожалѣнію, эта потеря лишаетъ возможности опредѣлить характеръ весьма важной части скелета. Самый черепъ, какъ и большая часть другихъ костей, его сопровождавшихъ, облечены сталагмитовою массою сѣраго цвѣта и чрезвычайно твердою, видимо происшедшею изъ весьма древняго осадка. По снятіи этого вещества, кости черепа оказались до того свѣжими и хорошо сохранившимися, что, какъ будто они были искусственно, со всею тщательностью отмочены и очищены. Черепъ малъ, округлой и симметрической формы. Бёскъ и Фальконеръ еще не успѣли довольно изучить его и потому не рѣшаются пока опредѣлить наиболѣе вѣроятное сродство его съ другими. Этотъ черепъ особенно любопытенъ въ томъ отношеніи, что его сопровождали многія ножныя кости, представляющія весьма замѣчательную форму, сжатую или сплюснутую; одни изъ нихъ, смотря по состоянію костянаго вещества и совершенному сходству сталагмитовой коры, ихъ покрывавшей, вѣроятно принадлежали тому же индивидууму, которому принадлежалъ черепъ. Если бы это было дѣйствительно такъ, пишетъ Бёскъ, то находка, о которой мы говоримъ, дала бы намъ понятіе объ образованіи черепа у того племени, которое названо *race platycnémique*, то есть племена съ весьма сплюснутыми или острыми голенными костями (race à tibia tranchant), что было бы весьма важно.

Самымъ интереснымъ пріобрѣтеніемъ изъ гибралтарскихъ пещеръ Бёскъ почитаетъ другой черепъ и челюсть, также принадлежащую особенному индивидууму. Этотъ черепъ, говоритъ онъ, во всѣхъ главныхъ отношеніяхъ походитъ на знаменитый Неандертальскій черепъ, но представляетъ еще высшій интересъ въ томъ отношеніи, что онъ сохранилъ всю затылочную часть, включая тутъ и задній край большаго затылочнаго отверстія (foramen magnum), большую часть основанія, всю височную кость (изъ которой можно видѣть точное положеніе слуховаго хода) и наконецъ почти все лице съ нижнею челюстью и большею частью зубовъ, которые значительно стерты и довольно замѣчательнымъ образомъ. Такъ какъ означенныхъ частей не достаетъ въ Неандертальскомъ черепѣ, то этотъ черепъ чрезвычайно важенъ для изученія ископаемаго человѣка; сверхъ того онъ придаетъ много сціентифичнаго интереса Неандертальскому черепу, показывая, что этотъ черепъ не есть простая индивидуальная особенность, какъ нѣкоторые думали, но представляетъ быть можетъ, самыя характеристическія черты такого племени, которое распространялось отъ береговъ Рейна до Гибралтарскаго пролива. Очевидно къ черепу, который описанъ Бёскомъ, уже никакъ

нельзя приложить того страннаго мнѣнія, которое было высказано Майэромъ относительно Неандертальскаго черепа, то есть, что это черепъ русскаго казака, рахитическаго свойства, казака, который во время кампаніи 14 года случайно попалъ въ дилувіальную пещеру. Существуютъ же такія дикія предположенія!

Такъ какъ этотъ черепъ, пишетъ Бёскъ, будетъ скоро описанъ, то я не вхожу теперь въ большія подробности относительно его; но не могу не замѣтить, что, судя по состоянію костянаго вещества, даже не принимая во вниманіе особенной формы черепа, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ относиться къ самой глубокой древности. Правда, другія кости изъ той же мѣстности не принадлежатъ къ видамъ совершенно уничтожившимся; но онѣ принадлежатъ къ виду дикаго или каменнаго барана, коего ископаемые остатки весьма обыкновенны на Гибралтарѣ въ самыхъ древнихъ брекчіяхъ и находятся тамъ съ однимъ или съ двумя вымершими видами носорога и другихъ животныхъ, также вымершихъ, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ.

Г. Е. Щуровскій заключилъ свое чтеніе предложеніемъ, чтобы для нашего краніологическаго собранія были пріобрѣтены слѣпки съ Люттихскаго, Неандертальскаго и Гибралтарскаго череповъ.

4. А. А. Гатцукъ обратилъ вниманіе на тотъ краніологическій интересъ, который представляютъ черепа, вырываемые въ средней Россіи и высказалъ по этому поводу нѣсколько историческихъ соображеній.

5. П. Н. Пикторскій обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на важность изученія относительной длины различныхъ костей у человѣческихъ племенъ, сообщилъ свои измѣренія скелетовъ русскаго племени и нѣсколько цифровыхъ данныхъ относительно длины костей у главныхъ человѣческихъ расъ и у различныхъ группъ обезьянъ.

А. П. Богдановъ высказалъ при этомъ желаніе, чтобы при раскопкѣ кургановъ непремѣнно брались не одни только вещи и черепа, но также и полные костяки, въ случаѣ ихъ сохраненія, до сихъ поръ оставляемые обыкновенно безъ вниманія; такимъ только образомъ возможно будетъ вырѣшить вопросъ объ остеологическихъ особенностяхъ народовъ, жившихъ въ доисторическій періодъ. При этомъ онъ предложилъ Отдѣленію обратить вниманіе мѣстъ и лицъ, оффиціально занимающихся раскопками, на ту нераціональность, съ которою они поступаютъ, оставляя безъ вниманія кости человѣка и животныхъ, находимыя при раскопкахъ, и разрознивая полученные предметы помѣщеніемъ ихъ въ различныя коллекціи.

6. Директоръ Д. П. Сонцовъ представилъ въ даръ Отдѣленію отъ имени авторовъ слѣдующія сочиненія:

Профессора С. В. Ешевскаго—Этнографическіе Этюды. Спб. 1862 г.

Графа Е. Тышкевича—Badania и Rzut oka na zródla archeologii krajowej. Wilno. 1842 г.

Д. П. Сонцова—Деньги и Пулы древней Руси. М. 1860—62 г. и

Роспись древней русской утвари. М. 1857—58 г.

ВТОРОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

Января 31 дня 1865 года.

Января 31 дня 1865 года происходило второе засѣданіе Антропологическаго Отдѣленія Общества Любителей Естествознанія, подъ предсѣдательствомъ Директора Отдѣленія Д. П. Сонцова, въ присутствіи Президента Общества Г. Е. Щуровскаго, Секретаря Отдѣленія и 37 членовъ Общества и стороннихъ посѣтителей.

1. Засѣданіе было открыто чтеніемъ протокола предшествовавшаго засѣданія.

2. Секретарь Отдѣленія доложилъ, что издержки на изданіе Извѣстій Отдѣленія, имѣющихъ выходить особыми книжками, въ видѣ приложенія къ Извѣстіямъ Общества, принимаетъ на себя Директоръ Д. П. Сонцовъ и предложилъ редакцію и выборъ статей для этихъ Извѣстій поручить Дирекціи Отдѣленія, что и было принято Отдѣленіемъ.

3. Н. Я. Березницкій сообщилъ отъ имени г-жи Никитиной, что въ имѣніи г-жи М. А. Фонъ-Дезенъ, селеніи Новомъ, находящемся въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, нѣсколько лѣтъ

тому назадъ, были отрыты человѣческія кости вмѣстѣ съ нѣкоторыми предметами, указывавшими на древность этихъ костей; кости эти потомъ опять были зарыты. Опредѣлено: благодарить г-жу Никитину за ея указаніе.

4. А. П. Федченко, по поводу черепа египетской муміи, принесеннаго въ даръ Обществу Л. А. Муратовымъ, прочелъ:

Черепа египетскихъ мумій и мнѣніе Прунеръ-Бея о происхожденіи египтянъ.

Собраніе череповъ древнихъ египтянъ, подробное ихъ изслѣдованіе и сравненіе съ черепами другихъ народовъ имѣютъ тотъ спеціальный интересъ, что могутъ дать важныя и вѣрныя основанія для рѣшенія вопроса о происхожденіи древне-египетской расы. Вопросъ о томъ, какой народъ положилъ начало египетской цивилизаціи, одной изъ древнѣйшихъ, если не самой древней, давно уже занималъ ученыхъ и выводы, къ которымъ они приходили, нерѣдко были діаметрально противуположны. Почти всѣмъ человѣческимъ расамъ была приписана честь считать древнихъ египтянъ своими соотечественниками: одни ученые признавали для нихъ кельтическое происхожденіе и относили ихъ, слѣдовательно, къ народамъ арійскимъ или индо-германскимъ; другіе считали за колонію китайцевъ, третьи стояли за принадлежность ихъ къ негритянской расѣ, четвертые признавали для нихъ общее происхожденіе съ индо-полинезійскими народами. Такая сбивчивость въ рѣшеніяхъ неудивительна, потому что недостаточность историческихъ свѣдѣній заставляла обращаться къ даннымъ, относительно которыхъ были возможны самыя произвольныя толкованія. Такъ Притчардъ признавалъ, что египтяне происходятъ изъ Индіи и основывалъ свои заключенія на той аналогіи, которая замѣчается между индусами и египтянами относительно ихъ нравовъ, религіозныхъ и философскихъ ученій, общественнаго устройства и дѣленія на касты. Но одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ, занимавшійся вопросомъ о происхожденіи древнихъ египтянъ, Прунеръ-Бей, долгое время жившій въ Египтѣ въ качествѣ доктора вице-короля и имѣвшій, слѣдовательно, возможность близко познакомиться съ этимъ вопросомъ, говоритъ, что не смотря на очевидное, повидимому, сходство, указанное Притчардомъ, между индійской и египетской цивилизаціей существуетъ значительное, коренное различіе. Онъ указываетъ, напримѣръ, что египтяне начинаютъ свою исторію постройкой гигантскихъ монументовъ, работой, слѣдовательно, чисто механической, тогда какъ индійская исторія начинается составленіемъ Ведъ—сборника доисторическихъ преданій—и трудами грамматическими. Египтяне отчетливо, до мелочности передали на своихъ памятникахъ событія вседневной жизни; индусы же занимались преимущественно богами и будущимъ и относились съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ къ настоящей жизни. Египтяне отличались, въ противуположность индусамъ, направленіемъ реалистическимъ, стремились къ познанію законовъ природы; физическую силу они олицетворили въ своихъ фараонахъ, тогда какъ индусы отдали первенствующее мѣсто силѣ духовной въ лицѣ своихъ браминовъ. Миѳологія египтянъ начинается грубымъ пантеизмомъ и заканчивается антропоморфизмомъ, тогда какъ у индусовъ она началась антропоморфизмомъ и дошла потомъ до самыхъ высшихъ отвлеченій. Впрочемъ египтяне, хотя и стоявшіе ниже по своей цивилизаціи, съумѣли выработать самостоятельно то, что индусы лишь заимствовали отъ другихъ народовъ, какъ напримѣръ, письменность, взятую индусами, по мнѣнію Вебера, отъ семитическихъ народовъ, и собственную систему астрономіи, тогда какъ индійская носитъ очевидные слѣды китайскаго происхожденія. Положеніе женщины въ древнемъ Египтѣ было гораздо выше того, какимъ она пользовалась у индусовъ, которые смотрѣли на нее только какъ на средство для сохраненія и размноженія человѣческаго рода. Это низкое положеніе женщины видно въ правѣ браминовъ имѣть до четырехъ женъ, чтобы только обезпечить тѣмъ существованіе наслѣдственной касты жрецовъ; у египтянъ же жрецъ могъ имѣть лишь одну жену. Касты, существовавшія и у египтянъ и индусовъ, по видимому, сближаютъ эти народы, но и въ этомъ отношеніи есть разница: у египтянъ касты, существовавшія уже въ первую пору исторіи, суть ничто иное, какъ результатъ раздѣленія труда и онѣ

никогда не имѣли у нихъ такой важности, какъ въ Индіи, гдѣ касты были основаны на цвѣтѣ кожи и значеніи расы, гдѣ касты были совершенно замкнуты и изъ нихъ не было выхода; явились онѣ въ Индіи уже сравнительно поздно, когда арійскія племена столкнулись съ другими, жившими въ Индіи. Что же касается до ученія о переселеніи душъ, существовавшаго у обоихъ народовъ, то его никакъ нельзя считать за что либо сближающее эти народы, потому что оно существуетъ у многихъ другихъ народовъ, какъ напримѣръ американскихъ и даже австралійскихъ.

Итакъ изслѣдованіе и сравненіе нравовъ и обычаевъ не только не даетъ никакихъ положительныхъ указаній на существованіе близкаго сродства между древне-египетской расой и какимъ-либо другимъ народомъ, но даже говоритъ противъ общаго происхожденія египтянъ съ тѣмъ народомъ, съ которымъ ихъ учрежденія и нравы, по видимому, наиболѣе сходны. Необходимо, слѣдовательно, обратиться къ другимъ даннымъ,—даннымъ, взятымъ изъ строенія тѣла. Богатый матеріалъ собранъ для этихъ изслѣдованій самими египтянами, заботившимися о сохраненіи останковъ умершихъ и превращавшими ихъ въ муміи. Большое значеніе могутъ имѣть также изображенія и барельефы на египетскихъ пирамидахъ и другихъ памятникахъ. Но нужно сознаться, что изслѣдованіе череповъ мумій приводило также къ различнымъ выводамъ. Между этими черепами были найдены почти совершенно походившіе на черепа индусовъ, другіе представляли характеръ черепа европейскихъ народовъ. Мортонъ, имѣвшій въ своей коллекціи значительное число череповъ мумій, нашелъ въ нихъ 5 различныхъ типовъ. Наконецъ Прунеръ-Бей, на основаніи изслѣдованій надъ строеніемъ черепа и другихъ частей тѣла, и на основаніи лингвистическихъ сравненій, высказался въ пользу происхожденія древнихъ египтянъ отъ расы берберской или ливійской. Мнѣніе это было высказано еще Мортономъ, который впрочемъ отказался отъ него впослѣдствіи и призналъ египтянъ расой первобытной происшедшей самостоятельно.

Остановимся на доказательствахъ Прунера, какъ основанныхъ на признакахъ наиболѣе вѣрныхъ для рѣшенія такого вопроса, каковъ вопросъ о происхожденіи народа,—въ смыслѣ сродства его съ другими народами. Мы говорили уже, что черепа мумій представляютъ довольно большое разнообразіе въ своемъ строеніи и развитіи различныхъ частей. Въ этомъ разнообразіи особенно поражаютъ два типа, къ которымъ и можно свести почти всѣ формы древне-египетскихъ череповъ; одинъ изъ этихъ типовъ можно назвать *нѣжнымъ* (type fin) по своему строенію, другой же—*грубымъ* (type grossier). Эти типы на столько рѣзки, что ихъ можно отличить и въ фигурахъ людей на древнихъ монументахъ. Типы эти еще и теперь встрѣчаются въ средѣ населенія Египта, а именно типъ нѣжный преимущественно у коптовъ—жителей верхняго Египта, и у феллаховъ; грубый же въ Нижнемъ Египтѣ. Смѣшеніе древнихъ египтянъ съ другими народами несомнѣнно происходило уже въ глубокой древности, потому что многіе черепа мумій носятъ на себѣ слѣды такого смѣшенія, непозволяющіе иногда вѣрно опредѣлить принадлежность ихъ къ тому или другому типу.

Уже сравнивая рисунки представителей двухъ этихъ краніологическихъ типовъ мы находимъ значительную разницу между ними Я ограничусь здѣсь лишь указаніемъ на самыя выдающіяся различія между двумя этими типами. Черепъ типа нѣжнаго имѣетъ гораздо меньшую величину и сравнительно съ типомъ грубымъ во всѣхъ своихъ частяхъ представляется вполнѣ гармоничнымъ. Лобная часть его развита довольно сильно и высокій лобъ придаетъ этому типу довольно граціозную наружность. Верхняя челюсть почти совершенно ортогнатическая, т. е. съ прямостоящими зубами. Черепъ типа грубаго представляется болѣе массивнымъ и объемистымъ; лобъ малъ сравнительно съ сильно развитою среднею частью черепа и костями лица, образованіе которыхъ можно назвать уже прогнатическимъ. Этотъ черепъ болѣе удлиненъ, чѣмъ черепъ типа нѣжнаго. Въ нѣжномъ типѣ особенно поражаютъ граціозные и округленные контуры мягкихъ частей, тогда какъ грубый типъ отличается сильно развитыми мускулами. Изящно развитыя конечности нѣжнаго типа можно сравнить лишь съ конечностями индусовъ: перстни съ руки царской муміи такъ малы, что не годились для пальцевъ европейскихъ аристократовъ. До чего же малы кисти рукъ древнихъ индусовъ, можно видѣть изъ того, что рукояти древнихъ индійскихъ мечей

малы даже для рукъ европейскихъ аристократокъ. Конечности у мумій, напротивъ, поражаютъ своею длиною. Цвѣтъ волосъ типа нѣжнаго на скульптурахъ постоянно черный, но у мумій они бываютъ и рыжаго цвѣта. Коса мумій женщинъ никогда не бываетъ длинною и борода у мужчинъ также обыкновенно мало развита. Кудрявые волосы, замѣчаемые на скульптурахъ, встрѣчаются и до сихъ поръ еще у коптскихъ женскихъ, у которыхъ черты нѣжнаго типа вообще лучше сохранились, чѣмъ въ средѣ мужскаго населенія—фактъ, подтверждающій тотъ общій выводъ, что женщина дольше, упорнѣе сохраняетъ типъ племени и другія его особенности. Цвѣтъ кожи древнихъ египтянъ, сколько можно судить по окраскѣ скульптуръ, былъ красноватый; женщины, впрочемъ, отличались болѣе свѣтлымъ оттѣнкомъ. Теперь въ Египтѣ можно найдти всѣ оттѣнки отъ темновато-желтаго цвѣта жителей Дельты до бураго обитателей верхняго Египта; средній цвѣтъ, впрочемъ, приблизительно и соотвѣтствуетъ цвѣту древнихъ египтянъ.

Изъ двухъ указанныхъ мною типовъ, типъ нѣжный можно считать тою расою, которая положила начало египетской цивилизаціи. Сравненіе этого типа съ другими народами можетъ, слѣдовательно, повести къ рѣшенію вопроса о томъ, какой народъ находится въ ближайшемъ сродствѣ съ расой, выработавшей одну изъ древнѣйшихъ цивилизацій. Изъ группы народовъ арійскихъ, индо-германскихъ, его можно сравнивать только съ индусами; но мы видѣли уже, что параллель нравовъ и учрежденій этихъ двухъ народовъ даетъ отрицательный отвѣтъ. Сравненіе физическихъ особенностей тоже не говоритъ въ пользу мнѣнія объ общемъ происхожденіи египтянъ съ индусами. Тотъ же отрицательный результатъ получается и при сравненіи египтянъ съ семитическими народами. Не находя возможнымъ признать происхожденіе древнихъ египтянъ отъ народовъ Азіи, Прунеръ-Бей пытается доказать ихъ сродство съ народами берберской или ливійской расы. Сравненіе череповъ кабиловъ и другихъ народовъ этой расы съ черепами нѣжнаго типа говоритъ въ пользу ихъ близкаго сродства. Цвѣтъ кожи, судя по окраскѣ фигуръ нѣкоторыхъ ливійскихъ народовъ на египетскихъ монументахъ, совершенно такой же, какъ и у древнихъ египтянъ. Мы встрѣчаемъ этотъ цвѣтъ еще и теперь у нѣкоторыхъ народовъ берберской расы. Свойство волосъ и окраска ихъ, указанныя нами выше какъ характеристичныя для древне-египетской расы, также встрѣчаются и въ средѣ народовъ берберскихъ.

Сравненіе признаковъ анатомическихъ говоритъ такимъ образомъ въ пользу сродства нѣжнаго типа древнихъ обитателей Египта съ типомъ народовъ ливійскихъ. Это мнѣніе подтверждаютъ и выводы, основанные на сравненіи языка древнихъ египтянъ съ языками другихъ народовъ. Сравненіе это въ настоящее время вполнѣ возможно, потому что египетскіе гіероглифы — синонимъ непонятнаго — потеряли уже свою таинственность и большая часть ихъ (именно изъ 900 — 700) прочтены и объяснены. Этому объясненію гіероглифовъ, какъ извѣстно, положило начало открытіе такъ называемой Розетской надписи еще въ 1799 году, во время Наполеоновской экспедиціи въ Египетъ. На гранитной плитѣ была найдена тройная надпись, во первыхъ гіероглифами, потомъ такъ называемымъ энхорическимъ шрифтомъ, самымъ употребительнымъ въ древнемъ Египтѣ, и наконецъ греческая. Очевидно было, что всѣ три надписи имѣли одинаковый смыслъ и нужно было только найдти въ нихъ соотвѣтствующія слова. Изъ сочиненій древнихъ писателей объ Египтѣ знали, что гіероглифы у египтянъ были двухъ родовъ: одни соотвѣтствовали нашимъ письменнымъ знакамъ—буквамъ, другіе же передавали смыслъ изображеніемъ самыхъ предметовъ, о которыхъ шла рѣчь, или ихъ символовъ. Въ греческомъ текстѣ Розетской надписи были собственныя имена, которыя, очевидно, въ египетскомъ текстѣ были переданы буквами, что, вмѣстѣ съ многими другими находками надписей на двухъ языкахъ, дало возможность опредѣлить значеніе нѣкоторыхъ буквъ. Но при этомъ оказалось, что и самый языкъ былъ неизвѣстенъ; обратились къ языку коптовъ—небольшаго народа, на который мы уже указывали какъ на потомковъ древнихъ египтянъ. Языкъ этотъ былъ изученъ еще раньше: Римское католическое Общество для распространенія Вѣры, еще въ 17-мъ столѣтіи составило коптскій словарь и грамматику для миссіонерскихъ цѣлей; онито и помогли познакомиться съ особенностями древне-египетскаго языка. Большое также значеніе для объясненія смысла гіероглифовъ имѣли такъ назы-

ваемыя книги мертвыхъ, относящіяся еще къ 15-му столѣтію до Рождества Христова и описывающія посмертныя странствованія душъ. Однимъ словомъ, труды Шампольона, Юнга и многихъ другихъ египтологовъ дали, какъ мы уже сказали, возможность по памятникамъ, оставленнымъ самими египтянами, познакомиться съ ихъ учрежденіями и древнею исторіею. Они же дали возможность изучить особенности древне-египетскаго языка, важныя въ томъ отношеніи, что и они могутъ также пролить свѣтъ на происхожденіе этой расы. Мы остановимся лишь на главныхъ особенностяхъ и сравнимъ ихъ потомъ съ тѣмъ, что отличаетъ языки другихъ группъ народовъ.

Алфавитъ древнихъ египтянъ весьма бѣденъ: въ немъ всего три гласныя буквы и двѣнадцать согласныхъ. Корни словъ не измѣняются при образованіи и согласованіи словъ. Число ихъ также весьма незначительно и едва доходитъ, по крайней мѣрѣ при теперешнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній, до 500. Они весьма просты и нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ лишь изъ согласной, но въ составъ большей части корней входитъ отъ одной до трехъ согласныхъ съ одною гласною. При такой простотѣ и однозвучности корней смыслъ этихъ односложныхъ словъ опредѣлялся съ одной стороны произношеніемъ, а съ другой различными частицами, приставлявшимися къ корню, и которыхъ теперь извѣстно до 50. Многіе изъ корней, служащіе для названія большихъ и кидающихся въ глаза предметовъ, можно признать за простыя междометія, восклицанія, вырывавшіяся у первобытнаго человѣка при взглядѣ на эти поражавшіе его предметы. Простотою своихъ корней древне-египетскій языкъ сходенъ съ китайскимъ; но онъ отличается отъ него съ другой стороны почти постояннымъ окончаніемъ корней согласною буквою и соединеніемъ нѣсколькихъ согласныхъ въ одномъ слогѣ. Древне-египетскій языкъ не отличался благозвучіемъ; объ этомъ можно судить уже по той удивительной монотонности, какою отличается языкъ коптскій. Строеніе языка египтянъ основывалось главнымъ образомъ на способности корней получать значеніе имени существительнаго или глагола чрезъ простое прибавленіе члена или личнаго мѣстоименія. Большое значеніе имѣетъ также, какъ и во всѣхъ языкахъ, неимѣющихъ склоненій, удвоеніе корней. У древнихъ египтянъ были слова для выраженія такихъ отвлеченныхъ понятій, какъ истина, добродѣтель, но для выраженія новыхъ понятій и преимущественно отвлеченій они прибѣгали къ тому же средству, какимъ пользуются китайцы и большая часть негритянскихъ языковъ — къ соединенію двухъ словъ; такъ напр. слово надзиратель, они выражали сложнымъ словомъ ref-nau, состоящимъ изъ корня er-дѣлать, откуда ref-дѣлатель и nau-видѣть. Большое значеніе имѣли также въ древне-египетскомъ языкѣ частички—онѣ до нѣкоторой степени замѣняли недостатокъ склоненій, служили для выраженія пола и числа для именъ существительныхъ. Отношенія между словами фразы, опредѣляемыя, напр. у насъ, различными падежами, выражались у нихъ или просто мѣстомъ, которое слова занимали въ фразѣ, или же посредствомъ предлога. Различныя времена, наклоненія и другія формы глаголовъ выражались также приставкою въ началѣ или концѣ корня различныхъ частичекъ. Конструкція фразы соотвѣтствовала простымъ средствамъ языка и почти полный недостатокъ соединительныхъ частицъ не дозволялъ длинныхъ періодовъ. Какая же странная противуположность между умственною жизнію древнихъ египтянъ и бѣдностью ихъ языка, неподвижно остановившагося въ своемъ развитіи, почти неизмѣненно дошедшаго до насъ въ языкѣ коптовъ, несмотря на ихъ соприкосновеніе съ народами семитическими и греками, обладающими такимъ богатымъ языкомъ. Нужно сознаться, что въ этомъ застоѣ мысли и языка видно вліяніе окружавшей природы, періодически повторявшей постоянно одно и тоже, и тѣхъ нравовъ и учрежденій, которые выработалъ себѣ этотъ удивительный народъ и при которыхъ онъ остался до конца своей политической жизни.

Главныя характеристическія черты древне-египетскаго языка, сообщенныя мною выше, исключаютъ всякую возможность сравненія съ языками группы народовъ индо-германскихъ, потому что главную особенность уже самыхъ древнихъ нарѣчій этой группы составляютъ синтезъ и способность къ флексіи, тогда какъ древне-египетскій языкъ по преимуществу отличается аналитическимъ характеромъ. Языкъ санскритскій поражаетъ своею гармоничностью и изяществомъ грамматическихъ формъ и

въ немъ мы находимъ массу выраженій для самыхъ возвышенныхъ понятій, тогда какъ древній египтянинъ едва могъ найдти выраженія для предметовъ вседневной жизни.

Сравненіе съ языками семитическими, не смотря на многія, но не важныя особенности, свойственныя обоимъ языкамъ, не позволяетъ вывести ни языкъ египетскій изъ семитическихъ, ни на оборотъ. Но въ большой группѣ языковъ берберскихъ, группѣ широко распространенной по всему южному побережью Средиземнаго моря, мы находимъ у нѣкоторыхъ народовъ нарѣчія, сохранившіяся почти нетронутыми, избѣгшія вліянія семитическихъ языковъ. Въ этихъ-то нарѣчіяхъ Прунеръ-Бей и находитъ особенности, характеризующія языкъ древнихъ египтянъ: тоже малое число буквъ въ алфавитѣ, простота корней, удвоеніе ихъ, простое соединеніе, значительное число однозвучныхъ словъ имѣютъ одно и тоже значеніе въ обоихъ языкахъ. Сравнивая грамматики обоихъ народовъ, мы находимъ между ними также поразительное сходство. Нѣкоторыя особенности легко объясняются семитическимъ вліяніемъ, сильнымъ въ прежнее время, и эти особенности придаютъ, пожалуй, берберскому нарѣчію переходный характеръ между семитическимъ и древне-египетскимъ нарѣчіемъ; но, удаливъ эти примѣшанныя особенности, мы должны согласиться, что нарѣчія берберскія представляютъ большое сходство съ нарѣчіемъ древнихъ обитателей долины Нила. Изъ другихъ африканскихъ языковъ ни одинъ не представляется столь сходнымъ съ египетскимъ, какъ языкъ берберскій. Часть нарѣчій еѳіопскихъ близка къ языкамъ семитическимъ, другая отличается бо́льшею гибкостію, чѣмъ древне-египетское нарѣчіе. Нарѣчіе конгскихъ кафровъ, отличающееся благозвучіемъ и повтореніемъ однихъ и тѣхъ же слоговъ, не можетъ быть сравниваемо не только съ древне-египетскимъ, но и ни съ какимъ другимъ изъ нынѣ извѣстныхъ. Группа языковъ негритянскихъ также рѣзко отличается отъ египетскаго въ фонологическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. Остается еще изъ группы африканскихъ языковъ языкъ готтентготовъ, напоминающій собою скорѣе крики животныхъ, чѣмъ членораздѣльную человѣческую рѣчь. Интересныя особенности этого языка, то первобытное состояніе, на которомъ онъ остановился, заслуживаютъ полнаго вниманія. Фонологія готтентготскаго языка проста до того, что сводится къ простымъ, не членистымъ звукамъ, подобнымъ тѣмъ, какіе употребляетъ и цивилизованный человѣкъ для выраженія согласія или отрицанія, или для управленія животными. Носовые и гортанные звуки играютъ большую роль въ готтентготскомъ языкѣ. Большая часть корней также проста, какъ въ односложныхъ азіатскихъ языкахъ; такъ напр., одной гласной достаточно уже для выраженія какой либо мысли; произнесенная въ носъ или протянутая она измѣняетъ уже свой смыслъ и получаетъ другое значеніе. Какъ и въ языкѣ древнихъ египтянъ простымъ соединеніемъ корней образуются новыя слова. Въ грамматическомъ отношеніи этотъ языкъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ имѣетъ уже роды: мужескій, женскій и средній, характеризующіе языки арійскіе, но несвойственные древне-египетскому языку. Частицы играютъ столь же большую роль при образованіи различныхъ формъ глаголовъ и именъ существительныхъ; но формъ этихъ, впрочемъ, еще меньше, чѣмъ въ древне-египетскомъ языкѣ, такъ что построеніе фразы еще проще. Такая простота языка и наконецъ громадная разница въ физическомъ строеніи не позволяютъ признать близкое родство между древними египтянами и готтентготами. Въ готтентготскомъ типѣ мы можемъ видѣть типъ самаго простаго, первобытнаго состоянія человѣка, — типъ, соединяющій въ себѣ многія особенности, какъ въ строеніи тѣла, такъ и языка, особенности, раздѣленныя теперь между нѣсколькими народами. Такой типъ, обладающій зачатками того, что въ другихъ народахъ проявилось какъ бы въ высшей степени, мы имѣемъ полное право считать первобытнымъ въ томъ смыслѣ, что отъ него по различнымъ направленіямъ произошли другіе народы. Эту роль праотца мы должны признать за готтентготами по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ человѣческихъ племенъ.

Сформулируемъ же выводы относительно происхожденія древнихъ египтянъ. Возможность происхожденія нѣжнаго типа отъ народовъ Азіи не подтверждается ни особенностями физическими, ни лингвистическими и скорѣе опровергается ими. Напротивъ, эти же основанія даютъ большую вѣроятность общему происхожденію древнихъ египтянъ съ народами берберской расы. Что же касается до проис-

хожденія типа грубаго, то его можно считать за помѣсь древнихъ египтянъ съ другими племенами, какъ напримѣръ негритянскими и гонтенготскими. Но очень можетъ быть, что до прихода ливійской расы, положившей начало египетской цивилизаціи, въ долинѣ Нила жило другое племя, отличавшееся болѣе грубыми чертами лица и стоявшее на гораздо низшей степени развитія. Это племя, исчезнувшее еще до начала исторіи, должно было оставить слѣды своего существованія, какъ въ физическомъ строеніи помѣси его съ ливійскою расою, такъ и въ строеніи языка. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ и то, что такъ называемая стеатопигія—особенность, характеризующая готтенготскихъ женщинъ, — какъ случайное уродство встрѣчается и у женщинъ народовъ, живущихъ въ сѣверо—восточной Африкѣ, а въ этомъ можно видѣть повтореніе особенностей предковъ. На Мадагаскарѣ были вырыты черепа, представлявшіе особенности типа бошисменовъ. Эти факты показываютъ, что бошисмены въ прежнее время были болѣе распространены къ сѣверу, чѣмъ въ настоящее время и могли, слѣдовательно, занимать долину Нила еще до прихода ливійской расы.

5. К. К. Герцъ сообщилъ о различныхъ способахъ бальзамированія, существовавшихъ у древнихъ египтянъ, и о пріемахъ, употреблявшихся ими при этомъ.

Г. Е. Щуровскій привелъ по этому поводу разсказъ французскаго маршала Мармона, показывающій что самыя физическія условія Египта представляются весьма благопріятными для сохраненія труповъ. Посѣтивъ чрезъ нѣсколько дней послѣ сраженія поле битвы, маршалъ нашелъ оставшіяся тамъ тѣла убитыхъ высохшими и превратившимися въ муміи.

6. Н. Я. Березницкій, пользуясь присутствіемъ въ засѣданіи молодаго негра, привезеннаго г. Хлудовымъ изъ Америки, сообщилъ краткую характеристику физическихъ особенностей негра.

7. А. П. Богдановъ представилъ собранію черепа макрокефаловъ, принадлежащіе Археологическому музеуму Московскаго Университета, и сообщилъ результаты изслѣдованій по этому предмету ученыхъ, въ особенности же петербурскаго академика К. М. Бэра.

8. А. П. Федченко представилъ собранію два гипсовые слѣпка извѣстныхъ волжскихъ разбойниковъ Быкова и Чайкина, принадлежащіе доктору Голицынской больницы И. И. Сейделеру и въ дополненіе къ этому показалъ Краніоскопическій Атласъ Каруса, заключающій въ себѣ портреты съ гипсовыхъ масокъ и слѣпковъ различныхъ лицъ, замѣчательныхъ въ какомъ-либо отношеніи.

ТРЕТЬЕ ЗАСѢДАНІЕ

Марта 11 дня 1865 г.

Марта 11 дня 1865 года происходило третье засѣданіе Антропологическаго Отдѣленія Общества Любителей Естествознанія подъ предсѣдательствомъ Директора Отдѣленія Д. П. Сонцова, въ присутствіи Президента Общества Г. Е. Щуровскаго, Секретаря Отдѣленія и 46 членовъ Общества и стороннихъ посѣтителей.

1. Засѣданіе было открыто чтеніемъ протокола предшествовавшаго засѣданія.

2. Секретарь Отдѣленія доложилъ, что въ краніологическую коллекцію Общества поступилъ отъ К. Г. Левстрема совершенно автентичный черепъ финна, пріобрѣтенный имъ чрезъ посредство профессора Бонсдорфа, и предложилъ благодарить присутствовавшаго въ засѣданіи К. Г. Левстрема за такое важное обогащеніе нашей коллекціи, что и было принято Отдѣленіемъ.

3. Д. П. Сонцовъ прочелъ:

Что можемъ мы ожидать отъ раскопки нашихъ кургановъ?

Въ обширныхъ предѣлахъ нашихъ мы имѣемъ еще непочатые громаднѣйшіе матеріалы для изученія прошлаго человѣка, какъ по остаткамъ его, такъ и по современной ему утвари, сохранившейся вмѣстѣ съ ними подъ курганами, насыпями и городищами, въ изобиліи разбросанными по Россіи. Суевѣріе и предразсудки нашихъ предшественниковъ, страхъ стражей кладовъ — духовъ, много сохранили и сбе-

регли для насъ изъ этихъ хранилищъ древняго человѣка, оставили намъ неприкосновенными драгоцѣнныя данныя для антропологическихъ изысканій, которыя много могутъ сказать о человѣкѣ, его обстановкѣ, постепенномъ развитіи и разъяснить въ исторіи нашей бытъ прежнихъ обитателей нашей земли, темно переданный и часто разнородно-объясненный нашими лѣтописями. Конечно, не всѣ наши курганы древни, многіе изъ нихъ принадлежатъ временамъ позднѣйшимъ, суть остатки отъ набѣговъ татаръ, литвы и другихъ враговъ-сосѣдей. Эти курганы, называемые «сторожевыми» можно считать отъ XIV по XVIII столѣтіе; въ нихъ обыкновенно бываютъ серебряные и мѣдные кресты, мѣдные образки, серьги, кольца, запонки, вообще замѣчательные неизяществомъ своей отдѣлки. Эти насыпи находятся почти во всей Россіи, наиболѣе въ Малороссіи и по постепеннымъ окраинамъ русскаго государства. Южные наши курганы,—Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерній, дали намъ болѣе древнія вещи. Раскопки близъ Керчи наполнили Эрмитажъ богатыми произведеніями искусствъ Греціи; они, можно сказать, создали исторію Босфорскихъ царей: по вещамъ и монетамъ этихъ раскопокъ могла быть составлена послѣдовательно династія владыкъ босфорскихъ, тогда какъ о нѣкоторыхъ только изъ нихъ имѣлись слабыя свѣдѣнія изъ римскихъ историковъ. Курганы Кіевской, Херсонской и Екатеринославской губерній тоже дали обильную дань археологическимъ изысканіямъ нашего юга. Въ особенности была удачна раскопка одного громаднаго кургана, не далеко отъ Екатеринославля,—гробницы скиѳскаго царя; въ немъ, кромѣ многихъ драгоцѣнностей, были найдены скелеты женщины въ богатомъ вѣнцѣ, конечно царицы, и молодаго мальчика, а въ особомъ боковомъ склепѣ скелеты двухъ воиновъ — тѣлохранителей или приближенныхъ къ царю. Вблизи отъ гробницы, въ проходѣ, ведущемъ на поверхность земли, около разсыпанныхъ драгоцѣнностей найденъ скелетъ грабителя гробницы, задавленнаго обваломъ земли. Остатки человѣческіе, какъ надо полагать, были снова закопаны *. Въ прошломъ году была сдѣлана важная археологическая находка близъ Ново-Черкасска, гдѣ были найдены въ насыпи: богатая утварь греческой работы, діадемы и женскіе уборы; но для антропологіи и эта раскопка осталась безполезною. Въ изслѣдованіяхъ г. Абрамова, раскапывавшаго курганы въ Тобольской губерніи, находимъ указанія на богатыя находки утвари, но о человѣкѣ ничего не сказано. Въ средней Россіи было сдѣлано тоже нѣсколько раскопокъ кургановъ: Савельевъ дѣлалъ во Владимірской и Костромской губерніяхъ, Чертковъ и Гатцукъ въ Московской. Въ нихъ найдены были серебряныя запонки, подвѣски, перстни. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ насыпей открыты были, съ остатками человѣка, и грубые мѣдные его уборы; какъ-то: браслеты, перстни, серьги, запоны. Скелеты, послѣ сдѣланнаго замѣчанія, что лежали въ томъ или въ другомъ направленіи, засыпались или бросались безъ всякаго наблюденія *. Мѣдныя вещи, найденныя въ этихъ курганахъ, сильно говорятъ за доисторическую древность этихъ могилъ и по всей вѣроятности онѣ принадлежатъ народамъ, обитавшимъ въ странѣ до появленія норманновъ и начала сношеній, христіанскихъ и торговыхъ, съ Византіей. Находившіеся въ могилахъ скелеты лежали по одиночкѣ или по парно и надъ ними были сдѣланы насыпи, образовавшія курганы; надо полагать, слѣдовательно, что это были вожди племенъ, удостоенные особою, по значенію ихъ, почестію; вещи же по грубой своей работѣ и дешевизнѣ металла не могли составлять драгоцѣнностей (слѣдующихъ даже въ могилу) народныхъ предводителей уже въ началѣ X вѣка. Къ тому же всѣ эти вещи совершенно подобны утвари, находимой въ западной Европѣ въ могилахъ, бронзоваго вѣка.

Говоря о нашихъ курганахъ, нельзя не обратить вниманія на грубыя каменныя изваянія, украшающія многіе изъ нихъ и называемыя бабами. Первобытная скульптура этихъ бабъ многосхожа съ первобытной скульптурой памятниковъ Египта и народовъ Азіи.

* Подробное описаніе этаго кургана смотри въ статьѣ, производившаго раскопку, г. Забѣлина, читанной имъ въ засѣданіи московскаго Археологическаго Общества (17 Ноября 1864 г.) и помѣщенной въ первомъ выпускѣ Трудовъ этого Общества (Древности Томъ 1-й. Май 1865 г. стр. 71—90).

* А. А. Гатцукъ доставилъ вырытые имъ черепа въ краніологическое собраніе нашего Общества.

это кумиры вѣрованія, обозначеніе пути переходившихъ народовъ, или памятники надъ ихъ умершими, во всякомъ случаѣ древность ихъ говоритъ утвердительно и за древность, находящуюся въ самихъ курганахъ. Каменныя бабы, до истребленія ихъ на домашнее употребленіе, изобильно украшали насыпи нашихъ южныхъ степей. Въ Сибири, въ Томской и Енисейской губерніяхъ, ихъ также находили.

Въ числѣ нашего еще неразработаннаго богатства въ курганахъ, мы должны имѣть предметы болѣе древніе, чѣмъ бронзоваго вѣка, а именно каменнаго—эпохи переселенія народовъ съ востока на западъ. Всѣ эти племена не могли идти инымъ путемъ, какъ черезъ Россію. Народы при своемъ передвиженіи черезъ такое огромное пространство не могли не оставить на немъ своихъ умершихъ и своихъ надгробныхъ насыпей и самое шествіе ихъ не могло быть безъ долгаго пребыванія переселенцевъ въ предѣлахъ нашихъ.

Совершенное невниманіе при раскопкахъ къ остовамъ человѣка достаточно объясняетъ невѣдѣніе наше о древнѣйшихъ нашихъ могилахъ; но курганы каменнаго вѣка не могутъ не быть у насъ. Могилы этой эпохи имѣютъ скелеты въ слѣдующемъ положеніи: колѣни скелетовъ пригнуты къ подбородку, руки сложены на грудь, вообще имъ данъ видъ младенца, въ первыя минуты его существованія, для чего даже связывали ихъ веревками. При этихъ скелетахъ всегда находятся только орудія каменныя и отъ того они отнесены къ камнному вѣку. Только въ рѣдкихъ случаяхъ были находимы при нихъ бронзовыя вещи. Конечно, это скелеты эпохи переходной отъ камня къ бронзѣ. Ларте говоритъ объ одномъ изъ такихъ скелетовъ, найденномъ имъ вмѣстѣ съ костями слона и носорога. Это положеніе скелета Тройонъ объясняетъ, какъ вошедшее въ обычай у многихъ древнихъ народовъ вслѣдствіе религіознаго вѣрованія ихъ о возрожденіи. Діодоръ Сицилійскій упоминаетъ объ этомъ обычаѣ у племенъ еѳіопскихъ. Андрей Теветъ въ своемъ сочинеріи 1575 года, описывая Патагонію, Перу и Бразилію, разсказываетъ о таковыхъ же обычаяхъ и вѣрованіяхъ обитателей этихъ странъ; готтентготы, черныя племена Новой Каледоніи и Зеландіи, туземцы Канарскихъ и Андамановыхъ островъ, еще держатся и теперь той мысли, что, оставляя этотъ свѣтъ для другаго, надо явиться туда въ видѣ младенца, въ готовой уже формѣ для возрожденія, и умершаго человѣка тотчасъ же приводятъ въ этотъ видъ. Шаманы нашей Сибири тоже погребаютъ умершихъ въ сидячемъ положеніи: въ горахъ дѣлаютъ пещеру и, усадивъ трупъ, закладываютъ ее наглухо (архіепископъ Нилъ: о буддизмѣ). Прежде полагали, что скелеты въ сидячемъ положеніи суть исключительное достояніе долменовъ западной Европы; но открытія современныя доказали, что они—достояніе Европы, Азіи, Африки, Америки, однимъ словомъ всего свѣта.

Фиг. 1.

Положеніе скелета въ могилахъ каменнаго вѣка. (По Тройону).

Въ 1844 году Чуди привезъ изъ Перу скелеты въ томъ-же самомъ положеніи, какъ и скелеты насыпей запада Европы, и при одномъ изъ нихъ найденъ скелетъ попугая въ положеніи птицы въ яйцѣ.

Въ 1851 году Томасъ сдѣлалъ раскопки въ развалинахъ дворца Навуходоносора въ Вавилонѣ и нашелъ скелеты въ томъ же сидячемъ положеніи.

Въ Индостанѣ нашлись точно такіе-же скелеты.

Въ Алжиріи Феро въ 1864 году, при раскопкѣ кургановъ, пришелъ къ тому-же самому результату.

Г. Вилле д'Ау (Villet d'Aoust) сдѣлалъ тѣ же самыя открытія въ Мексикѣ.

Всѣми этити изслѣдованіями, начиная съ открытій въ Вавилонѣ и кончая сдѣланными съ этой же цѣлію въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ, подтверждается та мысль, что скелеты съ пригнутыми къ подбородку колѣнями не были въ обычаѣ одного какого либо отдѣльнаго племени, а принадлежатъ къ общимъ обычаямъ первобытныхъ народовъ Азіи до эмиграціи и, что, черезъ переселеніе ихъ, этотъ обычай распространился по всѣму свѣту.

У насъ скелеты оставались безъ изученія, но г. Ешевскій, въ статьѣ своей о каменномъ вѣкѣ, читанной въ московскомъ Археологическомъ Обществѣ, заявилъ о скелетахъ, уже найденныхъ у насъ,

въ Псковской губерніи, въ сидячемъ положеніи *. Каменныя же орудія нашихъ кургановъ совершенно подобны таковымъ же орудіямъ долменовъ запада Европы — Англіи, Франціи, Даніи, Швейцаріи, Швеціи и другихъ странъ, гдѣ они были открываемы.

Савельевъ, во Владимірской губерніи, нашелъ каменную шлифованную сѣкиру, съ продолбленной дырочкой для рукоятки, совершенно схожую съ сѣкирой, относимой Ворсо ко второму періоду каменнаго вѣка.

Въ Костромской губерніи, въ Нерехотскомъ уѣздѣ, найдены г-мъ Дѣвочкинымъ наконечники стрѣлъ, ножъ и трехгранный кремень, конечно, служившій для шлифовки костей.

Въ Рязанской губерніи, въ 1840 году, въ Липецкой засѣкѣ, близь с. Пустошина, найдены три топора и молотъ. Подобныя орудія изображены въ сочиненіяхъ Ворсо, Вильда и Лиша.

Эйхвальдъ, въ своемъ сочиненіи о чудскихъ коняхъ, изобразилъ четыре каменные молота, найденные въ Сибири.

Г. Бутеневъ имѣетъ цѣлое собраніе каменныхъ орудій, собранныхъ имъ въ Олонецкой губерніи.

Въ этнографическомъ Музеѣ Академіи находится каменный молотъ изъ Астраханской губерніи.

Почтенный нашъ сочленъ, графъ Пій Ф. Тышкевичъ, при раскопкѣ кургановъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, составилъ коллекцію, для Виленскаго Музея, изъ болѣе 700 экземпляровъ каменныхъ орудій; они частію изображены въ его сочиненіяхъ, присланныхъ имъ въ даръ нашему Обществу. Въ Москвѣ, въ коллекціи С. В. Ешевскаго, находятся два каменныхъ топора, клинъ и ножъ, пріобрѣтенные имъ съ окрестностей Урала и совершенно схожіе съ каменными орудіями его же коллекціи изъ Констанскаго озера.

4. Г. Е. Щуровскій сообщилъ, что въ Минералогическомъ Кабинетѣ Московскаго Университета находятся три каменныхъ топора, вырытыхъ имъ изъ такъ называемыхъ чудскихъ могилъ Сибири и изъявилъ готовность передать ихъ въ музей Общества.

* Г. Забѣлинъ въ статьѣ своей о Чертомлыцкомъ курганѣ намекаетъ на такое положеніе скелетовъ въ нѣкоторыхъ изъ южныхъ нашихъ кургановъ; см. Древности. Т. 1. стр. 72.

5. Н. Г. Керцелли представилъ собранію вещи изъ своей коллекціи, относящіяся до религіозныхъ обрядовъ буддистовъ и объяснилъ ихъ значеніе и употребленіе; затѣмъ онъ изложилъ космогонію буддистовъ.

По поводу представленныхъ г. Керцелли изваяній буддійскихъ боговъ, А. П. Федченко, основываясь на сочиненіи Е. Шлагинтвейта «Bouddhisme au Tibet», указалъ на то, что эти изображенія, какъ ни разнообразны онѣ по ихъ формамъ и аттрибутамъ, всегда представляютъ одинъ изъ двухъ типовъ, рѣзко различающихся другъ отъ друга въ этнографическомъ отношеніи; именно всѣ изображенія Будды и Боддизатвы, по ихъ продолговатой головѣ, правильнымъ чертамъ лица и наконецъ размѣрамъ тѣла, позволяютъ узнать въ нихъ типъ арійскій, тогда какъ изображенія другихъ боговъ, Драгсгедовъ, представляютъ всѣ характеристическія черты типа монгольскаго. Это различіе въ этнографическихъ типахъ вполнѣ совпадаетъ и съ различными мнѣніями о происхожденіи тѣхъ и другихъ боговъ: Будда и Боддизатва, по священнымъ преданіямъ буддистовъ, родились и жили въ Индіи, тогда какъ Драгсгедамъ приписывается происхожденіе изъ средней Азіи и есть основаніе думать, что это тибетскіе боги, существовавшіе прежде введенія буддизма и сохранившіеся впослѣдствіи.

6. Н. К. Зенгеръ прочелъ:

Пренія въ парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ о происхожденіи индо-европейцевъ.

До тѣхъ поръ, пока наука о человѣкѣ не стала на тотъ путь, по которому идетъ она въ настоящее время, породнивъ между собою тѣ разнородныя отрасли знанія, которыя прежде развивались независимо, никогда не протягивая другъ другу руку помощи, до тѣхъ поръ пока естественный методъ не сдѣлался методомъ и антропологіи, многіе вопросы должны были оставаться незатронутыми, для многихъ были возможны лишь самыя произвольныя гипотезы. Рѣшеніе вопросовъ доисторическихъ, вопросовъ о первыхъ судьбахъ человѣчества, представляетъ примѣръ такихъ обобщеній, основанныхъ

часто на недостаточномъ, одностороннемъ матеріялѣ. Преобладаніе одной какой-либо отрасли знанія дѣлаетъ понятною эту односторонность. Такъ была напр. лингвистика въ теченіи долгаго времени единственной законодательницей въ области изученія доисторическаго міра и ея догадки стали первымъ достояніемъ нашимъ въ знаніи этого міра. Лингвистика указала намъ нашихъ предковъ, она объяснила и доказала, что все населеніе Европы, или по крайней мѣрѣ его большая часть, есть потомство азіатскаго племени, разселившагося изъ общаго центра и такимъ образомъ давшаго начало такъ называемымъ индо-европейцамъ.

Эту гипотезу нельзя было не признать за формулу, близко выражающую истину, и, повидимому, она не вызывала сомнѣній, напротивъ того она являлась могучей опорой для ученія моногенистовъ и нашла въ нихъ вѣрныхъ защитниковъ. Но прошло нѣсколько времени и методъ научнаго изслѣдованія расширился на столько, что тѣ данныя, которыя лежали въ основаніи гипотезы, естественно могли показаться недостаточными.

Наука поэтому вправѣ отнестись къ этой гипотезѣ съ новыхъ, ею выработанныхъ, точекъ зрѣнія. Мы можемъ спросить теперь:

во 1-хъ, дѣйствительно ли существуютъ несомнѣнныя доказательства азіатскаго происхожденія европейцевъ и

во 2-хъ, не составляютъ ли европейскія племена, сохранившія до нашего времени одно общее кельтійское нарѣчіе, потомство исконныхъ обитателей, автохтоновъ западной Европы, вмѣсто того, чтобы происходить отъ племенъ, вышедшихъ въ доисторическое время изъ Азіи.

Парижское Антропологическое Общество обратило вниманіе на эти вопросы и они послужили поводомъ къ тѣмъ преніямъ, которымъ посвятило оно въ прошломъ году цѣлый рядъ своихъ засѣданій.

Омаліусъ д'Галлоа, предложившій на обсужденіе эти вопросы, поставилъ на ряду съ ними еще третій вопросъ, онъ спросилъ: не распространились ли тѣ языки, тѣ нарѣчія, которые считаются вышедшими изъ Азіи, путемъ обратнымъ, т. е. не перешли ли они напротивъ того изъ Европы въ Азію. Если смотрѣть съ точки зрѣнія Омаліуса, принимающаго постоянную однородность въ явленіяхъ исторіи человѣчества, заключающаго, подобно геологу, по фактамъ историческимъ о судьбахъ доисторическихъ, если видѣть достаточныя доказательства прежняго порядка явленій въ тѣхъ разселеніяхъ и колонизаціяхъ, которыя на памяти человѣка производятъ европейскія племена, если, наконецъ, находить доводы въ завоеваніи Сибири Ермакомъ съ горстью казаковъ, то дѣйствительно не трудно будетъ найдти утвердительный отвѣтъ на высказанное предположеніе. На дѣлѣ же рѣшеніе предложенныхъ вопросовъ оказывается еще далеко не столь легкимъ и даже, не смотря на тѣ новыя точки зрѣнія, которыя внесены наукой въ настоящее время, остаются еще громадные пробѣлы въ матеріялѣ, въ основаніяхъ, необходимыхъ для болѣе или менѣе точныхъ заключеній.

Пренія, происходившія въ парижскомъ Обществѣ, могутъ дать достаточное понятіе о тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя существуютъ въ этомъ отношеніи. Сопоставивъ нѣкоторыя изъ нихъ, намъ удастся, быть можетъ, придти къ какимъ-нибудь заключеніямъ, примиряющимъ ихъ хотя отчасти.

Если и не безпристрастное, то по крайней мѣрѣ обстоятельное разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи европейцевъ представилъ Прунеръ-Бей, принимавшій участіе въ преніяхъ. Онъ воспользовался разнородными фактами, сочеталъ доказательства почерпнутыя изъ географіи, исторіи, археологіи, палеонтологіи, лингвистики и естественныхъ наукъ, чтобы возстать противъ положеній Омаліуса, и поэтому для нашей цѣли будетъ интересно остановиться нѣсколько на томъ, что было высказано имъ. Онъ начинаетъ съ опредѣленія европейскаго материка: въ немъ не находитъ онъ рѣзкой обособленности и признаетъ его лишь за придаточную часть Азіи, которая связана съ ней на большомъ протяженіи своими восточными границами. Уралъ, Кавказъ и Геллеспонтъ, признаваемые нами за естественныя географическія границы, по его мнѣнію, не могутъ быть приняты за границы этническія, потому что они не представляли преграды для движенія племенъ, а напротивъ того служили имъ естественными путями. Стремленіе, всегда существовавшее у народовъ историческихъ, направляться къ морю

и селиться по его берегамъ могло быть причиной этихъ движеній въ доисторическое время.

Переходя отъ географіи къ исторіи, мы непосредственно не находимъ въ ней свѣдѣній о происхожденіи племенъ, но за то преданія и миѳы народовъ могутъ довести насъ до самыхъ отдаленныхъ временъ. Такъ Зендъ-Авеста, шагъ за шагомъ указывающая путь иранцевъ, повѣствуетъ о первобытныхъ племенахъ, повѣствуетъ о той области аріевъ, которая лежитъ между Каспійскимъ моремъ и Гиндокушемъ. Лассенъ еще задолго до Пикте указалъ на эту область, какъ на родину индусовъ и прослѣдилъ ихъ путь изъ этой области до Пентапотаміи, послужившей выходцамъ однимъ изъ первыхъ притоновъ.

Курціусъ и Момсенъ сдѣлали тоже для племенъ южной Европы, что сдѣлалъ Лассенъ для индусовъ. Они, основываясь на палеонтологіи языка, доказали, что греко-италіоты нѣкогда должны были составлять одно общее цѣлое. Курціусъ производитъ ихъ отъ фригійцевъ, служившихъ соединительнымъ звѣномъ между арійцами Европы и Азіи.

Что касается до кельтовъ, занимавшихъ весь западъ Европы, то преданія выводятъ ихъ изъ Ѳракіи, изъ Греціи, изъ азіатской Скиѳіи — однимъ словомъ признаютъ ихъ восточное происхожденіе.

Роже де Беллоге указываетъ ихъ родину въ центрѣ Азіи, Пикте находитъ свидѣтельства ихъ пребыванія на Кавказѣ. Такое же движеніе съ востока на западъ доказываетъ Прунеръ-Бей для германцевъ, для славянъ и для скандинавскаго племени, которое считаетъ послѣдними пришельцами. И такъ, по мнѣнію Прунеръ-Бея, родину европейскихъ племенъ, равно какъ и индусовъ, надо признать въ Азіи, если основываться на сохранившихся преданіяхъ.

Но кромѣ преданій, онъ находитъ тѣ же доказательства въ памятникахъ, въ ископаемыхъ остаткахъ человѣчества и въ атрибутахъ его быта.

Здѣсь Прунеръ-Бей останавливается на вопросѣ, откуда происходятъ домашнія животныя, металлы, злаки, появляющіеся въ памятникахъ мѣднаго и бронзоваго вѣка вмѣстѣ съ долихоцефалическими черепами и рослыми скелетами. Онъ ссылается на Исидора Жоффруа С. Илера, который изъ числа 40 домашнихъ животныхъ, 35 признаетъ за космополитовъ и изъ числа этихъ 35 домашнихъ животныхъ, приходящихся на долю Европы, 31 выводитъ онъ изъ Азіи и сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ окраинъ Африки. Но этотъ вопросъ о происхожденіи домашнихъ животныхъ далеко еще не рѣшенъ и мнѣніе Исидора Жоффруа С. Илера было выражено только какъ вѣроятіе. Палеонтологическія свѣдѣнія должны были значительно поколебать это вѣроятіе. Что же касается до растеній, злаковъ, то мы имѣемъ указанія Декандоля, который говоритъ что Месопотамія родина первыхъ злаковъ, находимыхъ въ настоящее время въ памятникахъ Швейцаріи. Съ праваго берега Ефрата распространились они въ Европу, подобно тому какъ виноградъ распространился съ Кавказа и береговъ Каспійскаго моря. Такое же восточное происхожденіе должно приписать и металлическимъ издѣліямъ, появившимся въ концѣ каменнаго періода и замѣнившимъ собою орудія этой эпохи.

Вмѣстѣ съ каменными орудіями доисторическаго европейца встрѣчаются также еще орудія изъ нефрита, мѣсторожденіе котораго лишь недавно найдено въ Сибири. Въ этомъ фактѣ видитъ Прунеръ-Бей еще новое доказательство азіатскаго происхожденія этихъ орудій. Разработка какъ мѣдныхъ, такъ и золотыхъ рудъ происходила въ то время въ Сибири и производилась чудскимъ народомъ, который въ свою очередь можетъ представить интересныя аналогіи еще съ другой стороны. Прунеръ-Бей указываетъ именно на замѣчательное сходство въ обычаяхъ, произведеніяхъ и культѣ, существующее между этимъ народомъ и кельтами. Это сходство особенно ясно въ бронзовый періодъ: украшенія, витыя браслеты; устройство гробницъ, выстланныхъ камнемъ; обыкновеніе сжигать трупы умершихъ, сохраняя лишь черепа, окружать останки человѣка различными орудіями, пепломъ домашнихъ животныхъ и пр., сохранять черепа враговъ; затѣмъ татуировка, антропофагія, вѣра въ метемпсихозу — все это встрѣчается какъ у кельтовъ, такъ и у чудскаго народа и указываетъ по видимому на то, что оба племени жили въ общеніи другъ съ другомъ болѣе или менѣе долгое время. На этихъ основаніяхъ Прунеръ-Бей допускаетъ, что вторженіе кельтовъ въ западную Европу было направлено точно также

и чрезъ этотъ чудскій путь, какъ чрезъ тѣ пути, которые были уже упомянуты выше.

Припоминая нашъ первый вопросъ: существуютъ ли несомнѣнныя доказательства азіатскаго происхожденія европейцевъ, мы видимъ что всѣ указанія, сдѣланныя Прунеръ-Беемъ клонятся именно къ тому, чтобъ подтвердить гипотезу этого происхожденія. Что касается до двухъ другихъ вопросовъ, то ихъ не разсматриваетъ Прунеръ-Бей въ подробности, но ограничивается въ отношеніи ихъ одними лишь общими воззрѣніями; такъ допускаетъ онъ, что вліяніе исконныхъ туземцевъ Европы, автохтоновъ, населявшихъ материкъ до вторженія иноплеменниковъ, отражается на томъ физическомъ разнообразіи, которое представляютъ европейскіе народы, но что для опредѣленія степени участія этого вліянія необходимо изученіе каждаго народа въ отдѣльности. Что же касается до предположенія Омаліуса о томъ, что языки перешли изъ Европы въ Азію, а не обратно, то Прунеръ-Бей прямо высказывается противъ него на основаніи тѣхъ постепенныхъ слѣдовъ, которые оставили на своемъ пути переселявшіяся племена.

Въ томъ же направленіи, какъ Прунеръ-Бей, говорилъ въ Парижскомъ Обществѣ и Льетаръ, основывая свои заключенія на данныхъ миѳологическихъ, лингвистическихъ и этнографическихъ. Въ одномъ изъ своихъ сообщеній представилъ онъ разсмотрѣніе перемѣщеній, совершенныхъ пеласгійскимъ племенемъ, образовавшимъ населеніе Греціи; въ другомъ излагалъ онъ доказательства азіатскаго происхожденія соціальнаго быта племенъ, заселившихъ Европу, основываясь на данныхъ сравнительной филологіи и миѳологіи и опять прилагая ихъ преимущественно къ пеласгійской группѣ, до распаденія ее на грековъ и латиновъ.

Бертранъ дополнилъ въ свою очередь разсмотрѣніе вопросовъ, составляющихъ предметъ преній, археологическими свѣдѣніями о доисторическомъ мірѣ Европы и въ особенности о той части ея населенія, по всему вѣроятію исконной, которая оставила по себѣ слѣды воздвигнутыми ею долменами.

Но перейдемъ теперь къ тѣмъ воззрѣніямъ, которые высказаны были Брока и Бонте, занявшими противуположную сторону въ преніяхъ и взявшими на себя посредничество въ вопросахъ, предложенныхъ Омаліусомъ.

Брока въ особенности принадлежитъ эта роль; онъ поставилъ вопросы на твердую почву и очертилъ тѣ результаты, къ которымъ могли привести пренія при совокупности современныхъ данныхъ.

Брока приступилъ къ вопросу о происхожденіи индо-европейцевъ съ того, что раздѣлилъ его на два, а именно онъ спросилъ: во 1-хъ, откуда происходятъ племена, теперь населяющія Европу и во 2-хъ, откуда происходятъ тѣ нарѣчія, которыми говорятъ онѣ.

Изученіе обоихъ вопросовъ должно идти параллельно, но не совмѣстно, потому что рѣшеніе ихъ можетъ быть не одинаковымъ. И дѣйствительно, Брока отвѣчаетъ на вопросъ — откуда произошли племена Европы — изъ Европы, на вопросъ — откуда произошли европейскія нарѣчія — изъ Азіи; онъ положительно отвергаетъ то мнѣніе, которое на основаніи идентичности въ нарѣчіи принимаетъ и идентичность въ происхожденіи. Онъ допускаетъ, что въ то время, когда геологическое море отдѣляло еще Европу отъ азіатскаго материка, въ ней обитало человѣческое племя совершенно отличное отъ племенъ Азіи; что позднѣе, когда установилось естественное сообщеніе материковъ, вошли въ Европу полчища азіатцевъ и внесли съ собою свои законы, свои обычаи и нарѣчіе; что подобно тому, какъ и въ близкія къ намъ времена мѣняютъ народы свое нарѣчіе, такъ и тогдашніе первобытные обитатели Европы приняли языкъ пришельцевъ. Азіатскіе выходцы не могли быть многочисленнѣе исконныхъ европейскихъ туземцевъ и нѣтъ сомнѣнія, что послѣ нѣкотораго числа поколѣній они должны были исчезнуть, только незначительно видоизмѣнивъ первоначальный физическій типъ населенія Европы, но за то передавъ имъ все остальное. Европейцы заимствовали у цивилизованныхъ пришельцевъ ихъ языкъ, ихъ обычаи, ихъ религію. Какъ постепенно распространилось по Европѣ это нарѣчіе азіатскихъ выходцевъ, которое сохранилось въ общихъ чертахъ у всѣхъ современныхъ народовъ, за исключеніемъ только финновъ, лапландцевъ, мадьяровъ, турокъ и басковъ,—это уже вопросъ филологіи.

Дѣйствительно, если мы обратимся къ физическимъ

признакамъ племенъ Европы, мы найдемъ, что между ними одни отличаются большимъ ростомъ, другіе имѣютъ ростъ меньше, третьи еще меньше; одни черноволосы, другіе бѣлокуры; цвѣтъ кожи и радужной оболочки глаза также различенъ. Наконецъ краніологическіе признаки въ свою очередь позволяютъ различать нѣсколько, если не типовъ, то по крайней мѣрѣ расъ. Если допустить, что только одно вторгнувшееся племя заселило всю Европу, то тогда для объясненія существующихъ различій пришлось бы искать причины во вліяніяхъ внѣшнихъ, въ условіяхъ біологическихъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ Европы, такъ напр. въ Ирландіи, на ряду съ черноволосыми, черноглазыми, смуглыми и малорослыми людьми, встрѣчаемъ мы людей высокаго роста, бѣлокожихъ и свѣтловолосыхъ; подобныя же различія находимъ мы и въ Греціи. Въ отношеніи формы череповъ, Брока принимаетъ также что долихоцефалическая форма не появилась съ появленіемъ азіатскихъ долихоцефаловъ, но что и прежде, до вторженія иноплеменниковъ, существовали въ Европѣ какъ брахицефалы, такъ и долихоцефалы. И такъ съ самаго начала Брока представилъ своими взглядами утвердительный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи Европейцевъ отъ туземныхъ племенъ, измѣненіе которыхъ онъ принимаетъ при томъ даже незначительнымъ съ того времени. Въ этомъ отношеніи впадаетъ онъ, можетъ быть, въ нѣкоторую крайность, но все-таки остается послѣдовательнымъ, потому что отвергаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшнія вліянія на физическія свойства племенъ. Впрочемъ, еслибъ и пришлось говорить объ измѣненіяхъ племенъ, произведенныхъ вліяніями среды, то это нисколько не нарушило бы заключеній, сдѣланныхъ о первобытныхъ туземцахъ Европы, потому что эти измѣненія относились бы болѣе къ послѣдующимъ поколѣніямъ и объясняли бы современныя различія. Въ подтвержденіе мнѣнія Брока можетъ служить то, что замѣчается въ этомъ отношеніи въ Индіи. Бертильонъ говоритъ именно, что тамъ существуютъ два обособленныхъ типа — брамановъ или побѣдителей и судрасовъ или побѣжденныхъ. Всѣ физическія особенности обоихъ типовъ сохранились до сихъ поръ, говорятъ же они однимъ и тѣмъ же языкомъ.

Льетаръ и Бертранъ, о которыхъ мы уже упоминали, ограничились лишь разсмотрѣніемъ азіатскаго происхожденія языка, обычаевъ, миѳовъ и соціальнаго быта европейскихъ племенъ, не касаясь ихъ физическихъ свойствъ. Они доказали права филологіи и археологіи на участіе въ рѣшеніи этого вопроса.

Когда такимъ образомъ, благодаря всѣмъ изложеннымъ фактамъ и доказательствамъ, выяснилось рѣшеніе этой существенной части спора, т. е. дѣйствительно арійское происхожденіе всѣхъ элементовъ цивилизаціи европейскихъ племенъ, то осталось только доказать точно также и другую часть вопроса — доказать исконность населенія Европы.

Брока дѣйствительно попытался выполнить эту задачу дальнѣйшимъ развитіемъ своихъ положеній. Онъ справедливо замѣчаетъ, что если допустить, что современныя племена составляютъ потомство азіатскихъ выходцевъ, то должно предположить для этого, что эти выходцы повсюду уничтожили все предшествовавшее имъ населеніе, что они истребляли на своемъ пути и стараго и малаго, и мужчинъ и женщинъ, — должно такимъ образомъ предположить невѣроятность. Въ этомъ отношеніи современный ходъ явленій можетъ служить намъ все-таки мѣриломъ. Мы видимъ что современные европейцы дѣйствительно порабощаютъ и колонизируютъ цѣлыя страны, что, обладая громадными средствами, они въ силахъ нанести гибельный ударъ какому-нибудь дикому племени, способны искоренить, извести на какомъ-нибудь островѣ океана жалкихъ, безоружныхъ, нагихъ дикарей, не оставивъ даже слѣда ихъ существованія. И это понятно, потому что тутъ сходятся двѣ крайности и сила несоразмѣримо превосходная по числу или по средствамъ становится безусловною побѣдительницей. Примѣръ можетъ дать Тасманія. Но если бы туземцы покоренной области были способны на выполненіе какого бы то нибыло труда, еслибъ могли они служить хотя рабами, какъ негры Африки, или еслибъ протяженіе области давало имъ возможность отодвинуться, отступить отъ напора иноплеменниковъ, какъ отступали краснокожіе индійцы, или наконецъ, еслибъ они могли найти себѣ неприступное убѣжище въ горахъ и ущельяхъ, то въ такомъ случаѣ и современное могущество европейцевъ пощадило бы ихъ и эти туземцы сохранили бы свое потомство.

Поэтому для истребленія племени не достаточно того, чтобъ оно было покорено другимъ племенемъ,

болѣе сильнымъ и развитымъ, надо чтобъ различіе въ средствахъ обоихъ племенъ было чрезвычайное, крайнее, чтобы при всѣхъ выгодныхъ условіяхъ для существованія и для укорененія однихъ—сочетались всѣ самыя роковыя условія для другихъ. А это почти невозможно. Даже при самыхъ истребительныхъ покореніяхъ всегда происходитъ смѣшеніе расъ, которое является результатомъ насилія, необузданности покорителей.

Но возьмемъ болѣе обыкновенный случай, предположимъ, что туземное племя численностью превосходитъ пришельцевъ, что оно не можетъ быть истреблено поголовно; тогда ничто не помѣшаетъ ему сохранится въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, не смотря на всѣ сдѣланныя имъ уступки, несмотря на то, что оно заимствуетъ и языкъ, и обычаи, и цивилизацію побѣдителей. Физическій же типъ племени видоизмѣнится только незначительно отъ примѣси, которая съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе будетъ сглаживаться, если не будутъ постоянно прибывать новыя подкрѣпленія къ иноплеменнымъ выходцамъ. Если же сохранится вмѣстѣ съ тѣмъ и племя побѣдителей, то оно будетъ составлять только постоянную примѣсь, будетъ существовать на ряду съ автохтонами; въ этомъ случаѣ повторится то, что мы видимъ въ Ирландіи, въ Индіи, а также и въ этрурскомъ племени.

Посмотримъ теперь на сколько прилагаются всѣ эти заключенія къ первымъ азіатскимъ полчищамъ, вторгнувшимся въ Европу,—къ кельтамъ. Могли ли они истребить и поработить всю ту область, которую, какъ полагаютъ заселили они. Въ отношеніи физическихъ свойствъ, кельты незначительно отличались отъ европейскихъ туземцевъ. Современные баски и финны, какъ наиболѣе сохранившіяся туземныя племена могутъ дать понятіе о характерахъ этихъ завоевателей. Кожа у нихъ была бѣлая, лице ортогнатическое, волосы гладкіе и бѣлокурые, вообще всѣ черты кавказскія. Въ отношеніи численности они безъ сомнѣнія уступали туземцамъ. Вдали отъ ихъ отечества, по другую сторону горныхъ хребтовъ, безъ подкрѣпленія, безъ обильныхъ средствъ для существованія, они не могли рѣшиться истребить покоренное ими населеніе, напротивъ того они должны были заботиться о томъ, чтобы извлечь всю возможную пользу изъ него. Произошло смѣшеніе расъ и постепенное уравненіе ихъ. Кельты мало-по-малу, уменьшаясь съ послѣдовательными поколѣніями, исчезли болѣе или менѣе совершенно. Но допустивъ, что такой ходъ явленія зависѣлъ отъ сравнительной малочисленности завоевателей, мы можемъ найти въ другомъ отношеніи ихъ преобладеніе надъ туземцами. Если предположимъ, что цивилизація ихъ далеко превосходила бытъ туземцевъ, то уже въ ней должны мы допустить всѣ средства къ совершенному порабощенію автохтоновъ, не имѣвшихъ возможности противостоять такой силѣ. Но справедливо ли такое предположеніе? Въ сущности нѣтъ. Въ отношеніи туземцевъ можно допустить, что это были совершенные дикари, незнакомые вовсе съ цивилизаціей, но все-таки способные къ развитію. Въ отношеніи же пришельцевъ мы можемъ составить себѣ болѣе точное понятіе. У нихъ цивилизація уже существовала, но превосходство этой цивилизаціи не было такимъ, какимъ является напр. превосходство современнаго европейца надъ дикаремъ негромъ. Характеръ ея былъ еще весьма элементарный; у нихъ не было письменъ, они не имѣли своей исторіи. У нихъ существовали только зачатки скотоводства и земледѣлія; они знали употребленіе только тѣхъ металловъ, добываніе которыхъ было болѣе или менѣе легкимъ, то есть мѣди и бронзы. Слѣдовательно ихъ цивилизація находилась къ быту европейскихъ туземцевъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стоитъ періодъ мѣдный къ вѣку каменному,—въ отношеніи не слишкомъ рѣзко разграниченномъ.

Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія не представляется намъ достаточныхъ основаній, чтобы допустить совершенный переворотъ въ населеніи нашего материка при вторженіи кельтовъ. Если мы однако сообразимъ то громадное пространство, на которое разлилась цивилизація кельтовъ, на которомъ привился ихъ языкъ и ихъ обычаи, то сила ихъ вліянія все-таки должна показаться намъ поразительной. Нужно предположить или вторженіе громадныхъ полчищъ, разселившихся по всѣмъ направленіямъ, или же простое переселеніе кочеваго племени, долго скитавшагося по всему пространству большей части Европы и вездѣ оставлявшаго за собою твердые слѣды своего пребыванія.

И дѣйствительно, если мы обратимся за разрѣшеніемъ этихъ двухъ вѣроятностей къ археологіи, то послѣднее предположеніе представится болѣе есте-

ственнымъ. Мы встрѣтимъ слѣды кельтовъ, на ряду съ слѣдами автохтоновъ, въ различныхъ степеняхъ развитія, начиная съ тѣхъ памятниковъ, гдѣ бронзовыя орудія кельтовъ находятся вмѣстѣ съ каменными орудіями туземцевъ, переходя за тѣмъ къ памятникамъ Франціи, въ которыхъ часто трудно отличить одни орудія отъ другихъ, и кончая наконецъ желѣзнымъ вѣкомъ. Во весь этотъ долгій періодъ происходило странствованіе кельтовъ—номадовъ, прежде съ востока на западъ и сѣверо-западъ, а за тѣмъ съ сѣвера на югъ.

Этихъ основаній кажется достаточно, чтобы показать вѣроятность положеній Брока. Съ фактической стороны они нашли себѣ подтвержденіе въ томъ, что высказалъ Бонте въ тѣхъ же преніяхъ. Онъ собралъ большое количество фактовъ, относящихся до физическихъ признаковъ племенъ, и въ особенности касающихся того признака, которому придается такъ много значенія въ вопросѣ о смѣшеніи расъ, именно цвѣту волосъ. Заключенія, къ которымъ онъ пришелъ, совершенно совпали съ положеніями Брока.

Я не стану упоминать о всѣхъ остальныхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ различными членами парижскаго Общества по поводу этихъ вопросовъ и увеличивающихъ собою число противорѣчій. Моя цѣль была указать наиболѣе существенныя и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнія мнѣнія, поэтому я обратилъ особенное вниманіе на мысли и факты, принадлежащія съ одной стороны Прунеръ-Бею, съ другой стороны—Брока. Я упомянулъ о Льетарѣ, Бертранѣ и Бонте, потому что они дали важныя фактическія основанія для направленія вопроса: первые два со стороны лингвистической и археологической, послѣдній же въ отношеніи естественныхъ признаковъ, со стороны собственно-антропологической. Въ этихъ мнѣніяхъ лежитъ, какъ мнѣ кажется, вся сущность преній о происхожденіи европейцевъ. Намъ остается спросить теперь: къ какимъ же результатамъ привели эти пренія, какое общее заключеніе можно вывести изъ всей совокупности высказанныхъ мнѣній, на сколько разрѣшились первоначально поставленные вопросы? Мы должны сознаться, что положительнаго отвѣта мы еще не получили, но мы пріобрѣли убѣжденіе, что происхожденіе всѣхъ элементовъ европейской цивилизаціи—языка, обычаевъ, миѳовъ, соціальнаго быта и т. д. должно несомнѣнно искать въ Азіи, въ той области аріевъ, гдѣ уже было указано оно прежде. Что же касается до происхожденія самыхъ племенъ, то тутъ осталось возможнымъ двоякое мнѣніе, или племена Европы — потомки арійцевъ, кельтовъ и пр., или же они потомки исконныхъ туземцевъ, автохтоновъ, включившихъ въ себя различныя примѣси. Въ пользу послѣдняго мнѣнія есть много вѣроятностей.

7. А. П. Федченко прочелъ:

Мнѣніе Брока объ отношеніи лингвистики къ антропологіи.

Уже одно изученіе настоящаго состоянія человѣческихъ расъ представляетъ множество трудно преодолѣваемыхъ препятствій, но если мы расширимъ задачу антропологіи и захотимъ изучить также состояніе тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ группъ, на которыя распадается человѣческій родъ, во времена историческія, и даже во времена предшествовавшія исторіи, если мы захотимъ познакомиться съ происхожденіемъ этихъ группъ, ихъ генеалогіей, переселеніями и смѣшеніями между собою, то трудности увеличатся до того, что съ перваго раза эта задача покажется пожалуй совершенно неразрѣшимою. Но, если припомнить какой богатый вспомогательный матеріалъ будетъ въ рукахъ того, кто займется этими вопросами, то явится весьма большая вѣроятность на возможность болѣе или менѣе полнаго разрѣшенія этой сложной задачи. Анатомія, физіологія, исторія, археологія, лингвистика и наконецъ палеонтологія дадутъ свою долю свѣдѣній для разрѣшенія этихъ вопросовъ, позволятъ изслѣдователю сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія и, со временемъ конечно, смѣю думать, рѣшать его наконецъ болѣе или менѣе полно и опредѣленно. Изъ шести упомянутыхъ мною вспомогательныхъ для антропологіи наукъ, одна, именно лингвистика, предъявляла даже претензію безъ пособія другихъ рѣшать поставленные выше вопросы и давать точные и хорошо характеризованные признаки для раздѣленія рода человѣческаго на группы т. е. для его классификаціи; если дѣйствительно она можетъ сдѣлать это,

то труды другихъ, избравшихъ для достиженія той же цѣли иной путь, иныя средства,—труды антропологовъ будутъ совершенно излишни. Вотъ противъ этихъ-то дѣйствительно заносчивыхъ стремленій и возсталъ Брока. Поводомъ къ спору послужили выводы, сдѣланные лингвистомъ Шаве́; онъ изложилъ въ одномъ изъ засѣданій парижскаго Антропологическаго Общества различія между корнями глаголовъ и мѣстоимѣній языковъ индо-европейскихъ и семитическихъ, и такъ какъ между ними дѣйствительно существуютъ различія весьма существенныя, признанныя первоклассными лингвистами, то, основываясь на этихъ различіяхъ языка, Шаве́ заключилъ, что соотвѣтственныя различія должны существовать и въ физическомъ строеніи; онъ высказалъ, что это различіе языковъ вызвано различнымъ направленіемъ мозговой дѣятельности этихъ двухъ большихъ человѣческихъ группъ и слѣдовательно, говоря языкомъ естествоиспытателей, ихъ можно признать за различные виды человѣка. Брока́—полигенистъ; онъ принимаетъ, что различія, отличающія большія группы, на которыя подраздѣляется человѣческій родъ, различія первоначальныя, существующія искони, съ перваго появленія человѣка на землѣ, а не суть слѣдствіе послѣдующихъ видоизмѣненій, происшедшихъ подъ вліяніемъ различныхъ условій, какъ то принимаютъ моногенисты. Онъ слѣдовательно не могъ скандализоваться, какъ это было со многими почтенными учеными, мыслью подраздѣлить родъ человѣческій на различные виды,—мыслью, противъ которой многіе возставали потому только, что тогда бѣлая раса, почему-то пріобрѣтаетъ право держать черную, негровъ, въ невольничествѣ и, слѣдовательно, совершать всѣ тѣ несправедливости, которыя непремѣнно возникаютъ при существованіи этого учрежденія въ какой бы то ни было формѣ.

Вотъ почему мнѣніе Брока́, какъ полигениста, должно представлять для насъ особый интересъ; значитъ лингвистъ Шаве́ зашелъ уже такъ далеко, что человѣкъ, опирающійся на анатомическія и физіологическія основанія, находитъ невозможнымъ идти такъ далеко, куда заводитъ лингвистика.

И такъ лингвисты предложили пользоваться для классификаціи расъ и племенъ человѣка, для выраженія существующихъ между ними сходствъ и различій, данными, взятыми изъ изученія языка этихъ племенъ. Но существуетъ еще другой родъ признаковъ; это признаки взятые изъ физической организаціи человѣка. Слѣдуя тому естественному методу, который руководитъ при классификаціи всѣхъ вообще естественно-историческихъ предметовъ, мы должны обращать вниманіе на всякіе вообще признаки и слѣдовательно, относительно человѣка, и на даваемые лингвистикою. Но въ силу того же метода, слѣдуя принципу *сподчиненія признаковъ*, мы должны отдать первенство тѣмъ изъ нихъ, которые представляются болѣе постоянными. Теперь и возникаетъ вопросъ, какое значеніе въ антропологіи должны мы признать за признаками, взятыми изъ языка. Имѣютъ ли они такую же силу какъ признаки взятые изъ организаціи? Должны ли они быть поставлены выше ихъ или ниже?

Обратимся сначала къ физической организаціи и посмотримъ на сколько она постоянна. Фактовъ, говорящихъ въ пользу этого постоянства, можно было бы привести очень много. Достаточно сказать, что ихъ такъ много и они на столько убѣдительны, что привели многихъ ученыхъ къ мысли о невозможности, при столь незначительныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергнулся человѣкъ въ историческое время, объяснить ими тѣ довольно глубокія различія, которыя существуютъ между различными человѣческими племенами, и эта невозможность, или покрайней мѣрѣ трудность, подала поводъ къ возникновенію школы полигенистовъ. Достаточно будетъ указать на то полное сходство, которое замѣчается между барельефами на египетскихъ памятникахъ, принадлежащихъ глубокой древности и нынѣшними обитателями долины Нила, или напомнить находку черепа въ дельтѣ Миссиссипи, древность, котораго, на основаніи точнѣйшихъ вычисленій, можно опредѣлить въ нѣсколько десятковъ тысячь лѣтъ и который между тѣмъ представляется совершенно сходнымъ съ черепами до нынѣ живущихъ въ Сѣверной Америкѣ краснокожихъ. Нельзя отрицать, конечно, что измѣненія происходятъ подъ вліяніемъ климатическихъ, гигеническихъ, соціальныхъ и другихъ условій, составляющихъ въ совокупности то, что называется средой; но велики ли эти измѣненія? Незначительная, сравнительно, измѣняемость физическаго типа привела Уэллеса къ мысли, что различія между наиболѣе отличающимися типами выработались подъ вліяніемъ

«естественнаго подбора», еще прежде чѣмъ человѣкъ сталъ человѣкомъ, прежде чѣмъ такъ широко развернулись его умственныя способности, прежде чѣмъ явилась членораздѣльная рѣчь, — мысль, нашедшая отголосокъ въ Фохтѣ, гдѣ она только формулирована иначе, подъ видомъ происхожденія отъ нѣсколькихъ видовъ обезьянъ. Однимъ словомъ, принимая даже во вниманіе измѣненія подъ вліяніемъ среды, мы должны признать физическую организацію человѣка, покрайней мѣрѣ относительно, неизмѣняемою, дающею, слѣдовательно, признаки очень постоянные.

Языкъ представляетъ ли намъ тоже? Или длинный рядъ вѣковъ, прогрессъ или упадокъ общества могутъ его измѣнить? Существуютъ лингвисты, признающіе это постоянство языка. По ихъ мнѣнію языкъ не есть что-либо произвольно создаваемое, и типъ его не зависитъ отъ воли человѣка, а есть въ нѣкоторомъ родѣ инстинктивное и заранѣе предопредѣленное произведеніе организаціи свойственной каждой расѣ. Мнѣніе это можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ. Если бы можно было помѣстить двухъ новорожденныхъ на необитаемые острова и уходъ за ними поручить нѣмымъ, то потомъ, предоставленные самимъ себѣ и сведенные вмѣстѣ, они нашли бы средства объясняться и передавать другъ другу свои впечатлѣнія и мысли, изобрѣли бы свой собственный языкъ, и этотъ языкъ необходимо бы долженъ былъ быть нарѣчіемъ того типа, которымъ говорили ихъ родители. Но если бы дѣйствительно существовало такое влеченіе къ языку родителей, такая прирожденная къ нему привязанность, то мы видѣли бы, что, напримѣръ, еврейское дитя, младенцемъ попавшее въ европейское семейство, съ бо́льшимъ трудомъ усвоивало бы себѣ европейскій языкъ, чѣмъ всякой другой кровный членъ этого семейства; но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и всякій знаетъ, что дитя усвоиваетъ тотъ языкъ, на которомъ говорятъ окружающіе его.

Выберемъ другой путь, чтобы рѣшить степень постоянства признаковъ, взятыхъ изъ языка. Представимъ, что нѣсколько человѣкъ говорятъ какимъ-либо особымъ языкомъ и что этотъ языкъ будетъ переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію. Сравнивая его съ другими извѣстными языками, мы видимъ, что онъ не представляетъ сходства ни съ однимъ изъ нихъ, что онъ принадлежитъ къ совершенно особому типу. Мы можемъ формулировать особые признаки этого языка и будемъ имѣть полное право помѣстить ихъ въ число характеристическихъ признаковъ этого народа или расы. Можетъ быть даже такой случай, что языкъ дастъ признаки болѣе очевидные, представитъ отличія отъ другихъ расъ болѣе рѣзкія, чѣмъ физическая организація. Такъ, напримѣръ, китаецъ болѣе отличается отъ француза своимъ языкомъ, чѣмъ физическимъ строеніемъ, и народы семитическіе и индо-европейскіе, сходные, хотя и далеко не совершенно, въ ихъ физическихъ признакахъ, отличаются другъ отъ друга глубокими и коренными лингвистическими различіями. И такъ представимъ себѣ народъ, говорящій особымъ языкомъ и не имѣющій сношеній съ другими народами. Всякое новое поколѣніе, испытывая новыя впечатлѣнія, развивая свои учрежденія, улучшая или ухудшая свой общественный бытъ, понятно, старается поставить свой языкъ въ соотвѣтствіе съ измѣненіемъ своихъ мыслей. Мало по малу образуются новыя слова, новыя соединенія, новые способы выраженія мысли, что особенно легко можетъ происходить тогда, когда еще нѣтъ письменности, когда вся литература ограничивается устно передаваемыми разсказами, которые передаваясь изъ рода въ родъ необходимо претерпѣваютъ измѣненія. Конечно эти послѣдовательныя перемѣны, вносящія, такъ сказать, въ языкъ народа всю его исторію, совершаются съ чрезвычайною медленностью. Нужны столѣтія, чтобы первоначальный языкъ измѣнился; другія столѣтія, чтобы онъ пересталъ быть понятнымъ; и еще столѣтія, чтобы онъ явился въ совершенно новомъ видѣ. До чего же могутъ дойти эти измѣненія языка? Можно было бы сказать, что они безграничны, какъ время, если бы лингвисты не показали намъ, что они управляются извѣстными законами, что эти измѣненія не касаются существенныхъ свойствъ языка, что большая часть корней словъ остается нетронутой, что извѣстная часть грамматической системы также остается неизмѣненною. Еще ни одинъ языкъ, въ періодъ доступный для нашихъ воспоминаній, не измѣнилъ свой типъ на столько, чтобы не быть узнаннымъ.

Но почему же мы удивляемся проницательности лингвистовъ? Почему же мы говоримъ, что лингвистика составляетъ славу нашего столѣтія, спрашиваетъ Брока?

Потому, что она раскрыла предъ нами вещи, неизвѣстныя до нея, приводившія въ недоумѣніе нашихъ отцовъ, и которымъ, не дальше какъ 20 лѣтъ тому назадъ, многіе, даже между филологами, не хотѣли вѣрить. Нуженъ былъ полустолѣтній настойчивый трудъ, чтобы заставить наконецъ признать, какъ истину не подлежащую никакому сомнѣнію, что языки греческій, французскій, нѣмецкій и русскій вышли изъ одного и того-же источника и что всѣ эти столь различные языки носятъ еще на себѣ отпечатокъ той общей формы, въ которой они нѣкогда были слиты. Не указываетъ ли все это на то, какъ велики тѣ измѣненія, которымъ подверглись языки, какъ скрыты тѣ связи, которыя соединяютъ еще ихъ съ первоначальнымъ ихъ языкомъ—матерью.

Сравните же теперь эту измѣняемость языка съ тѣми незначительными измѣненіями, которыя представляетъ физическая организація и которыя, даже послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій, являются незначительными и почти сомнительными, тогда какъ измѣняемость языка столь значительна, что она почти совершенно маскируетъ филіацію языковъ. Показать измѣненіе физическаго типа и стойкость, постоянство типа лингвистическаго — двѣ задачи одинаково трудныя. Ясно, слѣдовательно, что признаки, взятые изъ строенія тѣла, какъ безконечно болѣе постоянные, имѣютъ полное право быть предпочтенными передъ признаками лингвистическими.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, естественныхъ измѣненій языка, различныя случайныя обстоятельства могутъ повести не только къ измѣненіямъ, но даже къ совершенному уничтоженію языка и къ замѣнѣ новымъ нарѣчіемъ первоначальнаго нарѣчія какагонибудь народа. Извѣстенъ примѣръ негровъ острова Гаити: условія рабства, разнообразіе и множество нарѣчій ихъ роднаго языка заставили ихъ, чтобы имѣть возможность понимать другъ друга, отказаться отъ роднаго и принять языкъ своихъ господъ; къ этому принудили ихъ, если хотите, условія чрезвычайныя, вызванныя исключительнымъ ихъ положеніемъ, но жестокость и насиліе не нынѣ явились на свѣтъ и трудно утверждать, чтобы примѣръ этихъ негровъ былъ единственный въ своемъ родѣ. Но нѣтъ надобности въ предположеніяхъ; достаточно бросить взглядъ на распредѣленіе языковъ и расъ въ настоящее время и въ прошлое, чтобы увидѣть, что многіе народы нѣсколько разъ перемѣняли свой языкъ. Эти перемѣны происходили почти во всякой странѣ, которая была прочно покоряема народомъ болѣе цивилизованнымъ, чѣмъ первые обитатели этой страны. Всюду, гдѣ оставалась побѣдившая раса, она приносила съ собой и свой языкъ, который всегда удерживался въ средѣ ея, покрайней мѣрѣ въ первыхъ поколѣніяхъ. Этотъ языкъ находился въ постоянномъ соприкосновеніи съ языкомъ побѣжденныхъ. Между ними могъ происходить обмѣнъ словъ, выраженій и даже нѣкоторыхъ второстепенныхъ грамматическихъ формъ. Но они не сливались, а всегда оканчивалось тѣмъ, что одинъ изъ нихъ вытѣснялъ другой, претерпѣвъ нѣкоторыя измѣненія, по большей части лишь поверхностныя. Какой же изъ этихъ двухъ борющихся, такъ сказать, языковъ получалъ перевѣсъ? Это зависѣло отъ многихъ, весьма измѣнчивыхъ обстоятельствъ, но главнымъ образомъ отъ слѣдующихъ двухъ: отъ численной пропорціи и степени развитія побѣдителей и побѣжденныхъ. Если побѣжденный народъ болѣе цивилизованъ, чѣмъ вновь пришедшій, если эти послѣдніе не слишкомъ преобладаютъ въ числѣ, то рано или поздно они принимаютъ языкъ побѣжденныхъ. Нейстрійскіе франки, владѣвшіе Галліей въ продолженіи двухъ династій, властители—варвары страны, гдѣ укрылась римская цивилизація, забыли наконецъ свой языкъ и стали говорить языкомъ своихъ рабовъ. Менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ занятія Нормандіи, потомки солдатъ Роллона говорили лишь по французски. Потомъ тѣ же норманны, когда сдѣлались французами, завоевали Англію, но, несмотря на свою многочисленность, раздѣливши всю Англію на множество участковъ, раздаренныхъ покорителямъ, лишивъ побѣжденныхъ имѣній, употребляя самыя жестокія, систематическія и упорныя мѣры противъ побѣжденныхъ, ихъ нравовъ, обычаевъ и языка, они все таки не могли заставить ихъ говорить французскимъ языкомъ. Это зависѣло не только отъ того, что побѣжденные были очень многочисленны, но также и отъ того, что уровень цивилизаціи ихъ былъ нисколько не ниже, можетъ быть даже превосходилъ степень развитія норманновъ, послѣднихъ остатковъ сѣверныхъ варваровъ, лишь нѣсколько развитыхъ въ столѣтній періодъ ихъ пребыванія на французской землѣ. А между

тѣмъ, что произошло за пять столѣтій передъ этимъ, когда саксы покорили Британію? Этотъ островъ, по которому римляне только прошли, былъ населенъ народами полудикими; тутъ варвары были противъ варваровъ и не было никакихъ причинъ, чтобы побѣдители стали въ зависимость отъ побѣжденныхъ—и языкъ саксовъ, составляющій германское нарѣчіе, совершенно вытѣснилъ кельтское нарѣчіе бретоновъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ острова, гдѣ эти послѣдніе болѣе или менѣе сохранили свою независимость. Въ Галліи и Испаніи мы видимъ, что языкъ латинскій, принесенный вмѣстѣ съ римскою цивилизаціею былъ принятъ жителями этихъ странъ, стоявшими на весьма низкой степени развитія, и совершенно вытѣснилъ національныя нарѣчія.

Изъ этихъ примѣровъ мы можемъ также видѣть, что когда смѣшиваются два какихъ-нибудь народа, то не существуетъ ни малѣйшей аналогіи между тѣми условіями, при которыхъ получаетъ перевѣсъ физическій типъ, и тѣми, при которыхъ перевѣсъ беретъ типъ лингвистическій той или другой расы. Послѣ извѣстнаго числа поколѣній, когда смѣшеніе уже совершилось, смѣшанная раса начинаетъ приближаться къ физическому типу той, которая была болѣе многочисленна, тогда какъ можетъ случиться, что языкъ расы менѣе многочисленной вытѣснитъ и займетъ мѣсто языка большинства. Такимъ образомъ побѣжденная раса болѣе или менѣе совершенно возвратится къ своему первоначальному типу; она поглотитъ своихъ побѣдителей и въ ней незамѣтно будетъ ни капли ихъ крови, а между тѣмъ она будетъ продолжать говорить ихъ языкомъ, потому что вытѣсненіе, уничтоженіе національныхъ нарѣчій произошло быстрѣе, чѣмъ вытѣсненіе чуждыхъ физическихъ особенностей. Нынѣшніе жители Бельгіи, говорящіе французскимъ языкомъ, происходящимъ отъ латинскаго, не сохранили типа римлянъ, покорившихъ и давшихъ имъ языкъ. Изъ всѣхъ расъ, примѣшивавшихъ свою кровь къ крови этой первобытной расы со временъ прихода кельтовъ до нашествія германцевъ, всего труднѣе отыскать слѣды латинской расы въ средѣ нынѣшняго населенія Бельгіи. Типъ исчезъ, а языкъ остался.

Противу приведенныхъ выше примѣровъ можно возразить, что всѣ упоминаемые въ нихъ языки одного семейства, что всѣ эти нарѣчія вышли изъ одного источника и что, слѣдовательно, принимая вмѣсто одного другой языкъ, народы не измѣнили существеннаго и основнаго типа ихъ языка. Но всѣ эти народы ни сколько не заботились о происхожденіи вновь принимаемаго языка и они приняли бы и стали бы говорить на китайскомъ языкѣ, если бы онъ былъ языкомъ римлянъ. Наконецъ, языкъ кельтовъ замѣнилъ собою такой языкъ, который, судя по языку басковъ, послѣднему остатку первоначальнаго нарѣчія западной Европы, не имѣлъ положительно ничего общаго ни съ нарѣчіемъ кельтическимъ, ни съ какими-либо другими языками индоевропейскаго семейства.

Такимъ образомъ мы видимъ, что кромѣ постепенныхъ естественныхъ измѣненій языка, могутъ происходить другія, болѣе случайныя, но иногда очень глубокія; иногда эти обстоятельства могутъ привести даже къ совершенному замѣненію одного языка другимъ, хотя они будутъ недостаточны, чтобы вызвать измѣненія въ физическомъ типѣ автохтоновъ. Лингвистика не даетъ, слѣдовательно, антропологіи признаковъ первостепенныхъ. Тамъ, гдѣ будетъ противорѣчіе между ея свидѣтельствами и свидѣтельствами анатоміи, намъ нѣтъ причины колебаться. Если двѣ расы говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, но рѣзко различаются физическими особенностями, мы не можемъ принять ихъ за одну расу, или на оборотъ, если два народа, совершенно сходныя во всѣхъ ихъ физическихъ признакахъ, существенно разнятся по языку, то мы не должны сомнѣваться въ единствѣ расы.

Лингвисты, говоритъ Брока, имѣютъ передъ нами громадное преимущество. Они могутъ обходиться безъ насъ, но мы безъ нихъ не можемъ. Чтобы изучать языки, группировать ихъ, чтобы разъяснить исторію ихъ образованія, внутренній ихъ составъ, чтобы ознакомиться съ распредѣленіемъ ихъ между народами, нѣтъ необходимости заниматься предварительно вопросами о расахъ. Лучше даже приступать къ этому изученію безъ всякихъ прежде усвоенныхъ идей и заниматься лишь изученіемъ фактовъ. Но мы съ нашими антропологическими трудами находимся въ совершенно иномъ положеніи. Когда дѣло идетъ о классификаціи столь различныхъ группъ, какъ китайцы и индусы, французы и негры, то мы не имѣемъ ни въ комъ надобности: мы изу-

чаемъ черты ихъ лица, развитіе черепа, цвѣтъ кожи, свойства волосъ, и смѣло дѣлаемъ свои заключенія; но когда мы сравниваемъ группы болѣе близкія, то видимъ, что здѣсь отличительные признаки не такъ уже рѣзки. Тогда-то, съ трудомъ найдя легкія отличительныя черты среди большаго числа обыкновенныхъ чертъ и не зная какъ велико видоизмѣняющее вліяніе среды, тогда-то мы сознаемся въ недостаточности физическихъ признаковъ и призываемъ на помощь, чтобы разрѣшить, если можно, наши сомнѣнія, исторію, археологію, сравнительную мифологію и въ особенности лингвистику, потому что эта послѣдняя наука ближе всѣхъ прочихъ подводитъ насъ къ происхожденію народовъ; потому что она съ наибольшею точностью слѣдуетъ за ними въ ихъ переселеніяхъ и завоеваніяхъ, и потому, наконецъ, что предметъ, изучаемый ею, представляется болѣе постояннымъ, чѣмъ всѣ другія произведенія человѣческаго творчества.

Такимъ образомъ, заключаетъ Брока, мы антропологи являемся данниками лингвистики и данниками признательными; но мы не должны, мы не можемъ быть ея рабами. Мы просимъ отъ нея лишь свѣдѣній, но не приговоровъ; факты, доставляемые ею намъ, мы принимаемъ къ свѣдѣнію, но мы уже одни можемъ дѣлать изъ нихъ приложенія въ антропологіи. Факты, добытые лингвистикой, антропологія сопоставляетъ съ фактами совершенно другаго рода, и на совокупности всѣхъ этихъ фактовъ она основываетъ свои заключенія или, въ случаѣ невозможности положительныхъ заключеній, дѣлаетъ такіе выводы, которые имѣютъ за собою большую степень вѣроятности.

Повторяемъ: первостепенные антропологическіе признаки суть признаки физическіе, потому что они болѣе постоянны; признаки, доставляемые лингвистикой, всегда полезны, иногда даже необходимы, но на нихъ однихъ невозможно основывать окончательныя антропологическія заключенія; лингвистика, однимъ словомъ, даетъ антропологіи свѣдѣнія, но не приговоры, и она должна вмѣшиваться въ антропологическіе споры не въ качествѣ судьи, но лишь въ качествѣ свидѣтеля.

8. А. П. Федченко представилъ китайскія издѣлія изъ серебра и слоновой кости, принадлежащія г-жѣ С. С. Сабашниковой и замѣчательныя по тонкости работы.

9. В. Д. Мѣшаевъ сообщилъ, что при проведеніи водопровода въ г. Муромѣ было вырыто много древнихъ вещей, находящихся въ настоящее время у г. А. В. Ермакова. Опредѣлено: обратиться къ г. Ермакову съ просьбою сообщить по крайней мѣрѣ точные рисунки этихъ вещей или, если можно, пожертвовать и самыя вещи для музея Общества *.

10. И. Я. Ковалевскій указалъ на нѣкоторые курганы, встрѣтившіеся ему при его путешествіяхъ по Харьковской губерніи, и сообщилъ, что вещи, вырытыя изъ нихъ, поступили въ Харьковскій Университетъ.

11. Д. П. Сонцовъ, указывая на необходимость составленія карты распространенія кургановъ въ Россіи, просилъ присутствовавшихъ содѣйствовать доставленіемъ свѣдѣній или указаніемъ людей, которые могли бы быть полезны въ этомъ отношеніи. И. Я. Ковалевскій заявилъ при этомъ, что предполагая совершить поѣздку на югъ Россіи, онъ готовъ собрать свѣдѣнія о курганахъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя имъ будутъ посѣщены.

12. Д. П. Сонцовъ представилъ для библіотеки Общества свои Нумизматическія изслѣдованія Славянскихъ монетъ. *М. 1865 г.*

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСѢДАНІЕ.

Апрѣля 21 дня, 1865 года.

Апрѣля 21 дня, 1865 года происходило четвертое засѣданіе Антропологическаго Отдѣленія Общества Любителей Естествознанія подъ предсѣдательствомъ Директора Отдѣленія Д. П. Сонцова, въ присутствіи Президента Общества Г. Е. Щуровскаго, Вице-Президента А. Ю. Давидова, Директора Публичнаго Музея въ Москвѣ Д. С. Левшина, То-

* Вещи эти уже доставлены г. Ермаковымъ въ музей Общества.

варища его В. А. Дашкова, Секретаря Отдѣленія и 82 членовъ Общества и приглашенныхъ посѣтителей.

1. Засѣданіе было открыто чтеніемъ протокола предшествовавшаго засѣданія.

2. Секретарь Отдѣленія обратился къ собранію съ слѣдующими словами, «Нынѣшнее наше засѣданіе, послѣднее въ настоящемъ академическомъ году, приняло совершенно случайно характеръ экстраординарнаго. Конечно Дирекція могла только радоваться и отъ души желать, чтобы почаще представлялись такіе случаи. Особенность нынѣшняго засѣданія состоитъ въ чрезвычайно богатомъ и самомъ разнообразномъ матеріалѣ. Такъ давно уже заказанные г. Богдановымъ инструменты, но ожидаемые имъ къ концу будущаго мѣсяца, къ особенному нашему удовольствію прибыли на этихъ дняхъ; во вторыхъ члены Комитета по устройству выставки и этнографическаго музея Общества пожелали воспользоваться нашимъ засѣданіемъ, чтобы познакомить гг. членовъ какъ съ планомъ выставки, такъ и съ образцомъ манекена для музея. Предложеніе г. Гатти доставляетъ намъ возможность, какъ сообщить нѣкоторыя подробности о такъ называемыхъ Ацтекахъ, такъ и представить ихъ самихъ на разсмотрѣніе гг. членовъ. Наконецъ, на этихъ дняхъ получены были нами особенно важныя извѣстія съ Кавказа, изъ Архангельска и изъ С. Америки,—извѣстія, обѣщающія значительно обогатить нашу краніологическую коллекцію. Вслѣдствіе этихъ-то накопившихся случайностей, которыя повторяю, желательно чтобы накоплялись какъ можно чаще, Дирекція, по соглашеніи съ гг. членами заявившими желаніе принять участіе въ нынѣшнемъ засѣданіи, принуждена была отложить много интересныхъ сообщеній, первоначально предназначавшихся къ чтенію въ нынѣшнемъ засѣданіи, каковы: рефератъ г. Зенгера объ изслѣдованіи Вайтца: сѣверо-американскіе индійцы; г. Ошанина — взглядъ Латама на соотношеніе скиѳовъ, сарматовъ и славянъ; рефераты гг. Березницкаго и Федченко по поводу нѣкоторыхъ изслѣдованій о скиѳахъ; рефератъ г. Богданова объ изслѣдованіи Гиса и Рютимейера надъ древними швейцарскими черепами и наконецъ его-же мнѣніе о систематической разработкѣ археолого-антропологическихъ вопросовъ въ нашихъ засѣданіяхъ. Все это должно быть отложено по физической невозможности передать въ одно засѣданіе».

3 Были доложены слѣдующія бумаги:

а) Президентъ Общества Г. Е. Щуровскій представилъ слѣдующее отношеніе, полученное имъ изъ Департамента Общихъ Дѣлъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго:»Его Императорское Высочество Великій Князь Намѣстникъ Кавказскій, получивъ просьбу Вашего Превосходительства о содѣйствіи московскому Обществу Любителей Естествознанія относительно доставленія въ краніологическое его собраніе череповъ народовъ, населяющихъ или населявшихъ Кавказъ, изволилъ передать эту просьбу на обсужденіе Кавказскаго Медицинскаго Общества, которое разсмотрѣвъ тщательно и подробно этотъ предметъ и принявъ во вниманіе, что всякія понудительныя мѣры къ собиранію череповъ между туземными племенами сопряжены съ большими неудобствами, предположило войти въ сношеніе съ своими членами въ различныхъ провинціяхъ Кавказа и поручить имъ частнымъ образомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ предосторожности заняться собираніемъ череповъ, на сколько это будетъ возможно, не нарушая открыто религіозныхъ вѣрованій туземцевъ.

Объ этомъ Департаментъ Общихъ Дѣлъ имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство, присовокупляя, что Медицинское Общество уже начало сношенія съ своими членами и о результатѣ таковыхъ Вамъ будетъ сообщено въ послѣдствіи.»

b) Секретерь Общества Н К. Зенгеръ прочелъ письмо барона Остенъ-Сакена въ Нью-Іоркѣ, заключающее въ себѣ отвѣтъ на прозьбу —указать средства къ пріобрѣтенію для нашей краніологической коллекціи череповъ сѣверо американскихъ индійцевъ. Баронъ Остенъ-Сакенъ говоритъ въ этомъ письмѣ, что: «лучшее, если не единственное средство къ достиженію этой цѣли, состоитъ во вступленіи въ прямыя сношенія съ американскимъ Обществомъ Естественныхъ Наукъ, извѣстнымъ ученому міру подъ названіемъ *Academy of Natural Sciences of Philadelphia*. Это Общество имѣетъ самую полную краніологическую коллекцію въ Соединенныхъ Штатахъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прилагаетъ слѣдующее письмо полученное имъ отъ Айткинъ Мейгза (Aytken Meigs), къ которому онъ обращался за разъясненіемъ вышеизложеннаго вопроса:

«Письмо Ваше отъ 1-го Февраля, въ которомъ вы пишете о доставленіи череповъ сѣверо-американскихъ индійцевъ для Общества Любителей Естествознанія, состоящаго при Московскомъ Университетѣ, было прочтено на одномъ изъ засѣданій здѣшней Академіи Естественныхъ Наукъ и передано въ Совѣтъ, который поручилъ мнѣ, какъ Президенту Этнологическаго Комитета, отвѣчать Вамъ. До сихъ поръ я не могъ исполнить этого по причинѣ болѣзни.

Мы имѣемъ, какъ Вамъ уже извѣстно, большое собраніе череповъ сѣверо-американскихъ индійцевъ. Изъ этой коллекціи мы можемъ уступить по крайней мѣрѣ по одному экземпляру череповъ всѣхъ различныхъ племенъ обширной индійской группы. Въ обмѣнъ на эти черепа намъ было бы желательно получить другіе, которыхъ нѣтъ въ нашемъ музеумѣ. Въ особенности намъ хотѣлось бы имѣть черепа слѣдующихъ племенъ, которыхъ въ нашей коллекціи совсѣмъ нѣтъ, а именно: самоѣдовъ, енисейскихъ тунгусовъ, юкагировъ, якутовъ, тунгусовъ, коряковъ, камчадаловъ, чукчей, курильцевъ, алеутовъ, кенайцевъ, колошей и пр.

Многіе изъ этихъ народовъ, какъ Вы видите, живутъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи и, вѣроятно, Обществу Любителей Естествознанія будетъ легче, нежели другимъ, достать экземпляры ихъ череповъ. Мы предлагаемъ помѣняться равными количествами череповъ и, для того чтобы облегчить этотъ обмѣнъ и составить ясное понятіе о томъ, что мы можемъ дать и чего мы съ своей стороны можемъ ожидать, я посылаю Вамъ экземпляръ послѣдняго каталога нашей коллекціи. Каталогъ этотъ не полонъ, такъ какъ новыя пріобрѣтенія были сдѣланы со времени его изданія. Онъ однако же можетъ Вамъ показать, что мы имѣемъ и чего у насъ нѣтъ. Когда Общество Любителей Естествознанія получитъ этотъ каталогъ и это письмо, тогда ему можно будетъ сообщить, черезъ меня, Академіи, какіе черепа оно можетъ прислать намъ съ своей стороны; но мы просимъ не забывать, что намъ въ особенности желательно было бы получить тѣ, которые выше мною упомянуты. Когда же эти предварительные переговоры кончатся, намъ тотчасъ же можно будетъ приступить къ обмѣну.

Нѣсколько времени тому назадъ въ Петербургѣ было издано большое и весьма замѣчательное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Description Ethnographique des Peuples de la Russie» par H. de Pauly. Ouvrage dédié à Sa Magesté l'Empereur Alexandre II et publié à l'occasion de Jubilé millennaire de l'Empire de Russie.

Дорогая цѣна этаго изданія, увеличенная еще положеніемъ денежнаго курса, помѣшала Академіи пріобрѣсти его. Не потрудитесь-ли Вы узнать отъ Общества Любителей Естествознанія—не можетъ ли оно доставить намъ экземпляръ этого сочиненія, въ обмѣнъ на нѣкоторое количество череповъ или на нѣкоторыя изданія, которыя мы можемъ прислать?

Надѣюсь, что Вы передадите содержаніе этого письма Обществу Любителей Естествознанія».

Дирекція Отдѣленія, усматривая чрезвычайную важность, которую представляетъ для обогащенія краніологической коллекціи Общества предложеніе Айткинъ Мейгза, положила отвѣчать.

1) Въ настоящее время Общество можетъ принять вполнѣ только второе предложеніе, т. е. доставить экземпляръ сочиненія Pauly: «Description Ethnographique des Peuples de la Russie», но оно желало бы получить предварительно свѣдѣнія о томъ, какое число череповъ и какихъ племенъ оно можетъ надѣяться получить взамѣнъ этой книги. По полученіи отвѣта Отдѣленіе постарается препроводить экземпляръ коммисіонеру въ Лейпцигѣ, г. Флюгелю, этого сочиненія.

2) Краніологическая коллекція наша только еще начинаетъ формироваться и потому череповъ, указанныхъ выше настоящихъ мы выслать не можемъ, но можемъ доставить вполнѣ вѣрные слѣпки съ нихъ; кромѣ того мы можемъ доставить слѣпки съ череповъ макрокефаловъ, найденныхъ на Дону, и съ нѣкоторыхъ другихъ интересныхъ череповъ, вырытыхъ изъ кургановъ и находящихся въ коллекціи Общества.

3) Мы можемъ доставить нѣсколько слѣпковъ съ готовящейся у насъ автентичной коллекціи великорусскихъ череповъ и даже нѣсколько настоящихъ.

4) Со временемъ, при обогащеніи своей коллекціи черепами указанныхъ выше народовъ, Общество поставитъ себѣ за удовольствіе подѣлиться ими съ Мейгсомъ.

c) Секретарь Отдѣленія доложилъ:

1) Отношеніе отъ Общества Архангельскихъ врачей слѣдующаго содержанія: «Общество врачей въ засѣданіи своемъ 10-го марта, выслушавъ предложеніе Антропологическаго Отдѣленія Общества Любителей Естествознанія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, принять участіе въ трудахъ Общества доставленіемъ череповъ инородческихъ племенъ, населяющихъ Архангельскую губернію, равно какъ и мѣстныхъ русскихъ старожиловъ, пріятнымъ долгомъ своимъ поставляетъ содѣйствовать тому всѣми зависящими отъ него мѣрами и средствами. Вполнѣ однако сознавая всѣ трудности, могущія представиться при исполненіи этого дѣла, Общество врачей считаетъ долгомъ своимъ присовокупить, что пріобрѣтеніе череповъ будетъ зависѣть съ одной стороны, какъ отъ старанія ихъ пріобрѣсть, такъ съ другой—отъ удобныхъ къ тому случаевъ; а потому, для достиженія этой цѣли главнымъ образомъ понадобится время, не говоря уже о средствахъ, которыми Общество врачей не подорожитъ, лишь бы исполнить предложеніе Антропологическаго Отдѣленія».

2) Письмо Россійско-Императорскаго Консула въ Іерусалимѣ А. Карцова, въ коемъ онъ говоритъ, что находится въ затрудненіи удовлетворить просьбу Антропологическаго Отдѣленія относительно доставленія череповъ различныхъ народовъ, потому что къ пріобрѣтенію череповъ нынѣ живущихъ народовъ случаевъ не представляется, а черепа старые, находимые въ окрестностяхъ Іерусалима, въ древнихъ усыпальницахъ и пещерахъ, не представляютъ ему возможности опредѣлительно указать на тотъ народъ, которому они принадлежатъ. Опредѣлено: просить г. Карцова по мѣрѣ возможности доставлять въ Отдѣленіе древніе черепа, находимые въ окрестностяхъ Іерусалима, съ указаніемъ лишь ихъ мѣстонахожденія.

3) Два письма П. И. Гундобина, въ Рыбинскѣ, въ коихъ онъ, отвѣчая на просьбу Дирекціи, указываетъ на слѣдующія мѣстонахожденія кургановъ въ Рыбинскомъ и Мышкинскомъ уѣздахъ: 1) Въ 34 верстахъ отъ г. Рыбинска, по направленію къ сѣверу, на берегу рѣчки Рыповки, близь впаденія ея въ Волгу, около деревень Николо-Кормской волости, Юрьевца и Репища, находится болѣе ста кургановъ, расположенныхъ весьма близко другъ отъ друга. При раскопкѣ этихъ кургановъ, произведенной лѣтъ десять тому назадъ однимъ рыбинскимъ купцомъ, изъ нихъ были вырыты различныя желѣзныя оружія. 2) Въ 17 верстахъ отъ Рыбинска, по направленію къ югу, близь села Михаила Архангела, въ сосновомъ лѣсу находится болѣе двадцати кургановъ. 3) Въ 6 верстахъ отъ г. Мышкина, въ Угличскомъ уѣздѣ, близь деревни Жуковой, въ сосновомъ лѣсу находится двадцать кургановъ. Въ 1860 году при раскопкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ однимъ мышкинскимъ жителемъ, въ нихъ найдены были разныя желѣзныя оружія, мѣдныя кольца, браслеты, стеклянныя бусы и глиняные горшки; вещи переданы были неизвѣстному проѣзжему господину. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изъявляетъ готовность быть полезнымъ Отдѣленію сообщеніемъ разныхъ научныхъ свѣдѣній о жителяхъ Рыбинскаго уѣзда. Опредѣлено предложить г. Гундобина въ ближайшемъ засѣданіи Общества отъ имени Отдѣленія къ избранію въ Дѣйствительные Члены и просить его доставить свѣденія о томъ: какимъ образомъ можно приступить къ раскопкѣ вышеуказанныхъ имъ кургановъ и во что она можетъ обойтись.

4) Письмо М. Н. Збороміpскаго, въ коемъ онъ указываетъ на то, что въ Малороссіи очень много городищъ, кургановъ и могилъ, скученныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ громадномъ числѣ, а также на то, что около г. Чугуева въ прежнее время находились двѣ «каменныя бабы», и говоритъ что раскопками этихъ кургановъ съ научной цѣлью никто не занимался.

5) А. Гатти обратился къ Президенту Общества съ письмомъ, въ коемъ онъ просилъ его обратить вниманіе Общества на двухъ привезенныхъ имъ изъ-за границы субъектовъ, гдѣ они, показываемые подъ именемъ «Ацтековъ», обратили на себя всеобщее вниманіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ подвергнуть ихъ подробному осмотру и обслѣдованію. Г. Президентъ, согласно выраженной г. Гатти просьбѣ, пригласилъ профессора И. М. Соколова и А. П. Федченко осмотрѣть ихъ и представить доклады, что и было сдѣлано ими въ настоящемъ засѣданіи, въ коемъ, благодаря обязательному предложенію г. Гатти, присутствовали и такъ называемые Ацтеки.

А. П. Федченко въ своемъ чтеніи остановился преимущественно на происхожденіи этихъ субъектовъ. Относительно ихъ было пущено въ ходъ то мнѣніе,

что они найдены въ центральной Америкѣ, именно похищены путешественникомъ сеноромъ Веласкецъ изъ индійскаго города Иксимайа, существованіе котораго, до ихъ похищенія, не было извѣстно ни одному европейцу и осталось такимъ до сихъ поръ. Жители этого города, по его словамъ чистые потомки древнихъ обитателей страны, будто-бы избѣгли всякаго вліянія европейцевъ и сохранили всѣ свои древнія учрежденія и обычаи. Въ этомъ городѣ такъ называемые Ацтеки служили будто-бы индійцамъ идолами.

А. П. Федченко, указавъ на данное имъ названіе «Ацтеки», сообщилъ по этому поводу полныя свѣдѣнія объ ацтекахъ и другихъ народахъ, населявшихъ Мексику до завоеванія ея испанцами, указалъ на особенности въ ихъ строеніи, и разсказалъ объ ихъ учрежденіяхъ, жизни и исторической судьбѣ; перейдя потомъ къ вышеприведенному мнѣнію, онъ высказалъ сильныя сомнѣнія въ его справедливости. Ненормальная форма головы этихъ уродовъ—идіотовъ составляетъ одно изъ главныхъ доказательствъ защитниковъ ихъ ацтекскаго происхожденія, потому что такую же форму головы представляютъ берельефы древне-мексиканскихъ памятниковъ; но эта форма головы, какъ идіотовъ, такъ и барельефовъ, должна быть объясняема искуственнымъ сдавленіемъ. Наконецъ онъ привелъ свидѣтельство Шерцера, путешествовавшаго по средней Америкѣ вскорѣ послѣ появленія этихъ идіотовъ въ Европѣ, который прямо говоритъ, что они дѣти двухъ бѣдныхъ мулатовъ изъ Санъ-Сальвадора.

И. М. Соколовъ указалъ на слѣдующія болѣе рѣзкія анатомическія особенности въ развитіи этихъ уродовъ: голова мала, даже и для того небольшаго роста, который они имѣютъ, покрыта густыми длинными кудреватыми черными волосами и представляетъ совершенно ненормальное развитіе черепа, особенно рѣзко замѣтное у мужчины Максимо: при сильномъ развитіи части задней черепъ представляетъ почти совершенное отсутствіе лба, на которомъ замѣтно сильное вдавленіе, повидимому указывающее на мѣсто бинта, которымъ была стянута голова ихъ въ молодости. Лицевыя кости сильно выдвинуты впередъ и носъ сильно развитъ и изогнутъ, такъ что въ профилѣ лице представляетъ то, что можно назвать «птичьей физіогноміей». Туловище, особенно женщины Бартолы, представляется довольно сильно и нормально развитымъ. Конечности мужчины имѣютъ слѣдующія особенности: верхнія могутъ разгибаться въ локтевомъ сочлененіи лишь до половины, такъ что при самомъ сильномъ разгибѣ онѣ образуютъ прямой уголъ, — что зависитъ отъ сокращенія сухожилій двуглаваго и внутренняго плечеваго мускуловъ. Нижнія конечности представляютъ сильное развитіе мускуловъ бедра, но въ голени замѣтна значительная атрофія ея мускуловъ. Конечности въ голенно-ступномъ сочлененіи представляютъ искривленіе внутрь, почему нога (стопа) при хожденіи упирается на наружный свой край до пятки.

Въ особо доставленной въ Отдѣленіе запискѣ И. М. Соколовъ описываетъ половые органы этихъ индивидуумовъ: у мужчины покровы наружныхъ половыхъ органовъ представляютъ значительную пигментацію; membrum virile искривленъ назадъ къ scrotum; testiculi атрофированы до величины голубинаго яйца. Половые же органы женщины представляются правильно и совершенно развитыми съ явленіями отсутствія непорочности.

Секретарь Отдѣленія предложилъ выразить г. Гатти благодарность за ту готовность съ какою онъ предложилъ, находящихся у него замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ субъектовъ, къ осмотру и доставилъ ихъ въ настоящее засѣданіе для ознакомленія съ ними гг. членовъ. Отдѣленіе приняло это предложеніе и чрезъ посредство Директора Д. П. Сонцова выразило въ засѣданіи же свою благодарность г. Гатти.

5. И. Д. Бѣляевъ прочелъ:

Какъ образовалось велико-русское племя и какое сословіе принять представителемъ велико-русскаго племеннаго типа?

Недавно въ нашемъ Обществѣ былъ поднятъ вопросъ, которое изъ существующихъ нынѣ славянскихъ племенъ считать болѣе чистымъ, безпримѣснымъ типомъ славянскаго племени вообще? Вопросъ этотъ очень важенъ для этнографическихъ изслѣдованій, но по своей сложности требуетъ большихъ продолжительныхъ работъ, какъ чисто историческихъ, такъ и этнографическихъ; здѣсь крайне

нужно, чтобы одна наука подала руку помощи другой, въ противномъ случаѣ не будетъ конца разнымъ увлеченіямъ и неясностямъ, которыя вмѣсто разрѣшенія вопроса только больше запутаютъ его. Между тѣмъ стоитъ на очереди другой вопросъ ближайшій и болѣе сподручный, и тѣмъ болѣе для насъ необходимый, что касается велико-русскаго племени, изслѣдованія о которомъ составляютъ первую задачу нашего Московскаго Общества Любителей Естествознанія. Вопросъ о томъ, какъ образовалось и что такое велико-русское племя и въ какомъ классѣ современнаго общества намъ должно искать представителей болѣе чистаго типа этого племени? Вопросъ этотъ въ первоначальномъ своемъ видѣ чисто историческій, только исторія намъ можетъ указать какъ сложилось велико-русское племя съ своимъ особымъ типомъ, какъ образовались классы русскаго общества и какіе элементы вошли въ тотъ или другой классъ, и какой классъ на своей сторонѣ имѣетъ болѣе единства племеннаго, и въ какомъ классѣ будетъ замѣтнѣе смѣшеніе разныхъ племенныхъ элементовъ, и отсутствіе единообразія.

По порядку мы начнемъ съ того, что такое велико-русское племя? Въ статьѣ о племенахъ, въ разное время населявшихъ здѣшній край, я уже имѣлъ случай, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ греческихъ, латинскихъ, арабскихъ, скандинавскихъ и русскихъ, сказать, что «древнѣйшими здѣшними жителями были разныя племена финской расы, потомъ племена сіи еще въ доисторическія времена здѣшняго края подчинились славянскому вліянію, сперва изъ Новгорода отъ ильменскихъ славянъ, потомъ изъ Смоленска отъ кривичей, и наконецъ сравнительно уже въ позднее время, на памяти исторіи здѣшняго края, по правому берегу Оки отъ вятичей, сѣверянъ и наконецъ съ кіевской стороны». Въ настоящее время таковаго разнообразія племенъ, за незначительными исключеніями, едва замѣтными для археолога и этнографа, не существуетъ, а живетъ здѣсь одно сплошное велико-русское племя; исторія же не представляетъ никакихъ даже темныхъ преданій о поголовномъ истребленіи означенныхъ племенъ и о пришествіи откуда-либо особаго велико-русскаго племени съ своею особенною исторіей и преданіями; слѣдовательно велико-русское племя есть здѣшнее туземное, сложившееся изъ смѣшенія и переработки туземныхъ финскихъ и пришлыхъ славянскихъ племенъ, и частію скандинавскаго племени, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Или иначе сказать велико-русское племя есть представитель всѣхъ племенъ, когда-то жившихъ на русской землѣ, и при томъ представитель чистый, своеобразный, успѣвшій или отбиться отъ постороннихъ вліяній, или претворить такія вліянія въ себя, нивеллировать ихъ безъ ущерба своего племеннаго типа общеславянскаго, велико-русскаго.

Показавъ что такое велико-русское племя, теперь перейдемъ къ тому, какъ сложилось это племя? По свидѣтельству древнихъ народныхъ преданій сохраненныхъ въ нашихъ лѣтописяхъ, скандинавскихъ сагахъ и другихъ древнихъ литературныхъ памятникахъ, и притомъ такихъ преданій, которыя не противорѣчатъ послѣдующей исторіи, основанной на источникахъ болѣе опредѣленныхъ и ясныхъ, и частію уже подтверждаются хотя еще слабыми этнографическими и археологическими изслѣдованіями, въ здѣшній невѣдомый и какой-то сказочный для древнихъ образованныхъ народовъ финскій міръ, не задолго до христіанскаго лѣтосчисленія, начали проникать славянскія племена съ Дуная, двинутыя оттуда распространеніемъ римскаго владычества по берегамъ Чернаго моря, и образовали въ сѣверо-западныхъ окраинахъ этого финскаго міра свои довольно сильныя поселенія, сперва около озера Ильменя и на Волховѣ, а потомъ при верховьяхъ Днѣпра, Западной Двины и Волги, подъ именемъ новгородцевъ и кривичей, и изъ этихъ старѣйшихъ и сильнѣйшихъ гнѣздъ русской славянщины стали постепенно выводить свои колоніи въ глубину дикихъ финскихъ лѣсовъ, пролагая себѣ пути по рѣкамъ и рѣчкамъ, и застраивая мало по малу этотъ край своими городами, которые способствовали славянскимъ колонистамъ охранять свою народность и претворять финновъ въ славянъ, такъ что у западныхъ заморскихъ новгородскихъ сосѣдей—скандинавовъ, новгородская земля получила названіе Гардарикіи или страны городовъ.

Въ послѣдующій періодъ, но все еще въ доисторическія времена для здѣшняго края, къ славянскимъ новгородскимъ и кривскимъ колоніямъ примѣшались колоніи скандинавскія, но очевидно незначительныя, утонувшія въ славянской колонизаціи и принявшія

языкъ, нравы и образъ жизни старшихъ колонистовъ славянъ. Скандинавскія саги выводятъ скандинавовъ съ береговъ Дона. По скандинавскимъ преданіямъ самъ Одинъ (верховный ихъ богъ или предокъ) первоначально царствовалъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, которая у нихъ называется Годгеймомъ, страною боговъ. Первое извѣстіе объ Одинѣ говоритъ, что онъ первоначально царствовалъ на востокъ отъ Дона, которая страна называлась землею Асовъ; потомъ во время римскихъ завоеваній, оставя на Дону своихъ братьевъ Вилера и Вейя, самъ удалился на западъ, сперва въ страну гардовъ, т. е. въ землю кривичей и ильменскихъ славянъ, откуда перешелъ потомъ въ Саксонію и далѣе на датскія острова и въ Швецію, гдѣ и умеръ. Оставляя страну гардовъ онъ поручилъ ее своему сыну Сигурламію, которому наслѣдовалъ сынъ его Свавурламій, отъ котораго и пошли гардскіе государи. Всѣ сіи сказанія сагъ объ Одинѣ и его потомкахъ въ странѣ гардовъ, чистая ли исторія или чистый миѳъ, для насъ въ настоящемъ случаѣ все равно, ибо при томъ и другомъ условіи остается одинаково достовѣрнымъ постоянное и всеобщее религіозное вѣрованіе древнихъ скандинавовъ въ тѣсную и самую древнюю связь этого народа съ страною, которая теперь называется Россіей, и именно съ тѣмъ краемъ этой страны, который по преимуществу занятъ велико-русскимъ племенемъ. А съ тѣмъ вмѣстѣ въ этихъ скандинавскихъ преданіяхъ мы находимъ прямое указаніе на древнюю еще доисторическую, хотя не сильную колонизацію здѣшняго края скандинавскимъ племенемъ, что частію подтверждается и другими указаніями и даже свидѣтельствомъ древнѣйшаго нашего лѣтописца Нестора, который говоритъ: «тѣ суть людье ноугородцы отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣни».

Эта смѣсь Новгородскаго племени славянъ съ скандинавскимъ племенемъ еще въ доисторическія времена утвердившаяся на сѣверо-западныхъ окраинахъ здѣшняго Финскаго міра, мало по малу къ половинѣ IX столѣтія, по христіанскому лѣтосчисленію, проникла въ глубину этого міра на востокъ и югъ до слiянія Оки съ Волгою и на сѣверъ до Бѣлаго озера, и построила тамъ чисто-славянскіе города: Бѣлоозеро, Ростовъ, Суздаль и Муромъ среди поселеній Финскихъ племенъ Веси, Мери и Муромы, изъ которыхъ городовъ славяно-скандинавская колонизація постепенно должна была развиваться среди Финскихъ поселеній и претворять тамошнихъ Финновъ въ славянъ, но не путемъ завоеваній, для которыхъ тамошнія сланяно-скандинавскія колоніи не имѣли достаточныхъ силъ, а путемъ мирнаго обобщенія туземцовъ съ колонистами. Это обобщеніе въ первомъ своемъ еще доисторическомъ періодѣ выразилось въ томъ, что Славяне колонизаторы привлекли въ союзъ съ собою туземцовъ Финновъ, признавши ихъ равноправными въ этомъ союзѣ и такимъ образомъ получивши себѣ свободу развитія славянской колонизаціи между союзниками. Первымъ самымъ важнымъ по своимъ послѣдствіямъ историческимъ актомъ этаго союза ильменскихъ славянъ и ихъ колоній съ здѣшними Финнами былъ актъ призванія варяго-русскихъ князей Ильменскими Славянами сообща съ здѣшними Финнами, которое послѣдовало въ 862 году христіанскаго лѣтосчисленія.

Приглашеннымъ славянами и Финнами варяго-русскимъ князьямъ, братьямъ Рюрику, Синеусу и Трувору, союзники приглашатели уступили города: Рюрику Ладогу, въ землѣ корѣльской, колонизованной славянами изъ Новгорода; Синеусу Бѣлоозеро въ землѣ племени веси, также колонизованной славянами новгородскими; и Трувору Изборскъ въ области кривичей, древнѣйшихъ колонистовъ Новгородскихъ, поселившихся между чудскими, латышскими и литовскими племенами. Приглашенные князья вмѣстѣ съ своимъ племенемъ русью засѣли въ уступленныхъ имъ городахъ, и къ славянской старой колонизаціи присоединили еще новую колонизацію русскую и мало по малу еще заняли города Полотскъ, очевидно въ землѣ литовской или латышской, Ростовъ въ землѣ племени Мери и Муромъ въ землѣ племени Муромы. Но эта новая варяго-русская колонизація не могла значительно усилиться въ сихъ краяхъ и поглотить старую колонизацію славяно-новгородскую, какъ потому что варяго-русское племя было малочисленнѣе новгородскихъ славянъ и пришло сюда позднѣе, когда уже новгородскіе славяне были сильны въ здѣшнихъ краяхъ и уже довольно успѣли подчинить здѣшнихъ Финновъ своему вліянію и сообщить имъ свои обычаи и общественное устройство, притомъ же новгородскіе славяне, утвердившіеся здѣсь, своею цивилизаціею, своимъ уменьемъ обращаться

съ здѣшними Финнами были выше пришлыхъ варягоруссовъ; такъ съ другой стороны и потому что наибольшая и наилучшая часть племени варягоруссовъ вскорѣ по смерти Рюрика потянулась за Олегомъ на югъ по Днѣпру и тамъ основала сильное княжество въ Кіевѣ, которое скоро сдѣлалось главнымъ славяно-русскимъ государствомъ, и постоянно въ продолженіи почти двухъ сотъ лѣтъ тянуло къ себѣ удалыхъ варяговъ выгодами военной добычи и другими приманками храбрыхъ, такъ что въ здѣшнемъ отдаленномъ отъ Кіева краю оставалось самая незначительная часть варяговъ руси, необходимая для поддержанія княжеской власти. А по сему здѣшній Финскій край по прежнему остался въ рукахъ славянской колонизаціи съ береговъ Ильменя и Волхова только съ незначительною примѣсью варяго-русскаго элемента и преимущественно и даже исключительно въ городахъ, гдѣ варяги-русь, какъ княжеская дружина, проживали въ крѣпостяхъ или кремляхъ.

По удаленіи Олега на югъ въ Приднѣпровье и при первыхъ его преемникахъ, въ продолженіи почти двухъ вѣковъ съ половиною, здѣшній славяно-финнскій край, гдѣ утвердилось и развилось великорусское племя, предоставленъ былъ мирному обращенію старожилыхъ Финновъ въ славянъ. Не участвуя ни въ завоеваніяхъ приднѣпровскихъ князей, ни въ ихъ междоусобіяхъ, здѣшніе славяне-колонизаторы почти спокойно и безъ большихъ препятствій продолжали разпространять свои поселенія между жилищами старожилыхъ Финновъ и обращать ихъ въ славянъ, родниться съ ними и распространять славянскія обычаи и образъ жизни. Что тѣмъ удобнѣе имъ можно было дѣлать; ибо какъ бы отдѣлясь отъ Новгорода и перешедши въ непосредственную зависимость, по договору самихъ Новгородцовъ, къ отдаленнымъ Кіевскимъ князьямъ, здѣшніе Славяне колонизаторы должны были уже дѣйствовать не въ интересахъ Новгорода, какъ было прежде, а въ чисто мѣстныхъ интересахъ, болѣе или менѣе одинаковыхъ, какъ для нихъ и для Финновъ. Вслѣдствіе чего мѣстные Финны смотрѣли уже на старыхъ Славянскихъ колонистовъ не какъ на новгородцевъ, а какъ на своихъ братьевъ и сосѣдей, одинаково подчиненныхъ отдаленнымъ чуждымъ князьямъ, которые присылали къ нимъ своихъ посадниковъ съ небольшими дружинами варяго-Руссовъ, и при томъ такихъ сосѣдей, которые защищали одни съ Финнами мѣстные интересы. А между тѣмъ славянскіе колонисты не могли вырождаться здѣсь въ Финновъ, какъ потому, что они принадлежали къ расѣ болѣе цивилизованной и развитой, такъ и потому, что они постоянно подновляли свою славянскую кровь новыми пришельцами изъ Новгорода; ибо новгородцамъ здѣсь лежалъ путь для торговли съ камской Болгаріею и Пермью, почему новгородцы имѣли интересъ здѣсь селиться, а старые здѣшніе славянскіе колонисты не имѣли интереса препятствовать таковымъ поселеніямъ. Такимъ образомъ здѣсь все способствовало развитію славянской колонизаціи и обращенію мѣстныхъ Финновъ въ славянъ, и постоянному подновленію славянской крови. Къ тому же въ концѣ X или въ началѣ XI столѣтій сюда стала проникать изъ Новгорода и Кіева христіанская религія, которая будучи одинаково новою и для здѣшнихъ славянъ и для здѣшнихъ Финновъ, по мѣрѣ распространенія между тѣми и другими, еще болѣе роднила ихъ другъ съ другомъ, ибо сопротивляясь ли разпространенію новой религіи или принимая ее, они уже дѣйствовали за одно. При томъ же нельзя отрицать, что христіанская религія застала здѣсь на столько уже разпространенную славянскую колонизацію, что при новомъ церковномъ богослуженіи можно уже было довольствоваться славянскимъ переводомъ священныхъ книгъ и не понадобилось прибѣгать къ переводамъ на какое либо изъ мѣстныхъ Финскихъ нарѣчій.

Въ началѣ XII столѣтія въ здѣшнемъ славяно-финскомъ краю послѣдовала важная перемѣна, — образовались два значительныя самостоятельныя княжества, — одно въ Муромѣ и Рязани подъ властію Ярослава Святославича изъ поколѣнія черниговскихъ князей и другое въ суздальско-ростовскомъ краю подъ властію Юрія Владиміровича Долгорукаго изъ Мономахова дома. И такимъ образомъ здѣшняя сторона, управлявшаяся доселѣ посадниками, присылаемыми приднѣпровскими князьями, теперь получила своихъ князей, пришедшихъ изъ того же Приднѣпровья, и приведшихъ съ собою дружины изъ тамошнихъ славянъ для подновленія здѣшней славянской крови. Эта перемѣна имѣла важныя послѣдствія относительно этнографіи здѣшняго края.

Съ образованіемъ независимыхъ и довольно значительныхъ княжествъ, сюда потянулись Приднѣпровскіе славяне, особенно изъ Чернигова, Смоленска и земли Вятичей не только въ качествѣ княжескихъ дружинниковъ, но и какъ колонисты, ибо здѣшнія княжества сравнительно съ приднѣпровьемъ находясь въ довольно спокойномъ положеніи и почти не подвергаясь опустошительнымъ набѣгомъ дикихъ половцовъ, манили къ себѣ мирныхъ поселенцевъ, которые въ свою очередь способствовали сильнѣйшему подновленію славянской крови въ здѣшнемъ населеніи, которое было тѣмъ болѣе важно для здѣшней этнографіи, что шло уже не изъ одного источника изъ Новгорода, какъ было прежде, а изъ разныхъ славянскихъ племенъ. Что съ одной стороны способствовало скорѣйшему ославяненію здѣшнихъ финскихъ племенъ, а съ другой стороны и здѣшнему славянскому населенію сообщало свой особый типъ, ни чисто приднѣпровскій, ни чисто волховскій, а тотъ изъ котораго образовался чисто велико-русскій типъ, этотъ своеобразный представитель всѣхъ славянскихъ племенъ на Руси.

Нашествіе монголовъ въ XIII столѣтіи выслало новое подновленіе славянской крови въ здѣшній славяно-финскій край, которое способствовало окончательному претворенію здѣшнихъ финновъ въ славянъ. Изъ опустошеннаго и на первый разъ обращеннаго въ татарское кочевье приднѣпровья, именно изъ переяславскихъ и кіевскихъ владѣній тамошніе славяне толпами потянулись на сѣверо-востокъ, въ рязанскія и суздальскія владѣнія, сюда пошли оттуда и князья лишенные владѣній, и бояре, и горожане сожженныхъ городовъ, и селяне, которыхъ нивы были обращены въ пастбища татарскихъ коней. На это движеніе изъ приднѣпровья на сѣверо-востокъ мы имѣемъ указанія и въ лѣтописяхъ, гдѣ напримѣръ подъ 1304 годомъ читаемъ о переселеніи въ Москву черниговскаго боярина колонизатора Родіона Несторовича съ цѣлымъ полкомъ княжатъ и дѣтей боярскихъ, числомъ въ 700 человѣкъ; но гораздо сильнѣйшія свидѣтельства объ этомъ движеніи на сѣверо-востокъ мы находимъ въ старыхъ народныхъ преданіяхъ. Всѣ народныя пѣсни и былины, самыя древнѣйшія, повѣствующія о древнѣйшихъ приднѣпровскихъ князьяхъ Олегѣ, Владимірѣ, о тамошнихъ народныхъ богатыряхъ и городахъ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ и Волыни, до сего времени сохраняются въ народѣ и поются и разсказываются стариками и старухами изъ крестьянъ и мѣщанъ въ здѣшнемъ краю, тогда какъ всѣ сіи приднѣпровскія преданія давно уже утратились въ приднѣпровьѣ, гдѣ старина въ пѣсняхъ и былинахъ народныхъ не возходитъ старше казачества. Все это ясно показываетъ, что лучшая и наибольшая часть стараго приднѣпровскаго Славянскаго населенія во время татарскаго владычества, или позднѣе при занятіи Галича и Волыни польскимъ королемъ Казимиромъ перебралась на сѣверо-востокъ въ здѣшній край со всѣми своими мѣстными древними народными преданіями, и слившись съ здѣшнимъ славянскимъ населеніемъ, передала ихъ своимъ потомкамъ, которые и хранятъ ихъ въ своей памяти, какъ общую народную святыню всей русской земли и всего славянскаго племени на Руси. На тоже передвиженіе приднѣпровскаго славянства на сѣверо-востокъ и преобразованіе его въ велико-русскій типъ указываютъ и древніе приднѣпровскіе законы извѣстные подъ именемъ Русской Правды. Законы сіи въ прежнее время общіе всей Русской землѣ и особенно сильные въ приднѣпровьѣ, теперь рѣшительно тамъ забыты; тогда какъ въ здѣшнемъ краю они большею частію сохраняются простонародьемъ въ юридическихъ обычаяхъ, которымъ неуклонно слѣдуетъ народъ, когда дѣло не доходитъ до оффиціальнаго суда.

Выдвинутые обстоятельствами переселенцы изъ приднѣпровья, равно какъ и старые славянскіе обитатели здѣшняго края, пришедшіе въ разное время изъ Новгорода и изъ земли кривичей, далеко не были не подвижными домосѣдами въ здѣшнемъ краю, а напротивъ пользуясь раздѣленіемъ здѣшней страны на нѣсколько отдѣльныхъ и независимыхъ княжествъ, свободно переходили изъ одного княжества въ другое, бояре отыскивая себѣ болѣе тароватаго и ласковаго князя, а горожане и земледѣльцы поселяне, пріискивая себѣ житья болѣе спокойнаго и привольнаго, и менѣе отягощеннаго поборами въ княжескую казну, гдѣ бы они свободнѣе и выгоднѣе могли обзавестись своимъ хозяйствомъ. Это передвиженіе, не всегда выгодное въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, имѣло громадное значеніе этнографическое, оно недозволяло переселенцамъ изолироваться и принимать мѣстный типъ и

характеръ, и едвали не болѣе всего способствовало образованію сплошнаго одинаковаго велико-русскаго типа на пространствѣ всего здѣшняго края, и окончательно ославянило здѣшнихъ финновъ. Славянскіе колонисты изъ разныхъ краевъ и съ разными обычаями, передвигаясь свободно съ одного мѣста на другое и переходя изъ княжества въ княжество, такъ сказать обтирались другъ объ друга, увлекали за собою болѣе робкихъ и неповоротливыхъ Финновъ, и такимъ образомъ сглаживали племенныя и мѣстныя неровности и тѣмъ самымъ выработали своеобразный велико-русскій типъ, и какъ бы новое славянское племя, соединившее въ себѣ, годившіяся къ живому и живучему соединенію, отличительныя черты почти всѣхъ славянскихъ племенъ на Руси и здѣшнихъ финскихъ старожиловъ. Мало этого, свобода передвиженія и колонизаціи, вытекшая изъ первоначальнаго устройства Великаго-Новгорода, и всосавшаяся въ плоть и кровь первоначальныхъ здѣшнихъ колонистовъ изъ Новгородской земли, и отъ нихъ перелившаяся и къ болѣе позднимъ пришельцамъ изъ приднѣпровья и Волыни, разкинула велико-русское племя на огромныя пространства, на какія не разкидывалось ни одно изъ славянскихъ племенъ на Руси, даже и новгородцы. При посредствѣ свободы передвиженія велико-русское племя на югѣ охватило берега Дона и его притоковъ почти до Азовскаго моря и до предгорій Кавказа, на востокъ оно заселило берега Волги и ея притоковъ почти до Каспійскаго моря и проникло на Уралъ, а на сѣверо-востокѣ пробралось въ Сибирь, и вездѣ или разчищало дорогу послѣдующимъ государственнымъ завоеваніямъ, или при помощи колонизаціи успѣвало мѣстныхъ инородцовъ передѣлывать сперва въ полурусскихъ, а потомъ и въ Русскихъ людей, дозволяя имъ свободный доступъ въ свое общество съ однимъ непремѣннымъ условіемъ принятія православной вѣры, которая у велико-русскаго племени всегда считалась первымъ и невозвратнымъ шагомъ инородца къ полному братству съ русскими.

Опредѣливши значеніе велико-русскаго племени и порядокъ, какъ оно сложилось и образовалось, теперь слѣдуетъ разрѣшить вопросъ въ какомъ классѣ или въ какомъ сословіи нынѣшняго велико-русскаго общества мы должны искать болѣе чистый и безпримѣстный типъ велико-русскаго племени? Или иначе сказать, — въ какой классъ вошли какіе элементы, и какой классъ представляетъ въ своемъ образованіи болѣе единства и одноплеменности, и въ какомъ классѣ будетъ замѣтнѣе смѣшеніе разныхъ элементовъ и отсутствіе однообразія? Вопросъ этотъ требуетъ чисто историческаго рѣшенія, ибо только исторія намъ можетъ сказать, — какъ образовались классы или сословія въ русскомъ обществѣ и изъ какихъ элементовъ составился тотъ или другой классъ. И такъ обратимся къ исторіи и сдѣлаемъ опросъ каждому классу, какъ онъ образовался и на сколько можетъ служить типомъ Велико-Русскаго племени, и начнемъ этотъ опросъ съ дворянства, какъ передоваго сословія русскаго общества. Можетъ ли оно, по свидѣтельству исторіи, быть принято за болѣе чистый типъ велико-русскаго племени въ чисто этнографическомъ отношеніи, не касаясь ни его духа ни его тенденцій, которые конечно не могутъ быть не русскими.

Относительно образованія дворянскаго сословія, изъ какихъ элементовъ оно сложилось исторія отвѣчаетъ, что первоначально новгородское равно какъ и всякое другое славянское общество на Руси дѣлилось на большихъ и меньшихъ, къ первымъ принадлежали люди богатые, — землевладѣльцы, вотчинники, а ко вторымъ люди менѣе достаточные, жившіе на на общинныхъ земляхъ, и потому называвшіеся черными людьми общинниками. Изъ первыхъ образовались земскіе бояре, называвшіеся огнищанами, держателями земли. Изъ этого первоначальнаго образованія бояръ должно было бы заключить, что въ дворянствѣ или боярствѣ надобно искать самаго чистаго типа великорусскаго племени, ибо естественно предполагать, что бояре, какъ достаточные люди, роднились только въ своемъ классѣ, и такимъ образомъ предпочтительно предъ другими классами общества охраняли племенную чистоту крови въ своихъ родахъ. И до прибытія варяго-русскихъ князей такъ вѣроятно и было на самомъ дѣлѣ. Но съ прибытіемъ варяго-русскихъ князей и съ постепеннымъ развитіемъ княжеской власти обстоятельства, сюда относящіяся измѣнились совершенно въ противоположную сторону. Князья привели съ собою свою дружину изъ Варяговъ и потомъ постоянно пополняли ее разными пришельцали, нисколько не заботясь и не спрашивая о томъ, къ какому племени принадле-

житъ пришелецъ, поступающій въ дружину; старшіе же или лучшіе дружинники имѣли значеніе княжихъ бояръ, въ противоположность земскимъ боярамъ, и съ теченіемъ времени мало по малу, по мѣрѣ развитія княжеской власти, сдѣлались богатыми землевладѣльцами и смѣшались съ земскими боярами. А между тѣмъ приливъ иноплеменниковъ въ дружину не прекращался, и съ тѣмъ вмѣстѣ не прекращалось право свободнаго перехода дружинниковъ изъ одного княжества въ другое, да и притомъ сложился общій для всей Русской земли законъ, по которому дружинникъ или вообще бояринъ, переходя по какимъ нибудь своимъ видамъ изъ одного княжества въ другое, не терялъ права на поземельную собственность въ оставленномъ княжествѣ. Этотъ законъ прямымъ своимъ послѣдствіемъ имѣлъ то, что не только бояре изъ дружинниковъ, но и земскіе бояре, при первомъ неудовольствіи или какой нибудь личной невыгодѣ свободно стали переходить отъ одного князя къ другому, родниться съ тамошними боярами и опять возвращаться въ прежнее княжество, откуда вышли. При таковомъ порядкѣ всѣ боярскіе роды такъ перепутались, что единства и племенной чистоты крови въ боярскихъ родахъ нечего было уже и спрашивать, и къ тому же приливъ иноплеменниковъ пришельцовъ въ княжескую службу не прекращался и продолжалъ подновлять старую примѣсь иноплеменной крови новою также иноплеменною примѣсью.

Чтобы убѣдиться въ этомъ нетолько историчеcки, но даже, такъ сказать, статистически, стоитъ только проглядѣть родословную книгу русскаго дворянства, составленную по оффиціальнымъ и фамильнымъ документамъ въ послѣднюю четверть XVII столѣтія, въ въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Изъ этой книги мы видимъ, что къ концу XVII столѣтія велико-русское дворянство составляли: въ 1-хъ сто восемьдесятъ два княжескихъ и дворянскихъ рода происшедшихъ отъ потомковъ перваго русскаго князя Варяга Рюрика, которые въ свою очередь еще представляютъ страшное смѣшеніе племенъ по бракамъ; во 2-хъ сто тридцать три княжескихъ и дворянскихъ рода показаны отъ выѣзжихъ изъ разныхъ татарскихъ ордъ, — изъ Крымской, Нагайской, Синей, Золотой, Большой, Касуйской и другихъ, которые съ своей стороны также представляютъ непостижимое смѣшеніе разныхъ азіатскихъ племенъ, монгольскихъ, тюркскихъ и иныхъ. Въ 3-хъ сто пятдесятъ два дворянскихъ рода показаны происшедшими отъ выѣхавшихъ изъ разныхъ краевъ Германіи изъ старой еще не нѣмецкой Пруссіи, Даніи и Швеціи; въ 4-хъ девятнадцать дворянскихъ родовъ показаны изъ Италіи, Венеціи, Венгріи, Франціи и Англіи; въ 5-хъ сто четырнадцать родовъ поканы выѣхавшими изъ Польши, которая въ свою очередь представляла не проходимую путаницу въ смѣшеніи племенъ; въ 6-хъ семдесятъ восемь родовъ написаны выѣхавшими изъ Литвы, которая въ смѣшеніи племенъ едва ли уступала Польшѣ; въ 7-хъ двадцать четыре рода представлены выѣхавшими изъ Греціи, Турціи, Персіи, Грузіи, съ Кавказа, изъ Валахіи и Сербіи; въ 8-хъ тридцать семь родовъ изъ родныхъ краевъ Русской земли,—изъ Новгорода Великаго, изъ Смоленска, Кіева, Чернигова и другихъ; и наконецъ въ 9-хъ девяносто шесть дворянскихъ родовъ, обозначены въ родословной книгѣ такъ: «а отъ кого происходятъ въ родословныхъ не показано». Такимъ образомъ мы имѣемъ восемьсотъ сорокъ шесть дворянскихъ родовъ, которые въ XVII столѣтіи по родословной книгѣ показаны выѣзжими. А сколько ихъ еще не попало въ эту книгу? и сколько еще прибавилось къ смѣшенію племенъ въ русскомъ дворянскомъ сословіи по табели о рангахъ при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ, когда иностранцы шли толпами въ русскую службу и съ полученіемъ перваго офицерскаго чина въ арміи зачислялись въ русское дворянство? Да и до послѣдняго времени, когда нѣсколько сократился доступъ въ дворянство, перечисленіе по службѣ изъ разночинцевъ въ дворяне ежегодно производилось сотнями фамилій изъ разныхъ сословій и племенъ; ибо еще на нашей памяти первый офицерскій чинъ въ военной службѣ и осьмый классъ въ гражданской давали право на потомственное дворянство. Соображая всю эту вереницу разноплеменныхъ смѣшеній въ русскомъ дворянствѣ, конечно нельзя уже и думать, чтобы русское дворянство какимъ либо образомъ могло быть принято представителемъ чисто велико-русскаго типа въ этнографическомъ отношеніи.

Слѣдуя порядку сословій въ русскомъ обществѣ, после дворянства нужно обратиться къ духовенству и допросить его исторію. Судя по настоящему положенію русскаго духовенства, кажется смѣло можно указать на него, какъ на надежнѣйшаго хранителя безпримѣсной

чистоты велико-русскаго типа, въ настоящее время наше духовенство находится въ какомъ то кастическомъ и почти замкнутомъ положеніи, и хотя значительно много выпускаетъ изъ себя въ другія сословія, но въ себя почти никого не принимаетъ и поддерживается и пополняется только естественнымъ нарожденіемъ отъ своихъ же членовъ. Чего бы кажется лучше для этнографа; здѣсь типъ сохраняется какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ, любуйся на него, разсматривай его со всѣхъ сторонъ, и свѣтло и безопасно отъ внѣшнихъ вліяній, ни воздухъ ни мошка сюда непроберутся и не измѣнятъ свѣтлаго лика почтенной древности; но къ крайнему сожалѣнію этнографіи этому стеклянному колпаку не болѣе полутораста лѣтъ, онъ Петровской Фабрики, духовенство же на Руси существуетъ около девяти сотъ лѣтъ и прежнія историческія судьбы его далеко не походятъ на нынѣшнее положеніе. По свидѣтельству исторіи духовенство на Руси было такимъ же пришлымъ иноплеменнынъ элементомъ, какъ и княжеская дружина; при первоначальномъ принятіи христіанства оно было приглашено изъ Греціи и Дунайской Болгаріи; слѣдовательно было чисто иноземное, а не русское, и даже въ послѣдствіи подновлялось время отъ времени пришельцами изъ тѣхъ же Греціи и Болгаріи. Конечно таковыя иноплеменныя подновленія были не значительны; ибо еще при Владимірѣ и Ярославѣ были заведены училища, сперва въ Кіевѣ и Новгородѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ съ цѣлію приготовлять священниковъ и причетниковъ изъ мѣстныхъ жителей; слѣдовательно таковыми распоряженіями устранена необходимость пополнять духовное сословіе иноземными и иноплеменными пришельцами и дана возможность дѣлать таковыя пополненія приготовленными въ школахъ русскими людьми, которые мало по малу и образовали чисто русское племенное духовное сословіи постоянно пополнявшееся естественнымъ нарожденіемъ изъ своей среды. Таковыя мѣры, повидимому, если судить объ этомъ дѣлѣ по нынѣшнему положенію духовенства, должны были обезпечить за нимъ полное охраненіе чистоты русскаго типа; но таковое охраненіе возможно было только при замкнутости духовнаго сосковія, а этой то замкнутости въ древнемъ русскомъ духовенствѣ во все не было. По свидѣтельству исторіи съ одной стороны свободное передвиженіе изъ одного класса въ другой, присущее всему русскому обществу въ древности, было также присуще и духовенству, и посему не только дѣти священниковъ и дьяконовъ свободно переходили въ другія званія и рѣдко оставались въ званіи отцовъ, но даже сами священники, дьяконы и причетники по личнымъ соображеніямъ не рѣдко оставляли свое званіе и переходили въ другія сословія, и къ этому переходу особенно много способствовалъ, сложившійся въ XIV столѣтіи въ здѣшнемъ краю, церковный законъ, по которому вдовые священники и дьяконы недопускались къ отправленію священнодѣйствія и волей не волей должны были переходить изъ алтаря на крылосъ, т. е. съ священническаго на пречетническій доходъ; вслѣдствіе этого закона естественно всѣ еще не старые овдовѣвшіе священники и дьяконы спѣшили оставить свое званіе. А съ другой стороны выборное начало принятое русскою церковью при замѣщеніи церковныхъ должностей, постоянно пополняло русское духовенство пришлыми людьми изъ другихъ сословій по выбору прихожанъ, которые при этомъ ни чѣмъ и никогда не обязывались ограничивать свое избраніе только лицами духовнаго званія, а напротивъ выбирали по своему усмотрѣнію безъ различія сословій. Даже церковныя правила составленные въ Россіи не только вовсе не упоминаютъ о предпочтительномъ избраніи къ церковнымъ должностямъ изъ семействъ духовенства, но и указываютъ на выборъ изъ разныхъ сословій; такъ напримѣръ въ правилахъ Кирилла митрополита русскаго требуется только, чтобы не поставлять въ священники человѣка незнаемаго, а призывать напередъ сосѣдей, которые знаютъ избраннаго съ дѣтства, и чтобы поручились за его доброе поведеніе отецъ духовный и семь священниковъ съ прочими добрыми свидѣтелями, и при томъ напередъ поставлять въ причетники и отсылать поставленнаго въ соборную церковь подъ надзоръ старѣйшему священнику для наученія канонарханью и другимъ церковнымъ порядкамъ, затѣмъ поставлять по наученіи въ дьяконы и наконецъ въ священники. А посему въ священники и причетники свободно поступали и дворяне и посадскіе люди и крестьяне и даже вольно-отпущенные изъ рабовъ; такъ напримѣръ одинъ изъ князей Пожарскихъ, по свидѣтельству разрядныхъ дѣлъ, былъ пономаремъ въ селѣ,

а патріархъ Никонъ изъ крестьянъ былъ поставлелъ во священники къ одной Московской церкви, и только уже овдовѣвши поступилъ въ монашество. Принимая въ соображеніе все сіе, мы должны сознаться, что о сохраненіи чистоты племеннаго велико-русскаго типа въ духовенствѣ не можетъ быть и рѣчи. Оно собственно было не сословіемъ, а чиномъ, званіемъ, въ которое могъ поступать всякій, кто бы онъ ни былъ, лишь бы былъ достойнымъ посвященія.

За духовенствомъ въ порядкѣ сословной постепенности въ русскомъ обществѣ слѣдуетъ купечество и вообще чисто посадскіе или городскіе жители, непринадлежащіе ни къ дворянству, ни къ духовенству; а по сему въ нашихъ поискахъ за чистотою племеннаго велико-русскаго типа отъ духовенства перейдемъ къ посадскимъ людямъ, купцамъ или собственно горожанамъ. Исторія этого класса русскаго общества въ этнографическомъ отношеніи много говоритъ въ пользу того, что въ горожанахъ или посадскихъ людяхъ мы предпочтительно должны искать сохраненія велико-русскаго типа въ большей чистотѣ нежели въ другихъ сословіяхъ. По исторіи мы знаемъ, что купцы и вообще горожане въ здѣшнихъ городахъ всегда представляли коренной элементъ населенія чисто русскаго, и элементъ этотъ довольно подвижный въ отношеніи къ своимъ промысламъ, всегда былъ усидчивѣе и постояннѣе другихъ элементовъ общества относительно удержанія за собою прадѣдовскаго мѣстожительства; такъ что не только одни и тѣже купеческія фамиліи постоянно держалися въ однихъ и тѣхъ же городахъ, но даже изъ вѣка въ вѣкъ имѣли свои дворы большею частію на однихъ и тѣхъ же улицахъ и составляли постоянныя торговыя общины, члены которыхъ были наслѣдственные, или какъ тогда говорилось по отчинѣ, т. е. отъ дѣдовъ и отцевъ. Даже выселенцы изъ старыхъ городовъ въ пригороды не разрывали связей съ своими прежними сосѣдями и продолжали родниться съ ними, большею частію пріискивая себѣ женъ въ своихъ прежнихъ городахъ и выдавая замужъ своихъ дочерей туда же. Все это ручалось за болѣе вѣрное сохраненіе чистоты велико-русскаго типа предпочтительно въ горожанахъ.

Тѣмъ не менѣе горожане или купечество, какъ и всѣ сословія на Руси не составляли замкнутой касты, и въ горожане могъ вступать свободно каждый способный заниматься городскими промыслами и принимавшій на себя городское тягло; а по сему и городское сословіе или купечество не было ограждено отъ наплыва пришельцовъ со стороны. Впрочемъ пришельцы сіи преимущественно были изъ велико-русскаго же племени, особенно отличающагося способностію и склонностію къ торговлѣ изъ всѣхъ племенъ жившихъ на русской землѣ; слѣдовательно наплывъ пришельцевъ въ русскія города, сколько бы онъ нибылъ силенъ, неразрушалъ основнаго велико-русскаго элемента, а только подновлялъ его новыми силами изъ того же племени и тойже велико-русской крови. Конечно и иноплеменникамъ не былъ загражденъ путь въ велико-русскіе города, и они могли селиться тамъ и пріобрѣтать право гражданства; но коренные велико-русскіе горожане всегда туго сближались съ ними семейно, и отводили для нихъ особые слободы преимущественно на окраинахъ городовъ. Впрочемъ какъ скоро иноплеменникъ обжившись въ русскомъ городѣ принималъ русскую вѣру и обычаи, то онъ уже не считался иноплеменникомъ и съ нимъ охотно роднились чисто русскіе горожане; и такимъ образомъ иноплеменный элементъ свободно проникалъ въ русскіе города и въ этнографическомъ отношеніи болѣе и менѣе изкажалъ въ горожанахъ чистоту велико-русскаго типа разными помѣсями. Кромѣ того русскіе купцы въ старое время охотно покупали у азіатцовъ невольниковъ и особенно мальчиковъ, которыхъ привезши домой немедленно крестили въ русскую вѣру и употребляли для услугъ по торговлѣ; потомъ когда мальчикъ съ возрастомъ оказывалъ способности по торговымъ дѣламъ и велъ себя хорошо, то хозяева имѣли обычай причислять его къ своему семейству и женить на какой нибудь своей родственницѣ, а за не имѣніемъ сыновей иногда даже на собственной дочери, своей единственной наслѣдницѣ. Слѣдовательно и этимъ путемъ иноплеменная примѣсь значительно проникала въ русское купечество. И хотя у насъ нѣтъ купеческихъ родословныхъ книгъ, подобно дворянской родословной книгѣ, составленной при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; тѣмъ не менѣе есть довольно признаковъ и даже семейныхъ преданій въ купеческихъ фамиліяхъ, что въ велико-

русское купечество или вообще горожанство много вошло элементовъ греческаго и итальянскаго изъ крымскихъ колоній, малороссійскаго, бѣлорусскаго и другихъ славянскихъ племенъ, а также персидскаго, татарскаго и другихъ азіатскихъ племенъ чрезъ Казань, Астрахань и Кавказъ.

Но не смотря на всѣ сіи примѣси, въ русскихъ горожанахъ или посадскихъ людяхъ далеко не было такого смѣшенія племенъ, какъ въ дворянствѣ и даже духовенствѣ; въ купечествѣ были только болѣе или менѣе значительныя примѣси къ сильному коренному племени чисто велико-русскому. А по сему не безъ основанія русское купечество считается представителемъ болѣе цѣльнаго и чистаго типа велико-русскаго. Это же подтвержается и складомъ жизни и обычаевъ въ купеческихъ и вообще горожанскихъ домахъ, особенно въ городахъ не пограничныхъ, и гдѣ горожане еще не успѣли увлечься современными завозными требованіями общества, которыя особенно стали распространяться между купечествомъ въ послѣднее время. Мы можемъ теперь даже указать въ разныхъ русскихъ городахъ и самой Москвѣ такіе купеческіе дома, которые при огромномъ капиталѣ своихъ хозяевъ, въ нѣсколько милліоновъ, смотрятъ очень скромно съ какими нибудь пятью окошечками на улицу, а внутри отличаются только чистотою и уютностію безъ малѣйшихъ признаковъ блеска и роскоши; правду сказать хозяйки такихъ домовъ уже на половину принарядились въ модныя дорогія платья, но за то хозяева почти всѣ держатся русскаго національнаго наряда и бороды не брѣютъ, и во всемъ домашнемъ бытѣ строго держатся прадѣдовскихъ порядковъ велико-русскаго племени. А лѣтъ пятдесятъ тому назадъ такихъ домовъ между купечествомъ было не сравненно болѣе теперешняго времени; лѣтъ же за сто и полтораста почти все русское купечество, за весьма не многими исключеніями, держалось неуклонно старыхъ порядковъ въ домашнемъ быту и вообще въ образѣ жизни походило на современниковъ Іоанна Грознаго, а не Петра Великаго или Екатерины. Петровскія реформы, не смотря на всю строгость и настойчивость государя, туго принимались въ коренномъ русскомъ купечествѣ; купцы, базпрекословно повинуясь петровскимъ реформамъ въ дѣлахъ общественныхъ, твердо и неуклонно стояли за старый домашній бытъ, не хотѣли ни брить бородъ, ни надѣвать нѣмецкаго платья, и охотно платили положенные за это штрафы, только бы не измѣнять старымъ велико-русскимъ обычаемъ. Эта устойчивость въ сохраненіи прадѣдовскихъ обычаевъ и поклоненіе предъ родною стариною какъ святынею конечно ни чѣмъ другимъ условливается, какъ тѣмъ, что въ русскомъ купечествѣ, и вообще въ горожанахъ, племенный велико-русскій типъ менѣе подвергался вліянію иноплеменныхъ примѣсей, что онъ въ горожанахъ сохранился несравненно чище нежели въ дворянахъ, ибо дворяне скорѣе всѣхъ приняли петровскія реформы и измѣнили старому русскому быту именно потому, что въ дворянствѣ этотъ бытъ не былъ роднымъ и племеннымъ, что дворянство составилось изъ смѣси разныхъ племенъ. Конечно и между дворянами были люди крѣпко державшіеся за старину, какъ и между купцами скоро примирившіеся съ реформами; но тѣ и другіе въ своемъ сословіи составляли исключеніе, которое не уничтожаетъ общаго правила, что дворяне скорѣе поддались реформѣ, потому, что и старое у нихъ было прививное, а не племенное, а горожане упорнѣе отстаивали старый велико-русскій бытъ, потому что самое сословіе ихъ было цѣльнѣе и чище въ племенномъ отношеніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и старый велико-русскій бытъ былъ для нихъ роднымъ кровнымъ бытомъ, отъ котораго отстать было трудно.

Отъ купцовъ или вообще горожанъ, перейдемъ къ сельскимъ жителямъ или крестьянамъ. Этотъ классъ населенія, судя по нынѣшнему его положенію, повидимому долженъ бы былъ представлять самое устойчивое сословіе въ сохраненіи чистоты племеннаго типа, ибо по самымъ своимъ занятіямъ и образу жизни, крестьяне, тѣсно связанные съ землею, по преимуществу должны быть домосѣдными и тугими на перемѣщенія, и слѣдовательно волей не волей родниться въ своемъ племени и такимъ образомъ сохранять чистоту племеннаго типа. Но такъ должно бы быть, судя по настоящему положенію крестьянъ; историческія же судьбы этаго сословія говорятъ совершенно другое. До конца XVI столѣтія для крестьянина была открыта вся русская земля, и онъ свободно могъ переходить, и дѣйствительно переходилъ съ одной мѣстности въ другую, и селился тамъ гдѣ находилъ для себя удобнѣе ме-

жду своими ли единоплеменниками или между чужеродцами иноплеменниками. По свидѣтельству исторіи колонизація здѣшняго края велико-русскимъ племенемъ внѣ городовъ по преимуществу была произведена крестьянами, которые подобно американскимъ піонерамъ, бродили изъ края въ край по всей здѣшней сторонѣ, отыскивая удобнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ мѣстъ для поселенія, и охотно селились вездѣ, гдѣ находили для себя выгоднѣе, и роднились съ своими новыми сосѣдями инородцами, менѣе всего заботясь о чистотѣ своего племени. Самое устройство древнихъ крестьянскихъ общинъ на Руси, какъ не надо болѣе способствовало, и даже побуждало, къ постояннымъ передвиженіямъ довольно значительныхъ массъ сельскаго населенія. Полноправнымъ членомъ крестьянской общины считался только домохозяинъ, владѣющій опредѣленнымъ надѣломъ общинной земли, а по естественному ходу вещей крестьянскія семьи росли, общинная же земля оставалась въ одномъ положеніи, она не могла рости; а по сему за полною раздачею всей земли принадлежащей тому или другому селенію, всегда оставалось въ крестьянскихъ семьяхъ много членовъ, для которымъ уже не доставало поземельнаго надѣла, и которые потому не могли быть домохозяевами и, слѣдовательно, полноправными членами общины, и обыкновенно назывались вольными гулящими людьми, не имѣющими опредѣленнаго твердаго положенія; чтобы добиться твердаго положенія въ жизни они должны были добыть себѣ землю. И вотъ сіи то вольные люди, позапасшись какими-нибудь средствами изъ дому или при помощи заработковъ на сторонѣ, составляли партіи колонизаторовъ и отправлялись въ дикіе лѣса къ сосѣднимъ иноплеменникамъ, искать себѣ земли удобной для поселенія, и пріискавши таковую землю строили селеніе, обзаводились хозяйствомъ, и начинали вступать въ сношенія съ сосѣдями иноплеменниками, полудикими и робкими финнами, и подчинять ихъ своему вліянію, что разумѣется имъ, какъ людямъ болѣе развитымъ и бывалымъ, почти всегда удавалось. Робкіе, несоединенные между собою, и ничего, кромѣ своего дикаго лѣса, невидавшіе инородцы быстро русѣли, какъ скоро заводилась хотя небольшая колонія бойкихъ русскихъ крестьянъ опытныхъ въ земледѣліи и другихъ сельскихъ промыслахъ, и въ продолженіи своей вольной бродячей жизни умѣвшихъ развить въ себѣ энергію и предпріимчивость. Но за то въ свою очередь и сами русскіе крестьяне колонизаторы быстро подвергались физіологическому вліянію иноплеменниковъ, ибо будучи далеко не всѣ семейными, они волей неволей должны были спѣшить заключеніемъ браковъ у сосѣдей иноплеменниковъ, чтобы скорѣе обзавестись хозяйкой, которая нигдѣ такъ не нужна, какъ въ земледѣльческомъ промыслѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ естественно утрачивали чистоту своего племеннаго типа, о которой разумѣется они всего менѣе думали, дѣйствуя по требованіямъ нужды и обстоятельствъ.

Конечно свободное передвиженіе крестьянъ ежели съ одной стороны сильно способствовало смѣшенію племенъ и утратѣ чистоты русскаго типа, то нельзя отрицать, что оно же съ другой стороны давало сильныя средства поддерживать чистоту типа и подновлять племенную кровь. При свободѣ передвиженія молодыя русскія колоніи на дикомъ лѣсу, богатыя удобною землею, быстро пополнялись новыми пришельцами изъ русскихъ селеній, гдѣ количество вольныхъ гулящихъ людей, ищущихъ земли для поселенія, каждогодно естественнымъ порядкомъ прибавлялось; а таковые искатели, разумѣется охотнѣе селились между русскими же, у которыхъ много земли, и какъ на мѣсто уже насиженное и нѣсколько обрусѣвшее приводили и свои русскія семейства. Да и сами инородцы, поближе сошедшись съ русскими колонистами, и перенявши у нихъ образъ жизни земледѣльческій, охотно обзаводились русскими женами, какъ хозяйками болѣе привычными и способными вести земледѣльческое хозяйство. Кромѣ того и сами русскіе колонисты, привыкши мѣнять мѣста во время своей бродячей жизни въ вольныхъ или гулящихъ людяхъ, далеко не были неподвижными въ своихъ новыхъ поселеніяхъ на дикомъ лѣсу между инородцами, они охотно возвращались въ старыя русскія селенія, ежели открывалась возможность тамъ поселиться, ежели почему-либо въ русскихъ старыхъ селеніяхъ оказывалась лишняя земля для новыхъ надѣловъ; и въ такомъ случаѣ колонистъ возвращался на родину съ новымъ полурусскимъ семействомъ, которое въ свою очередь роднилось съ русскими людьми старыхъ поселеній; и такимъ образомъ смѣшеніе племенъ под-

новлялось и перемѣшивалось нѣсколько разъ, и какъ уже было замѣчено, выработало велико-русскій типъ. Исторія, особенно во время удѣловъ, намъ свидѣтельствуетъ, что крестьяне въ великой Руси значительными массами нѣсколько разъ передвигались изъ одного края въ другой, то изъ тверскихъ владѣній въ московскія, то изъ московскихъ въ тверскія, нижегородскія или ростовскія и наоборотъ, то въ рязанскія или смоленскія и черниговскія и назадъ на старыя мѣста откуда вышли, такъ что въ иное время одно княженіе богатѣло крестьянскимъ населеніемъ, а въ иное время вдругъ бѣднѣло. Таковыя передвиженія не прекращались и съ уничтоженіемъ удѣловъ и утвержденіемъ московскаго единодержавія, и продолжали способствовать постоянному смѣшенію племенъ и выработкѣ велико-русскаго типа чрезъ непрерывающееся подновленіе русской племенной крови въ полурусскихъ и полуинородческихъ колоніяхъ. Но прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, по слѣдовавшее въ послѣднемъ десятилѣтіи XVI столѣтія, не только остановило эту историческую важную работу выработки велико русскаго типа между инородцами, но и русскихъ крестьянъ, въ иныхъ мѣстностяхъ, заставило подчиниться физіологическому вліянію инородцевъ: ибо съ прикрѣпленіемъ къ землѣ, крестьяне потерявши право свободнаго передвиженія, съ тѣмъ вмѣстѣ утратили возможность подновленія и обмѣна племенной крови; и тѣ изъ нихъ, которыхъ прикрѣпленіе застало въ инородческихъ мѣстностяхъ, еще слабо обрусѣлыхъ, должны были по необходимости болѣе или менѣе принять въ себя чужеплеменный типъ, такъ что о нихъ можно сказать, душа-то у нихъ русская, а тѣло инородческое. И посему крестьянское сословіе вообще, не смотря на его велико-русскій характеръ, мудрено признать представителемъ чистоты велико-русскаго типа въ этнографическомъ отношеніи, хотя въ тоже время нельзя отрицать, что въ иныхъ мѣстностяхъ лица крестьянъ и весь складъ ихъ тѣла чисто велико-русскаго племеннаго типа; но при всемъ томъ, чтобы не впасть въ ошибку, повѣрку этого типа должно искать въ коренныхъ горожанахъ старыхъ русскихъ городовъ.

Такимъ образомъ ни одно изъ сословій русскаго современнаго общества не можетъ быть признано представителемъ чистаго велико-русскаго племеннаго типа, всѣ они въ большей или меньшей мѣрѣ по свидѣтельству исторіи подвергались смѣшенію съ иноплеменниками; тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что въ коренныхъ горожанахъ старыхъ русскихъ городовъ, и въ тѣхъ крестьянскихъ обществахъ, которыхъ прикрѣпленіе къ землѣ застало, въ мѣстностяхъ давно обрусѣлыхъ, уже неподвергавшихся иноплеменному вліянію, велико-русскій племенный типъ сохранился и до сего времени сохраняется въ большей чистотѣ. На это частію указываетъ до селѣ упорнѣе сохраняющійся въ этихъ двухъ сословіяхъ и складъ старой чисто велико-русской жизни; тогда какъ въ другихъ сословіяхъ, составленныхъ изъ смѣси племенъ, образъ жизни давно измѣнился и при томъ почти безъ сопротивленія и борьбы за старину, какъ напримѣръ въ духовенствѣ.

6. А. П. Богдановъ обратилъ вниманіе Отдѣленія на усилившійся въ послѣднее время интересъ къ краніологическимъ изслѣдованіямъ, указалъ на причину этаго и представилъ выписанные имъ для Антропологическаго Отдѣленія изъ за границы снаряды для измѣренія череповъ: краніографъ и краніофоръ Брока, кефалометръ Антельма, снаряды Луце (Lucae) и Вирзинга для полученія геометрическихъ рисунковъ и нѣкоторые другіе, употребляемые при антропологическихъ изслѣдованіяхъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій онъ обѣщалъ представить полное описаніе этихъ снарядовъ и показать ихъ употребленіе

За тѣмъ онъ представилъ гипсовые слѣпки съ черепа макрокефала, заказанные имъ для обмѣна за-границей на другіе черепа. Наконецъ отъ имени Комитета, избраннаго Обществомъ Любителей Естествознанія для устройства Этнографической выставки и Музея, онъ изложилъ цѣль этого музея, сообщилъ выработанные Комитетомъ планъ и программу его, выразилъ надежду на возможность скораго осуществленія предположеній Комитета и, какъ образецъ манекеновъ, предполагающихся для этого музея, представилъ отъ себя въ даръ Отдѣленію фигуру рязанской женщины, исполненную подъ руководствомъ профессора Н. А Рамазанова и одѣтую въ костюмъ, пожертвованный И. А. Бабинымъ.

Г. Директоръ Московскаго Публичнаго Музея Д. С. Левшинъ выразилъ полное свое сочувствіе пред-

пріятію Общества и изъявилъ готовность содѣйствовать Обществу въ достиженіи его цѣлей.

7. Г. Е. Щуровскій заключилъ засѣданіе слѣдующими словами:

Мм. Гг. Нынѣшнимъ засѣданіемъ заканчиваются наши общія собранія Антропологическаго Отдѣленія до будущаго академическаго года. Я считалъ полезнымъ задать себѣ вопросъ: опредѣлился-ли характеръ нашихъ занятій, выяснилась-ли намъ польза, которую они должны принести Обществу, приблизились-ли мы хотя на шагъ къ этой пользѣ? Строго обсуждая это, я лично выношу пріятное впечатлѣнія, получаю основательныя надежды въ нашу будущность. Я не стану подтверждать этого указаніемъ на значительное число болѣе или менѣе интересныхъ рефератовъ по различнымъ отдѣламъ антропологіи, предложенныхъ намъ въ четыре послѣднія засѣданія: объ этомъ скажутъ записки Отдѣленія, появленіе которыхъ, благодаря искренней преданности дѣлу антропологіи нашего Директора Д. П. Сонцова, стало дѣломъ не только желательнымъ и возможнымъ, но уже несомнѣннымъ. Я укажу только на два факта, будущность которыхъ теперь только что обезпечивается нами. Наша краніологическая коллекція, начало которой положено цѣннымъ даромъ Обществу Г. Гатцука, заключаетъ въ себѣ уже нѣсколько любопытныхъ череповъ. Но что особенно важно, такъ это то, что благодаря трудамъ И. М. Соколова, у насъ уже есть въ высшей степени важный ученый матеріалъ въ коллекціи великорусскихъ череповъ, изъ которыхъ болѣе 20 уже готовы вчернѣ. Эта коллекція составитъ дорогой подарокъ нашему Обществу и она будетъ услугой, оказанной имъ Университету. Кто знаетъ сколько труда нужно было на то, чтобы получить достовѣрные субъекты великоруссовъ для приготовленія череповъ, тотъ не можетъ не отдать должной справедливости заслугамъ нашего достойнаго сочлена профессора Соколова. Намъ остается только просить его продолжить этотъ трудъ и увеличить нашу коллекцію до той численности череповъ, какая необходима въ дѣлѣ краніологіи, гдѣ число представителей, число частныхъ фактовъ играетъ весьма важную роль. Снова повторяю: составленіе русской достовѣрной, удовлетворяющей требованіямъ науки, краніологической коллекціи одно уже составляетъ важное научное пріобрѣтеніе.

Второй фактъ, который радуетъ меня за будущее: это начало, которое вы видѣли, нашей этнографической коллекціи. Здѣсь опять Обществу представился сотрудникъ — спеціалистъ своего дѣла. Участіе Н. А. Рамазанова въ скульптурныхъ работахъ по выставкѣ ручается за то, что, благодаря его трудамъ, въ соединеніи съ изящнымъ проэктомъ размѣщенія коллекціи другаго нашего сочлена В. В. Соболева и здѣсь можно ожидать серьознаго пріобрѣтенія для науки

Но, Мм. Гг., злые языки говорятъ, что Русскіе хорошіе начинатели, но дурные совершители; что они падки до новинки и охладѣваютъ въ поддержкѣ дѣла. Я бы желалъ твердо надѣяться, что въ нашемъ дѣлѣ этого не будетъ, и это зависитъ отъ насъ самихъ. Какъ Президентъ Комитета для устройства этнографической выставки и музея, я обращаюсь ко всѣмъ нашимъ сочленамъ, ко всѣмъ сочувствующимъ нашему посильному стремленію распространить въ Россіи естественно-историческія знанія вообще и антропологическія въ особенности — не отказать въ своемъ дѣятельномъ содѣйствіи. Дѣло задуманное нами громадно. Невозможно всю тяжесть подготовительнаго труда для осуществленія этнографическаго музея возложить на немногихъ дѣятелей. Если бы каждый изъ насъ помогъ Комитету, хотя бы въ доставленіи возможности устроить только одну фигуру коллекціи, доставленіемъ костюмовъ и средствъ, то дѣло быстро бы двинулось впередъ, и нашему примѣру послѣдовали бы и другіе. Это тѣмъ возможнѣе, что усиліе, которое бы пришлось на долю каждаго изъ насъ, очень не велико, но въ массѣ это дало бы громадный результатъ. Можетъ быть, выраженное мною желаніе придетъ на память нашимъ сочленамъ разъѣзжающимся на лѣто въ разные концы Россіи и, можетъ быть, оно вызоветъ то, что мы скоро будемъ имѣть коллекцію собственно русскихъ костюмовъ и манекеновъ. Кто доживетъ, тотъ увидитъ сбудется-ли это, а мнѣ позвольте закончить наше засѣданіе полною надеждою на осуществленіе Русскаго Этнографическаго Музея.

Поступили пожертвованія отъ Призидента Г. Е. Щуровскаго: три каменные топора и желѣзный наконечникъ. Отъ Д. Ч. Л. И. Рагозина: молитва, носимая Калмыками на груди.

Были представлены для осмотра Гг. Членами: полный женскій Китайскій костюмъ, весьма дорогой работы, и многія другія Китайскія и Японскія вещи принадлежащія Гг. Кандинскимъ.

ЗАСѢДАНІЕ ДИРЕКЦІИ.

Іюня 5 дня, 1865 г.

Іюня 5-го дня, 1865 года происходило засѣданіе Дирекціи Антропологическаго Отдѣленія Общества Любителей Естествознанія подъ предсѣдательствомъ Директора Д. П. Сонцова, въ которомъ происходило слѣдующее:

1. Директоръ Отдѣленія Д. П. Сонцовъ, сообщивъ о томъ, что въ засѣданіи Совѣта Общества, бывшемъ 4-го іюня, положено было печатать въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ извлеченія изъ протоколовъ Совѣта, такъ какъ въ настоящее время поступаетъ много интересныхъ сообщеній и такъ какъ засѣданій Общества не будетъ до сентября мѣсяца, заявилъ, что имъ въ Совѣтѣ предложено было распространить эту мѣру и на протоколы Дирекціи Отдѣленія. По этому онъ предлагаетъ гг. членамъ Дирекціи обсудить это мнѣніе и постановить рѣшеніе. Опредѣлено: принять это предложеніе г. директора.

2. Секретарь Отдѣленія заявилъ, что по случаю своего командированія за границу Распорядительнымъ Комитетомъ Русской Этнографической Выставки, онъ, по соглашенію съ Директоромъ, передалъ исправленіе своей должности по Отдѣленію члену-основателю А. П. Богданову, который изъявилъ на то свое согласіе. При этомъ Секретарю Отдѣленія А. П. Федченко поручено осмотрѣть Этнографическіе и Антропологическіе музеи за-границей и пріобрѣсти тамъ вещи, которыя могутъ имѣть особенный интересъ для Антропологическаго Отдѣленія.

3. Директоръ Отдѣленія заявилъ слѣдующія полученныя имъ отношенія:

a) Е. П. Тышкевича въ Вильно, въ коемъ онъ извѣщаетъ, что имъ приготовляется къ отсылкѣ въ Отдѣленіе полная коллекція литовскихъ костюмовъ, собранная въ окрестностяхъ Трокъ, древней столицы Литвы; вмѣстѣ съ ними будутъ препровождены и свѣдѣнія о курганахъ, находящихся въ Виленской губерніи.

b) Н. Абрамова, въ Семипалатинскѣ, при коемъ онъ препровождаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о курганахъ, находящихся въ Семипалатинской области и оттискъ статьи своей о курганахъ и городищахъ въ Тобольской губерніи.

c) В. Хлопова, въ Полтавѣ, въ которомъ онъ, дѣлая нѣсколько общихъ замѣчаній о курганахъ Полтавской губерніи, говоритъ, что принялъ мѣры къ тому, чтобы собрать полныя свѣдѣнія о курганахъ по всей губерніи и не замедлить доставить ихъ въ Отдѣленіе.

d) Н. П. Бочарова, доставившаго свѣдѣнія о мѣстонахожденіи нѣкоторыхъ кургановъ въ Московской губерніи.

4. Представлены были пожертвованные въ Отдѣленіе г. Рукавишниковымъ костюмъ остяка и панцырь. Опредѣлено: благодарить.

5. Обсуждаемо было предложеніе членовъ Дирекціи А. П. Богданова и А. П. Федченко, заявленное ими въ Совѣтѣ Общества и переданное на обсужденіе Отдѣленія, относительно изданія перевода Антропологіи Вайтца, которое они желали бы помѣстить въ изданіяхъ Отдѣленія. Дирекція вполнѣ одобривъ это предложеніе, опредѣлила, отложить окончательныя рѣшенія о способѣ изданія до собранія переводчиками необходимыхъ данныхъ. При чемъ высказано было однакоже желаніе, чтобы первая часть этаго сочиненія, имѣющая составить приложеніе ко второму тому Извѣстій Отдѣленія, была издана не позже конца текущаго года.

6. Обсуждаемъ былъ вопросъ относительно ученыхъ приложеній къ оффиціальной части перваго тома; при чемъ одобрена была «Инструкція для антропологическихъ изслѣдованій и наблюденій, составленная П. Брока́ Секретаремъ Парижскаго Антропологическаго Общества и переведенная съ дополненіями А. П. Богдановымъ». Что же касается до нѣкоторыхъ оригинальныхъ матеріаловъ, имѣющихся уже въ Отдѣленіи, то Дирекція положила повременить нѣкоторое время ихъ изданіемъ для возможно большаго ихъ пополненія, имѣя въ виду значительное количество новыхъ фактовъ, которые Отдѣленіе почти положительно можетъ ожидать въ самомъ непродолжительномъ времени.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОБЩІЯ ИНСТРУКЦІИ

ДЛЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ И НАБЛЮДЕНІЙ.

СОСТАВЛЕННЫЯ

П. БРОКА́

Секретаремъ Парижскаго Антропологическаго Общества.

ПЕРЕВОДЪ И ДОПОЛНЕНІЯ

АНАТОЛІЯ БОГДАНОВА

ЧЛЕНА-ОСНОВАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ЕГО.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°.)

1865.

Цѣль изданія «Антропологическихъ Инструкцій» при первомъ томѣ «Извѣстій Отдѣленія» состояла въ томъ, чтобы вызвать въ Россіи изслѣдованія, удовлетворяющія современнымъ требованіямъ науки, и дать общую программу для наблюденій. Антропологія особенно страдала до сихъ поръ нестолько бѣдностію данныхъ, сколько тѣмъ, что эти данныя собирались безъ плана, безъ нужнаго однообразія въ пріемахъ, безъ чего невозможно сличеніе ихъ другъ съ другомъ, а слѣдовательно невозможны и достовѣрные выводы. Убѣжденіе въ этомъ и заставило Отдѣленіе принять за норму инструкціи Парижскія, такъ какъ это дѣлаетъ возможнымъ пользованіе, какъ при русскихъ изслѣдованіяхъ данными Парижскаго Антропологическаго Общества, такъ и на оборотъ. Отдѣленіе надѣется помѣстить скоро въ своихъ «Извѣстіяхъ» результаты изслѣдованій, произведенныхъ по этимъ инструкціямъ, но оно не можетъ не обратиться съ просьбою ко всѣмъ, интересующимся наукою о человѣкѣ, въ особенности же къ медикамъ нашихъ окраинъ, съ покорнѣйшею просьбою принять участіе въ его трудахъ. Антропологическія изслѣдованія въ Россіи представляютъ почти нетронутое поле, имѣютъ громадный интересъ. Всякому желающему предпринять рядъ серьезныхъ изслѣдованій, Общество Любителей Естествознанія несомнѣнно окажетъ всякое содѣйствіе, какое только находится въ его средствахъ; оно сумѣетъ оцѣнить серьезный и дѣльный трудъ. Не общіе выводы и общіе взгляды, основанные на нѣсколькихъ фактахъ, нужны отдѣленію, а богатое собраніе достовѣрныхъ фактовъ и данныхъ, что доступно всякому желающему добросовѣстно трудиться для науки.

Инструкціи имѣютъ цѣлію вызвать изслѣдованія и изъяснить программу ихъ. Но Отдѣленіе сочло полезнымъ прибавить къ нимъ дополненіе, въ которомъ указывается на то, что особенно интересно Обществу для осуществленія русскаго этнографическаго музеума и антропологической коллекціи, имѣющихъ составить необходимое пособіе для преподаванія и изученія антропологіи. Дополненія эти вовсе не имѣютъ той полноты, которую можетъ требовать важность затронутыхъ въ нихъ фактовъ. Они имѣютъ исключительною цѣлію указать только на то, въ чемъ особенно необходимо содѣйствіе иногородныхъ ученыхъ цѣлямъ Отдѣленія. Со временемъ, когда Обществу представится возможность, оно издастъ и болѣе подробныя этнографическія инструкціи, но въ настоящее время, при самомъ началѣ своей дѣятельности, оно не могло выполнить вполнѣ эту задачу, и потому ограничилось только нѣкоторыми указаніями. Съ этой исключительной точки зрѣнія Отдѣленіе проситъ смотрѣть на дополненія къ инструкціямъ.

ОБЩІЯ ИНСТРУКЦІИ

ДЛЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ И НАБЛЮДЕНІЙ *.

Изъ всѣхъ различныхъ отраслей естествовѣденія отрасль, имѣющая предметомъ изученіе племенъ человѣческихъ, безспорно представляетъ какъ наибольшій интересъ, такъ и наибольшую пользу; но несмотря на это она достигла наименьшаго совершенства. Нельзя, однакоже, приписать этотъ печальный результатъ невниманію путешественниковъ и наблюдателей: каждый изъ нихъ былъ убѣжденъ въ важности изученія человѣка и готовъ былъ пожертвовать такому изученію часть своего времени. Мало можно встрѣтить путешествій ученыхъ, артистическихъ или иныхъ, въ которыхъ мы бы не нашли доказательствъ, что авторъ приложилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы описать и охарактеризовать тѣ племена, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе. Но хотя число существующихъ уже и теперь наблюденій очень велико, несмотря на то, однакоже, относительно большинства человѣческихъ племенъ мы имѣемъ только данныя чрезвычайно поверхностныя и часто противорѣчащія другъ другу, такъ какъ даже самые ревностные и наиболѣе просвѣщенные изъ путешественниковъ ограничиваются лишь собираніемъ случайныхъ замѣчаній и впечатлѣній болѣе или менѣе точныхъ, руководясь только своимъ собственнымъ вдохновеніемъ, не имѣя передъ глазами ясно сознанной цѣли, не будучи знакомыми съ тѣми спеціальными вопросами, освѣтить которые должны ихъ наблюденія, и наконецъ—не будучи ознакомлены съ методомъ и способами антропологическихъ изысканій.

Много разъ уже ученыя учрежденія и различныя коммиссіи издавали инструкціи, предназначенныя служить руководною нитью путешественникамъ при ихъ изслѣдованіяхъ. Въ такихъ инструкціяхъ мы находимъ программу главнѣйшихъ вопросовъ—но опытъ показалъ, что все это вполнѣ недостаточно. Чтобы получить отвѣтъ на вопросъ, недостаточно только поставить его: нужно дать, кромѣ того, имѣющимъ случай рѣшить его и средства изучить элементы, входящіе въ составъ его. Конечно этого было бы ненужно, еслибы всѣ путешественники были анатомами, посвятившими себя изученію антропологіи; но такихъ очень мало, а другіе, боясь ошибиться, всего чаще отказываются отъ изслѣдованій, въ которыхъ они считаютъ себя некомпетентными. Человѣкъ, однакоже, не представляетъ большей трудности для наблюденій, чѣмъ растеніе или насѣкомое; каждый медикъ, каждый естествоиспытатель, каждый путешественникъ, внимательный и настойчивый въ своихъ изслѣдованіяхъ, можетъ измѣрять и описывать его методически, не имѣя надобности приготовляться къ этому спеціальнымъ изученіемъ,

---

* Инструкціи эти были одобрены Парижскимъ Антропологическимъ Обществомъ въ засѣданіи 17 іюля 1862 года, затѣмъ онѣ были дополнены замѣчаніями членовъ, сдѣланными въ засѣданіяхъ 6 ноября 1864, 19 ноября 1863 и 17 ноября 1864 года. Напечатаны онѣ въ 1865 г. въ Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris, T. II, fascicule deuxieme.

7*

такъ какъ данныя, которыя требуются при этомъ отъ наблюдателя, касаются признаковъ внѣшнихъ, могущихъ быть подмѣченными всякимъ желающимъ.

Цѣль нашего антропологическаго общества при изданіи этихъ инструкцій состоитъ въ томъ, чтобы указать всякому желающему — будь онъ путешественникъ или осѣдлый житель какой-нибудь мѣстности— способы споспѣшествовать своими изслѣдованіями успѣхамъ антропологіи. Поэтому въ этихъ инструкціяхъ нельзя было ограничиться только указаніемъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія: нужно было присоединить къ этимъ вопросамъ также ясное объясненіе методовъ и способовъ наблюденія. Мы предполагаемъ, что имѣющіе пользоваться этими инструкціями не принадлежатъ ни къ числу медиковъ, ни анатомовъ, и потому мы постараемся здѣсь уяснить имъ значеніе каждаго указываемаго факта, сообщая частныя данныя, касающіеся его. Мы обратимъ ихъ вниманіе на главнѣйшія причины ошибокъ, а также, наконецъ, познакомимъ ихъ съ способами простыми, легкими, скорыми и достаточно точными, могущими привести къ тому, чтобы данныя, собранныя различными наблюдателями, были на столько однородны, на столько удобо-сравниваемы другъ съ другомъ, какъ будто бы всѣ они были собираемы однимъ и тѣмъ же лицемъ.

Мы надѣемся, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи наши инструкціи могутъ быть полезны даже ученымъ, кругу дѣятельности которыхъ не чужды изслѣдованія и изысканія антропологическія. Конечно при этомъ мы далеки отъ того, чтобы стремиться ограничить поле личной инициативы, составляющей изобильный источникъ открытій и усовершенствованій. Мы сожалѣемъ только о томъ, что часто самые добросовѣстные труды, тѣмъ болѣе дорогіе, что принадлежатъ очень замѣчательнымъ ученымъ, оказываются въ противорѣчіи одни съ другими, вслѣдствіи того, что они были предприняты не на одинакихъ основаніяхъ. Если мы будемъ восходить до причинъ такихъ противорѣчій, то мы найдемъ источникъ ихъ въ несходствѣ методовъ наблюденія и въ различіи исходныхъ точекъ, принятыхъ при измѣреніи различныхъ частей тѣла. Такъ опредѣленіе относительной длины плеча и предплечія, относительнаго развитія передней и задней части головы, относительной величины черепа и лица и т. д. зависятъ отъ тѣхъ точекъ, которыя будутъ избраны нами для разграниченія сравниваемыхъ частей. Выборъ такихъ точекъ бываетъ часто затруднительнымъ даже и въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ скелетомъ, но трудность увеличивается несравненно болѣе при измѣреніяхъ на живомъ человѣкѣ. Всѣ, предпринимавшіе до настоящаго времени подобнаго рода изслѣдованія, сознавали необходимость поступать при этомъ всегда одинакимъ образомъ и составляли себѣ правила, которымъ неизмѣнно слѣдовали потомъ при своихъ изслѣдованіяхъ для того, чтобы имѣть возможность сравнивать результаты своихъ наблюденій. Если такую необходимость чувствуетъ каждый при своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ, то наука тѣмъ болѣе не можетъ не сознавать этой необходимости, когда ей приходится имѣть дѣло съ изслѣдованіями, притекающими къ ней изъ различныхъ источниковъ. По этому крайне желательно, чтобы въ ближайшемъ будущемъ различіе способовъ изслѣдованія замѣнилось бы однообразными правилами, и въ этомъ то убѣжденіи антропологическое общество поручило членамъ своей коммиссіи обратить особенное вниманіе на исходныя точки и другіе элементы измѣреній человѣческаго тѣла.

Опредѣленіе столь важныхъ признаковъ, каковы относящіеся къ цвѣту кожи, глазъ и волосъ, до настоящаго времени было крайне неудовлетворительно. Такъ какъ оттѣнки цвѣтовъ, замѣчаемыхъ у человѣка, несравненно многочисленнѣе терминовъ употребляемыхъ для ихъ обозначенія, и такъ какъ, притомъ, бо́льшая часть такихъ терминовъ не имѣетъ строго-опредѣленнаго значенія, то наблюдатели по большей части принуждены бываютъ, при описаніи цвѣта тѣла и различныхъ его частей, прибѣгать къ выраженіямъ болѣе или менѣе приблизительнымъ и потому самому легко приводящимъ къ ложному пониманію. Выраженія эти заимствуются у обыкновеннаго разговорнаго языка, вслѣдствіе чего они почти всегда бываютъ неопредѣленными, а иногда и совсѣмъ ошибочными. Такъ подъ общимъ терминомъ «бѣлокурые волосы» подразумѣваются очень различные оттѣнки, происходящіе отъ смѣшенія въ очень различныхъ пропорціяхъ желтаго, краснаго и даже чернаго цвѣта. Нѣтъ ничего неопредѣленнѣе этого термина; и часто случается, что одна и таже особа, разсматриваемая различными наблюдателями, относится одними къ

блондинамъ, другими къ русымъ, а третьими даже и къ рыжимъ. Еще болѣе велика неопредѣленность въ обозначеніи цвѣта глазъ. Черные глаза, о которыхъ такъ много пишутъ и которыми такъ восхищаются, въ дѣйствительности не существуютъ: ихъ цвѣтъ происходитъ отъ смѣшенія какого-нибудь простаго или сложнаго основнаго цвѣта съ большимъ или меньшимъ количествомъ чернаго. Такъ въ числѣ глазъ, называемыхъ черными, встрѣчаются какъ имѣющіе основнымъ цвѣтомъ зеленый или оранжевый (смѣсь желтаго съ краснымъ), такъ и голубой или голубовато-зеленый и т. д., и смотря потому, будутъ ли наблюдатели обращать вниманіе на основной цвѣтъ глаза или же на тѣнь его покрывающую, они назовутъ глазъ или чернымъ, или же голубымъ, коричневымъ, зеленымъ. Неточность выраженій не уменьшается и у глазъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, и этой неточности такъ трудно избѣгнуть, что одинъ замѣчательный антропологъ совсѣмъ отказался отъ попытки обозначать глаза по ихъ цвѣту и ограничился подраздѣленіемъ ихъ на три категоріи по *оттѣнку* (ton), представляемому ими: онъ отличаетъ глаза темные, средніе (intermédiaires) и свѣтлые. Цвѣтъ кожи приводитъ совершенно къ той же запутанности обозначенія, слѣдствія которой тѣмъ важнѣе, что многіе ученые поставили цвѣтъ кожи въ основаніе классификаціи человѣческихъ племенъ.

Сознавая недостаточность терминовъ, заимствованныхъ отъ названія цвѣтовъ, наблюдатели принуждены были во многихъ случаяхъ прибѣгать къ сравненію съ общеизвѣстными предметами каковы: мѣдь, бронза, красное дерево, шеколадъ, верхняя кожица нѣкоторыхъ плодовъ, дубленая кожа и проч. Но нѣтъ ни одного изъ этихъ предметовъ, который не могъ бы представлять различныхъ оттѣнковъ въ своемъ цвѣтѣ; кромѣ того часто встрѣчаются у человѣка оттѣнки, которые нельзя сравнить ни съ однимъ изъ извѣстныхъ предметовъ. Наконецъ наша память трудно удерживаетъ оттѣнки предметовъ, и мы часто ошибаемся въ обозначеніи ихъ, если не имѣемъ передъ глазами сравниваемыхъ предметовъ. Вслѣдствіе всего этого, мы считали необходимымъ присоединить къ нашимъ инструкціямъ хроматическую таблицу, на которой обозначены цвѣтомъ и нумеромъ главнѣйшіе и крайніе оттѣнки цвѣтности кожи, глазъ и волосъ. Съ этою таблицею въ рукахъ всѣ наблюдатели могутъ, съ достаточнымъ приближеніемъ къ истинѣ, обозначать съ помощію одного или двухъ нумеровъ каждый изъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, могущій имъ встрѣтиться. Ниже мы дадимъ болѣе подробное объясненіе употребленія этой таблицы.

Первая часть нашихъ инструкцій относится къ антропологическимъ коллекціямъ, вторая къ наблюденіямъ анатомическимъ и морфологическимъ, производимымъ надъ живымъ человѣкомъ, третья къ наблюденіямъ физіологическимъ.

Намъ часто придется въ этихъ инструкціяхъ спеціально имѣть въ виду путешественниковъ, но большая часть этихъ инструкцій столько же имѣетъ въ виду и постоянно живущихъ въ одной какой-либо мѣстности наблюдателей, и преимущественно нашихъ соотечественниковъ, такъ какъ не всегда племена наиболѣе отдаленныя отъ насъ наименѣе извѣстны, и до настоящаго времени, напримѣръ, Французскіе антропологи изучали, описывали и измѣряли гораздо чаще и больше негровъ, чѣмъ Французовъ.

ГЛАВА I.

ОБЪ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХЪ КОЛЛЕКЦІЯХЪ.

Въ составъ антропологическихъ коллекцій входятъ слѣпки, фотографіи или рисунки и анатомическіе препараты (черепа, скелеты, мозги, волоса и проч.).

Большая часть путешественниковъ имѣетъ возможность, кромѣ того, собрать болѣе или менѣе значительную коллекцію любопытныхъ предметовъ, могущихъ познакомить съ состояніемъ промышленности, искусствъ и знаній у посѣщенныхъ ими народовъ; такими предметами могутъ быть: оружіе, одежда, украшенія, домашняя утварь, идолы и т. п. Но мы не будемъ здѣсь останавливаться на такихъ предметахъ, желая строго ограничить нашу программу только вопросами, относящимися до анатоміи человѣческихъ племенъ. Мы замѣтимъ здѣсь только то, что вмѣстѣ съ черепами и костями, вырытыми изъ гробницъ и кургановъ, желательно получить, если это только возможно, нѣкоторые изъ наиболѣе характеристическихъ предметовъ, вырытыхъ изъ тѣхъ же могилъ и кургановъ; кромѣ этого во всякомъ случаѣ необходимо при черепахъ и костякахъ изъ древнихъ могилъ доставлять, какъ описаніе самихъ могилъ и ихъ устройства, такъ и описаніе положенія костяка и всѣхъ вещей, найденныхъ съ нимъ (См. дополненія).

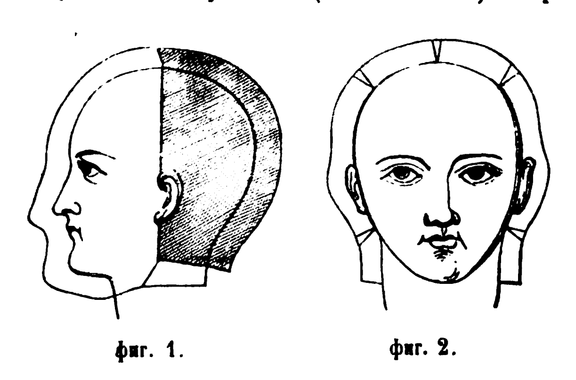
§ 1. *Гипсовые слѣпки.* Части тѣла, съ которыхъ особенно желательно имѣть слѣпки, суть: голова, рука, и нога. При каждомъ слѣпкѣ должны находиться: 1) надпись съ обозначеніемъ имени, пола, возраста, страны или племени, мѣстожительства и мѣсторожденія особи; 2) обозначеніе цвѣта кожи особи по хроматической таблицѣ. Если слѣпокъ будетъ съ головы, то нужно обозначить нумерами хроматической таблицы цвѣтъ волосъ, бровей и бороды, такъ какъ желательно, чтобы по доставленіи такихъ слѣпковъ въ музей Общества, ихъ возможно было раскрасить. Въ случаѣ, еслибы цвѣтъ кожи не подходилъ вполнѣ ни къ одному цвѣту таблицы, то можно обозначить этотъ цвѣтъ двумя нумерами, наиболѣе подходящими къ нему, но всего лучше было бы приложить къ слѣпку небольшой рисунокъ акварелью, точно выражающій цвѣтъ особи; 3) всегда и во всякомъ случаѣ желательно, чтобы къ слѣпку головы присоединялся обращикъ волосъ. Не всегда путешественникамъ бываетъ возможно получить позволеніе отъ туземцевъ на снятіе слѣпка съ живой особи, что кромѣ того требуетъ и извѣстнаго навыка и умѣнья. Но всякій можетъ снять слѣпокъ съ головы трупа, и потому, если бы кому-либо представился такой случай, то его упускать не слѣдуетъ.

Примѣчаніе. Считаемъ не лишнимъ пополнить это мѣсто инструкцій подробнымъ описаніемъ способа формовки головы живыхъ и мертвыхъ людей, указаннаго *Ритчелемъ*, профессоромъ скульптуры въ королевско-саксонской Академіи Изящныхъ Искусствъ, и помѣщеннаго въ прибавленіи къ сочиненію Каруса «Grundzüge eines neuen und wissenschaftlich begründeten Cranioscopie. 1841».

Для формовки головы живаго человѣка, говоритъ Ритчель, нужно поступать слѣдующимъ образомъ: волоса гладко зачесываются назадъ и на стороны (такъ что освобождается и открывается вся средин-

ная продольная линія головы) и затѣмъ сильно напомаживаются мозговою помадой, такъ что они слипаются и прилегаютъ къ головѣ; также напомаживаются брови, вѣки и рѣсницы (послѣднія непосредственно передъ накладкою гипса, и за тѣмъ глаза остаются уже во все время операціи закрытыми); при сильно развитыхъ густыхъ бровяхъ еще лучше помады—употребленіе для этой цѣли жидкой глины. Хорошо, если тотъ, съ котораго формируютъ, не ложится, такъ какъ сидячее положеніе его благопріятнѣе для сохраненія обыкновеннаго спокойнаго выраженія лица, и притомъ гипсъ меньше можетъ давить на формы этого послѣдняго.

Насыпавъ въ чашу съ водою столько гипсу и такъ размѣшавъ его, что уже не осталось комочковъ и составъ принялъ густоту хорошо увареннаго супа, даютъ постоять смѣси отъ одной до двухъ минутъ, смотря по свойству гипса и по большей или меньшей способности его дѣлаться вязкимъ. Затѣмъ ложкою накладываютъ смѣсь сначала на заднюю часть головы, понемножку покрываютъ ею всю эту часть головы и утолщаютъ слой смѣси, пока вся форма не получитъ равномѣрно вездѣ отъ 1 до $^4/_5$ дюйма толстоты. Границу, до которой должна доходить эта задняя часть формы, можно видѣть изъ слѣдующаго чертежа (фиг. 1 и 2). Граница

фиг. 1. фиг. 2.

эта должна идти отъ затылка по обѣимъ сторонамъ головы и уклоняться нѣсколько кзаду у внѣшняго края уха, причемъ нужно особенно остерегаться того, чтобы не выдавить ухо изъ его естественнаго положенія. Когда край формы вездѣ представится равномѣрно высокимъ, то плоскость его нѣсколько подравниваютъ подрѣзомъ. Если на формѣ встрѣтятся воздушныя пустоты, то онѣ замазываются гипсомъ, а на окружности формы дѣлается отъ 4 до 5 клинообразныхъ плоскихъ надрѣзовъ, идущихъ снаружи внутрь, или же вмѣсто нихъ производятъ столько же клинообразныхъ углубленій, имѣющихъ въ глубину не болѣе $^1/_2$ дюйма и предназначенныхъ для того, чтобы при соединеніи формы обѣ половинки хорошо сошлись и пристали другъ къ другу. По окончаніи всего этого, вся краевая плоскость смазывается масломъ, мыломъ или жиромъ для того, чтобы накладываемый спереди новый гипсъ не слипался съ заднею формой.

Когда все это сдѣлано, то формирующійся можетъ нѣсколько откинуться назадъ; затѣмъ затыкаютъ ему уши ватой, а все лице намазываютъ немного жидкимъ масломъ для того, чтобы къ формѣ не пристали тонкіе личные волоски. Кончивши это, начинаютъ накладывать свѣжій гипсъ на верхнюю часть головы, на лице и у края задней формы; гипсъ постоянно накладывается на лобъ, ноздри и прочія переднія части лица, а онъ уже самъ стекаетъ на ниже лежащія части. Въ случаѣ же, если бы гипсъ не дотекалъ до всѣхъ такихъ частей, то нужно его туда набрасывать ложкою, подобно тому какъ набрасываютъ штукатуры известку, конечно болѣе осторожнымъ и нѣжнымъ образомъ.— Ноздри могутъ безъ всякой опасности оставаться открытыми и безъ вставленія въ нихъ перушковъ для дыханія, такъ какъ у сидячаго, по мѣрѣ того какъ гипсъ накладывается на лобъ и носъ, онъ стекаетъ черезъ этотъ послѣдній и ложится около него и подъ нимъ такъ, что его толстоту можно увеличивать, не закрывая ноздрей.

Когда гипсъ передней доли формы сдѣлался достаточно твердымъ, то стараются осторожно отдѣлить форму, пропуская въ различныхъ мѣстахъ шва долото, или другой какой-либо инструментъ, и по немногу приподнимая и отодвигая отъ лица форму. Если край формы былъ достаточно намазанъ масломъ или мыломъ, то скоро можно уже отдѣлить съ осторожностью обѣ формы; затѣмъ кладутъ ихъ минутъ на 10 въ воду или же вмѣсто этого ихъ изнутри, немного однакоже, обмазываютъ масломъ для того, чтобы модель не прилипала къ формѣ. Наконецъ обѣ половинки формы связываются крѣпкою бичевкою или веревкой, въ самую форму наливается гипсъ, взбалтывается въ ней и снова выливается, затѣмъ снова наливается и т. д., пока его не наляжетъ извнутри на форму на столько,

что модель получитъ достаточую толстоту (для этого требуется не болѣе 1 дюйма).

Когда за тѣмъ модель достаточно отвердѣла, то берутъ долото и стараются, легко ударяя на него (для чего всего лучше употреблять деревянный молоточекъ или просто кусокъ дерева), отламывать кусочекъ за кусочкомъ отъ формы, остерегаясь тщательно не допустить долота до модели. Около ушей, которыя легко ломаются, нужно стараться освободить отъ формы ихъ переднюю часть на модели, а у задняго края вырѣзывать и разламывать ножемъ форму на маленькіе кусочки. Такимъ образомъ получаютъ полную модель изъ первой, такъ называемой потерянной формы.

Съ формовкою мертвыхъ поступаютъ совершенно такимъ же образомъ. Чтобы сдѣлать форму задней части головы, нужно приподнять и поддерживать голову, но при формировании передней половины можно опять положить ее, такъ какъ здѣсь не существуетъ тѣхъ выгодъ, которыя представляетъ у живыхъ людей сидячее положеніе. Если хотятъ снять только маску съ мертвеца, то весьма легко вмѣстѣ съ нею сформировать и ухо.

§ 2. *Фотографіи.* Фотографическія изображенія желательно имѣть 1): съ головъ *непокрытыхъ* (nues), снимки съ которыхъ должны быть дѣлаемы или прямо съ *фаса*, или же *строго въ профиль*; снимки съ другихъ точекъ и при другихъ оборотахъ не представляютъ никакой пользы. 2) портреты во весь ростъ, снятые строго съ фаса; снимаемый субъектъ долженъ стоять прямо, быть по возможности болѣе раздѣтымъ, а еще лучше голымъ, и руки должны висѣть съ каждой стороны тѣла.

Кромѣ этого могутъ имѣть интересъ и значеніе снимки во весь ростъ съ особей, окруженныхъ всѣми характеристическими принадлежностями племени, какъ-то одеждою, утварью и проч. Фотографіи должны быть сопровождаемы тѣми же указаніями какъ и слѣпки, и при нихъ всегда должны быть указаны нумера, выражающіе цвѣтъ кожи, глазъ, волосъ, бороды и бровей. Къ этому должно быть присоединено указаніе, позволяющее составить себѣ понятіе о естественной величинѣ предмета, для чего нужно измѣрить на живой особи разстояніе двухъ очень опредѣленныхъ и рѣзко видимыхъ на фотографіи точекъ и записать эту мѣру. Если это будетъ портретъ во весь ростъ, то достаточно указать только величину этого послѣдняго.

§ 3. *Анатомическіе препараты.* — Сюда принадлежатъ: 1) черепа, 2) скелеты, 3) тазы, 4) мозги, 5) куски кожи, 6) образчики волосъ на головѣ, бородѣ, и вообще волосы, 7) головы мумифицированныя.

А. *Черепа.* — Необходимо собирать *возможно большее число* череповъ каждаго племени, такъ какъ форма черепа обыкновенно представляетъ у одного и того же племени очень замѣтныя индивидуальныя уклоненія. Не нужно также выбирать только тѣ черепа, которые кажутся наилучшими, но брать *безъ выбора сподрядъ* всѣ тѣ, которые болѣе или менѣе цѣлы. Всякій выборъ въ этомъ отношеніи можетъ привести къ ложному выводу, такъ какъ при этомъ можно принять за типическій племенной черепъ такой, который въ сущности представляетъ только индивидуальное отклоненіе. Необходимо тотчасъ же укрѣпить клеемъ шатающіеся зубы и, чтобы избѣжать путаницы, написать на темянной кости перомъ *точное* обозначеніе мѣста откуда происходитъ черепъ, и отмѣтить тутъ же—найденъ ли онъ былъ въ гробницѣ или гдѣ именно; прибавить названіе племени или расы, къ которой по всей вѣроятности можно отнести черепъ. Наконецъ, если черепъ приготовленъ съ извѣстнаго субъекта, то написать его имя, полъ и возрастъ, подъ вышеупомянутыми указаніями. Никакой каталогъ, составляемый даже съ наибольшею аккуратностію, не можетъ замѣнить этой неизгладимой надписи. Нижнюю челюсть тотчасъ же слѣдуетъ прикрѣпить къ скуловой дугѣ ниткою, завязанною мертвымъ узломъ. Если не принять тотчасъ же этой предосторожности, то очень можетъ случиться, что въ послѣдствіи нельзя будетъ подобрать вѣрно челюсти къ черепамъ.

Черепа, снабженные нижнею челюстью, представляются наиболѣе драгоцѣнными, но такіе черепа встрѣчаются всего рѣже въ коллекціяхъ, и потому чѣмъ больше будетъ собрано такихъ, тѣмъ лучше. Тамъ, гдѣ большое число особей было похоронено вмѣстѣ, почти всегда черепа и нижнія челюсти бываютъ разрознены, и часто нужно бываетъ особенное счастье, чтобы при такихъ условіяхъ найти одинъ или два черепа съ челюстью. Въ первомъ случаѣ не нужно терять времени на подыскиваніе челюстей

къ черепамъ, а собирать какъ тѣ, такъ и другіе отдѣльно. Не безполезно обратить здѣсь вниманіе на то, что нужно доставлять и собирать нижнія челюсти, такъ какъ большая часть путешественниковъ не дѣлала до настоящаго времени этого, безъ сомнѣнія полагая, что эти кости, разрозненныя отъ другихъ костей черепа, не представляютъ никакого значенія. Мы должны поэтому выставить здѣсь на видъ путешественникамъ, что коллекція челюстей представляетъ большой интересъ, въ особенности если рядомъ съ такою коллекціей существуетъ и собраніе череповъ изъ той же мѣстности.

Черепа, вырытые изъ древнихъ могилъ и кургановъ, по большей части находятся въ такомъ хрупкомъ состояніи, что сохраненіе ихъ становится затруднительнымъ. Поэтому съ ними нужно обращаться слѣдующимъ образомъ. Слѣдуетъ съ осторожностью освободить и очистить ихъ отъ земли, обыкновенно наполняющей ихъ. Если земля пристала къ черепу, то отнюдь не должно размягчать ее водою, такъ какъ отъ этого можно размягчить и самыя кости черепа; въ такомъ случаѣ нужно разрыхлить землю, съ помощію деревянной палочки или колышка, чрезъ затылочное отверстіе (это та большая дыра, которая замѣчается посрединѣ нижней поверхности черепа). Нѣкоторые полагали, что самый лучшій способъ придать большую плотность хрупкимъ черепамъ и тѣмъ предохранить ихъ во время путешествія—состоитъ въ томъ, чтобы наполнить ихъ гипсомъ чрезъ затылочное отверстіе. Этотъ способъ крайне плохъ: гипсъ, отвердѣвая, увеличивается въ объемѣ и разрываетъ черепъ на большое число кусковъ. Нужно употреблять совершенно другой способъ для приданія крѣпости не только хрупкимъ черепамъ, но вообще всѣмъ хрупкимъ костямъ, которыя хотятъ сохранить. Для этого погружаютъ кость на нѣсколько минутъ въ концентрированный растворъ желатины и потомъ высушиваютъ ее на вольномъ воздухѣ. Другой способъ, еще болѣе дѣйствительный, указанъ Шталемъ и употребляется постоянно въ Парижскомъ Музеумѣ Естественной исторіи. Онъ состоитъ въ томъ, что въ маленькой чашечкѣ растапливаютъ немного спермацету, и потомъ, когда онъ начинаетъ закипать, намазываютъ его кистью на поверхность хрупкой кости. Спермацетъ впитывается въ самую кость и чрезъ нѣсколько минутъ, когда успѣетъ охладѣть, она получаетъ твердость почти равную свѣжей кости и, притомъ, сохраняетъ свою форму и строеніе. Этимъ способомъ можно въ нѣсколько минутъ сдѣлать твердыми вещества самыя хрупкія, каковы: ископаемыя кости, соль, сахарный песокъ, испанскія бѣлила и проч.

Черепа, о которыхъ теперь идетъ здѣсь рѣчь, иногда представляютъ трещины, выломы, разошедшіеся швы и вывалившіяся кости. Всѣ эти недостатки нужно тотчасъ же исправить клеемъ. Лучшій клей для этого получается, если распустить въ концентрированномъ растворѣ гумми-арабика бумажное тѣсто изъ бѣлой бумаги. Къ этому прибавляютъ небольшое количество охры въ порошкѣ, чтобы придать раствору желтоватый оттѣнокъ, сходный съ обыкновеннымъ цвѣтомъ старыхъ костей. Раствору этому придаютъ густоту каши и потомъ накладываютъ его вершиною ножа на ту поверхность, которую хотятъ справить. Иногда бываетъ необходимо при этомъ скрѣпить кости нѣсколькими оборотами нитки или бичевки, или же другимъ какимъ-либо способомъ. Такой клей обыкновенно черезъ сутки становится достаточно плотнымъ.

Черепа, получаемые при археологическихъ раскопкахъ, вырытые, напримѣръ, изъ кургановъ или древнихъ гробницъ, часто распадаются на значительное число кусочковъ. Въ моментъ разрытія они представляются почти цѣлыми, но тотчасъ же разламываются, какъ скоро ихъ станутъ вынимать и обчищать. Самый лучшій способъ сохраненія такихъ черепов состоитъ въ томъ, чтобы ихъ на мѣстѣ же подвергнуть процессу Шталя, т. е. покрыть съ помощію кисточки слоемъ или нѣсколькими послѣдовательными слоями спермацета. Какъ скоро кость остынетъ, она тотчасъ же получитъ достаточную плотность. Но не всегда можно имѣть при себѣ все необходимое для этого, да и кромѣ того черепа часто бываютъ разломаны въ тоже время, какъ ихъ только—что найдутъ и откроютъ. Такіе черепа тоже непремѣнно должны быть сохранены, причемъ всѣ кусочки, большіе и маленькіе, принадлежащіе одному и тому же черепу, должны быть собраны съ крайнею тщательностію, положены въ особую коробку, съ необходимою надписью, и отосланы въ музей Общества.

Опытные анатомы могутъ возстановлять въ очень

удовлетворительномъ видѣ черепа, распавшіеся на значительное число кусочковъ. Это требуетъ терпѣнія и нѣкотораго навыка. Здѣсь нужно не только подобрать кусочки другъ къ другу, но и склеить ихъ въ опредѣленномъ направленіи, малѣйшее уклоненіе отъ вѣрности котораго можетъ повлечь за собою большія затрудненія и сдѣлать невозможнымъ склеиваніе послѣднихъ кусочковъ. Поэтому нужно употреблять для склеиванія массу, позволяющую передѣлки и поправки. Обыкновенный клей, требующій для своего размягченія продолжительнаго размачиванія, вовсе негодится для этого. Здѣсь слѣдуетъ пользоваться массою вышеуказанною нами, т. е., полученною чрезъ распусканіе пережеванной бумаги въ концентрированномъ растворѣ гумми-арабика, такъ какъ она сохнетъ медленно, и хотя черезъ 24 часа она и получаетъ достаточную плотность и крѣпость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сохраняетъ еще въ продолженіи нѣсколькихъ дней способность легко впитывать воду. Достаточно смочить нѣсколькими каплями воды линію, соединяющую два кусочка, и чрезъ четверть часа клеевая масса на этомъ мѣстѣ уступаетъ легкому давленію. Если склеиваніе происходило задолго до поправки и масса успѣла вполнѣ высохнуть, то такого смачиванія уже оказывается недостаточнымъ для разъединія частей; чтобы достигнуть этого, нужно въ такомъ случаѣ погружать на полчаса всю склеенную кость въ воду, а это можетъ повести къ очень вреднымъ послѣдствіямъ. Но такъ какъ почти всегда можно успѣть склеить нѣсколько кусковъ въ день, то возстановленіе черепа обыкновенно оканчивается прежде, чѣмъ клеевая масса успѣетъ получить очень значительную плотность. Указанная нами клеевая масса есть родъ бумажнаго тѣста (carton-pâte), съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь чистую и простую воду этого послѣдняго замѣняетъ концентрированный растворъ гумми-арабика; поэтому это тѣсто, или эту клеевую массу, можно очень удобно употреблять для выполненія и замазки проломовъ на черепѣ и недостающихъ костей. Для этого массѣ придаютъ бо́льшую густоту, увеличивая въ ней пропорцію жеванной бумаги, и эту мягкую массу или тѣсто накладываютъ остріемъ ножа на края отверстія до тѣхъ поръ, пока оно совсѣмъ не будетъ закрыто и замазано. Парижское Антропологическое Общество сохраняетъ въ своемъ музеѣ очень драгоцѣнные черепа, возстановленные такимъ образомъ, хотя они присланы были въ общество разломанными болѣе чѣмъ на полусотню кусочковъ. Но для того, чтобы такое возстановленіе было возможно, необходимо чтобы собиратели череповъ сохраняли вмѣстѣ, и не смѣшивали съ другими, всѣ обломки одного и того же черепа.

В. *Скелеты.* Довольно рѣдки случаи, чтобы можно было добыть цѣлый скелетъ, и потому нужно пользоваться всякою возможностью къ этому. Случается, что послѣ какой-нибудь битвы съ туземцами или же изъ гошпиталей, находящихся въ пограничныхъ и портовыхъ городахъ, можно получить одинъ или нѣсколько труповъ, принадлежащихъ къ извѣстному племени или расѣ. Приготовленіе изъ нихъ скелетовъ бываетъ очень медленно и затруднительно въ прѣсной водѣ, но оно совершается очень скоро и почти безъ затрудненій въ морской водѣ. Для этого бываетъ достаточно снять самымъ грубымъ образомъ мясо и положить, нѣсколько очищенныя такимъ образомъ, кости въ деревянный ящикъ, хорошо заколоченный и снабженный многочисленными маленькими дырочками, и потомъ опустить этотъ ящикъ въ море. Черезъ нѣсколько недѣль кости обчищаются, снова подвергаются вымачиванію и затѣмъ выставляются на свѣжій воздухъ, на которомъ онѣ скоро теряютъ запахъ и получаютъ должный видъ. Каждый скелетъ непременно долженъ быть сохраняемъ въ *отдѣльномъ* ящикѣ для того, чтобы можно было потомъ безъ ошибки собрать его. Относительно племенъ мало изслѣдованныхъ не только полный скелетъ, но въ случаѣ невозможности получить его, и всякая кость составляетъ дорогое пріобрѣтеніе. Полная верхняя или нижняя конечность, полный тазъ уже сами по себѣ имѣютъ большое значеніе.

С. *Тазъ.* Послѣ изслѣдованія череповъ, изученіе устройства и формы таза различныхъ племенъ должно обратить особенное вниманіе наблюдателей по своей важности, такъ какъ форма таза представляетъ большія видоизмѣненія у различныхъ племенъ, и повидимому наука уже уловила важныя соотношенія, существующія между формами головы и таза. Тазы взрослыхъ женщинъ представляютъ наибольшій интересъ. Если у наблюдателя будетъ въ распоряженіи цѣлый трупъ, и если онъ считаетъ невозможнымъ

сохранить цѣлый скелетъ, то ему легко будетъ покрайней мѣрѣ сохранить тазъ; для этого достаточно, снявъ съ него предварильно мясо, подвергнуть его въ продолженіи двухъ недѣль вымачиванію, затѣмъ обчистить его, не разрѣзывая связокъ, и, опустивъ его снова въ воду дня на два или на три, высушить на воздухѣ.

Д. *Головные мозги*. Извлеченіе и приготовленіе головнаго мозга требуетъ извѣстной анатомической опытности, навыка и особыхъ предосторожностей, но несмотря на это мы не можемъ не обратиться съ особенно убѣдительною прозьбой къ медикамъ, естествоиспытателямъ и путешественникамъ—не упускать ни одного случая достать этотъ важный органъ.

До сихъ поръ можно было составить себѣ понятіе только косвеннымъ образомъ о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя представляютъ объемъ и форма мозга у различныхъ человѣческихъ племенъ: вмѣсто того чтобы изучать самый мозгъ, мы должны были ограничиваться изученіемъ коробки, заключающей его. Если краніологія играетъ такую важную роль въ антропологическихъ изслѣдованіяхъ, то это главнымъ образомъ потому только, что нѣкоторые изъ свойствъ мозга выражаются внѣшнимъ образомъ въ очертаніяхъ костей черепа. Очевидно, что непосредственное изученіе мозга должно вести ближе къ цѣли и дать возможность скорѣе достигнуть ея. Можно, измѣряя внутренній объемъ черепа, вычислить приблизительно и объемъ мозга; можно также, сравнивая относительные размѣры костей черепа, получить и нѣкоторыя данныя для опредѣленія относительнаго развитія главнѣйшихъ отдѣловъ мозга. Конечно это лучше чѣмъ ничего, но мозговая масса не выполняетъ всю черепную полость, такъ какъ эта послѣдняя содержитъ въ себѣ также какъ оболочки, толщина коихъ варіируетъ очень значительно, такъ и жидкость, варіирующую еще въ бо́льшей степени. Кромѣ того различныя доли, изъ которыхъ состоитъ каждое полушаріе мозга, далеко не представляютъ точнаго соотношенія съ тѣми костями, названія которыхъ они носятъ. Потому изученіе одного черепа можетъ дать только очень неудовлетворительное понятіе относительно мозга. Наконецъ, существуютъ свойства—и притомъ самыя главныя—опредѣлить которыя можно только тогда, если имѣешь передъ глазами и можешь тщательно сравнивать мозги различныхъ племенъ. Къ такимъ свойствамъ или признакамъ принадлежитъ все то, что относится до мозговыхъ извилинъ, до ихъ осложненія и до ихъ относительнаго развитія. Мозгъ Венеры готтентотской, тщательно сохраняемый въ Парижскомъ музеумѣ, несомнѣнно доказываетъ всю важность изученія этихъ свойствъ, опредѣленіе которыхъ единственно возможно только для анатомовъ, спеціально посвятившихъ себя изученію мозга и вполнѣ знакомыхъ съ ученіемъ, выработаннымъ въ послѣднее время о мозговыхъ извилинахъ. На основаніи этого мы обращаемъ особенное вниманіе путешественниковъ и медиковъ, живущихъ между различными племенами, на особенную необходимость собирать, сохранять и пересылать въ Общество наибольшее возможное число головныхъ мозговъ различныхъ племенъ.

По возможности нужно стараться сохранять вмѣстѣ съ мозгомъ и черепъ, но встрѣчаются случаи, въ которыхъ невозможны сохраненіе и доставка цѣлой головы, какъ это случается, напримѣръ, въ тѣхъ болѣе или менѣе цивилизованныхъ странахъ, въ которыхъ дозволены вскрытія, но запрещены трупоразъятія. При такихъ условіяхъ можно покрайней мѣрѣ сохранить верхнюю часть черепа, отдѣленную пилою, что непредставляетъ никакихъ особенныхъ трудностей. Достаточно въ самый день вскрытія обчистить отпиленную верхнюю часть черепа отъ покрывающихъ ее частей, потомъ вымыть ее, вытереть и выставить на 24 часа на вольный воздухъ: къ концу этого времени она высохнетъ, небудетъ имѣть запаха и можетъ быть сохраняема. Верхнюю часть черепа нужно всегда, какъ это только возможно, присоединять къ головному мозгу, такъ какъ этотъ органъ значительно сжимается и всегда нѣсколько деформируется въ жидкостяхъ. Верхняя черепная чашка, приложенная къ мозгу, даетъ возможность возстановить мысленно, а въ случаѣ необходимости и посредствомъ вылѣпка, его первоначальную форму и объемъ.

Когда медикъ или путешественникъ получитъ въ свое распоряженіе свѣжую голову, то онъ по возможности тотчасъ же долженъ приступить въ вскрытію, такъ какъ въ жаркихъ странахъ, или въ жаркое время года, мозгъ начинаетъ размягчаться уже къ концу первыхъ сутокъ. При этомъ нужно поступать слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего хорошею пилой дѣлаютъ горизон-

тальный надрѣзъ, хорошо извѣстный всѣмъ анатомамъ. Разрѣзъ этотъ производить не легко, въ особенности если височная впадина очень сжата, какъ это бываетъ у нѣкоторыхъ племенъ; при этомъ нужно тщательно стараться о томъ, чтобы пила не вошла гдѣ-нибудь въ мозгъ прежде, чѣмъ будетъ пропилена во всю свою толщину кость въ сжатомъ мѣстѣ черепа. Вотъ почему нужно предпочитать дугообразной пилѣ—пилу прямую съ широкою пластинкой, закругленная и зазубренная оконечность которой можетъ удобно достигать до вдавленныхъ точекъ безъ риска для наблюдателя попасть въ мозгъ остальною частью инструмента.

Такъ какъ толстота костей черепа измѣнчива и неизвѣстна, то разрѣзъ долженъ совершаться медленно и осмотрительно. Сначала очерчиваютъ круглую бороздку, не глубже внѣшняго слоя кости, потомъ двигаютъ пилою по этой бороздѣ пока не почувствуютъ уменьшенія сопротивленія въ нѣкоторыхъ точкахъ ея. Поступая съ такою осторожностью, можно отдѣлить почти весь сводъ черепа, не порѣзавъ твердой мозговой оболочки. Время отъ времени вводятъ въ переднюю часть разрѣза, надъ надбровными дугами, тупое долото или рѣзецъ, служащій рычагомъ, и нѣсколько надавливая на него, стараются разорвать костяныя перемычки, мѣшающія еще отдѣленію свода. Когда съ помощію рычага этотъ послѣдній достаточно отдѣлился, тогда пропускаютъ желѣзный крючекъ подъ переднюю часть свода и отдѣляютъ его толчкомъ, производящимъ обыкновенно назади около затылка нѣсколько незначительныхъ обломовъ.

Когда твердая мозговая оболочка (dura mater) открылась вслѣдствіе этого, то ее взрѣзаютъ по обѣимъ сторонамъ серповиднаго отростка (falx cerebri) и отдѣляютъ взрѣзанныя части ея; затѣмъ перерѣзываютъ ножницами переднее прикрѣпленіе серповиднаго отростка и отбрасываютъ его назадъ, отдѣляя отъ сосудовъ, идущихъ отъ мягкой или сосудистой оболочки мозга (pia mater); далѣе высвобождаютъ мозгъ, начиная съ переда, идя къ заду, и послѣдовательно перерѣзывая какъ оптическіе, такъ и другіе черепномозговые нервы. Когда дойдутъ вскорѣ до мозжечковаго намета (tentorium cerebelli), то съ помощію скальпеля перерѣзываютъ переднее его прикрѣпленіе, двигая скальпелемъ около передняго края каменистой части височной кости. Наконецъ мозгъ откидываютъ назадъ и придерживаютъ его лѣвою рукою, тогда какъ правою рукою съ помощію достаточно длиннаго скальпеля перерѣзываютъ по возможности ниже хребетный мозгъ въ мозговомъ каналѣ позвоночнаго столба.

Вынутый такимъ образомъ мозгъ кладутъ съ осторожностію на столъ, на которомъ и оставляютъ его нѣсколько времени для того, чтобы излишняя жидкость могла стечь съ него. Когда съ мозга достаточно стекло жидкости, то его *взвѣшиваютъ* до точности одного грамма. Такое взвѣшиваніе необходимо, такъ какъ мозгъ теряетъ въ жидкостяхъ, употребляемыхъ для его сохраненія, значительную и неопредѣленную часть своего вѣса.

Затѣмъ приступаютъ къ снятію мягкой оболочки, покрывающей мозговыя полушарія, для чего вооружаются пинцетомъ и ножницами, съ помощію которыхъ перерѣзываютъ всѣ маломальски значительные сосуды, идущіе внутрь мозга. Сначала очищаютъ нижнюю поверхность полушарій, и стараются тщательно проникнуть въ Сильвіеву борозду (fossa Sylvii), изъ которой извлекаютъ значительное продолженіе мягкой оболочки; наконецъ, когда будетъ уже отдѣленъ кусокъ этой перепонки, достаточный для того чтобы захватить его пальцами, то можно оставить пинцетъ и мало-по-малу обнажать одна за другою извилины какъ на нижней поверхности, такъ и на внѣшней или выпуклой обоихъ полушарій. Что касается до извилинъ внутренней или плоской поверхности, то ихъ нельзя освободить вполнѣ отъ оболочки, нераздвигая ихъ одна отъ другой и нерискуя порвать мозолистое тѣло (corpus callosum). Впрочемъ нѣтъ особенной необходимости въ томъ, чтобы мягкая оболочка была непремѣнно снята вся вполнѣ; достаточно для предположенной цѣли снять только большую часть ея. А цѣль эта состоитъ въ облегченіи проникновенія охранительной или консерваторной жидкости въ вещество мозга. Если бы мы опустили въ спиртъ мозгъ, не снявъ мягкой оболочки, то проницаніе массы мозга виннымъ спиртомъ происходило бы гораздо медленнѣе, и часто случалось бы то, что болѣе глубокіе слои мозга начали бы размягчаться и разрушаться прежде, чѣмъ они подверглись бы дѣйствію консерваторной жидкости въ требуемой степени; препаратъ въ такомъ случаѣ отвердѣлъ бы, но могъ сдѣлаться очень хрупкимъ

и былъ бы способенъ сохраниться только нѣсколько мѣсяцевъ. Мозжечекъ, будучи менѣе объемистымъ чѣмъ головной мозгъ, гораздо легче проникается жидкостію до самаго своего центра, и потому на немъ нѣтъ надобности снимать мягкую оболочку, чтó кромѣ того было бы дѣломъ не совсѣмъ легкимъ.

Несмотря на всѣ указанныя выше предосторожности, сохраненіе мозга не всегда можетъ считаться обезпеченнымъ. Поэтому тѣ, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи фотографическій снарядъ, поступятъ хорошо, если снимутъ съ мозга фотографіи до положенія его въ спиртъ. Фотографіи должно снимать по возможности ближе къ естественной величинѣ, и онѣ должны представлять мозгъ съ слѣдующихъ сторонъ: 1) со стороны нижней поверхности; 2) съ верхней поверхности и 3) съ боку или въ профиль. Фотографіи, снятыя съ мозга по очищеніи его отъ мягкой оболочки, будутъ имѣть то преимущество, что изобразятъ мозгъ, и его извилины, въ естественной формѣ и объемѣ и могутъ быть очень поучительны при изученіи даже въ томъ случаѣ, еслибы неудалось окончательно сохранить самаго мозга; но во всякомъ случаѣ не должно ограничиваться ими одними и упускать изъ виду сохраненіе самаго мозга, такъ какъ онѣ изображаютъ только наиболѣе поверхностныя части этого органа.

Мозгъ нужно положить по возможности скоро въ сосудъ, содержащій въ себѣ покрайней мѣрѣ штофъ крѣпкаго виннаго спирта, и затѣмъ старательно переворачивать его черезъ два или три дня, такъ какъ поверхность мозга, соприкасающаяся съ дномъ сосуда, вбираетъ въ себя очень недостаточное количество спирта и можетъ размякнуть или распасться, если мозгъ не переворачивать. Черезъ двѣ недѣли мозгъ получаетъ уже достаточную плотность, и тогда его окружаютъ льномъ или пенькою, прикрѣпляютъ къ свертку ниточкою небольшую свинцовую пластинку, на которой написанъ нумеръ, подъ которымъ значится мозгъ въ каталогѣ, и потомъ все это погружаютъ въ *новый* спиртъ. Тотъ винный спиртъ, въ которомъ первоначально лежалъ мозгъ, смѣшался съ значительнымъ количествомъ воды, перешедшей въ него изъ мозга, и потому онъ уже сдѣлался недостаточно крѣпокъ для того, чтобы служить съ пользою для окончательнаго сохраненія мозга.

Когда приготовлено такимъ образомъ нѣсколько мозговъ, то ихъ можно положить въ небольшой боченокъ, причемъ ихъ окружаютъ достаточнымъ количествомъ пеньки; затѣмъ наливъ боченокъ спиртомъ, закупориваютъ его герметически. Если все это сдѣлано тщательно и мозги уложены хорошо, то можно быть спокойнымъ насчетъ ихъ сохраненія; но во всякомъ случаѣ, если они должны быть долго въ пути, то будетъ поступлено хорошо, если ихъ по возможности тотчасъ же препроводятъ въ Общество.

Если трудности сохраненія и перевоза не позволятъ доставить въ общество цѣлыхъ головныхъ мозговъ въ винномъ спиртѣ, то можно рекомендовать слѣдующій способъ приготовленія мозга, имѣющій цѣлію мумифицировать мозговыя полушарія. Свѣсивъ, точно также какъ и въ предыдущемъ случаѣ, мозгъ съ его оболочками, перерѣзываютъ обѣ мозговыя ножки для снятія мозжечка и Вароліева моста и оставляютъ только оба большія полушарія. Срединнымъ продольнымъ разрѣзомъ разъединяютъ оба полушарія, очищаютъ ихъ *вполнѣ* отъ мягкой оболочки, что очень легко, взвѣшиваютъ ихъ отдѣльно до точности одного грамма, и затѣмъ погружаютъ смѣсь, состоящую изъ пяти частей воды и одной части азотной кислоты, находящейся въ торговлѣ. Черезъ два дня удвоиваютъ дозу азотной кислоты, а черезъ три дня послѣ того части вынимаютъ изъ жидкости, даютъ имъ обтечь, и затѣмъ выкладываютъ на свѣжій воздухъ на тряпкѣ, перемѣняемой нѣсколько разъ въ первый день. На второй день полушарія можно уже просто положить на доску или тарелку, и съ этого времени они не требуютъ никакой заботы, такъ какъ мумификація происходитъ сама собою по мѣрѣ испаренія жидкости. Нужно принять только ту предосторожность, чтобы не помѣщать препарата ни на солнцѣ, ни въ очень сыромъ мѣстѣ, такъ какъ въ первомъ случаѣ препаратъ можетъ растрескаться или совсѣмъ искрошиться, а въ послѣднемъ обезформиться или сдѣлаться расплывчивымъ. Если же держать препаратъ въ совершенно сухомъ мѣстѣ, то всегда можно расчитывать на полный успѣхъ, причемъ температура въ 20° и 25° Цельсія всего благопріятнѣе. На пятый или шестой день самыя поверхностныя извилины начинаютъ высыхать и принимать рыжеватый цвѣтъ; черезъ двѣ недѣли препаратъ становится настолько

плотнымъ и сухимъ, что его можно брать безъ особыхъ предосторожностей, но онъ продолжаетъ еще испускать изъ себя пары кислоты, могущіе повредить и разрушить тряпку или бумагу, служащую для обертыванія препарата; поэтому его нужно еще оставить на воздухѣ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль.

Мозговыя полушарія, такимъ образомъ мумифицированныя, имѣютъ цвѣтъ сходный съ сухимъ виноградомъ; они тверды какъ картонъ и для нихъ неопасны ни влажность, ни толчки. Они потеряли около трехъ четвертей своего первоначальнаго вѣса и потому объемъ ихъ значительно уменьшился, но форма при этотъ сохраняется великолѣпно, такъ что на нихъ можно изучать извилины вполнѣ также, какъ и на свѣжемъ мозгу, а иногда даже и лучше.

Примѣчаніе. Брока далѣе указываетъ на пользу собиранія мозговъ антропоморфныхъ обезьянъ, но такъ какъ нашимъ русскимъ наблюдателямъ почти никогда не представится случая имѣть въ своихъ рукахъ этихъ животныхъ, то мы и выпускаемъ это изъ инструкцій; съ своей стороны мы бы обратили вниманіе медиковъ, сельскихъ хозяевъ и другихъ наблюдателей, на интересъ, который имѣли бы для Общества и для коллекцій Университета препараты мозговъ различныхъ породъ *домашнихъ животныхъ* въ различные возрасты, приготовленные указанными способами. Доставленіе такихъ мозговъ могло бы быть дорогимъ пріобрѣтеніемъ для нашихъ коллекцій.

Чрезвычайная важность изученія мозга объясняетъ ту особую настойчивость, съ которой мы обращаемъ вниманіе наблюдателей на приготовленіе и сохраненіе этого органа. Путешественникъ или ученый, доставившій въ Общество только 5 или 6 мозговъ какого-нибудь племени или разныхъ племенъ, оказалъ бы громадную услугу наукѣ.

E. *Кожа.* Сохраненіе кусковъ кожи не представляетъ никакихъ затрудненій; достаточно для этого опустить ихъ разъ въ винный спиртъ и заботиться о томъ только, чтобы онъ не испарился. Каждый кусокъ кожи долженъ сохраняться въ отдѣльномъ сосудѣ съ особымъ обозначеніемъ. Кусокъ въ 2 квадратныхъ вершка вполнѣ достаточенъ, но такъ какъ цвѣтъ накожныхъ покрововъ представляетъ иногда значительныя различія на различныхъ частяхъ тѣла, то въ такихъ случаяхъ желательно имѣть нѣсколько различныхъ образчиковъ съ разныхъ мѣстъ одной особи.

Изученіе татуировки представляетъ большой этнографическій интересъ, и притомъ описанія ея бываютъ обыкновенно недостаточны, а рисунки часто трудно выполнимы; поэтому чрезвычайно полезно сохранять куски татуированной кожи или погружая ихъ въ винный спиртъ, или же, что гораздо удобнѣе, высушивая ихъ. Все приготовленіе въ послѣднемъ случаѣ состоитъ только въ томъ, чтобы вырѣзать кусокъ кожи, растянуть его на дощечкѣ и прикрѣпить къ ней кругомъ большимъ числомъ булавокъ. Кожа сохнетъ быстро, причемъ она утончается, не сморщиваясь, и рисунки сохраняютъ какъ свою форму, такъ и размѣры. Если кожа была снята съ очень жирнаго субъекта, то жиръ очищаютъ съ внутренней поверхности куска и кусокъ опускаютъ на нѣсколько дней въ скипидаръ, прежде чѣмъ станутъ растягивать на дощечкѣ.

F. *Образчики бороды и волосъ.* Коллекцію волосъ легко составить, такъ какъ она требуетъ только труда надписать надъ каждымъ пакетцемъ возрастъ, имя, мѣстопребываніе и племя субъекта, съ котораго получены волосы. Всякій путешественникъ легко можетъ привести съ собою большое число образчиковъ подобнаго рода. Мы здѣсь обращаемъ особенное вниманіе путешественниковъ на образчики волосъ албиносовъ различныхъ племенъ.

Изученіе микроскопическаго строенія волосъ уже доставило очень важные элементы для характеристики человѣческихъ племенъ. Круглая или эллиптическая форма волоса, прямолинейное или спиральное направленіе его, присутствіе или отсутствіе небольшаго сердцевиннаго канала въ оси этого органа, и многія другія частности строенія волоса представляютъ очень драгоцѣнныя антропологическія данныя. Но для возможности полнаго изученія этихъ свойствъ волоса, для точнаго опредѣленія ихъ значенія, необходимо имѣть *корешокъ волоса*, т. е. то маленькое расширеніе, которое скрыто въ толщинѣ кожи и которое проникаетъ въ глубь волосяной луковицы. Поэтому не должно ограничиться только отрѣзываніемъ пряди волосъ, но нужно присоединить къ этому въ особомъ пакетцѣ небольшое число волосковъ, вырванныхъ по одному изъ бороды или головы; если совершать такое выдергиваніе осторожно, то оно вовсе не причиняетъ боли.

Д. *Мумифицированныя головы.* Такія головы

встрѣчаются иногда совсѣмъ уже готовыми и представляютъ большой научный интересъ. Но кромѣ этого можно легко мумифицировать головы недавно умершихъ, если только температура будетъ достаточно высока. Для этого нужно извлечь сначала чрезъ затылочное отверстіе головной мозгъ съ помощію прута или палочки и струи воды; затѣмъ голову выставляютъ каждый день на солнце или на чистый воздухъ, а каждый вечеръ кладутъ въ коробку наполненную солью. Соль впитываетъ влажность и мѣшаетъ гніенію. Успѣхъ еще болѣе несомнѣненъ, если предварительно продержать голову дня два или три въ винномъ спиртѣ.

Если предварительно считали необходимымъ вынуть мозгъ и, сдѣлавъ распилку черепа, сохранить его отдѣльно, то и тогда очень удобно мумифицировать такую голову. Для этого нужно постараться сдѣлать на покровахъ головы одинъ только надрѣзъ, идущій поперечно отъ одного уха къ другому. Затѣмъ, заворотивъ назадъ и впередъ обѣ половинки головной кожи съ волосами, дѣлаютъ горизонтальный надрѣзъ, извлекаютъ мозгъ и снова помѣщаютъ на свое мѣсто какъ сводъ черепа, такъ и покровы съ волосами, и тщательно зашиваютъ ихъ.

ГЛАВА II.

НАБЛЮДЕНІЯ АНАТОМИЧЕСКІЯ И ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЯ НАДЪ ЖИВЫМИ ЛЮДЬМИ.

Въ отчетахъ бо́льшей части путешественниковъ мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе обстоятельныя и болѣе или менѣе точныя описанія племенъ, видѣнныхъ ими. Большая часть такихъ описаній сдѣлана или просто по воспоминаніямъ, или же по замѣткамъ, собраннымъ на мѣстѣ. Но наблюдатели въ этихъ описаніяхъ скорѣе передаютъ свои личныя впечатлѣнія, чѣмъ результатъ методическихъ изслѣдованій. Будучи поражены преимущественно самыми наглядными особенностями, т. е. тѣми, которыя кажутсяимъ характеристичными для племени, они указываютъ обыкновенно только на однѣ отличительныя черты, стараясь болѣе установить то, что можно назвать діагностикою племени или расы, чѣмъ точно описать ее во всѣхъ частностяхъ.

При изученіи племени можно слѣдовать двумъ путямъ, двумъ способамъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои преимущества, но которые не представляютъ однако же равномѣрной вѣрности. Первый способъ, которому обыкновенно слѣдуютъ, состоитъ въ подробномъ разсмотрѣніи большаго числа особей, въ уловленіи того, что онѣ имѣютъ общаго между собою, въ выдѣленіи всѣхъ индивидуальныхъ различій, въ группировкѣ въ одинъ идеальный типъ признаковъ и особенностей, которыя взятыя по одиночкѣ очевидно преобладаютъ въ значительномъ большинствѣ, и въ признаніи за настоящихъ представителей племени особей всего болѣе приближающихся къ этому идеальному типу.

Успѣшный результатъ этого метода зависитъ бо́льшею частію отъ даровитости наблюдателя. Существуютъ признаки, которые прямо бросаются въ глаза и которые замѣтны для всякаго, каковы: приблизительный цвѣтъ кожи, объемъ губъ, направленіе зубовъ, гладкость или волнистость волосъ и т. д. Но если нужно проникнуть въ частности, сдѣлать оцѣнку самыхъ нѣжныхъ особенностей физіономіи, постановки тѣла, опредѣлить пропорціи различныхъ частей его, относительный объемъ различныхъ областей головы и т. д., то необходимымъ условіемъ для этого является вѣрность взгляда, которая далеко не встрѣчается у каждаго; это то особое чувство, которое дѣлаетъ человѣка художникомъ, которое имѣетъ начало и источникъ только въ самомъ себѣ и которое, не будучи подчинено никакому контролю, можетъ ввести въ обманъ даже самаго искуснаго наблюдателя. Всякій смотритъ на это своимъ особеннымъ образомъ, и притомъ иначе нежели всякій другой. Такова причина безчисленныхъ противорѣчій, встрѣчающихся въ описаніяхъ различныхъ путешественниковъ. Притомъ эти противорѣчія не касаются только, какъ это можно было бы думать, второстепенныхъ частностей или болѣе или менѣе тонкихъ оттѣнковъ. Достаточно напомнить здѣсь о басняхъ, которыя распространяли съ самымъ искреннимъ убѣжденіемъ, о ростѣ патагонцевъ, которые конечно очень велики, какъ это мы достовѣрно знаемъ теперь, но которые все-таки далеко не такъ велики, какъ это полагали сначала, основываясь на первыхъ впечатлѣніяхъ и не сдѣлавъ вѣрныхъ измѣреній.

Второй методъ состоитъ въ изученіи особей по

одиночкѣ, въ изслѣдованіи каждой изъ нихъ, въ подробномъ описаніи частностей каждой, въ самомъ строгомъ измѣреніи всѣхъ частей ея: однимъ словомъ въ собраніи такихъ же *антропологическихъ наблюденій*, какія привыкли дѣлать медики въ патологическихъ случаяхъ. Подобно тому какъ наилучшее описаніе болѣзни будетъ то, которое основывается на рядѣ отдѣльно сдѣланныхъ наблюденій и записанныхъ у кровати больнаго, такъ и лучшее описаніе племени будетъ то, которое основывается на рядѣ частныхъ наблюденій, записанныхъ тотчасъ же и на глазахъ изслѣдуемой особи и не имѣющихъ никакой другой цѣли кромѣ изученія частнаго факта.

Чтобы собирать подобные матеріалы, нѣтъ необходимости быть одареннымъ особеннымъ вдохновеніемъ; здѣсь источникомъ служитъ не чувство, но научный методъ. Достаточно быть добросовѣстнымъ и быть знакомымъ съ тѣми средствами изслѣдованія, которыя могутъ придать точность и вѣрность результатамъ и которыя сподручны и доступны для всякаго внимательнаго наблюдателя. Личная фантазія, воображеніе, предвзятыя идеи, этотъ столь частый источникъ невольныхъ ошибокъ, не имѣютъ никакого вліянія на изслѣдованія подобнаго рода, которыя одни только могутъ дать намъ средство дознать *всѣ* физическія свойства племени.

Поэтому нельзя не настаивать особенно сильно на томъ желаніи, чтобы путешественники производили по возможности большее число частныхъ антропологическихъ наблюденій. Но рекомендуя приложеніе этого аналитическаго метода, мы далеки отъ того, чтобы совѣтовать имъ ограничиться только этимъ; напротивъ того они непремѣнно должны всегда дѣлать также и общія наблюденія надъ племенами, для изученія которыхъ имъ представится случай, такъ какъ два метода эти вовсе не исключаютъ одинъ другаго, но должны идти параллельно. Впрочемъ путешественники вскорѣ сами убѣдятся въ томъ, что частное изученіе отдѣльныхъ особей быстро развиваетъ ту проницательность, ту вѣрность наглядки, которыя позволяютъ опредѣлить съ перваго взгляда свойства общія всему народу и отличительныя черты племени.

Произведеніе антропологическихъ наблюденій займетъ много времени и приведетъ къ пропуску большаго числа частностей, если наблюдатель не заготовитъ въ началѣ *записной листокъ для наблюденій.*

Листокъ для наблюденій есть родъ печатнаго или литографированнаго каталога, въ который вписаны вопросы, требующіе разрѣшенія, такъ что остается только пополнить пробѣлъ въ ту минуту, когда производится наблюденіе. Помощникъ наблюдателя говоритъ вопросы и записываетъ отвѣты, въ то время какъ самъ наблюдатель осматриваетъ субъектъ и производитъ измѣренія. Мы указываемъ далѣе форму такихъ записныхъ листковъ для наблюденій, въ которой мы соединили вопросы наибольшей важности. Но для того, чтобы обезпечить вѣрность результатовъ, необходимо сдѣлать нѣсколько объясненій какъ касательно цѣли, долженствующей имѣться въ виду наблюдателемъ, и методовъ, которымъ онъ долженъ слѣдовать, такъ и касательно исходныхъ точекъ для измѣреній, а также и употребленія тѣхъ снарядовъ, помощь которыхъ необходима. Съ этого послѣдняго мы и начинаемъ.

§ 1. *О снарядахъ.* Мы раздѣлимъ снаряды на двѣ категоріи, а именно: къ первой отнесемъ самые простѣйшіе изъ нихъ и совершенно необходимые, ко второй же тѣ изъ нихъ, которые будучи болѣе цѣнными, болѣе сложными и менѣе удобными для перевозовъ, или требующими особой спеціальной постановки, не могутъ составлять непремѣнной принадлежности каждаго путешественника.

А. *Простые снаряды.*—1. *Метръ* изъ дерева, раздѣленный во всю свою длину на центиметры, а 20 первыхъ центиметровъ его должны быть подраздѣлены также и на миллиметры. Метръ прежде всего предназначается для того, чтобы служить образцовою мѣрой для повѣрки точности и вѣрности другихъ снарядовъ, имѣющихъ подраздѣленія. Нужно желать, чтобы всѣ наблюдатели, къ какой-бы національности они не принадлежали, постоянно употребляли метрическую систему, которая имѣетъ во первыхъ то преимущество, что извѣстна во всѣхъ странахъ, а во-вторыхъ гораздо удобнѣе для вычисленій, чѣмъ сложныя и разнородныя подраздѣленія на футы, дюймы и линіи.

Если желать только имѣть образцовую мѣру, то обыкновенный метръ или полуметръ, сдѣланный изъ какого-нибудь твердаго матеріала, вполнѣ достаточенъ; но *двойной складной метръ съ шарни-*

ромъ и пружиною, подобный употребляемому архитекторами, представляетъ еще то преимущество, что можетъ служить непосредственно для измѣреній. Пружина необходима для того, чтобы придать нужную крѣпость шарниру. Раздвигая такой метръ и приставляя его къ стѣнѣ такъ, что нуль касается земли, мы непосредственно получаемъ раздѣленный масштабъ, на которомъ удобно измѣрять, съ помощію наугольника, ростъ особи и высоту различныхъ исходныхъ точекъ тѣла ея отъ земли. Конечно можно заставить кого-нибудь держать раздвижной метръ около стѣны, но въ такомъ случаѣ малѣйшая неосмотрительность держащаго можетъ повести къ важнымъ ошибкамъ. Лучше придѣлать къ верхнему концу складнаго метра небольшое кольцо и повѣсить его на гвоздикъ, вбитый въ стѣнѣ такъ, чтобы нуль метра касался земли.

2. *Нѣсколько лентъ съ подраздѣленіями*, которыя мы будемъ называть метрическими лентами. Онѣ должны быть сдѣланы изъ провощенныхъ нитей, такъ какъ ленты бумажныя, шелковыя и кожанныя удлинняются отъ употребленія; но и провощенныя нити не вполнѣ безопасны отъ такого неудобства и потому ленту нужно часто повѣрять на образцовомъ метрѣ. Въ особенности шелковыя ленты должны быть положительно изгнаны изъ употребленія, такъ какъ послѣ нѣсколькихъ измѣреній онѣ уже удлинняются на 5 или 6 центиметровъ. Метрическія ленты подраздѣляются только на центиметры, но съ небольшимъ навыкомъ легко привыкнуть глазомѣромъ опредѣлять миллиметры; кромѣ того это еще можно облегчить себѣ тѣмъ, что намѣтить на лентѣ перомъ полуцентиметры. Всѣ измѣренія должно производить съ точностію одного миллиметра. Особенно важно недавать скользить подъ пальцемъ, держащимъ ленту въ этой точкѣ, тотъ конецъ ленты, который соотвѣтствуетъ нулю. Палецъ не имѣетъ никакой опоры на гладкой поверхности и не можетъ представлять сопротивленія даже незначительному натягиванію нити, поэтому нужно пришить поперечно надъ нулемъ небольшой кусочекъ шнурочка во всю ширину ленты. Возвышеніе, образуемое этимъ шнурочкомъ, даетъ точку опоры ногтю лѣвой руки, въ то время какъ правая будетъ отыскивать другую исходную точку. Если непринять этихъ предосторожностей, то можно ошибиться на нѣсколько миллиметровъ.

3. *Отвѣсъ* съ нитью въ 2 метра, или по крайней мѣрѣ въ 1 метръ 80 цент., для измѣренія высоты различныхъ исходныхъ точекъ тѣла. Такъ какъ нить отвѣса не можетъ быть снабжена подраздѣленіями, то для вычисленія длины нужно прикладывать эту нить къ образцовой мѣрѣ въ 2 метра и по ней уже отсчитывать размѣръ, но это требуетъ нѣкоторыхъ предосторожностей. Если исходная точка на тѣлѣ, разстояніе которой опредѣляютъ, выдается надъ нижележащими частями тѣла, то отвѣсъ свободно опускается до земли и даетъ точную мѣру; но почти всегда случается, что отвѣсъ отклоняется отъ своего нормальнаго положенія мясистыми частями тѣла, и потому кривизна, которую при этомъ необходимо дѣлаетъ отвѣсъ до принятія имъ вертикальности, удлинняетъ значительно мѣру. Такъ, напримѣръ, невозможно измѣрить непосредственно высоту слуховаго отверстія или вершины грудины и т. д. Чтобы избѣгнуть этого неудобства прикладываютъ къ такимъ точкамъ тѣла конецъ горизонтальной палочки, которую держатъ въ одной рукѣ, тогда какъ другой устанавливаютъ отвѣсъ. Но несмотря на всѣ предосторожности и при этомъ можно сдѣлать очень значительныя погрѣшности, такъ какъ то горизонтальное положеніе, которое стараются придать палочкѣ, бываетъ только приблизительно таковымъ. Вслѣдствіе этого измѣренія высоты большей части точекъ тѣла и не можетъ быть опредѣлено съ точностію посредствомъ отвѣса, почему и способъ большаго наугольника, на который мы тотчасъ укажемъ, имѣетъ несравненно больше преимуществъ. Но такъ какъ отвѣсъ незанимаетъ много мѣста, то мы и совѣтуемъ его имѣть на всякій случай подъ рукою.

4. *Большой наугольникъ* изъ дерева, имѣющій одинъ центиметръ толщины и состоящій изъ двухъ вѣтвей, одной горизонтальной 25 центиметровъ въ длину и другой вертикальной, имѣющей только отъ 12 до 15 центиметровъ. Чтобы сдѣлать болѣе крѣпкимъ снарядъ, можно вставить во входящій уголъ наугольника небольшую деревянную пластинку. *Горизонтальная вѣтвь наугольника раздѣлена на центиметры, начиная съ вершины его.* Этотъ снарядъ употребляютъ для измѣренія высоты различныхъ точекъ тѣла на субъектѣ стоящемъ прислонившись къ стѣнѣ. Такъ напримѣръ: если хотятъ измѣрить ростъ чей-либо, то прикладываютъ къ

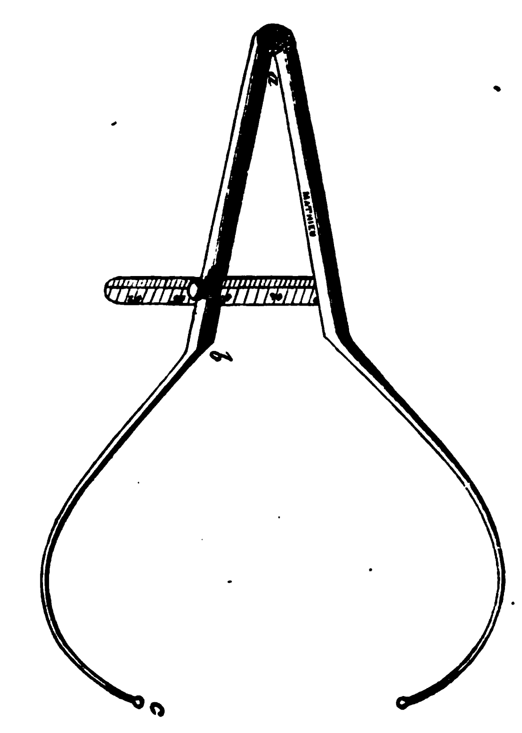
стѣнѣ вертикальную вѣтвь наугольника, а горизонтальную опускаютъ на вершину головы измѣряемаго субъекта; тогда разстояніе вершины наугольника отъ земли и укажетъ величину роста, который опредѣляется непосредственно, если прежде повѣсили на стѣнѣ двойной складной метръ нулемъ внизъ. Если хотятъ опредѣлить высоту слуховаго отверстія, то опять таки вертикальную вѣтвь наугольника прикладываютъ къ стѣнѣ и опускаютъ горизонтальную у одной стороны головы до тѣхъ поръ, пока она коснется слуховаго отверстія. Такимъ образомъ поступаютъ при измѣреніи всѣхъ точекъ, лежащихъ по сторонамъ тѣла. Если же нужно опредѣлить высоту точки, лежащей съ передней стороны тѣла, напр. пупокъ, то измѣряемую особь заставляютъ повернуться на четверть круга для того, чтобы можно было коснуться требуемой точки горизонтальною вѣтвью наугольника.

5. *Дермографическій карандашъ* имѣетъ назначеніемъ служить для намѣтки на кожѣ, до измѣренія, положенія нѣкоторыхъ мало явственныхъ исходныхъ точекъ.

Предпочтительнѣе всего употреблять тѣ карандаши для этого, которые введены профессоромъ Піорри и которые краснаго цвѣта на одномъ концѣ и голубые на другомъ. Мѣтятъ тѣмъ или другимъ концомъ карандаша, смотря по цвѣту кожи измѣряемаго субъекта.

6. *Столярный циркуль* для опредѣленія главнѣйшихъ размѣровъ лица. Обыкновенные математическіе циркули менѣе удобны, чѣмъ столярные, такъ какъ острые концы ихъ могутъ колоть кожу и такъ какъ ихъ менѣе плотное сочлененіе можетъ сдвинуться во время того, какъ опредѣляютъ разстояніе конечныхъ точекъ ножекъ циркуля на линейкѣ съ подраздѣленіями.

7. *Толстотный циркуль* (compas d'epaisseur) съ поперечною осью раздѣленною на центиметры и полуцентиметры. Акушерскій инструментъ, извѣстный подъ названіемъ *пельвиметра Боделока*, есть лучшій циркуль для измѣренія головы; онъ даетъ разстояніе между обѣими своими ножками въ 25—30 центиметровъ, что болѣе чѣмъ достаточно. Нѣтъ надобности имѣть циркуль съ большимъ раздвигомъ, такъ какъ такой циркуль будетъ очень неудобенъ на практикѣ, и онъ долженъ бы быть слишкомъ великъ, если бы мы захотѣли сдѣлать его годнымъ для измѣренія ширины верхней части груди или разстоянія между двумя большими вертелами. Эти послѣдніе размѣры можно получить безъ циркуля съ помощію наугольника. Для этого достаточно поставить стоя субъектъ около вертикальной плоскости, замѣтить на этой послѣдней проэкцію тѣхъ двухъ точекъ, разстояніе между которыми желаютъ измѣрить, и опредѣлить потомъ разстояніе между проэкціями такихъ двухъ точекъ. Такой способъ не можетъ быть достаточенъ для измѣреній головы, и потому только въ виду этихъ послѣднихъ измѣреній нужно выбирать толстотный циркуль. Въ этомъ отношеніи пелвиметръ Боделока, снарядъ нетяжеловѣстный, удобный и точный, находящійся у всѣхъ фабрикантовъ хирургическихъ инструментовъ, вполнѣ достигаетъ цѣли. Матьё, измѣнивъ не много форму, уменьшилъ почти на половину вѣсъ и объемъ циркуля Боделока, и сдѣлалъ его еще болѣе удобнымъ. Скала уменьшена до 25 центиметровъ, а болѣе тонкія ножки, оканчивающіяся очень маленькими шариками, касаются съ большею точностію исходныхъ точекъ измѣряемаго.

Фиг. 3. Толстотный циркуль Матьё (въ половину настоящаго размѣра).

Но какой бы нибылъ выбранъ циркуль, необходимо нужно, чтобы онъ былъ закаленъ, безъ чего малѣйшій толчекъ можетъ попортить ножки. Прежде

чѣмъ употреблять циркуль, нужно провѣрить на образцовомъ метрѣ вѣрны ли подраздѣленія его. Провѣривши разъ, можно уже время отъ времени удостовѣряться только въ томъ, что свободный конецъ каждой ножки лежитъ на продолженіи прямолинейной части ея, т. е. въ томъ, лежитъ ли точка с на продолженіи линіи аb. Мы особенно обращаемъ вниманіе на эту предосторожность, такъ какъ мы можемъ указать на одного наблюдателя, который, послѣ долгаго ряда изслѣдованій съ однимъ и тѣмъ же циркулемъ, замѣтилъ при окончаніи своей работы, что снарядъ для большихъ отверстій дѣлаетъ ошибку болѣе чѣмъ на полу-центиметръ, и такъ какъ наблюдатель незналъ когда произошла неправильность въ положеніи ножекъ инструмента, то и долженъ былъ, къ своему сожалѣнію, счесть весь свой трудъ потеряннымъ.

Когда употребляютъ толстотный циркуль, то нужно прикладывать его къ исходнымъ точкахъ непроизводя никакого давленія, такъ какъ ножки его всегда достаточно эластичны и принимаютъ естественное для нихъ положеніе тотчасъ же, какъ прекратится давленіе, и слѣдовательно отъ того измѣряемая величина станетъ неточною. Въ обыкновенныхъ случаяхъ нѣтъ надобности употреблять тотъ винтъ, который служитъ для закрѣпленія циркуля, такъ какъ наблюдатель неможетъ самъ завернуть этотъ винтъ, ибо обѣ его руки придерживаютъ концы циркуля, а поручать это другому и имѣть при такихъ измѣреніяхъ помощника дѣло излишнее, такъ какъ съ небольшимъ навыкомъ легко пріучаются отсчитывать на скалѣ дѣленія въ то время, какъ циркуль приложенъ къ исходнымъ точкамъ.

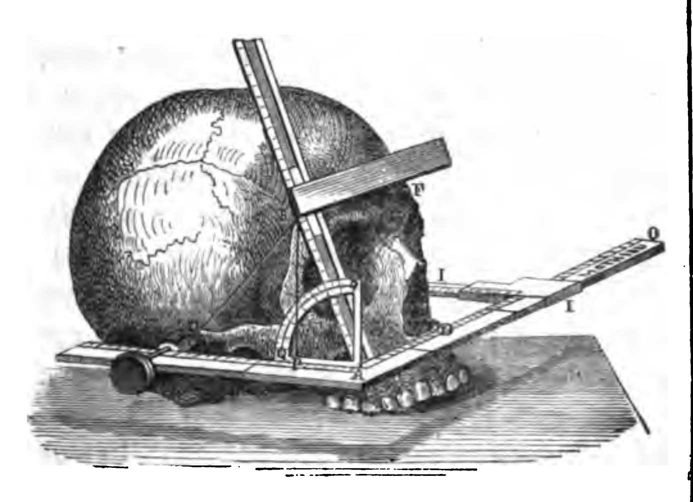
Толстотный циркуль употребляется, какъ для измѣренія разстоянія между двумя постоянными точками, такъ и для нахожденія наибольшихъ діаметровъ. Въ первомъ случаѣ сначала ощупываютъ и опредѣляютъ положеніе исходныхъ точекъ; если онѣ мало явственны и лежатъ въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыя не скрыты волосами, то ихъ можно предварительно отмѣтить дермографическимъ карандашемъ. Если же отыскиваютъ *наибольшій* діаметръ, напримѣръ наибольшій поперечный діаметръ головы на уровнѣ ушей, то сначала ставятъ оба конца циркуля надъ обоими ушами и потомъ приподнимаютъ *одновременно* обѣ ножки, слѣдуя глазомъ за указаніями дѣленій скалы, до тѣхъ поръ пока неполучатъ наибольшее отклоненіе ножекъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ отыскиваемый *наибольшій* діаметръ долженъ проходить чрезъ извѣстную точку, какъ напримѣръ наибольшій передне-задній (antéro—postérieur) діаметръ черепа, котораго передній конецъ долженъ упадать на надносовую точку, а задній занимать различное на различныхъ черепахъ положеніе между вершиною головы и затылкомъ. Въ такомъ случаѣ начинаютъ тѣмъ, что приставляютъ одну ножку циркуля къ точкѣ и придерживаютъ ножку лѣвою рукою, которою, для большей устойчивости, опираются на близьлежащія части; затѣмъ ножкою циркуля водятъ сверху внизъ и снизу вверхъ по срединѣ затылка пока ненайдутъ ту точку, которая даетъ наибольшее расхожденіе циркуля.

Скала толстотнаго циркуля есть скала уменьшенная, и потому на ней невозможно обозначить миллиметры; на ней обозначаются только центиметры и полуцентиметры, но легко пріучиться глазомѣромъ опредѣлять миллиметры. Употребленіе толстотнаго циркуля требуетъ извѣстнаго навыка: прежде чѣмъ начать настоящія свои изслѣдованія съ нимъ, необходимо наблюдателю сдѣлать нѣсколько пробныхъ опредѣленій на головахъ своихъ знакомыхъ. Только тогда, когда одни и тѣже измѣренія, повторенныя нѣсколько разъ, и каждое черезъ нѣсколько дней, на одной и той же особи, станутъ давать одинъ и тотъ же результатъ съ разницею не больше одного миллиметра, можно съ покойною совѣстью начать собирать окончательныя наблюденія.

8. *Гоніометръ Брока*. Этотъ снарядъ предназначенъ для измѣренія лицеваго угла и лицеваго трехугольника. Важность и значеніе этихъ измѣреній будутъ указаны ниже; здѣсь же мы будемъ говорить только о самомъ снарядѣ, и для объясненія его приложенія и способа употребленія возьмемъ тотъ частный случай, въ которомъ принимаютъ за крайнія точки лицевой линіи *надносовую точку*, лежащую между бровями, и *подносовую точку*, лежащую въ углу образуемомъ носомъ и верхнею губою.

Въ гоніометрѣ Брока соединенъ механизмъ краніометра Бьюска, составляющаго основу этого снаряда, съ небольшимъ гоніометрическимъ снарядомъ,

помѣщеннымъ на правой сторонѣ того же краніометра. Снарядъ этотъ сдѣланъ изъ мѣди и дерева: квадрантъ, шарниры и связи изъ мѣди, остальное изъ дерева.

Фиг. 4. Гоніометръ Брока.

Основаніе состоитъ изъ трехъ деревянныхъ пластинокъ, одной поперечной AC, называемой *подносовою* пластинкою, такъ какъ она устанавливается подъ носомъ, и двухъ остальныхъ передне-заднихъ AO, I, I, называемыхъ *ушными*, такъ какъ ихъ помѣщаютъ съ каждой стороны противъ слуховаго отверстія. На каждой изъ этихъ ушныхъ пластинокъ двигается стержень O, направляемый внутрь слуховаго отверстія. Такъ какъ пластинки снабжены подраздѣленіями, то разстояніе OA, которое одно и тоже какъ справа такъ и слѣва, можетъ быть высчитано въ миллиметрахъ. Ушная пластинка правой стороны прикрѣплена подъ прямымъ угломъ, съ помощію мѣднаго наугольника, къ концу подносовой пластинки. Лѣвая ушная пластинка можетъ двигаться вдоль паза подносовой пластинки AC; оставаясь всегда параллельною къ OA, лѣвая пластинка можетъ быть болѣе или менѣе приближена или удалена отъ правой, смотря по ширинѣ измѣряемой головы или черепа.

Гоніометрическая часть снаряда состоитъ изъ вертикальнаго квадранта QQ, прикрѣпленнаго съ помощію шарнира къ внутреннему краю правой ушной пластинки, — и изъ *восходящей пластинки* AB, прикрѣпленной шарниромъ къ соотвѣтствующему концу поперечной пластинки AC. Эта восходящая деревянная пластинка подраздѣлена на миллиметры и снабжена пазомъ, вдоль котораго двигается *ощупывательная* пластинка BF, остающаяся всегда параллельною AC.

Уставивъ основную часть снаряда у подносовой точки и въ обоихъ слуховыхъ отверстіяхъ такъ, что длина OA получается равною по обѣимъ сторонамъ, стараются привести ощупывательную пластинку BF до соприкосновенія ея съ основаніемъ лба, и затѣмъ заставляютъ ее двигаться вверхъ или внизъ пока она не совпадетъ съ надносовою точкою. Вслѣдствіе этого восходящая пластинка принимаетъ направленіе AB, и ея внѣшній край, срѣзанный наискось, обозначаетъ на квадрантѣ (раздѣленномъ на 90°) величину лицеваго угла OAB. Разстояніе BA, отмѣченное въ миллиметрахъ, даетъ лицевую линію.

Различныя части этого снаряда могутъ складываться въ одну горизонтальную плоскость, такъ что гоніометръ можетъ быть перевозимъ очень удобно. Имъ можно пользоваться съ одинаковымъ удобствомъ, какъ при измѣреніяхъ на живыхъ людяхъ, такъ и на скелетѣ. Снарядъ вѣситъ 190 граммовъ, стоитъ съ ящикомъ 25 франковъ и дѣлается въ Парижѣ у Mathieu, rue de l'Ancienne Comédie. Существуютъ и другіе гоніометры, но они имѣютъ большую сложность, гораздо тяжелѣе и стоятъ несравненно дороже Мы объяснимъ и представимъ ниже чертежъ гоніометра Жаккара.

9. ***Полдюжина свинцовыхъ пластинокъ***, имѣющихъ различную длину между 50 и 60 центиметрами, шириною въ 1 центиметръ, толщиною въ 2 миллиметра. Эти пластинки имѣютъ назначеніемъ служить для сниманія и перенесенія на бумагу различныхъ кривыхъ линій головы. Пластинки, имѣющія болѣе 2 миллиметровъ въ толщину, не будутъ имѣть достаточной гибкости необходимой для точнаго снятія контура; пластинки болѣе тонкія небудутъ представлять достаточной упругости необходимой для сохраненія приданной имъ формы. При перевозкѣ такихъ пластинокъ, ихъ кладутъ всѣ вмѣстѣ между двумя деревянными линейками, имѣющими толщину центиметра, и все вмѣстѣ завязывается крѣпко бичевкою.

Прежде употребленія въ дѣло свинцовыхъ пластинокъ, нужно удостовѣриться въ томъ — представляютъ ли онѣ ровную поверхность и края. Способъ, служащій для перевозки этихъ пластинокъ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для выпрямленія ихъ. Когда пластинка была

въ дѣлѣ, то ее выпрямляютъ, положивъ одну ее между двумя линейками и слегка ударяя по верхней линейкѣ молоткомъ, или даже просто сжимая обѣ линейки между пальцами. Другой способъ, болѣе быстрый, состоитъ въ томъ, что заставляютъ плашмя падать свинцовую пластинку на горизонтальную плоскость съ высоты, приблизительно, 30 центиметровъ, держа притомъ эту пластинку за одинъ конецъ; по прошествіи трехъ или четырехъ ударовъ, пластинка уже становится достаточно плоскою, но иногда она представляетъ еще послѣ этого кривизну у краевъ: тогда выпрямляютъ ее тѣмъ, что нѣсколько разъ, одинъ за другимъ, заставляютъ ее падать на горизонтальную плоскость.

Предположимъ себѣ, что мы хотимъ нарисовать кривую профиля головы, т. е. кривую затылочно-лобную, начинающуюся между двумя бровями уадносовой точки и кончающуюся у внѣшняго затылочнаго возвышенія. О точномъ опредѣленіи этихъ точекъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ; здѣсь намъ нужно объяснить только процессъ сниманія кривой. Для этого наблюдатель становится слѣва снимаемаго субъекта, который сидитъ, и беретъ за два конца самую короткую свинцовую пластинку. Держа эту послѣднюю правою рукою въ вертикально висячемъ положеніи надъ лбомъ субъекта, прикладываютъ конецъ пластинки плашмя нижней частью къ надносовой точкѣ и твердо придерживаютъ его большимъ пальцемъ лѣвой руки, въ то время какъ другіе пальцы той же руки опираются на сосѣднія части. Затѣмъ опускаютъ пластинку, начиная отъ переда и идя къ заду, сначала на срединной линіи лба, далѣе по темяни и наконецъ по затылку, причемъ тянутъ довольно крѣпко правою рукою за свободный конецъ пластинки для того, чтобы металлическая поверхность плотно прилегла ко всѣмъ точкамъ срединной линіи головы. Если бы замѣтили, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она неприлегаетъ плотно, то для исправленія этого, достаточно слегка ударить въ томъ мѣстѣ по пластинкѣ маленькою деревянною линеечкою. Задній конецъ пластинки всегда заходитъ нижезатылочнаго возвышенія вдоль нижней части затылка и шеи; поэтому нужно замѣтить точку соотвѣтствующую затылочному возвышенію, въ которой оканчивается кривая головы. Придавивъ немного ногтемъ пластинку на мѣстѣ этой точки, получаютъ маленькую явственную поперечную бороздку, опредѣляющую конецъ кривой головы. Затѣмъ прикладываютъ обѣ ножки толстотнаго циркуля къ свинцовой пластинкѣ, и притомъ такъ, чтобы одна ножка циркуля касалась надносовой точки, другая же прилегала къ маленькой бороздкѣ опредѣляющей мѣсто затылочнаго возвышенія. Сжимаютъ винтъ циркуля для того, чтобы оставить его ножки раздвинутыми въ той же степени, отодвигаютъ циркуль, а за тѣмъ и свинцовую пластинку, которую кладутъ однимъ ея краемъ на листъ бумаги. Упругость свинца достаточна для того, чтобы при такомъ перемѣщеніи не произошло измѣненія въ формѣ кривой, но оба конца этой послѣдней обыкновенно имѣютъ стремленіе нѣсколько отдалиться другъ отъ друга, подобно концамъ дуги, отъ которой отвязали нить связывавшую ихъ. Потому для того, чтобы привести концы эти въ ихъ истинное положеніе, нужно снова приложить оба конца толстотнаго циркуля къ точкамъ пластинки, соотвѣтствующимъ двумъ краевымъ точкамъ кривой, и тогда эта послѣдняя становится сходною и равною съ тою кривою, которую описывала свинцовая пластинка будучи приложена къ головѣ. Сдѣлавши все это, остается только водить достаточно острымъ карандашемъ по вогнутости свинцовой пластинки, начиная отъ надносовой точки и до зарубки, соотвѣтствующей затылочному возвышенію, чтобы получить рисунокъ замѣчательной ясности, воспроизводящій кривую затылочно-лобную съ такою точностію, что она была бы абсолютной, если бы субъектъ былъ обритъ или лысъ. Измѣняющаяся у различныхъ особей толстота волосъ, необходимо попадающихъ между пластинкою и кожею головы, конечно нѣсколько измѣняетъ длину кривой; но это неудобство становится только тогда поводомъ къ серьозной ошибкѣ, если волоса особенно жостки и густы, и притомъ это неудобство встрѣчается и во всѣхъ другихъ кефалометрическихъ способахъ, извѣстныхъ до сего времени. Нужно также снимать съ помощію свинцовыхъ пластинокъ двѣ другія кривыя, кои суть: кривая поперечная ушная (biauriculaire) и кривая горизонтальная. Кривая ушная должна быть снимаема вдоль ленты, предварительно положенной на голову въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, о которомъ мы будемъ говорить ниже при описаніи измѣреній головы. Въ остальномъ же поступаютъ

какъ и въ предыдущемъ случаѣ, приставляя одинъ изъ концевъ свинцовой пластинки къ одному изъ внѣшнихъ слуховыхъ отверстій и придавливая пластинку, по направленію ленты, до втораго слуховаго отверстія, положеніе котораго отмѣчаютъ ногтемъ на пластинкѣ. Опредѣляютъ толстотнымъ циркулемъ разстояніе между двумя крайними точками кривой, и переносятъ затѣмъ эту послѣднюю на бумагу, какъ это было указано выше.

Чтобы снять горизонтальную кривую, изыскиваютъ, насколько это возможно, такую свинцовую пластинку, длина которой была бы только немного меньше величины этой кривой. Вслучаѣ нужды можно употреблять и пластинку болѣе длинную, но тогда окажется то маленькое неудобство, что нужно накладывать одинъ конецъ пластинки на другой. Сначала прикладываютъ одинъ изъ концевъ пластинки къ надносовой точкѣ, и затѣмъ обводятъ пластинку горизонтально сверху одной изъ бровей, надъ ухомъ этой же стороны, по затылку, надъ другимъ ухомъ и, наконецъ, надъ другою бровью, стараясь всегда при этомъ итти *по направленію наибольшей окружности головы*. Второй конецъ пластинки такимъ образомъ подводятъ къ первому; если пластинка была удачно выбрана, то промежутокъ между обоими ея концами небудетъ болѣе центиметра. Затѣмъ удостовѣряются въ томъ, что обѣ половинки пластинки симметричны; ударяютъ легонько маленькою деревянною линеечкою по височной части, которая обыкновенно бываетъ болѣе или менѣе сжата; наконецъ измѣряютъ въ миллиметрахъ разстояніе между двумя концами пластинки, снимаютъ ее съ головы и кладутъ на бумагу, стараясь держать концы ея на разстояніи такого же числа миллиметровъ, на какомъ они находились, когда пластинка была на головѣ.

Кромѣ крайнихъ точекъ различныхъ кривыхъ, можно удобно отмѣчать на пластинкѣ и положеніе какой угодно другой точки, лежащей вдоль этой кривой. Такимъ образомъ на передне-задней кривой отмѣчаютъ ногтемъ или краснымъ карандашемъ положеніе *брегматической точки*, лежащей на мѣстѣ пересѣченія этой кривой съ лентою, идущею отъ одного слуховаго отверстія до другаго. На горизонтальной кривой отмѣчаютъ справа и слѣва точки пересѣченія ея съ тою же лентою. Наконецъ на поперечной кривой можно обозначить съ каждой стороны мѣсто верхняго внѣдренія уха.

Затѣмъ рисуютъ кривую, представляющую перерывъ въ нѣсколько миллиметровъ, который однако легко восполняется отъ руки, такъ какъ онъ приходится у срединной линіи лба, гдѣ горизонтальный контуръ черепа имѣетъ видъ поперечной линіи почти прямой. Если же бы случилось, что лобъ былъ бы очень узкимъ и выпуклымъ и линія перерыва, вслѣдствіе того, представляла бы кривизну, то и здѣсь не можетъ встрѣтиться особеннаго затрудненія, так какъ по одной сторонѣ кривой лба, снятой пластинкою, можно уже съ большою легкостію воспроизвести недостающую симметрическую часть.

Рисунки, сдѣланные съ помощію свинцовыхъ пластинокъ, очень легки и выполняются быстро; для каждаго изъ нихъ нужно не болѣе одной или двухъ минутъ. Такимъ образомъ три главнѣйшія кривыя черепа могутъ быть воспроизведены на одномъ и томъ же листѣ гораздо скорѣе, чѣмъ какимъ либо другимъ способомъ, и съ гораздо большею точностію и исправностію, чѣмъ съ помощію самаго сложнаго кефалографа. Ошибка, происходящая отъ толстоты волоснаго покрова головы, обща всѣмъ кефалометрическимъ процессамъ, за исключеніемъ кефалометрическаго способа Антельма. Но кефалометръ недаетъ кривой линіи: онъ даетъ только отдѣльныя точки, получаемыя геометрическимъ построеніемъ, и эти точки соединяются затѣмъ чертою, проводимою отъ руки; наконецъ, онъ неможетъ дать горизонтальной кривой, которая, можетъ быть, имѣетъ наибольшій интересъ. Конечно во многихъ другихъ отношеніяхъ онъ имѣетъ множество преимуществъ, дѣлающихъ изъ него одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ антропологическихъ снарядовъ, и свинцовыми пластинками нельзя замѣнить кефалометра, но онѣ составляютъ средство легкое, простое, малоцѣнное, доступное всякому, и позволяющее каждому путешественнику собрать многочисленную коллекцію самыхъ полезныхъ рисунковъ. Скульпторы въ древности употребляли иногда свинцовыя линейки для копированія нѣкоторыхъ контуровъ, но этотъ способъ былъ впослѣдствіи забытъ, и доктору Марсé принадлежитъ мысль приложить свинцовыя пластинки къ воспроизведенію кривыхъ головы.

Способъ, только что описанный нами, можетъ быть

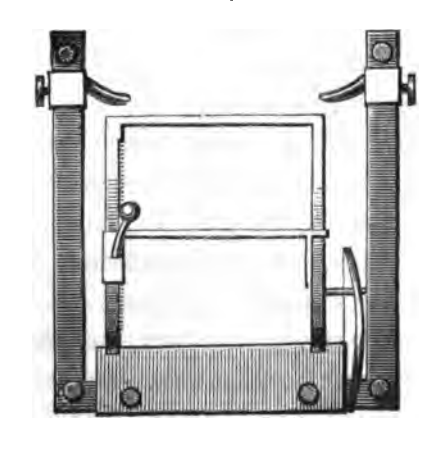
съ успѣхомъ приложенъ и къ изученію кривыхъ черепа, но такія кривыя представляютъ очертанія гораздо меньшей правильности чѣмъ, на обыкновенной головѣ и ихъ трудно воспроизвести во всѣхъ частностяхъ съ помощію пластинокъ, имѣющихъ 2 миллиметра въ толщину, и потому при краніологическихъ изслѣдованіяхъ нужно употреблять пластинки, имѣющія вдвое меньшую толщину. Такія пластинки менѣе удобны на практикѣ, такъ какъ онѣ гораздо легче деформируются, но съ нѣкоторымъ навыкомъ и небольшими предосторожностями можно избѣжать и этого неудобства.

10 Наконецъ мы совѣтуемъ путешественникамъ запасаться коробкою *акварельныхъ красокъ*, могущихъ служить какъ для раскрашиванія рисунковъ, такъ и для обозначенія красками тѣхъ цвѣтовъ, которые немогутъ быть точно обозначены нашею хроматическою таблицею.

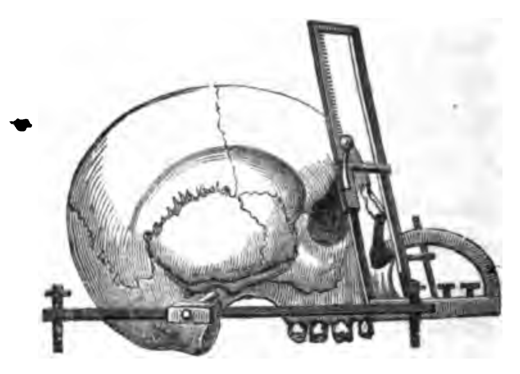
B. *Снаряды сложные или придаточные*. Вышеуказанные снаряды могутъ найти мѣсто въ багажѣ всякаго путешественника. Снаряды, о которыхъ мы будемъ теперь говорить, гораздо объемистѣе и по большей части стоятъ гораздо дороже; почти всѣ они требуютъ большаго труда при устройствѣ, легко портятся и могутъ быть исправлены только опытными мастерами. Поэтому рѣдко можетъ случиться, чтобы частный путешественникъ взялъ ихъ съ собою и воспользовался бы во время пути; но при всѣхъ большихъ экспедиціяхъ они должны находиться, а осѣдлые наблюдатели могутъ легко достать себѣ ихъ для изслѣдованій. Снаряды эти суть:

1. *Большой фотографическій снарядъ.*

2. *Гоніометръ Жаккара*. Мы неможемъ неуказать здѣсь на этотъ превосходный снарядъ, который неоставляетъ ничего желать лучшаго въ отношеніи точности. Первый гоніометръ, изобрѣтенный Мортономъ, представлялъ нѣкоторыя неудобства, которыя очень удачно исправлены Жаккаромъ. Весь снарядъ Жаккара сдѣланъ изъ мѣди; части, его составляющія, приводятся въ движеніе винтами и дѣйствуютъ съ точностію лучшихъ физическихъ инструментовъ. Двѣ приложенныя фигуры могутъ дать понятіе о расположеніи частей этого гоніометра и о его приложеніи (фиг. 5 и 6).

Фиг. 5. Гоніометръ Жаккара сложенный.

Фиг. 6. Онъ же установленный.

Восходящія вѣтви не раздѣлены на миллиметры, такъ какъ снарядъ предназначается исключительно для измѣренія лицеваго угла, но легко придать къ этимъ вѣтвямъ миллиметрическую скалу, необходимую для измѣренія лицевой линіи и для построенія лицеваго трехугольника. Снарядъ этотъ имѣетъ абсолютную точность и удобенъ при изслѣдованіяхъ. Хотя онъ и сдѣланъ весь изъ металла, но достаточно удобенъ для перевозки по своей легкости; только высокая цѣна (300 франковъ) дѣлаетъ его недоступнымъ многимъ наблюдателямъ. Его употребляютъ преимущественно для краніологическихъ изслѣдованій, но онъ также удобно приложимъ и къ измѣреніямъ на живыхъ людяхъ. Снарядъ этотъ можно получить въ Парижѣ у Crétés, rue de l'école de Medecine n. 11: подробное описаніе его въ Mémoires de la société de Biologie, 1856, 2 série. т. III, стр 5 7.

3. *Физіонотипъ Гушке*. Снарядъ этотъ имѣетъ назначеніемъ служить для снятія профиля лица; онъ описанъ въ сочиненіи Huschke «Schaedel, Hirn und Seele nach Alter, Geschlecht und Raçe», Iена 1854.

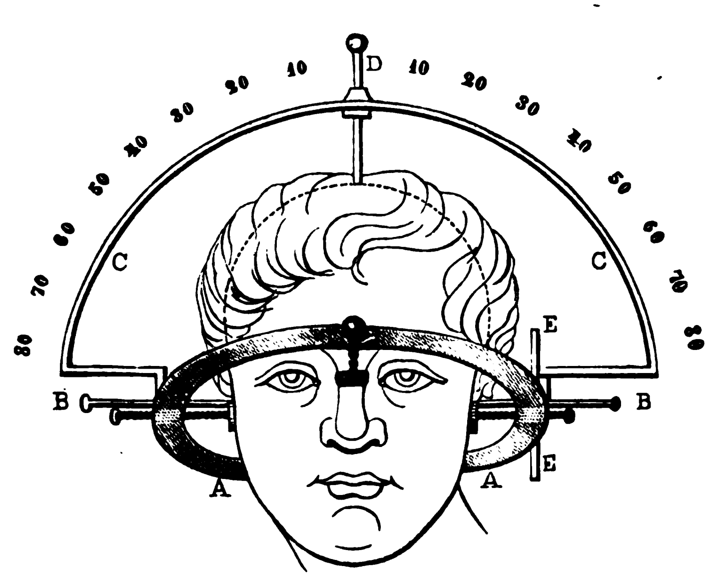
Примѣчаніе. Вотъ какъ описываетъ Гушке свой снарядъ: «Для снятія профиля мнѣ особенно служитъ физіонотипъ, заказанный мною одному изъ Iенскихъ фор-

тепьянныхъ мастеровъ и сдѣланный изъ хорошаго, сухаго и твердаго дерева. Онъ состоитъ изъ двухъ деревянныхъ пластинокъ (245 миллим. въ длину, 45 миллим. въ ширину; толщина одной 4 миллим., другой 11 миллим). Пластинки эти отстоятъ другъ отъ друга на 4 миллим., и соединены неподвижно другъ съ другомъ только на обоихъ концахъ своихъ четырьмя винтами; между пластинками помѣщены деревянные клавиши (160 миллим. въ длину и 4 миллим. въ толщину), которые могутъ двигаться, подобно фортопьяннымъ клавишамъ, свободно вверхъ и внизъ, т. е. подниматься и опускаться, но которые можно также съ помощію двухъ винтовъ и прикрѣпить неподвижно къ пластинкѣ. Сначала свободно двигающіеся клавиши выдвигаются настолько, чтобы ихъ острые нумерованные концы точно приложились къ тому профилю, который хотятъ имѣть, и за тѣмъ, когда клавиши такъ установлены, то съ помощію указанныхъ винтовъ дѣлаютъ ихъ неподвижными, отодвигаютъ инструментъ и переносятъ на бумагу кривую линію или тотъ профиль, который будетъ указанъ концами клавишей. Удобно также сдѣлать физіонотипъ въ видѣ эллипсиса, къ внутренней сторонѣ коего обращены клавиши, и тогда стоитъ только помѣстить черепъ внутрь эллипсиса, придвинуть къ нему концы клавишей, чтобы получить заразъ профиль цѣлаго черепа. Съ помощію этого физіонотипа можно удобно снять профиль, и тѣмъ удобнѣе, чѣмъ тоньше будутъ клавиши и чѣмъ ближе они будутъ стоять другъ около друга.»

4. *Кефалографъ Гартинга въ Утрехтѣ* описанъ и изображенъ въ особой брошюрѣ, изданной въ 1861 году въ Утрехтѣ. Кефалографъ состоитъ изъ трехъ различныхъ снарядовъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ назначеніемъ опредѣлитъ переднезаднюю и поперечную линіи черепа, другой для полученія горизонтальной окружности, третій для сниманія профиля лица. Этотъ послѣдній снарядъ очень цохожъ на физіонотипъ Гушке; два другіе же даютъ кривыя головы съ меньшею точностію, чѣмъ свинцовыя пластинки, но преимущество снаряда состоитъ въ томъ, что съ помощію особаго механизма можно опредѣлить въ центрѣ переднезадней кривой проэкцію слуховаго отверстія, что имѣетъ свою выгоду. Кефалографъ Гартинга дѣлается въ Утрехтѣ у Олланда.

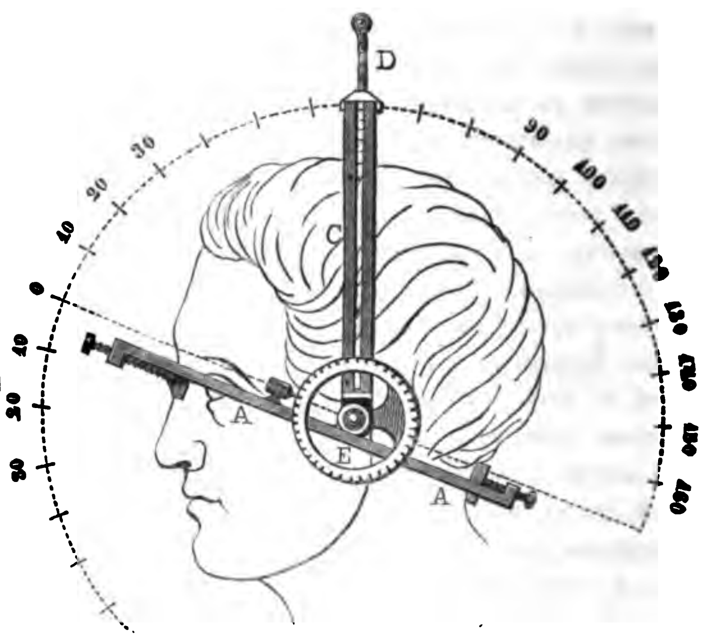
5. *Кефалометръ Антельма.* Это самый драгоцѣнный изъ всѣхъ инструментовъ, служащихъ для кефалометрическихъ измѣреній и изслѣдованій. Съ помощію его можно измѣрить величину всѣхъ радіусовъ, идущихъ отъ одного общаго центра, лежащаго на ушной оси (axe biauriculaire), до различныхъ точекъ поверхности головы. Конецъ радіальнаго указателя проходитъ удобно между волосами и даетъ очень точное опредѣленіе поверхности черепа, какова бы ни была густота волосъ, и это составляетъ преимущество только этого снаряда и не встрѣчается ни у какого другаго. Съ помощію указателя опредѣляютъ и записываютъ цифры, дающія затѣмъ возможность опредѣлить на бумагѣ положеніе всякой точки поверхности черепа или лица, и построить съ помощію циркуля какъ переднезаднюю кривую, такъ и всѣ вертикальныя или косвенныя кривыя, кончающіяся у слуховыхъ отверстій. На всѣхъ такихъ рисункахъ положеніе центра головы на ушной оси само собою указано, такъ какъ около этого центра строится каждая кривая. Наконецъ подъ передне-заднею кривою, начинающеюся у надносовой точки, легко замѣтить положеніе нижняго края носовой перегородки и верхняго зубнаго края (arcade alvèolaire supérieure), такъ, что соединяя каждую изъ этихъ точекъ пунктированною прямою линіею съ одной стороны съ надносовою точкою, а съ другой съ слуховымъ отверстіемъ, можно измѣрить, съ желаемою точностію, *какъ лицевой уголъ Кампера,* такъ и *зубной личной уголъ* (angle facial alvèolaire). Ко всѣмъ этимъ удобствамъ кефалографъ Антельма присоединяетъ еще то преимущество, что позволяетъ построить *среднюю кривую черепа* племени изъ ряда наблюденій надъ отдѣльными особями, взявъ для каждаго радіуса среднее число изъ всѣхъ отдѣльныхъ наблюденій. Измѣреніе можетъ происходить очень быстро, если заготовить заранѣе листы, на которыхъ проведены радіусы на разстояніи 10 градусовъ одинъ отъ другаго. Можно даже и не строить тотчасъ же кривую головы каждой особи, но записывать только величину радіусовъ чрезъ каждые 10°, и потомъ современемъ употребить эти числа, или для воспроизведенія кривыхъ различныхъ особей, или же средней кривой. Цифры, собранныя въ 1839 году Бравѐ и Шарлемъ Мартѣнемъ въ Лапландіи и на островахъ Фероэсскихъ дали возможность Антельму опредѣлить кривыя черепа у особей, измѣренныхъ двадцать лѣтъ до того. Нужно особенно рекомендовать этотъ снарядъ антропологамъ, такъ какъ онъ столь

же удобенъ для измѣренія череповъ, какъ и живыхъ людей. Снарядъ продается въ Парижѣ, у Брегета; стоитъ 140 франковъ съ коробкою и принадлежностями.

Фиг. 7. Кефалометръ Антельма съ фаса.

Примѣчаніе. Снарядъ Антельма состоитъ изъ *основнаго круга* АА, назначеннаго окружать косвенно голову, проходя надъ глазами, надъ слуховыми отверстіями и подъ затылочнымъ возвышеніемъ. Кругъ состоитъ изъ двухъ половинокъ, могущихъ раздвигаться; онъ снабженъ четырьмя установительными винтами, служащими для укрѣпленія круга на головѣ въ извѣстномъ направленіи; около мѣста соотвѣтствующаго внѣшнимъ слуховымъ отверстіямъ прикрѣплена съ каждой стороны трубочка, внутрь которой вдвигается стержень, служащій осью инструмента и діаметромъ второй части его—большаго *подвижнаго полукруга*. Подвижной полукругъ С прикрѣпленъ къ основному подъ прямымъ угломъ, но подвижно, такъ что онъ можетъ на своемъ діаметрѣ быть наклоненнымъ по произволу спереди и сзади. На подвижномъ полукругѣ свободно двигается гайка Д, чрезъ которую проходитъ раздѣленный на миллиметры и всегда обращенный къ центру круга стержень, называемый радіальнымъ указателемъ. Стержень этотъ такъ раздѣленъ, что когда его опустятъ до какой нибудь точки головы, то дѣленіе его у круга показываетъ величину головнаго радіуса въ этомъ мѣстѣ. Стоитъ только наклонить впередъ или назадъ подвижной полукругъ, чтобы получить длину головнаго радіуса въ любомъ мѣстѣ. Но кромѣ опредѣленія длины радіусовъ, нужно также имѣть возможность опредѣлить и углы между ними, т. е. разстояніе радіусовъ другъ отъ друга. Для этого подвижной полукругъ раздѣленъ на градусы, начиная съ нуля, лежащаго по срединѣ круга прямо надъ вершиною головы; отъ этого нуля вправо и влѣво идутъ подраздѣленія на градусы. Для полученія измѣреній переднезадней кривой необходимо нужно опредѣлить исходную постоянную точку, за каковую Антельмъ принимаетъ уровень верхняго края орбиты. Въ самомъ дѣлѣ эта точка, вмѣстѣ съ внѣшними слуховыми отверстіями, опредѣляетъ плоскость, которую приблизительно можно считать за естественную границу черепа и лица (см. фиг. 8, линію O). Около лѣваго уха

Фиг. 8. Онъ же въ профилѣ.

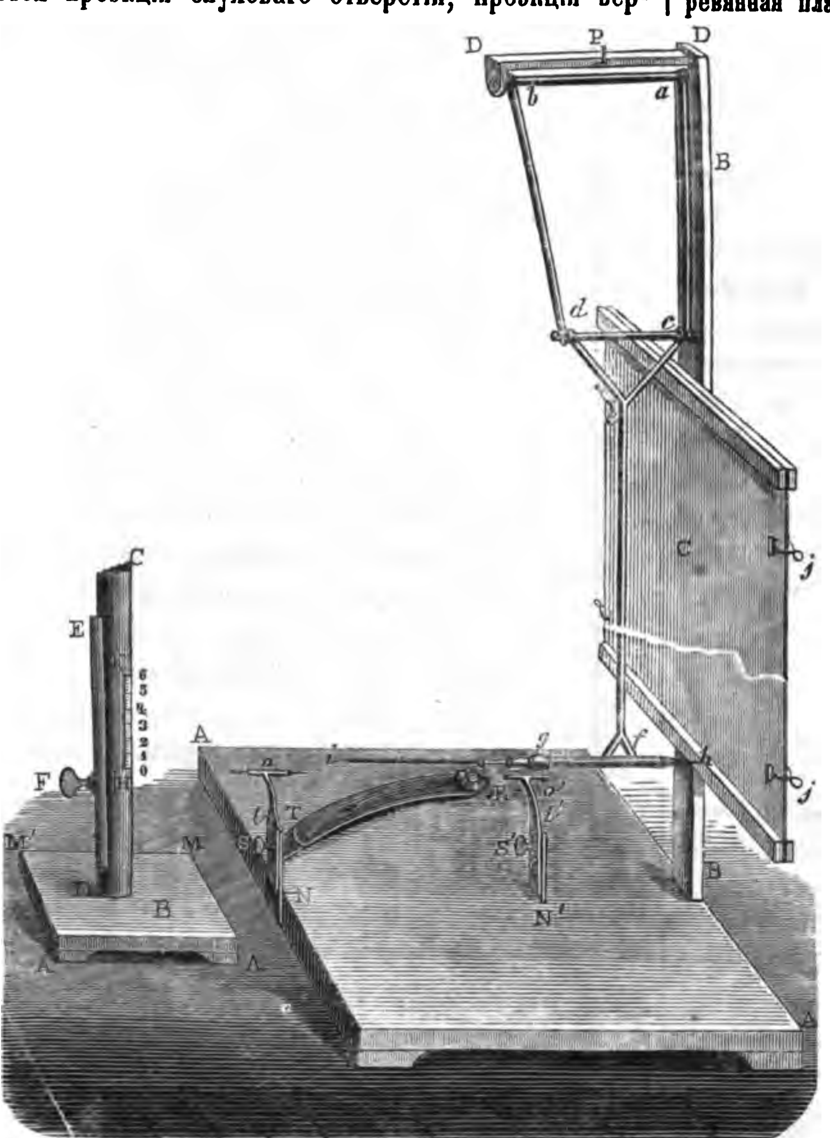
помѣщается подъ прямымъ угломъ къ оси снаряда небольшой кругъ, снабженный подраздѣленіями, вращающійся вмѣстѣ съ подвижнымъ полукругомъ передъ постояннымъ указателемъ F и указывающій степень наклоненія радіальнаго указателя Д. Для того, чтобы показать, какъ записываютъ наблюденія, приведемъ числа кривой, выражающей профиль лба Наполеона 1, измѣренный на гипсовомъ слѣпкѣ.

Градусы:	0	10	20	30	40	50	60	70	и т. д.
Радіусы	121	128	133	136	138	138	134	140	и т. д.

6. *Краніографъ Брока* имѣетъ назначеніемъ дать непрерывною чертою рисунокъ главнѣйшихъ кривыхъ черепа; онъ можетъ служить только для рисованія череповъ при томъ устройствѣ, которое обыкновенно даютъ снаряду; конечно снявъ коромысло и прикрѣпивъ его къ стѣнѣ, можно рисовать голову и профиль живаго человѣка, но въ такомъ случаѣ снарядъ теряетъ часть своей точности, такъ какъ изображающая игла его двигается вполнѣ удовлетворительно только по твердой поверхности. Снарядъ былъ

сначала устроенъ спеціально для того, чтобы дать возможность измѣрить *ушные углы*, вершины коихъ лежатъ на срединѣ ушной оси черепа, а стороны упираются въ различные швы его. Углы эти берутся на кривой профиля, и потому краніографъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ эту кривую, но достаточно измѣнить только немного ножку, поддерживающую черепъ, чтобы получить и другія кривыя. Кривая профиля начинается у рѣзцовъ верхней челюсти, проходитъ по черепному своду и оканчивается у задняго края затылочнаго отверстія. У живаго человѣка кривая оканчивается у затылочнаго возвышенія. На этой кривой отмѣчаютъ всѣ *исходныя точки* лица и черепа, т. е. тѣ, черезъ которыя должны проходить стороны ушныхъ треугольниковъ. Кромѣ того, съ помощію краніографа получается проэкція слуховаго отверстія, проэкція вертикальной оси, проходящей чрезъ передній край затылочнаго отверстія, положеніе какъ этого края, такъ и задняго, того же отверстія. На рисункѣ удобно измѣряются пять ушныхъ угловъ, шесть ушныхъ радіусовъ, два лицевыхъ угла, лицевой трехугольникъ Кювье, площадь черепа и лица, мозга и мозжечка, вертикальная ось черепа и толщина черепнаго свода. Самый способъ полученія этого очень быстръ: въ часъ, съ однимъ помощникомъ, можно нарисовать профиль двадцати череповъ. Краніографъ дѣлается въ Парижѣ фабрикантомъ хирургическихъ снарядовъ Матье; вмѣстѣ съ краніофоромъ онъ стоитъ 150 франковъ.

Примѣчаніе. Краніографъ имѣетъ слѣдующее устройство. На толстой прямоугольной доскѣ АА (имѣющей въ длину 40 центиметровъ и въ ширину 30) укрѣплена деревянная пластинка ВВ (50 центим. въ высоту) перпендикулярно къ одному изъ краевъ АА, поддерживающая вертикальный прямоугольный картонъ СС (имѣющій 20 цент. въ высоту и 35 въ ширину). Этотъ картонный экранъ, вставленный въ двѣ деревянныя пластинки, прикрѣпленъ къ деревянной вертикальной дощечкѣ ВВ на 10 центиметровъ отъ АА, къ которой онъ и перпендикуляренъ. Къ этому картону, съ помощію щипчиковъ, прикрѣпляется листъ бѣлой бумаги, служащій для рисовки контура. Къ верхнему концу ВВ прикрѣплена стальная пластинка ДД (12 центим. длины), направленіе коей параллельно АА и перпендикулярно экрану СС.—Къ пластинкѣ СС прикрѣплено коромысло, состоящее изъ четырехъ маленькихъ металлическихъ пластиночекъ, образующихъ прямоугольную трапецію abcd, которой двѣ стороны ab, и cd, горизонтальны. Трапеція стороною ab прикрѣплена такъ къ ДД, что можетъ вращаться впередъ и назадъ, но при этомъ всегда ab и cd остаются горизонтальными и перпендикулярными къ экрану. Слѣдующая затѣмъ часть есть подвѣска cdef, т. е. металлическая пластинка, имѣющая форму Y, сочлененная съ трапеціею въ c и d такъ, что она можетъ вращаться около cd. Въ f прикрѣплена металлическая трубочка fg, параллельная cd, а слѣдовательно параллельная также и ab. Если взять fg въ руку, то

Фиг. 9. Краніофоръ Брока. Фиг. 10. Краніографъ Брока.

можно приподнимать ее, опускать и двигать во всѣ стороны, но при этомъ fg все таки остается всегда въ перпендикулярномъ направленіи къ экрану. Въ трубочку fg вставляется такъ называемая — изображающая игла hi, оканчивающаяся съ одного конца карандашемъ, касающимся экрана и бумаги, а съ другаго — тоненькимъ метталлическимъ стержнемъ gi, имѣющимъ миллиметръ въ діаметрѣ; точка i можетъ двигаться тоже только въ плоскости параллельной экрану. Если около i помѣстить черепъ въ профилѣ параллельно экрану и обводить концемъ i контуръ вертикальный черепа, то мы получимъ совершенно точное изображеніе его на экранѣ съ помощію карандаша, находящагося въ h.

Если хотятъ изобразить на экранѣ горизонтальную или ушную кривую черепа, то на послѣднемъ сначала обозначаютъ карандашемъ ходъ этотъ кривой, потомъ помѣщаютъ черепъ такъ, чтобы эта кривая лежала въ параллельной плоскости экрану, и обводятъ затѣмъ концемъ i начерченную на черепѣ линію.

Краніофоръ (фиг. 9) есть снарядъ, служащій дополненіемъ къ краніографу и имѣющій назначеніемъ укрѣпить черепъ противъ экрана въ требуемомъ направленіи. Онъ состоитъ изъ деревянной доски AMMA', и изъ вертикальной цилиндрическо-эллиптической оси BC, имѣющей 25 центиметровъ высоты. Эту ось вводятъ чрезъ затылочное отверстіе въ черепъ, почему она и имѣетъ ширину удобную для этого (одна ось эллипсиса 23 миллиметра, другая 16). Чтобы укрѣпить черепъ на оси, послѣднюю вставляютъ въ него до соприкосновенія съ черепнымъ сводомъ и закрѣпляютъ особыми винтами стержни входящіе въ ушныя отверстія, но не прежде какъ убѣдившись въ томъ, что основаніе черепа имѣетъ вполнѣ горизонтальное направленіе.

Если относительно горизонтальности ограничиться просто глазомѣромъ, то можно сдѣлать большую ошибку. Чтобы точно установить черепъ нужно взять маленькій равнобедренный наугольникъ, коего одну сторону прикладываютъ къ переднему краю подставки СД у уровня нижней поверхности обоихъ суставныхъ мыщелковъ (Condyli occipitales), а другую горизонтальную подводятъ подъ небный сводъ. Затѣмъ опускаютъ зубной край верхней челюсти до тѣхъ поръ, пока онъ небудетъ находиться на продолженіи горизонтальной вѣтви наугольника. Удостовѣрившись въ томъ, что оба затылочные мыщелка находятся на одномъ уровнѣ, придавливаютъ сильно рукою на темя черепа и закрѣпляютъ его ушными винтами, послѣ чего снова удостовѣряются въ томъ незмѣнили ля части отъ давленія даннаго имъ положенія. Если принять всѣ эти предосторожности, то голова будетъ имѣть совершенно тоже нормальное положеніе, которое она имѣетъ у стоящаго человѣка и держащаго естественно голову. Часть краніофора, вошедшая въ черепъ, даетъ величину *вертикальной оси* его, которую легко измѣрить, такъ какъ краніофоръ снабженъ дѣленіями.

7. *Процессъ двойнаго наугольника.* Этотъ процессъ позволяетъ производить большую часть измѣреній съ большою точностію и скоростію. Но главнѣйшая его выгода состоитъ въ томъ, что онъ съ геометрическою точностію даетъ элементы *лицеваго трехугольника.* Этотъ способъ требуетъ трехъ снарядовъ: 1) *линейку съ дѣленіями,* 2) *направляющій наугольникъ* и 3) *изслѣдующій наугольникъ.*

Линейка съ дѣленіями есть деревянная пластинка въ одинъ метръ длины, 15 центиметровъ ширины и 2 центиметра толщины. Линейка во всю свою ширину раздѣлена на центиметры горизонтальными линіями; нуль соотвѣтствуетъ нижнему концу линейки. На разстояніи одного центиметра отъ одного изъ краевъ сдѣланъ продольный желобокъ съ стѣнками прямоугольными, имѣющій 1 центиметръ въ ширину и глубину (см. фиг. 11). Въ этомъ желобкѣ двигается *направляющій наугольникъ,* состоящій изъ двухъ вѣтвей: одной вертикальной, имѣющей только 2 центиметра въ ширину, и другой горизонтальной—7 центиметровъ въ ширину и 25 центиметровъ въ длину; обѣ вѣтви имѣютъ въ толщину 1 центиметръ. Вертикальная вѣтвь вводится въ желобокъ линейки, въ которомъ она двигается, производя нѣкоторое треніе; горизонтальная вѣтвь представляетъ дѣленія у своего верхняго края; нуль помѣщается не у *вершины наугольника,* но на разстояніи 1 центиметра отъ этой вершины, такъ что онъ точно приходится у поверхности линейки съ дѣленіями. Понятно, что если наугольникъ введенъ въ желобокъ, то онъ находится въ плоскости совершенно вертикальной и перпендикулярной относительно линейки, и что его верхній край всегда горизонталенъ. (См. фиг. 12 A, въ 1/5 естеств. величины; ab есть маленькая часовая пружина, укрѣпленная въ a маленькимъ гвоздикомъ въ небольшомъ желобкѣ поверхности и нѣсколько выдающаяся, что исчезаетъ, какъ скоро

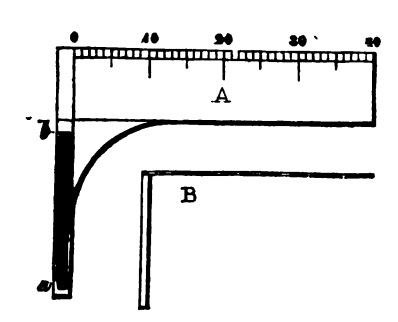
Фиг. 11.

100 50 20 10 0

Линейка съ дѣленіями (1/10 естеств. вел.).

наугольникъ введенъ въ желобокъ линейки съ дѣленіями. Эластичность пружины обусловливаетъ то, что наугольникъ остается на мѣстѣ на всякой высотѣ, на какой только его поставятъ, но можно обойтись и безъ пружины).

Изслѣдующій наугольникъ устроенъ такъ, что образуетъ вдающійся уголъ. Онъ состоитъ: 1) изъ вертикальной вѣтви, сдѣланной изъ плотнаго дерева и имѣющей 1 центиметръ толщины, по крайней мѣрѣ 4 центиметра ширины и 12 длины, и 2) изъ желѣзной горизонтальной пластинки, имѣющей отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ миллиметра въ толщину и 18 центиметровъ въ длину. Если наугольникъ разсматривать въ профиль, то виденъ только край пластинки, представляющійся въ видѣ прямой линіи (см. фиг. 12 B).

Фиг. 12. *A* — направляющій наугольникъ; *B* — изслѣдующій наугольникъ.

Съ помощію этихъ трехъ снарядовъ, которые можно заказать всякому мастеровому, можно удобно опредѣлять какъ абсолютную, такъ и относительную, высоту всѣхъ тѣхъ точекъ, которыя желаютъ изучить. Если эти точки лежатъ меньше метра отъ пола, то линейку съ дѣленіями ставятъ вертикально у стѣны на полъ; если же выше, то ее привѣшиваютъ такимъ образомъ, чтобы нуль ея находился ровно на разстояніи метра отъ полу, и затѣмъ присчитываютъ метръ ко всѣмъ такимъ образомъ измѣреннымъ высотамъ. Постоянно живущіе на одномъ мѣстѣ наблюдатели могутъ и просто заказать себѣ линейку съ дѣленіями длиною въ два метра. Чтобы измѣрить высоту точки, вводятъ въ желобокъ линейки съ дѣленіями направляющій наугольникъ, которымъ двигаютъ правою рукою; за тѣмъ лѣвою рукою прикладываютъ къ верхнему краю горизонтальной вѣтви вдающійся уголъ изслѣдующаго наугольника. Измѣряемый субъектъ ставятъ вертикально передъ линейкою и обращаютъ его такъ, чтобы изслѣдуемая точка была доступна пластинкѣ изслѣдующаго наугольника. Тогда правою рукою поднимаютъ или опускаютъ первый наугольникъ до тѣхъ поръ, пока край или конечность втораго коснется этой точки. Это производится очень скоро, и положеніе вершины направляющаго наугольника у скалы линейки даетъ требуемую высоту. Этотъ способъ представляетъ абсолютную точность; онъ совершается гораздо скорѣе, чѣмъ способъ съ отвѣсомъ, коего недостатки уже были указаны выше.

Если бы дѣло шло только объ опредѣленіи высотъ, то изслѣдующій наугольникъ не былъ бы необходимъ; можно было бы обойтись и съ однимъ наугольникомъ, какъ это замѣчено уже было выше. Но процессъ двойнаго наугольника, въ приложеніи къ измѣренію головъ, представляетъ одно преимущество, принадлежащее ему исключительно; съ помощію его можно, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ высоты исходныхъ точекъ тѣла надъ землею, одновременно опредѣлять и ихъ положеніе относительно задней плоскости тѣла. Такъ, напримѣръ, для измѣренія горизонтальной оси головы, прислоняютъ спиною измѣряемую особь къ линейкѣ съ дѣленіями и прикладываютъ къ сторонѣ головы горизонтальную вѣтвь направляющаго наугольника; затѣмъ, заставляя скользить отъ переда къ заду изслѣдующій наугольникъ, доводятъ пластинку до уровня верхняго края губы. Разстояніе этого края отъ линейки, отсчитываемое по горизонтальной скалѣ направляющаго наугольника, опредѣляетъ длину горизонтальной оси головы.

Ниже мы укажемъ приложеніе способа двойнаго наугольника къ измѣренію *лицеваго угла* и *лицеваго трехугольника* Кювье. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ и употребленіи наугольниковъ можно найдти въ Bulletin de la Société d'anthropologie de Paris, т. III, стр. 534.

8. *Kраніометръ Бьюска* спеціально предназначенъ для измѣренія череповъ, но при случаѣ имъ равномѣрно можно пользоваться и для измѣреній на живыхъ людяхъ. Это толстотный циркуль, устроенный по типу сапожныхъ циркулей, съ тѣмъ только различіемъ, что обѣ параллельныя вѣтви, вмѣсто того чтобы быть очень короткими, имѣютъ 15 центиме-

тровъ въ длину. Краніометръ дѣлается изъ дерева съ мѣдными шарнерами. Три вѣтви краніометра снабжены подраздѣленіями. Два стержня, двигающіеся по двумъ параллельнымъ вѣтвямъ, могутъ быть вставлены въ уши и могутъ доставить опредѣленныя исходныя точки для нѣкоторыхъ измѣреній. Съ помощію этого снаряда можно получить много различныхъ измѣреній въ ширину, но нѣтъ ни одного изъ нихъ, котораго нельзя было бы получить и съ помощію другихъ простыхъ снарядовъ, и въ особенности съ помощію обыкновеннаго толстотнаго циркуля, котораго краніографъ, кромѣ того, никакъ не можетъ замѣнить, въ особенности при измѣреніяхъ на живыхъ людяхъ. Вотъ почему мы не поставили этого снаряда въ числѣ самыхъ необходимыхъ. Но онъ такъ простъ, такъ легокъ, такъ проченъ и удобоперевозимъ, такъ дешевъ (6 или 7 франковъ), что путешественники удобно могутъ помѣстить его въ число своего багажа. Краніометръ Бьюска былъ описанъ въ Bulletins de la Société d'anthropologie, т. III, стр. 95 (1862). Мы видѣли выше, что механизмъ этого снаряда вошелъ въ составъ гоніометра Брока.

9. *Діаграфъ*, снарядъ давно уже извѣстный, можетъ быть также употребленъ для выполненія антропологическихъ рисунковъ, какъ и для снятія всѣхъ другихъ предметовъ. Онъ требуетъ однако же особой установки; желающій пользоваться имъ долженъ часто и долго упражняться на немъ, такъ какъ онъ долженъ привыкнуть производить рукою автоматическія движенія, не стоящія въ непосредственномъ соотношеніи съ направленіемъ контуровъ предмета. Понятно, что всѣ снаряды, употребляемые въ искусствахъ и промышленности для изученія или изображенія формы предметовъ, могутъ быть также приложены и къ изученію человѣка.

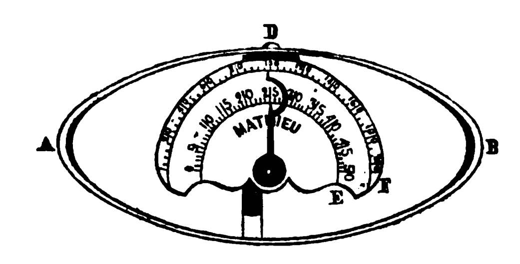
10. Скажемъ наконецъ нѣсколько словъ о снарядахъ, служащихъ для физіологическихъ наблюденій. Снаряды эти суть: 1) *секундные часы* для опредѣленія числа біеній пульса и дыхательныхъ движеній въ данное время: 2) *термометры*, называемые *физіологическими*, для измѣренія температуры различныхъ частей тѣла, и 3) *динамометръ*. Физіологи могутъ присоединить къ этому также *сфигмографъ* Марея, снарядъ очень чувствительный, рисующій съ замѣчательною точностію форму пульса. То, что мы считаемъ необходимымъ сказать относительно выбора термометровъ, всего естественнѣе отнести къ третьей главѣ инструкцій, а потому мы здѣсь остановимся только на *динамометрѣ*.

Способы, употребляемые для измѣренія тѣлесной силы, очень разнообразны. Иногда измѣряютъ силу удара кулака, иногда же тяжесть поднимаемую человѣкомъ одною рукою или же обѣими; въ другихъ случаяхъ опредѣляютъ разстояніе, на которое можетъ бросить человѣкъ извѣстную тяжесть, или же измѣряютъ силу развиваемую имъ при натягиваніи веревки или при раздвиганіи кулаковъ. Всѣ эти способы недостаточны, такъ какъ въ нихъ играетъ такую же роль ловкость, какъ и сила, и такъ какъ они обусловливаются частнымъ дѣйствіемъ извѣстныхъ группъ мышцъ. Ни одинъ способъ не чуждъ этого возраженія, но мы по крайней мѣрѣ должны отдать преимущество тому, который требуетъ болѣе общаго и болѣе однороднаго усилія. Сила горизонтальнаго натяженія лучше всего соотвѣтствуетъ этому условію: поэтому нужно употреблять динамометры способные измѣрять эту силу, и на такихъ-то динамометрахъ мы и остановимъ наше вниманіе.

Лучшій динамометръ есть тотъ, который хирурги употребляютъ для измѣренія силы, дѣйствующей при справленіи вывиховъ. Динамометръ этотъ состоитъ изъ эллиптическаго кольца, сдѣланнаго изъ закаленной стали и снабженнаго на двухъ концахъ большой своей оси двумя крюками, къ которымъ привязываютъ съ одной стороны веревку, идущую отъ стѣны, а съ другой ту веревку, которою тянутъ. Сила натяженія этой веревки стремится удлиннить большую ось эллипсиса AB и въ слѣдствіи того уменьшить малую ось CD. Квадрантъ DEF, раздѣленный на килограммы, прикрѣпленъ къ одному изъ концовъ малой оси, и по немъ двигается стрѣлка, выходящая изъ покоя при сплющиваніи эллипсиса. Въ динамометрѣ Гарнейтера, довольно сложнаго въ своемъ механизмѣ, квадрантъ и стрѣлка помѣщаются внѣ эллипсиса. Матьё много упростилъ снарядъ, помѣстивъ квадрантъ внутрь его, уменьшивъ его размѣры, и въ особенности цѣну, упавшую съ 160 франковъ на 28. Снарядъ показываетъ 200 килограммовъ, что болѣе чѣмъ достаточно.

Ученые наблюдатели экспедиціи австрійскаго фрегата Новары употребляли динамометръ, называемый ими динамометромъ Ренье; но Ренье устроилъ нѣ-

сколько родовъ динамометровъ, и потому мало сказать, что снарядъ устроенъ Ренье. Гарнейтеръ, работалъ въ мастерскихъ Ренье, когда устроилъ свой

Фиг. 13. Динамометръ Матьё (въ половину естествен. величины).

динамометръ, носящій его имя. Но Ренье тоже употреблялъ для этой цѣли эллиптическія пружины, и отъ того происходило, что динамометръ Гарнейтера часто обозначали именемъ Ренье. Съ другой стороны Ренье изобрѣлъ динамометры двухъ родовъ— динамометры *для измѣренія удара* и динамометры для *натяженія*. Какъ тотъ, такъ и другой, измѣряютъ силу развиваемую при сжатіи пружины; тотъ и другой носятъ названіе Ренье, и кромѣ того оба употребляются въ видѣ безменовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *безмена* Ренье. Динамометры Ренье имѣютъ тотъ недостатокъ, что они менѣе прочны, чѣмъ динамометры съ эллиптическою пружиною; когда динамометры Ренье были нѣсколько разъ въ употребленіи, то эластичность ихъ пружины значительно уменьшается, и потому они показываютъ большее число килограммовъ.

Чтобы сдѣлать сравниваемыми динамометрическія наблюденія необходимо принять и однообразный способъ полученія ихъ. Мы думаемъ, что динамометръ Матьё, простой, удобный и малоцѣнный, заслуживаетъ вполнѣ быть спеціально рекомендованнымъ наблюдателямъ. Употребляющіе другіе динамометры должны указать ихъ свойства, и если они употребляютъ, напримѣръ, динамометръ Ренье, то они должны обозначить: устроенъ ли онъ съ эллиптическою пружиною или нѣтъ, и указать, что они употребляли его только для измѣренія горизонтальнаго натяженія.

Динамометры Матьё и Гарнейтера снабжены двумя дѣленіями на своемъ квадрантѣ, изъ коихъ одно F измѣряетъ силу употребленную для удлинненія эллипсиса чрезъ натяженіе, а другое E опредѣляетъ силу руки при сжатіи двухъ концовъ малой оси и сплющиваніи эллипсиса. Поэтому этими динамометрами можно по желанію измѣрять и силу давленія руки, но это динамометрическое данное имѣетъ гораздо меньше значенія, чѣмъ другое; слѣдовательно не нужно забывать, что на записномъ листкѣ должна быть обозначена сила горизонтальнаго натяженія.

Для измѣренія вѣса людей необходимы *вѣсы*, но въ случаѣ недостатка ихъ можно воспользоваться для этого динамометромъ Матьё, сдѣлавъ изъ него безменъ. Въ такомъ случаѣ одну изъ вершинъ эллипсиса привѣшиваютъ къ потолку, а къ другой прикрѣпляютъ небольшую доску на веревкахъ, на которую осторожно и сажаютъ вывѣшиваемый субъектъ. За тѣмъ получаютъ на квадрантѣ указаніе вѣса, изъ коего вычитаютъ вѣсъ доски съ веревками.

Примѣчаніе. Антропологическое Отдѣленіе Общества уже имѣетъ въ своемъ собраніи многіе изъ описанныхъ снарядовъ, и оно приняло мѣры получить образцы и остальныхъ. Такъ какъ цѣль Отдѣленія есть содѣйствіе къ распространенію антропологическихъ изслѣдованій вообще, и въ особенности изслѣдованій надъ племенами обитающими Россію, то Дирекція Отдѣленія охотно возьметъ на себя трудъ быть посредникомъ между наблюдателемъ, затрудняющимся въ выпискѣ нужныхъ ему снарядовъ, и фабрикантами приготовляющими ихъ.

§ II. *Употребленіе хроматической таблицы*. Каждый изъ пятидесяти четырехъ тоновъ, составляющихъ эту таблицу, былъ отпечатанъ отдѣльно на большемъ листѣ очень тонкой бумаги; потомъ изъ этого листа вырѣзанъ былъ четырехугольникъ и наклеенъ на листѣ толстой бѣлой бумаги на мѣстѣ соотвѣтствующаго нумера. Вслѣдствіе такого способа приготовленія таблицы, можно было получить увѣренность въ томъ, что всѣ экземпляры ея совершенно тождественны. Пока таблица будетъ сохраняема плоскою, до тѣхъ поръ приклеенныя къ ней четырех-угольники будутъ крѣпко держаться на ней, но они могутъ мало по малу отклеиться отъ таблицы, если таблица будетъ отдѣлена, какъ это часто случается, отъ книги, свернута или изогнута. Поэтому мы совѣтуемъ тѣмъ, которые будутъ имѣть надобность часто прибѣгать къ помощи таблицы, наклеить ее на картонъ. Если, не смотря и на эту предосторожность, четырехугольнички отклеятся, то необходимо тотчасъ же снова приклеить ихъ на

соотвѣтствующее мѣсто; кромѣ того таблицу нужно сохранять въ непрозрачной плотной оберткѣ, такъ какъ отъ продолжительнаго дѣйствія свѣта нѣкоторые нѣжные тоны могутъ поблѣднѣть и измѣниться.

Нумера 1—20, расположенные въ четыре ряда, представляютъ послѣдовательные тоны цвѣта глазъ. Нумера 21 — 54 изображаютъ главнѣйшіе оттѣнки цвѣта кожи и волосъ. Мы разсмотримъ теперь въ частности оба эти отдѣла таблицы.

1. *Хроматическая лѣстница глазъ.* Радужина глаза, т. е. окрашенная часть его, просвѣчивающаяся чрезъ прозрачную роговую оболочку, состоитъ изъ центральнаго круглаго, совершенно чернаго отверстія, называемаго зрачкомъ, и изъ окрашеннаго въ различный цвѣтъ кольца, окружающаго это отверстіе, состоящаго изъ перепонки и составляющаго собственно радужину. Зрачекъ сжимается отъ дѣйствія свѣта и расширяется въ темнотѣ. Смотря потому—сжатъ или расширенъ зрачекъ, радужина находится въ спокойномъ состояніи или же въ состояніи сокращенія, и вслѣдствіе этихъ различныхъ состояній радужины, можетъ происходить, въ особенности въ свѣтлыхъ глазахъ, значительное измѣненіе тона, могущее ввести въ ошибку при опредѣленіи его. Радужина въ спокойномъ состояніи обыкновенно кажется нѣсколько болѣе темною, сравнительно съ тою же самою радужиною, находящеюся въ сокращеніи. Чтобы избѣгнуть возможности ошибиться, нужно разсматривать радужину въ среднемъ состояніи, т. е. наблюдать ее у человѣка среди дня, но въ тѣни, и притомъ такъ, чтобы передъ глазами наблюдаемаго субъекта не находилось предметовъ сильно отражающихъ солнечные лучи.

Радужина почти никогда не представляетъ совершенно однообразнаго тона на всемъ своемъ протяженіи: на ней обыкновенно отличаютъ периферическій поясъ, извѣстный подъ именемъ *большаго круга*, и центральный поясъ, окружающій зрачекъ и называемый *малымъ кругомъ*; оба эти круга, различно покрашенные, часто раздѣляются еще *среднимъ поясомъ* или *среднимъ кругомъ*. Вообще большой кругъ темнѣе малаго, а послѣдній нѣсколько темнѣе срединнаго. Отличія въ тонѣ различныхъ круговъ замѣчаются иногда на разстояніи метра, но если разсматривать глазъ поближе, то можно увидѣть, что тонъ каждаго круга непредставляетъ однообразія: на каждомъ замѣчается большое число маленькихъ пятнушекъ, рѣдко правильныхъ, отливающихъ и почти немогущихъ быть описанными. Если бы принимать въ соображеніе всѣ эти частности, то различія въ радужинѣ было бы столь многочисленны, что невозможно было бы ни опредѣлить, ни классифицировать ихъ; въ такомъ случаѣ нужно бы было даже почти всегда описывать отдѣльно оба глаза каждаго субъекта. Но обращать вниманіе нужно не на эти мельчайшія частности, хотя можетъ быть послѣдующія наблюденія и дадутъ возможность вывести изъ нихъ признаки, могущіе имѣть значеніе; и тѣ наблюдатели, которые умѣютъ хорошо владѣть кистью и рисовать съ натуры, безъ сомнѣнія соберутъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ, копируя съ крайнею точностію малѣйшія частности и отливы радужины. Но во всякомъ случаѣ, при современномъ состояніи нашихъ знаній, изученіе радужины доставляетъ намъ только два антропологическихъ признака, ведущихъ къ существеннымъ выводамъ: это во-первыхъ *основный цвѣтъ* ея и, во-вторыхъ, *тонъ* этого цвѣта.

Это требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. Если смѣшать на палитрѣ извѣстное количество чистой красной краски съ извѣстнымъ количествомъ желтой, то получается опредѣленный цвѣтъ, средній между двумя первоначальными цвѣтами; прибавляя къ этому среднему цвѣту извѣстное количество черной краски, или бѣлой, мы не измѣняемъ характера цвѣта, но только *тонъ* его. Прибавляя бѣлую краску, мы разжижаемъ цвѣтъ, который, становясь все свѣтлѣе и свѣтлѣе, можетъ перейдти наконецъ въ бѣлый. (Если рисовать акварелью на бѣлой бумагѣ, то нѣтъ надобности прибавлять бѣлой краски для приданія болѣе свѣтлаго тона: достаточно прибавить только воды, и тонъ становится болѣе свѣтлымъ отъ бѣлизны бумаги). Смѣшивая цвѣтъ съ чернымъ, мы сбавляемъ цвѣтъ и можемъ довести его до черваго. Разнообразные оттѣнки, получаемые нами въ цвѣтѣ при примѣшиваніи къ нему бѣлаго или чернаго, составляютъ полный рядъ, первый членъ котораго есть чистый бѣлый цвѣтъ, а послѣдній—черный; различные члены этого ряда или хроматической лѣстницы составляютъ *тоны* цвѣта; совокупность тоновъ составляетъ *гамму* цвѣта. Число тоновъ гаммы цвѣта безгранично, но Шеврель показалъ, что ихъ

можно свести къ двадцати. Изучая замѣчательныя таблицы изданныя Шеврелемъ, можно убѣдиться, что раздѣленіе гаммы на двадцать тоновъ вполнѣ достаточно, такъ какъ это число тоновъ представляетъ почти незамѣтные переходы отъ бѣлаго къ черному.

Теперь становятся понятными для насъ два признака, доставляемые изученіемъ радужины. Радужина представляетъ основной цвѣтъ, независящій отъ количества примѣшеннаго къ нему пигмента. Этотъ основной цвѣтъ, по всей вѣроятности, независитъ отъ особаго красящаго вещества, а отъ толщины радужины отъ ея болѣе или менѣе плотнаго строенія, отъ степени прозрачности ея тканей и, можетъ быть, также отъ большаго или меньшаго развитія сѣти сосудовъ, снабжающихъ ее кровью. Радужина такъ тонка, что она всегда болѣе или менѣе прозрачна; поэтому она плохо выполняла бы свою главную роль діафрагмы, если бы она не была одѣта на своей задней поверхности слоемъ пигмента называемымъ радужинною *чернью* (uvea) и вездѣ равномѣрно непрозрачнымъ. Лучи проходящіе чрезъ радужину—поглощаются радужинною чернью; лучи же отражающіеся отъ поверхности радужины—не разлагаются и не производятъ никакого цвѣта; но тѣ лучи, которые хотя не проходятъ всю радужину, но проникаютъ, однакоже, въ ея поверхностные слои и отражаются въ толщѣ ея тканей, разлагаются при своемъ отраженіи и производятъ въ глазѣ наблюдателя впечатлѣніе извѣстнаго цвѣта. Это то и составляетъ основной цвѣтъ радужины, и такъ какъ онъ зависитъ отъ строенія ея тканей, то и представляетъ антропологическій признакъ столь же важный, какъ будто бы онъ зависитъ отъ особаго красящаго вещества.

Второй признакъ получается отъ опредѣленія тона цвѣта. Одинъ и тотъ же цвѣтъ, напримѣръ голубой, можетъ встрѣчаться какъ у совершенно свѣтлыхъ глазъ, такъ и у настолько темныхъ, что ихъ съ перваго взгляда можно счесть за черные. Существуютъ двѣ причины производящія эти различія въ тонѣ: 1) степень прозрачности радужины и 2) нахожденіе или отсутствіе отложенія чернаго пигмента въ толщѣ радужины. Радужина очень тонкая и состоящая изъ тканей мало плотныхъ—позволяетъ по своей прозрачности видѣть черный цвѣтъ радужинной черни и вслѣдствіе этого основной цвѣтъ спускается и приближается къ черному, подобно тому какъ темнѣетъ основной цвѣтъ, если его накладывать на бумагу предварительно покрытую тушью. Съ другой стороны пигментъ отложившійся въ толщѣ радужины въ видѣ микроскопическихъ точекъ или болѣе или менѣе неправильныхъ пятнушекъ—темнитъ основной цвѣтъ, какъ затемнили бы его дѣйствіе растушевка или пунктиръ чернымъ карандашемъ на раскрашенномъ рисункѣ. Очень свѣтлыя радужины суть тѣ, которыя съ одной стороны мало прозрачны, а съ другой лишены собственнаго пигмента. Изъ сказаннаго видно, что если необходимо опредѣлять основной цвѣтъ, то не менѣе необходимо опредѣлять и тонъ этого цвѣта.

Чтобы удовлетворить этимъ двумъ требованіямъ, мы раздѣлили типическіе цвѣта глазъ на нѣсколько рядовъ тоновъ. Различные тоны одного и того же цвѣта размѣщены въ горизонтальный рядъ; соотвѣтствующіе же тоны различныхъ цвѣтовъ образуютъ вертикальные ряды. Глаза наиболѣе темный и наиболѣе свѣтлый, замѣченные нами въ каждомъ основномъ цвѣтѣ, составляютъ два крайнихъ члена, между которыми помѣщено три посредствующихъ члена. Легко было бы увеличить число этихъ послѣднихъ, но такое осложненіе, нисколько не облегчая изслѣдованій, запутало бы только наблюдателей; поэтому намъ казалось совершенно достаточнымъ ограничить число тоновъ каждаго цвѣта—пятью. Если бы наблюдаемый глазъ представлялъ среднее между выбранными нами тонами, то его легко можно обозначить двойнымъ нумеромъ; такъ нумеръ 13—14 означаетъ голубой глазъ болѣе свѣтлый, чѣмъ нумеръ 13, и болѣе темный, чѣмъ нумеръ 14.

Мы ограничили четырьмя число основныхъ цвѣтовъ, и конечно при этомъ мы далеко не исчерпали всѣхъ ихъ. Мы выбрали только наиболѣе характеристичные; но можетъ случиться, и вѣроятно это будетъ часто, что наблюдатель не найдетъ искомаго типа основнаго цвѣта ни въ одномъ изъ нашихъ рядовъ. Такъ напримѣръ: часто можно встрѣтить глаза, которыхъ основной цвѣтъ есть смѣсь голубаго съ зеленымъ и котораго, слѣдовательно, типъ не встрѣчается ни въ ряду голубыхъ глазъ, ни въ ряду зеленыхъ. Въ такихъ случаяхъ не можетъ встрѣтиться никакого затрудненія обозначить такіе

глаза съ помощію нашей таблицы, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, двойнымъ нумеромъ; такъ 9—14 будетъ обозначать свѣтлый глазъ, промежуточный между голубымъ и зеленымъ; обозначеніе 7—12 укажетъ на темный глазъ, средній между тѣми же цвѣтами и т. д.

Употребленіе двойныхъ нумеровъ есть способъ, который нужно сберегать для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ наблюдаемый глазъ отличается очень значительно отъ типовъ, представленныхъ на таблицѣ. Если же отличіе незначительно, то вполнѣ достаточно одного нумера, и потому, напримѣръ, глазъ несомнѣнно голубой, но съ нѣкоторымъ однакоже оттѣнкомъ зеленаго, долженъ быть отнесенъ къ ряду голубыхъ глазъ. Тоже замѣчаніе приложимо и къ различнымъ тонамъ одного основнаго цвѣта.

Четыре основныхъ цвѣта нашей таблицы образуютъ столько же рядовъ, которые мы обозначаемъ названіемъ глазъ *коричневыхъ, зеленыхъ, голубыхъ* и *сѣрыхъ*. Мы приняли эти названія потому, что они употребительны въ обыкновенномъ языкѣ, но значеніе, придаваемое имъ нами, отличается во многихъ отношеніяхъ отъ общепринятаго. Такъ какъ зеленый и голубой составляютъ цвѣта спектра, то они и неимѣютъ надобности въ особомъ опредѣленіи; мы замѣтимъ только, что нижніе тоны этихъ двухъ рядовъ (№ 10 и № 15) часто обозначаются (и это совершенно неправильно) названіемъ сѣрыхъ глазъ, и что тоны болѣе темные (№ 6 и № 11) считаются обыкновенно за черные глаза. Что же касается до двухъ другихъ рядовъ, именно до глазъ коричневыхъ и сѣрыхъ, то обозначеніе ихъ главнѣйшихъ типовъ, принятое на практикѣ, неточно и произвольно. Коричневый и сѣрый не суть собственно цвѣта, такъ какъ ихъ нѣтъ въ спектрѣ и такъ какъ ихъ нельзя получить двойственнымъ смѣшеніемъ цвѣтовъ спектра. Коричневый есть цвѣтъ смѣшанный съ чернымъ; встрѣчается желто-коричневый, красно-коричневый, зелено-коричневый, но нѣтъ настоящаго коричневаго. Когда употребляютъ слово коричневый безъ особаго другаго обозначенія, то обыкновенно при этомъ имѣютъ въ виду обозначить темные тоны оранжеваго и нѣкоторые другіе промежуточные оттѣнки между желтымъ и краснымъ. Обычай установилъ называть коричневыми глаза, соотвѣтствующіе по цвѣту промежуточнымъ тонамъ нашего перваго ряда; собственно же говоря здѣсь основной цвѣтъ есть смѣсь желтаго и краснаго. Но еслибы мы захотѣли замѣнить названіе коричневыхъ глазъ обозначеніемъ ихъ красными, оранжевыми, желтыми и т. под., то мы рисковали бы не быть понятными. Поэтому мы обозначили весь рядъ названіемъ коричневые, хотя типъ № 1, т. е. самый темный, обыкновенно относится къ чернымъ глазамъ, и хотя типъ № 5 и незаключаетъ совсѣмъ чернаго цвѣта или, покрайней мѣрѣ, представляетъ его въ очень незамѣтномъ количествѣ.

Называя сѣрыми глаза четвертаго ряда, мы въ одно и тоже время и сократили, и расширили обыкновенное значеніе этого термина. Мы присоединили къ голубымъ и зеленымъ нѣкоторые обыкновенно называемые сѣрыми, и наоборотъ мы отнесли къ сѣрымъ нѣкоторые другіе оттѣнки глазъ, обыкновенно считаемые за коричневые или черные. Такъ обѣ женщины, которыя дали образецъ типа № 16, обыкновенно слыли за черноглазыхъ. Будучи поставлены въ необходимость дать общее собирательное названіе этому совершенно естественному ряду, мы выбрали для этого то, которое обыкновенно придается наиболѣе свѣтлымъ типамъ этого ряда и наиболѣе извѣстнымъ. Мы не колебались распространить это названіе на цѣлый рядъ, такъ какъ въ научномъ языкѣ слово «сѣрый» служитъ какъ для обозначенія самыхъ темныхъ, такъ и самыхъ свѣтлыхъ тоновъ гаммы чернаго цвѣта. Всякій оттѣнокъ, получаемый отъ смѣшенія чернаго съ бѣлымъ, есть сѣрый, даже и въ такомъ случаѣ, когда онъ очень близокъ къ черному. Спѣшимъ замѣтить, что собственно сѣрый цвѣтъ, сѣрый обсолютный и безъ примѣси, никогда невстрѣчается въ радужинѣ; глаза, называемые нами сѣрыми, только очень близки къ сѣрому цвѣту, но въ нихъ есть основной цвѣтъ, который, хотя почти совсѣмъ замаскированъ примѣсью сѣраго, но тѣмъ не менѣе служитъ основнымъ: это Фіолетовый. Фіолетовый цвѣтъ есть цвѣтъ сглаживающійся всего скорѣе изъ всѣхъ другихъ подъ чернымъ: достаточно прибавить къ Фіолетовому очень небольшое количество чернаго, чтобы получить тонъ, который, будучи немного ризжиженъ водою, едва отличается отъ сѣраго. Легко замѣтить присутствіе Фіолетоваго въ сѣрыхъ глазахъ, разсматривая очень близко тѣ изъ нихъ, которыхъ

тонъ, болѣе или менѣе темный, соотвѣтствуетъ типамъ представленнымъ подъ нумерами 16, 17 и 18 нашей таблицы. Можно замѣтить тогда, при косвенномъ отраженіи свѣта, маленькія отливающія пятнушки, производящія впечатлѣніе фіолетоваго.

Впрочемъ эти частности неимѣютъ особенно важнаго значенія. Для насъ достаточно—явственно и точно отличить нашъ четвертый рядъ отъ трехъ первыхъ, и разсмотрѣніе самой таблицы въ этомъ отношеніи лучше всякихъ объясненій. Симметрическое расположеніе нашихъ четырехъ параллельныхъ рядовъ позволяетъ удобно обозначить типы и безъ помощи нумеровъ: пять тоновъ каждаго цвѣта могутъ быть обозначены названіями: *очень темный*, *темный, посредствующій*, *свѣтлый* и *очень свѣтлый*. Такъ *зеленый темный* соотвѣтствуетъ № 7, *коричневый посредствующій*—№ 3 и т. д. Но во всякомъ случаѣ употребленіе нумеровъ необходимо, такъ какъ мы уже сказали, что встрѣчаются глаза, которыхъ основной цвѣтъ есть смѣсь голубаго съ сѣрымъ, голубаго съ зеленымъ и даже сѣраго съ коричневымъ. Для обозначенія такихъ посредствующихъ цвѣтовъ нужно употреблять, какъ это сказано выше, два нумера, соединяя ихъ чертою.

Разсматривая таблицу можно замѣтить, что пять тоновъ различныхъ рядовъ не вездѣ представляютъ точную послѣдовательность или градацію. Такъ очевидно, что № 13 ближе къ № 12, чѣмъ къ № 14, что № 14 ближе въ 15, чѣмъ къ 13 и т. д. Легко было бы устранить эти маленькія неправильности; но мы поставили себѣ закономъ изображать на таблицѣ только тоны скопированные съ натуры, и хотя число раскрашенныхъ рисунковъ, изъ которыхъ мы выбрали наши двадцать типовъ, было болѣе ста, мы все таки небыли въ состояніи, основываясь на нихъ, придать нашимъ рядамъ ту однообразную послѣдовательность, которую можно было бы встрѣтить на схематической таблицѣ.

Наши типы, хотя всѣ они и сняты съ натуры, воспроизводятъ только *средній цвѣтъ* глазъ, служившихъ моделью. Чтобы опредѣлить этотъ средній цвѣтъ, нужно было оставить въ сторонѣ частности распредѣленія пигмента, пятнушки и точки, ирризацію и концентрическіе круги. Всѣ эти частности были обозначены на моделяхъ, но ихъ всѣхъ нужно было привести къ одному цѣльному цвѣту, чтобы имѣть типы удобо-сравниваемые другъ съ другомъ, и въ особенности удобные для сравненія съ тѣми глазами, опредѣлять которые придется съ помощію нашей таблицы. Этотъ цѣльный цвѣтъ мы получали тѣмъ, что ставили передъ собою раскрашенный рисунокъ, служившій моделью, и удалялись отъ него на столько, что частныя впечатлѣнія сливались въ одно общество.

Употребленіе таблицы должно служить для опредѣленія двухъ факторовъ: цвѣта и тона. Чтобы опредѣлить тонъ, нужно разсматривать глазъ очень вблизи, прямо и съ боку; такимъ образомъ можно дознать къ какому ряду принадлежитъ разсматриваемый глазъ. Всего чаще такое разсматриваніе бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточнымъ для того, чтобы опредѣлить и тонъ цвѣта; но если распредѣленіе цвѣтовъ очень неравномѣрно, если, напримѣръ, встрѣчаются очень темныя пятна на болѣе свѣтломъ фонѣ, или если оба круга принадлежатъ къ различнымъ тонамъ, то нужно отдалиться еще нѣсколько далѣе отъ субъекта, чтобы получить впечатлѣніе цѣльнаго средняго цвѣта. Нѣкоторые глаза, впрочемъ, представляютъ столь значительное различіе въ тонѣ обоихъ своихъ круговъ, что для полученія средняго впечатлѣнія нужно отдалиться отъ нихъ на очень значительное разстояніе, а это можетъ помѣшать точности наблюденія. Въ такомъ случаѣ можно опредѣлять отдѣльно цвѣтъ большаго круга и малаго круга и отыскать на таблицѣ нумеръ, обозначающій средній тонъ между тонами отдѣльныхъ круговъ.

Очень можетъ быть, что наблюдатели встрѣтятъ иногда типы, которыхъ нельзя выразить съ достаточнымъ приближеніемъ съ помощію нашей таблицы. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ нарисовать красками цвѣтъ глаза, такъ какъ такіе рисунки впослѣдствіи могутъ послужить для пополненія нашихъ рядовъ.

Глаза альбиносовъ вполнѣ отличны отъ всѣхъ типовъ изображенныхъ нами: такіе глаза лишены пигмента; зрачекъ ихъ, вмѣсто того чтобы быть чернымъ, имѣетъ кровянокрасный цвѣтъ, и цвѣтъ этотъ происходитъ отъ безчисленныхъ сосудовъ внутреннихъ оболочекъ глаза. Радужина, задняя сторона которой въ такихъ глазахъ не покрыта непрозрачною глазною черныю, представляется полупрозрачною

и имѣетъ розовый или блѣднокрасный цвѣтъ, сходный съ тѣмъ, который получается, если положить на красную бумагу полупрозрачное стекло. Разсматривая такую радужину очень близко или, что еще лучше, въ лупу, можно замѣтить, что цвѣтъ ея непредставляется однообразнымъ, что онъ происходитъ отъ смѣшенія двухъ цвѣтовъ — краснаго и бѣлаго. Волокна радужины, расположенныя пучками, какъ кольцевыми, такъ и расходящимися, выдѣляются въ видѣ бѣловатыхъ линій или полосокъ. Кольцевыя фибры образуютъ около зрачка родъ кольца, отъ котораго выходятъ расходящіеся пучки, идущіе къ большому кругу и соединяющіеся косвенными анастомозами, оставляющими между собою неправильныя пустоты. На этихъ то пустотахъ, или лучше сказать промежуткахъ, радужина, значительно утонченная, по своей прозрачности позволяетъ просвѣчиваться красному цвѣту внутренности глаза. Промежутки самые широкіе представляютъ почти столь же яркій цвѣтъ, какъ и зрачекъ; другіе же имѣютъ болѣе блѣдный красный цвѣтъ, а самыя узкіе изъ нихъ кажутся просто розоватыми. Изъ смѣшенія всѣхъ этихъ различныхъ тоновъ происходитъ тотъ красноблѣдный тонъ, который получаетъ глазъ, если его разсматривать на разстояніи 30 или 40 центиметровъ. Таковы условія глазъ албиносовъ, изученныхъ въ Парижѣ; но эти албиносы принадлежали къ бѣлой расѣ, и хотя у двухъ изученныхъ женщинъ—албиносовъ глаза и представляли совершенно тождественныя условія, но изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, чтобы типъ глазъ албиносовъ былъ всегда постояненъ и одинъ и тотъ же. Напротивъ того весьма вѣроятно, что подобные глаза у различныхъ расъ представляютъ и замѣчательныя отличія. Были указываемы случаи неполнаго албинизма, и можетъ быть въ такихъ глазахъ оставалась нѣкоторая доля пигмента; во всякомъ случаѣ толстота и плотность мускульныхъ волоконъ радужины повидимому варьируютъ въ глазахъ албиносовъ, какъ и въ глазахъ другихъ особей, а отъ этого должны происходить отличія въ размѣщеніи бѣлыхъ полосъ и красныхъ промежутковъ, въ прозрачности или непрозрачности этихъ частей и, наконецъ, въ степени яркости краснаго цвѣта въ среднемъ цвѣтѣ глазъ. Если эти препаложенія окажутся точными, то современемъ можно будетъ установить особую хроматическую таблицу тоновъ краснаго цвѣта для албиносовъ. Поэтому мы обращаемъ вниманіе какъ наблюдателей, такъ въ особенности путешественниковъ, на изученіе глазъ албиносовъ, и просимъ ихъ дѣлать акварелью на бумагѣ рисунки радужины тѣхъ албиносовъ, которыхъ они будутъ имѣть случай наблюдать.

2, *Цвѣтъ кожи и волосъ.* Второй отдѣлъ таблицы заключаетъ въ себѣ 34 нумерованныхъ тона (отъ 21 до 54), обозначающихъ главнѣйшіе типы окраски кожи и волосъ. Мы сначала составили отдѣльную хроматическую скалу для кожи и другую для волосъ, но когда мы сравнили ихъ обѣ, то увидѣли, что почти всѣ типы второй заключались уже въ первой. Если бы мы оставили эти двѣ скалы, то тогда нужно бы было воспроизводить два раза, и притомъ безъ всякой пользы, большую часть цвѣтовъ, что заняло бы много мѣста и вызвало бы необходимость раздѣлить нашу таблицу на двѣ.

Съ перваго раза кажется не вѣроятнымъ, чтобы блестящіе оттѣнки нѣкоторыхъ цвѣтовъ волосъ могли слиться съ извѣстными оттѣнками цвѣта кожи въ такой степени, что ихъ вовсе нельзя различить. Но нужно замѣтить, что кожа представляетъ всегда цѣльный цвѣтъ, тогда какъ видъ пучка волосъ зависитъ какъ отъ его цвѣта, такъ и отъ многочисленныхъ отраженій отъ волосковъ, входящихъ въ составъ его, и отъ ихъ линеобразной тѣни. Вотъ почему почти всегда бываетъ трудно точно передать цѣльнымъ цвѣтомъ и безъ помощи различныхъ оттѣнковъ—цвѣтъ пучка волосъ. Самые даровитые рисовальщики достигаютъ этого только послѣ многочисленныхъ попытокъ. Подобное же затрудненіе вѣроятно часто будетъ встрѣчаться и у наблюдателей при опредѣленіи ими, съ помощію таблицы, тона цвѣта бѣлокурыхъ или черныхъ волосъ, въ особенности при первыхъ опытахъ въ этомъ. Когда они будутъ въ нерѣшительности относительно выбора между двумя или нѣсколькими цвѣтами, то они могутъ облегчить себѣ дѣло тѣмъ, что отрѣжутъ маленькій пучекъ волосъ и положатъ его плашмя на самую краску таблицы; при этомъ наблюдатель никогда не долженъ разсчитывать найдти на таблицѣ нумеръ, который бы точно подходилъ къ цвѣту образчика, но онъ долженъ искать и остановиться только на томъ нумерѣ, который всего менѣе отли-

чается отъ него. Наконецъ въ случаѣ, если бы наблюдатель не нашелъ ни одного подходящаго нумера, могущаго удовлетворить его, то онъ долженъ сохранить образчикъ и приложить его къ журналу своихъ наблюденій. Было бы лишнимъ прибавлять къ сказанному то, что опредѣленіе цвѣта бороды и волосъ половыхъ частей происходитъ точно также, какъ и опредѣленіе цвѣта головныхъ волосъ.

Несравненно легче опредѣленіе цвѣта кожи. Блестящій и маслянистый отблескъ нѣкоторыхъ кожъ не можетъ представить серьознаго затрудненія, такъ какъ и въ этихъ случаяхъ все-таки приходится сравнивать цѣльный цвѣтъ съ цѣльнымъ цвѣтомъ, оставляя въ сторонѣ отблескъ.

Тоны второй части таблицы не расположены, подобно тонамъ глазъ, въ правильные ряды. Конечно, это было бы желательно для удобства наблюденій, но послѣ многихъ попытокъ мы пришли къ убѣжденію, что такая классификація почти невозможна вслѣдствіе большаго числа и близости основныхъ цвѣтовъ, происходящихъ только отъ двухъ первоначальныхъ—желтаго и краснаго—и отъ ихъ смѣшенія въ различныхъ пропорціяхъ. Два близкіе цвѣта, различные въ ихъ свѣтлыхъ тонахъ, сливаются въ своихъ темныхъ, отчего происходитъ то, что темные тоны гораздо менѣе разнообразны, чѣмъ свѣтлые. Расположеніе же рядами предполагаетъ, что каждый основной цвѣтъ представляетъ различіе во всѣхъ своихъ тонахъ, даже и въ наиболѣе близкихъ къ черному. Поэтому на таблицѣ сгруппированы, или лучше сказать только сопоставлены, на одной сторонѣ самые темные тоны для того, чтобы сдѣлать болѣе удобнымъ сравненіе; другіе тоны тоже не разбросаны случайно, но помѣщены въ нѣкоторой послѣдовательности, но эта послѣдовательность не могла быть сохранена во всей правильности и потребовалось неразъ нарушить естественность рядовъ.

Мы замѣтимъ здѣсь, что № 48 представляетъ абсолютно-черный цвѣтъ, и что три слѣдующіе нумера суть тоны сѣрой гаммы, безъ всякой примѣси краснаго и желтаго. Мы наблюдали такіе типы только на волосахъ; № 51 есть сѣрольняной цвѣтъ, довольно рѣдкій въ Европѣ, но однакоже иногда встрѣчающійся. Мы не знаемъ еще, встрѣчаются ли иногда эти сѣрые или черные тоны безъ всякой примѣси на кожѣ; путешественники упоминали о совершенно черномъ цвѣтѣ кожи, но всѣ негры, которыхъ только ни случалось наблюдать въ Парижѣ, имѣли нѣсколько желтизны или красноватости въ своей кожѣ и соотвѣтствовали тонамъ, представленнымъ на таблицѣ подъ нумерами 27, 34 или 41. Поэтому нужно считать вопросъ еще нерѣшеннымъ и ждать его рѣшенія отъ послѣдующихъ наблюдателей.

Очень можетъ случиться, что нѣкоторые оттѣнки кожи и волосъ окажутся стоящими ближе къ первому и четвертому ряду цвѣтовъ глазъ, чѣмъ къ типамъ втораго отдѣленія таблицы. Наблюдатели въ такихъ случаяхъ могутъ воспользоваться и таблицею глазъ для обозначенія такихъ оттѣнковъ кожи.

§ III. *Частности наблюденій.* А. *Свѣдѣнія описательныя.* Мы разберемъ теперь различныя указанія, собранныя на образцѣ записнаго листка для наблюденій, приложенномъ къ этимъ инструкціямъ, останавливаясь при объясненіи только или на главнѣйшихъ пунктахъ его, или же на представляющихъ затрудненія и требующихъ предосторожностей; при этомъ мы не будемъ, однакоже, строго держаться порядка, указаннаго на листкѣ.

Мѣсто наблюденія должно быть обозначено съ возможною точностію; при этомъ не слѣдуетъ ограничиться однимъ названіемъ страны, но указать самую мѣстность, такъ какъ очень часто въ различныхъ областяхъ одной и той же страны встрѣчаются очень существенныя племенныя различія. Мѣстности нужно обозначать ихъ принятымъ географическимъ названіемъ; мѣстности же безыменныя обозначаются по извѣстнымъ, близь нихъ лежащимъ, мѣстамъ, по имени залива, рѣки и т. д. Если уже не случится никакихъ другихъ указаній, то нужно отмѣтить широту и долготу мѣста; высота мѣста надъ уровнемъ моря обозначается также всегда, когда только представится къ этому возможность. Если мѣстомъ наблюденія служитъ какой-либо обширный островъ, то нужно отмѣтить — лежитъ ли данная мѣстность на восточномъ или западномъ берегу и т. д. Такое указаніе въ особенности необходимо, если черезъ островъ проходитъ цѣпь горъ, такъ какъ случается иногда, что два племени, или нѣсколько ихъ, размѣщаются по двумъ склонамъ этихъ горъ.

Вслѣдствіе тѣхъ же мотивовъ нужно записать *названіе расы* и *племени*, къ которымъ принадлежитъ

наблюдаемый субъектъ; всегда при этомъ нужно обозначать туземныя имена, но если кромѣ этого племя имѣетъ особенное названіе, данное европейцами и общеупотребительное, то его всегда нужно также присоединять: извѣстно, что европейцы часто замѣняли изобрѣтенными ими названіями настоящія имена.

Дикіе рѣдко знаютъ свой *возрастъ*, относительно котораго нужно стараться, однакоже, собрать по возможности точныя свѣдѣнія. Если возрастъ извѣстенъ будетъ только приблизительно, то обозначаютъ вѣроятное число лѣтъ съ знакомъ вопроса. Наконецъ, если совсѣмъ не будетъ никакихъ данныхъ и остаются одни только предположенія, то вмѣсто числа лѣтъ записывается только слѣдующее: дитя, отрокъ, юноша, зрѣлый возрастъ, старикъ.

Весьма полезно изучать, и въ особенности сравнительно, особей всѣхъ возрастовъ; но главное и преимущественное вниманіе должно быть обращено на мущинъ 25—30 лѣтняго возраста и на женщинъ отъ 20—25 лѣтъ.

Вѣсъ тѣла обозначается въ русскихъ фунтахъ или же въ килограммахъ. Весьма полезно прибавлять въ скобкахъ указаніе на то—жиренъ ли субъектъ, или худъ, или средняго сложенія; безъ этого—указаніе вѣса теряетъ большую часть своего значенія.

Къ свѣдѣніямъ чисто описательнымъ прежде всего относятся *цвѣтъ кожи, глазъ* и *волосъ*; если борода представляетъ отличный цвѣтъ, то это обозначается также. Мы уже говорили выше о способахъ употребленія хроматической таблицы и опредѣленіи цвѣта различныхъ частей тѣла. Мы должны прибавить къ сказанному только то, что нужно опредѣлять тонъ кожи: 1) какъ на частяхъ постоянно открытыхъ, такъ и 2) на частяхъ покрытыхъ постоянно платьемъ. Такое двойное указаніе необходимо, такъ какъ дѣйствіе солнечнаго зноя оказывается различнымъ у различныхъ племенъ. У бѣлыхъ солнечный зной темнитъ кожу, и иногда до того, что дѣлаетъ ее сходною съ кожею мулатовъ; у другихъ же народовъ, имѣющихъ естественный темный цвѣтъ, часто случается, что части открытыя представляются болѣе свѣтлыми, чѣмъ покрытыя одеждою. Наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ солнечный зной краснитъ кожу. Весьма важно подмѣтить эти различные результаты одной и той же причины, такъ какъ на нихъ ссылаются постоянно при всѣхъ попыткахъ объяснить причины цвѣтности кожи.

Волоса иногда представляютъ также подобныя измѣненія, въ особенности если естественный ихъ цвѣтъ рыжій или свѣтлый. Поверхностные слои, постоянно подверженные дѣйствію воздуха и солнечныхъ лучей у особей не покрывающихъ головы, могутъ подвергнуться измѣненію въ цвѣтности, тогда какъ внутренніе слои останутся нетронутыми. Естественнымъ цвѣтомъ нужно признать цвѣтъ глубокихъ слоевъ волосъ.

Наблюдатели и путешественники должны имѣть въ виду, что многіе народы употребляютъ искусственныя средства для измѣненія цвѣта ихъ волосъ. Поэтому нужно всегда дознаѣть: суть ли наблюдаемые цвѣта искусственные или естественные, и придумать средства открыть естественный цвѣтъ. Тоже замѣчаніе приложимо иногда и къ цвѣту кожи.

Свойство волосъ должно быть точно обозначено. Нужно отмѣтить длинны ли или коротки волоса, жидки они или обильны, жестки или мягки, гладки ли они или же волнисты, кудреваты, курчавы, кручены или рунообразны. *Гладкіе* волосы понятны и безъ описанія. *Волнистыми* (ondés) называются волоса, если они описываютъ длинныя волнообразныя кривыя. *Кудреватые* (bouclés) суть тѣ, которые за извѣстною длиною загибаются и образуютъ кольца, обыкновенно не полныя и довольно широкія; *курчавыми* (frisés) называются они тогда, когда образуютъ по всей длинѣ своей кольца, обыкновенно имѣющія меньшую величину, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ. Наконецъ *рунообразные* волосы (laineux) отличаются отъ курчавыхъ волосъ двумя признаками: вопервыхъ они дѣлаютъ еще меньшіе завитки или кольца, и вовторыхъ они свертываются и спутываются съ ближайшими къ нимъ такъ, что образуютъ маленькіе пучки, напоминающіе своимъ видомъ руно; такъ какъ рунообразные волоса вообще довольно коротки, то ихъ пучки имѣютъ шарообразный видъ и скучены одни съ другими. Крайняя форма рунообразныхъ головныхъ волосъ называется «волоса à grains de pöivre» и замѣчается у готтентотовъ. Очень маленькіе пучки, какъ уже показываетъ само названіе такихъ волосъ, гораздо гуще и мельче скручены, чѣмъ у обыкновенныхъ руно-

образныхъ волосъ. Когда такіе волоса имѣютъ большую длину, пучечки ихъ удлинняются и образуютъ родъ твердыхъ шнуровъ, сходныхъ съ грубою бахромкою. Наконецъ волосами «en tête de vadrouille» называются тѣ, которые грубы, толсты, жестки и длинны, и которые, отличаясь всѣми этими признаками отъ обыкновенныхъ руннообразныхъ волосъ, въ тоже время представляютъ во всю длину свою очень маленькія и крутыя кривыя, и хотя и смѣшиваются и свиваются съ другими, но не образуютъ пучковъ руннообразныхъ волосъ. Такіе волосы образуютъ изъ своей совокупности громадную шарообразную массу, могущую имѣть болѣе 30 центиметровъ въ діаметрѣ.

Нужно изучать также внѣдреніе волосъ въ кожѣ и границу ихъ размѣщенія около лба. Внѣдреніе волосъ у большей части расъ происходитъ почти вездѣ одинакимъ образомъ на всемъ протяженіи кожи; вездѣ волоса почти одинаково сближены другъ съ другомъ, подобно стеблямъ хлѣбныхъ злаковъ на нивѣ. Но у нѣкоторыхъ народовъ, и въ особенности у готтентотовъ, внѣдреніе происходитъ совершенно особеннымъ образомъ въ видѣ отдѣльныхъ пучковъ, оставляющихъ между собою свободныя пространства или промежутки, на которыхъ кожа совершенно гладка, такъ что такое внѣдреніе можно сравнить съ образомъ размѣщенія пучковъ щетины на щеткѣ. Каждый пучекъ, независимый отъ своихъ ближайшихъ, образуетъ тотъ маленькій клубочекъ, который мы выше назвали «grains de poivre». Такое внѣдреніе въ формѣ пучковъ щетки доходитъ до крайности у готтенготовъ, но его замѣчали, хотя и въ меньшемъ развитіи, у негровъ, и желательно изслѣдовать — не стоитъ ли внѣдреніе въ болѣе или менѣе постоянномъ соотношеніи съ руннообразными волосами.

Размѣщеніе волосъ около лба обыкновенно происходитъ по угловатому контуру и придаетъ лбу форму прямоугольника, основаніе коего соотвѣтствуетъ линіи бровей; въ такихъ случаяхъ говорится, что лобное размѣщеніе волосъ *угловато*. Оно называется наоборотъ *круговымъ*, если описываетъ полукругъ или скорѣе дугу круга, два конца которой лежатъ спереди ушей; лобъ въ такомъ случаѣ имѣетъ видъ сегмента круга. Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ приписывалъ большое значеніе этому послѣднему признаку, который онъ считалъ исключительно свойственнымъ готтенготской расѣ; но это мнѣніе требуетъ провѣрки.

Не было возможности обозначить на образцѣ записнаго листа всѣ описательныя особенности волосъ; поэтому тѣ, которыя не отмѣчены на листѣ, могутъ, если окажется нужда, быть обозначены въ отдѣлѣ особыхъ замѣтокъ. Нужно также отмѣчать случаи плѣшивости, а равно и тѣ, когда волосы будутъ съ просѣдью или сѣдые. Необходимо указать тщательно и развитіе волосъ на тѣлѣ вообще. Нѣкоторые народы безбороды или имѣютъ рѣдкую бороду; многіе изъ нихъ имѣютъ кожу туловища и конечностей гладкую и безволосную на всей своей поверхности, кромѣ мышекъ и половой области; другіе напротивъ того очень волосаты. При этомъ нужно имѣть въ виду и разузнать хорошенько, не произошла ли безволосость отъ обычая выщипывать себѣ волоса, иначе можно ошибиться въ своихъ замѣткахъ.

Въ отдѣлѣ о *зубахъ* нужно сказать—вертикальные ли они, малокосые или очень косые, длинные или короткіе, широкіе или узкіе; эти указанія нужно дѣлать относительно рѣзцовъ. Зубы, кромѣ того, могутъ дать данныя для другихъ очень важныхъ замѣтокъ, которыя, однако же, не настолько общи, чтобы помѣстить ихъ на листѣ для наблюденій. Такія замѣтки, если случится ихъ сдѣлать, могутъ быть записаны въ концѣ отдѣла особыхъ замѣтокъ. Такъ клыки обыкновенно стоятъ въ одномъ ряду и въ одномъ уровнѣ съ другими ближайшими къ нимъ зубами, но иногда они могутъ быть и длиннѣе другихъ или же нѣсколько выдаваться впередъ. Такіе случаи встрѣчаются въ видѣ исключеній у нѣкоторыхъ особей большей части племенъ, но очень возможенъ случай, что такія исключенія встрѣчаются особенно часто, или даже обыкновенны, у нѣкоторыхъ расъ. Поэтому нужно обратить вниманіе на эти особенности.

На черепахъ нѣкоторыхъ негровъ и меланезійцевъ, подобно обезьянамъ, найдено пять и даже шесть бугорковъ на одномъ или нѣсколькихъ коренныхъ зубахъ. Неизвѣстно, свойственъ ли признакъ этотъ нѣкоторымъ расамъ или же есть только аномалія, встрѣчающаяся болѣе или менѣе часто. Очень можетъ быть, что это только аномалія, но такая, которая проявляется чаще у нѣкоторыхъ расъ. Этотъ

вопросъ заслуживаетъ также того, чтобы обратить на него особенное вниманіе.

Тоже нужно сказать о присутствіи или отсутствіи придаточныхъ коренныхъ зубовъ. На нѣкоторыхъ черепахъ, особенно принадлежащихъ нисшимъ расамъ, было находимо на той или другой челюсти по одному лишнему коренному зубу. Поэтому нужно стараться какъ замѣчать такую аномалію, такъ и дознать степень частости ея.

Косвенность зубовъ составляетъ одинъ изъ элементовъ *прогнатизма*; но подъ этимъ названіемъ обозначаютъ два фактора очень различные. Есть прогнатизмъ естественный, при которомъ обѣ челюсти одинаково выдаются впередъ и точно соотвѣтствуютъ одна другой. Но встрѣчаются также случаи искусственнаго или случайнаго прогнатизма, замѣчаемаго или у особей, голова которыхъ подвергалась въ молодости искусственной деформаціи, или же у такихъ индивидуумовъ, у коихъ нормальное развитіе черепа было нарушено какою-нибудь мѣстною или общею для всего организма причиною. Въ послѣднемъ случаѣ верхняя челюсть выдается впередъ и верхніе рѣзцы имѣютъ косвенное направленіе, но нижняя челюсть съ своими зубами представляется вертикальною; отчего происходитъ, что при закрытомъ ртѣ обѣ зубныя дуги не соотвѣтствуютъ совершенно точно одна другой, и верхніе рѣзцы выдаются болѣе впередъ, чѣмъ нижніе. Необходимо отличать эти два случая прогнатизма и отмѣчать ихъ въ отдѣлѣ особыхъ замѣтокъ.

Естественный прогнатизмъ представляетъ различныя формы и степени, заслуживающія особаго вниманія и отличенія. *Прогнатизмъ двойной и полный* есть тотъ, при которомъ обѣ челюсти и оба ряда рѣзцовъ косвенны въ различномъ направленіи относительно другъ друга и соединяются, образуя тупой уголъ, вершина коего, направленная впередъ, соотвѣтствуетъ мѣсту встрѣчи рѣзцовъ обоихъ рядовъ. Въ такомъ случаѣ подбородокъ лежитъ болѣе или менѣе назади зубовъ, и лице получаетъ сходство съ рыломъ животнаго. Въ *прогнатизмѣ простомъ и полномъ* верхняя челюсть съ своими рѣзцами имѣетъ косвенное направленіе, но рѣзцы нижней челюсти, равно какъ и самая челюсть, имѣютъ вертикальное положеніе. Въ такомъ случаѣ подбородокъ не представляется отодвинутымъ назадъ. Въ *прогнатизмѣ челюстномъ* только одна верхняя челюсть имѣетъ косвенное направленіе, но рѣзцы ея представляются почти вертикальными; вертикальны также при этомъ, какъ нижніе рѣзцы, такъ и нижняя челюсть. Этотъ типъ рѣдокъ. Наконецъ прогнатизмъ *зубной* (alvéolo—dentaire) есть тотъ, при которомъ верхняя челюсть представляется почти вертикальною до самаго уровня зубныхъ лунокъ, но лунки эти выдаются впередъ и несутъ косые рѣзцы. Зубной прогнатизмъ обыкновенно бываетъ двойнымъ, но когда онъ простой и ограниченъ только верхнею челюстію, то обыкновенно зависитъ отъ искуственной или случайной деформаціи, и въ такомъ случаѣ, какъ уже было сказано выше, верхніе рѣзцы выдаются впередъ болѣе нижнихъ.

Въ статьѣ *о носѣ* нужно отмѣтить, имѣетъ ли онъ форму — орлиную, вздернутую, приплюснутую, или плоскую у основанія.

Наконецъ недостаточно указать цвѣтъ *глазъ*. Нужно замѣтить также, велики они или малы, углублены или выдаются; отмѣчаются также тѣ частные случаи, когда они имѣютъ косвенное направленіе, т. е. когда линія, соединяющая два угла вѣкъ, не представляется горизонтальною.

Случаи нахожденія особенностей развитія какихлибо частей тѣла должны быть отмѣчены въ рубрикѣ особыхъ замѣтокъ; такъ ушко наружнаго уха (auricula infima) очень мало развито у нѣкоторыхъ расъ, или давно уже извѣстно, что дѣтородный членъ (penis) негровъ отличается большимъ объемомъ и большею длиною. Чрезмѣрное развитіе малыхъ или внутреннихъ дѣтородныхъ губъ (nymphae s. labia pudendi minora), столь обыкновенное у готтентотокъ, встрѣчается, хотя въ меньшей степени, и у другихъ народовъ или какъ случайное явленіе, или же какъ признакъ расы. Тоже нужно сказать и о *стеатопигіи*, происходящей отъ отложенія большой массы жира на верхней части обѣихъ ляшекъ. Форма и размѣры грудей представляютъ во всѣхъ расахъ очень значительныя индивидуальныя различія; но эти органы гораздо менѣе измѣнчивы у нѣкоторыхъ народовъ болѣе чистокровныхъ и недалеко ушедшихъ отъ естественнаго первобытнаго состоянія, чѣмъ у расъ подвергавшихся частымъ скрещиваніямъ и цивилизованнымъ. Поэтому изученіе грудей можетъ доставить антропо-

логическіе признаки, имѣющіе нѣкоторое значеніе. Груди представляются или *полушарообразными* или же болѣе или менѣе *висячими*, или же *грушеобразными*, т. е. имѣющими форму груши. Эти признаки могутъ быть изучаемы только у народовъ, у которыхъ женщины ходятъ съ открытыми грудями; изучать форму и размѣры грудей нужно преимущественно у молодыхъ женщинъ, у которыхъ груди не измѣнились вслѣдствіе многократнаго выкармливанія дѣтей.

Таковы главнѣйшія описательныя данныя, которыя должны собирать наблюдатели и путешественники, кромѣ данныхъ получаемыхъ чрезъ измѣренія, къ которымъ мы должны теперь перейдти. Мы сначала остановимся на измѣреніяхъ туловища и конечностей и затѣмъ уже перейдемъ къ измѣреніямъ головы.

В. *Измѣренія туловища и конечностей.* I. *Высота.*—Высота, т. е. положеніе точки относительно земли, измѣряется на вертикально стоящихъ особяхъ съ помощію двойнаго метра и большаго наугольника. Для этого ставятъ разутаго человѣка на совершенно плоскій полъ передъ вертикальною стѣною или столбомъ, у котораго устанавливаютъ и двойной метръ. Способъ употребленія большаго наугольника былъ указанъ выше. Человѣкъ долженъ быть такъ поставленъ и обращенъ, чтобы точка, высоту которой измѣряютъ, была доступна для горизонтальной вѣтви наугольника при пристановкѣ вертикальной вѣтви его къ двойному метру.

Исходныя точки, высота коихъ должна быть опредѣлена, суть: 1) темя (vertex), 2) внѣшнее слуховое отверстіе, 3) нижній край подбородка, 4) средина вырѣзки грудины, 5) грудной сосокъ, 6) пупокъ, 7) верхній край лобковаго соединенія (symphysis ossium pubis), 8) шовъ заднепроходной промежности (raphe perinei), 9) верхне-плечевой отростокъ (acromion); 10) нижній внѣшній мыщелокъ плечевой кости (epicondylus); 11) шиловидный отростокъ луча (Apophysis styloideum radii) 12) нижній конецъ средняго пальца; 13) spina ilium anterior-superior, 14) большой вертелъ (trochanter major); 15) сочленовая линія колѣна; 16) вершина внутренней ладыжки (malleolus internus); 17) выпуклость икръ.

Порядокъ, въ которомъ измѣряютъ эти различныя высоты, указанъ въ таблицѣ. Имѣя въ виду указать здѣсь главнымъ образомъ на положеніе исходныхъ точекъ, мы разсмотримъ ихъ нѣсколько въ иномъ порядкѣ.

1. *Темя* (vertex) есть наиболѣе возвышающаяся точка головы у субъекта, стоящаго вертикально, прислоненнаго къ стѣнѣ и смотрящаго прямо передъ собою. Высота темяни есть ничто иное какъ *ростъ* субъекта. Его измѣряютъ, опуская большой наугольникъ на голову субъекта. Тѣмъ же способомъ измѣряютъ высоту темяни у *сидящаго на землѣ субъекта,* что даетъ длину головы и туловища,— величину очень важную для выводовъ.

2. *Внѣшнее слуховое отверстіе* и 3) *нижній край подбородка* не имѣютъ надобности въ особыхъ объясненіяхъ. Мы вернемся къ нимъ, говоря объ измѣреніяхъ головы.

4. Говоря о *срединѣ вырѣзки грудины* (Manubrium sterni), мы разумѣемъ верхнюю часть срединной линіи грудины. Она лежитъ снизу шеи — непосредственно подъ выдающеюся частію дыхательнаго горла; на субъектахъ мало ожирѣвшихъ она вполнѣ видима и составляетъ нижній край углубленія, стороны коего ограничены справа и слѣва двумя расходящимися выдающимися частями мускуловъ sterno-mastoidei. На жирныхъ особяхъ легко можно найдти средину грудины, ощупавъ пальцемъ нижній край сказаннаго углубленія и отмѣтивъ требуемую точку дермографическимъ карандашемъ.

5. Высота *сосковъ* можетъ быть опредѣляема только у тѣхъ мущинъ и женщинъ, груди коихъ имѣютъ правильную выпуклую форму; если груди висячія, то положеніе сосковъ не имѣетъ никакого значенія.

6. Высота *пупка* есть одинъ изъ наиболѣе важныхъ элементовъ измѣренія тѣла. Если наблюдатели или путешественники, по недостатку времени или по другимъ какимъ-либо причинамъ, не могутъ сдѣлать всѣхъ измѣреній, то все-таки они и въ этомъ случаѣ никогда не должны опустить измѣреніе этой высоты.

7. *Верхній край лобковаго соединенія* лежитъ на срединной линіи подъ пупкомъ; это первая костная часть, которую встрѣчаютъ при опусканіи пальца сверху внизъ по срединной линіи передней стѣнки живота, начиная съ пупка.

8. *Шовъ заднепроходной промежности* со-

отвѣтствуетъ шву панталонъ; чтобы найдти сказанный шовъ, между ляшками вводятъ горизонтальную палочку и приподнимаютъ ее до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтитъ сопротивленія.

9. *Верхне-плечевой отростокъ* или acromion есть выдающаяся костная часть, ограничивающая верхнюю и внѣшнюю часть плеча. Онъ видимъ у неожирѣвшихъ людей; у ожирѣвшихъ же опредѣляютъ положеніе его съ помощію ощупыванія пальцемъ и замѣчаютъ найденное мѣсто дермографическимъ карандашемъ. Acromion составляетъ часть лопатки, но сочленяется и съ ключицею, которая другимъ своимъ концемъ сочленяется съ грудиною по сторонамъ срединной вырѣзки ея, Слѣдовательно направленіе ключицы опредѣляется сравненіемъ высоты срединной вырѣзки и acromion.

Очень полезно предварительно пріобрѣсти навыкъ въ опредѣленіи положенія acromion на неожирѣвшихъ особяхъ. Эта исходная точка имѣетъ особенно важное значеніе, потому что служитъ для опредѣленія длины части верхней конечности, соотвѣтствующей плечевой кости (humerus), дознать длину которой непосредственно нельзя потому у живаго человѣка, что верхній конецъ ея скрытъ подъ нѣкотораго рода сводомъ, образуемымъ верхнеплечевымъ отросткомъ и ключицею и покрытымъ большимъ мускуломъ дельтовиднымъ (m. deltoideus), и потому не доступенъ для осязанія. Но такъ какъ вершина верхнеплечеваго отростка лежитъ почти на одномъ и томъ же уровнѣ какъ и верхняя часть плечевой кости, то по положенію ея съ достаточною точностію можно опредѣлить и положеніе вершины послѣдней кости, но только въ такомъ случаѣ, если *верхнія конечности будутъ висѣть вертикально вдоль тѣла*, потому что при горизонтальномъ или косвенномъ положеніи этихъ конечностей такого соотвѣтствія уже не будетъ между acromion и вершиною humerus. Граница нижняго конца плечевой кости можетъ быть опредѣлена съ достаточною точностію на живомъ человѣкѣ только очень опытными анатомами: но близъ самойэтой границы существуютъ два костныхъ возвышенія, очень явственныхъ: одно внутреннее — epitrochlea и другое внѣшнее — epicondylus, которыя удобно ощупать черезъ кожу и которыя имѣютъ совершенно опредѣленное и постоянное положеніе. Epicondylus лежитъ прямо подъ acromion и потому его избрали для опредѣленія пограничной линіи между среднимъ плечомъ и предплечіемъ при измѣреніяхъ на живыхъ людяхъ. Поэтому разстояніе между acromion и epicondylus выражаетъ при антропологическихъ наблюденіяхъ длину плечевой части верхней конечности.

10. *Epicondylus* есть нижній внѣшній мыщелокъ плечевой кости; это внѣшній выступъ локтя. Если верхняя конечность, или рука, виситъ вдоль тѣла и если ручная ладонь приложена къ ляшкѣ, то epicondylus представляется направленнымъ наружу и нѣсколько впередъ. Въ такомъ положеніи и нужно ставить измѣряемый субъектъ. У особей худыхъ и мало мускулистыхъ epicondylus очень явственъ; у мускулистыхъ и жирныхъ его опредѣляютъ ощупываніемъ. Согнувъ предплечіе всегда легко найдти epicondylus; затѣмъ приложивъ къ нему палецъ, вытягиваютъ снова предплечіе и замѣчаютъ карандашемъ положеніе мѣста epicondylus. Еслибы мы отмѣтили положеніе epicondylus при согнутомъ предплечіи, то при распрямленіи руки наша мѣтка ненаходилась бы уже надъ epicondylus, такъ какъ кожа скользитъ по кости при движеніяхъ локтя. Съ небольшимъ навыкомъ можно легко привыкнуть находить съ перваго взгляда epicondylus у индивидумовъ самыхъ ожирѣвшихъ, и въ такомъ случаѣ можно и не отмѣчать мѣсто его карандашемъ на кожѣ.

11. *Шиловидный отростокъ лучевой кости* (Apophysis styloideum radii) составляетъ выдающуюся часть на внѣшней сторонѣ ручной кисти, т. е. на сторонѣ большаго пальца. Мѣсто этого отростка опредѣляется осязаніемъ, такъ какъ онъ мало выдается, и отмѣчается карандашемъ. Если у нѣкоторыхъ особей встрѣтилось бы затрудненіе въ опредѣленіи этого отростка, то всегда можно найдти на внутренней сторонѣ ручной кисти другое, болѣе выдающееся возвышеніе, образуемое малою головкою локтевой кости и лежащее почти на одномъ уровнѣ съ отросткомъ лучевой кости.

Здѣсь требуется опредѣлить *вершину*, т. е. самую нижнюю часть шиловиднаго отростка. Для такого опредѣленія крѣпко прикладываютъ палецъ къ этому возвышенію и заставляютъ скользить сверху внизъ; при этомъ палецъ, дойдя до вершины отростка, чувствуетъ углубленіе, соотвѣтствующее

мѣсту сочлененія кисти; здѣсь то оканчивается лучевая кость и здѣсь слѣдуетъ сдѣлать замѣтку карандашемъ.

12. Высота *нижняго конца средняго пальца* измѣряется, когда рука вытянута и виситъ вертикально вдоль ляшки. Вычитая эту высоту изъ предыдущей, получаютъ длину ручной кисти; точно также, вычитая высоту шиловиднаго отростка изъ высоты epicondylus и высоту этого послѣдняго изъ высоты acromion, получаютъ длину предплечія и плеча. Эти размѣры трехъ составныхъ частей верхней конечности имѣютъ чрезвычайную важность и составляютъ антропологическіе признаки перваго разряда. У негровъ, напримѣръ, длина предплечія, сравнительно съ плечомъ, гораздо больше чѣмъ у европейцевъ, и если были высказываемы сомнѣнія относительно этого, то причина ихъ лежитъ въ томъ, что наблюдатели брали свои размѣры не по одному способу. Такъ, если измѣрять плечо при горизонтальномъ положеніи его, то можно получить 10—12 миллиметрами меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда плечевой кости дано было вертикальное положеніе. Кромѣ того, если употреблять для измѣреній метрическую ленту, то не получается настоящихъ размѣровъ, такъ какъ лента, слѣдуя очень различнымъ у различныхъ особей выпуклостямъ мясистыхъ частей, описываетъ болѣе или менѣе длинную кривую. Этотъ примѣръ показываетъ все превосходство способа наугольника передъ измѣреніями посредствомъ ленты.

Перейдемъ теперь къ измѣренію нижней конечности, представляющемуся довольно затруднительнымъ, такъ какъ отыскиваніе нѣкоторыхъ исходныхъ точекъ не представляетъ всей желаемой точности. Первое затрудненіе состоитъ въ опредѣленіи верхней границы бедра. Выступъ большаго вертела (trochanter major), который предлагали взять за исходную точку, лежитъ ниже головки бедряной кости (femur), и притомъ разстояніе между этими частями измѣняется смотря по возрасту и полу; оно значительно измѣняется, кромѣ того, въ одной и той же расѣ у различныхъ особей одного пола и возраста; наконецъ, вѣроятно, оно измѣняется также и у различныхъ расъ. Поэтому разстояніе между колѣннымъ сочлененіемъ и большимъ вертеломъ ни равно, ни пропорціонально длинѣ бедра. Къ этому нужно прибавить еще, что большой вертелъ, какъ исходная точка, самъ по себѣ уже представляется недостаточнымъ: весьма рѣдко случается, чтобы эта выпуклая костная часть выдавалась настолько съ достаточною явственностью, чтобы было возможно опредѣлить высоту ея даже съ вѣрностью одного центиметра. Въ самомъ дѣлѣ, эта часть очень объемиста, и наблюдатель приходитъ въ большое затрудненіе, когда ему приходится опредѣлить на ней неизмѣнную точку. Края вертела, даже и его верхній край, исчезаютъ подъ мускулами, прикрѣпляющимися къ нимъ; внѣшняя поверхность его широка и плоска, и одинъ и тотъ же наблюдатель, послѣдовательно изслѣдуя оба бедра одной и той же особи, можетъ назначить справа и слѣва линію большаго вертела на очень различныхъ уровняхъ; хирурги, для которыхъ во многихъ случаяхъ чрезвычайно важно точное измѣреніе длины бедра, уже давно признали, что большой вертелъ, какъ исходная точка, очень обманчивъ, и были принуждены избрать для измѣреній другую исходную точку — spina ilei anterior superior.

13. *Верхняя и передняя подвздошная ость* (spina ilei anterior superior) находится у внѣшняго конца косвенной складки, раздѣляющей переднюю поверхность бедра отъ поверхности живота и называемой паховою складкою. Чтобы получить навыкъ къ нахожденію этой выдающейся костной части, нужно сначала пріучиться находить ее на лежащихъ особяхъ. Ее можно найдти, или ощупывая извнутри къ наружи паховую складку до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до выдающейся костной части, или же слѣдуя пальцемъ отъ зада къ переду по подвздошному гребешку (crista ilei) до тѣхъ поръ, пока онъ не дойдетъ до границы мягкихъ частей. Съ нѣкоторымъ вниманіемъ можно всегда опредѣлить точно положеніе подвздошной ости при какомъ бы то ни было положеніи субъекта. Замѣтивъ положеніе этой части у стоящаго субъекта, обозначаютъ его дермографическимъ карандашемъ.

Подвздошная ость не принадлежитъ бедру, она составляетъ часть лонной кости (os ilium); но во всякомъ случаѣ она представляетъ относительно головки бедряной кости, съ которою сочленяется, гораздо болѣе постоянное положеніе, чѣмъ большой вертелъ, и если субъектъ имѣетъ или совершенно

вертикальное, или же, наоборотъ, совершенно горизонтальное положеніе (что необходимо), то измѣренія, основывающіяся на подвздошной ости и направляющіяся отъ нея къ различнымъ точкамъ нижней конечности, представляются наиболѣе вѣрными и наиболѣе методическими изъ всѣхъ, какія только можно получить. Кромѣ того не нужно забывать, что бедряная дуга или наружная паховая связка (arcus cruralis s. lig. inguinale externum), обозначающая границу живота и бедра, прикрѣпляется къ этой ости: къ ней же прикрѣпляется мускулъ портняжій (m. sartorius), слѣдовательно и на самомъ дѣлѣ здѣсь начинается бедро. Итакъ, нужно взять подвздошную ость за исходную верхнюю точку бедра. Высота этой ости надъ поломъ даетъ истинную длину нижней конечности. Впрочемъ полезно измѣрить и высоту большаго вертела, такъ какъ имѣетъ нѣкоторый интересъ даже и приблизительное знаніе положенія этой части бедра.

14. Большой вертелъ (Trochanter major) есть то большое костное возвышеніе, замѣчаемое на бедряной кости, которое лежитъ на верхней и внѣшней части ея. Онъ часто обрисовывается и изъ-подъ кожи, а всегда его можно узнать осязаніемъ. Для этого ощупываютъ рукою снизу вверхъ внѣшнюю поверхность его, и тамъ, гдѣ палецъ начинаетъ уже переходить на мягкія части, ставятъ отмѣтку дермографическимъ карандашемъ. На этомъ мѣстѣ лежитъ видимая граница большаго вертела; но мы напомнимъ здѣсь, что эта граница, всегда недостаточно рѣзкая, лежитъ выше или ниже, смотря потому—будетъ ли изслѣдуемый субъектъ жиренъ или худъ, мускулистъ или нѣтъ, и что вслѣдствіе такихъ различій могутъ явиться различія въ положеніи этой границы болѣе чѣмъ на одинъ дециметръ.

Не менѣе трудно опредѣлить и нижнюю исходную точку бедра, такъ какъ около колѣна не замѣчается никакого хорошо очерченнаго возвышенія. Для такой исходной точки предлагали то верхній, то нижній край колѣнной кости (patella), но такъ какъ эта послѣдняя соединена съ большеберцовою костью (tibia) посредствомъ связки, абсолютная и относительная длина которой варьируетъ, то и положеніе ея не представляется неизмѣннымъ. Въ нѣкоторыхъ таблицахъ для измѣреній, за нижнюю границу бедра принимаестято внутренній, то наружный мыщелокъ бедряной кости (condylus internus vel externus femoris); но эти мыщелки суть очень большія костныя массы, сплюснутыя со сторонъ, и никто не въ состояніи обозначить мѣсто гдѣ они начинаются сверху. Шероховатости, обозначающія на скелетѣ мѣсто прикрѣпленія боковыхъ связокъ колѣна, не могутъ быть замѣтны чрезъ мягкія части. Снизу, наконецъ, мыщелки бедреной кости не выдаются наружу за мыщелки большеберцовой кости, на которые они упираются. Тѣ, которые совѣтовали получать длину бедра измѣряя разстояніе отъ большаго вертела до внѣшняго мыщелка бедреной кости, не обдумали всѣхъ затрудненій, встрѣчающихся при этомъ. Съ подобными исходными точками, наблюдатель, даже хорошо знающій анатомію, можетъ получить значительныя различія даже и тогда, если онъ станетъ нѣсколько разъ сряду, но съ нѣсколькими днями промежутка, измѣрять бедро одного и того же человѣка.

15. *Сочленовая линія колѣна* только можетъ быть принята за ту точку, на которой кончается бедро и начинается голень, и потому нужно умѣть опредѣлить эту линію. Для этого помѣщаются у внѣшней стороны колѣна и ощупываютъ пальцемъ верхній конецъ или головку суставной поверхности (superficies articularis lateralis s. peronaea), сверху которой замѣчается углубленіе, происходящее отъ того, что суставная поверхность выдается внѣ внѣшняго мыщелка большеберцовой кости. Идя снизу вверхъ по внѣшней поверхности этого мыщелка, обыкновенно ощущаютъ—на разстояніи поперечника пальца надъ головкою суставной поверхности — поперечную линію, на уровнѣ которой кожа можетъ легонько сдавливаться при сжиманіи пальцемъ; это и есть сочленовая линія. Сверху и снизу ея палецъ ощущаетъ кость и встрѣчаетъ твердое, сопротивляющееся давленію, тѣло, но на уровнѣ сочленовой линіи сопротивляющееся давленію тѣло кажется болѣе мягкимъ, такъ какъ мыщелокъ большеберцовой кости отдѣляется отъ мыщелка бедреной кости дискомъ, или нѣкотораго рода фиброзною подушечкою, конечно очень плотною и твердою, но все-таки въ меньшей степени, чѣмъ прилегающія къ ней кости.

Для бóльшей вѣрности крѣпко нажимаютъ мясистою частію пальца на это мѣсто, а изслѣдуемый субъектъ заставляютъ дѣлать небольшія движенія;

причемъ легко убѣдиться — дѣйствительно ли у нажатой точки происходитъ сгибъ колѣна. Убѣдившись въ этомъ, обозначаютъ затѣмъ сочленовую линію чертою дермографическаго карандаша, и различіе въ высотѣ этой точки и подвздошной ости даетъ длину бедра.

Встрѣчаются субъекты, у которыхъ сочленовая линія колѣна легче находится на своей внутренней части, чѣмъ на внѣшней. Поэтому, если бы было нѣкоторое сомнѣніе при опредѣленіи сочленовой линіи по указанному выше способу, то нужно повторить тоже самое на внутренней поверхности колѣна. Такъ какъ отыскивается только уровень сочленовой линіи, который горизонталенъ, то рѣшительно все равно, будетъ ли этотъ уровень обозначенъ на внутренней или на внѣшней сторонѣ.

16. Нижняя исходная точка голени есть вершина *внутренней ладыжки* (malleolus internus). Это нижняя часть сгиба ноги. Такъ какъ всегда очень удобно ощупать эту выдающуюся часть черезъ кожу, то ее и нѣтъ надобности отмѣчать карандашемъ. Вершина внѣшней ладыжки представляетъ исходную точку менѣе вѣрную, ибо длина этой ладыжки болѣе измѣнчива, чѣмъ длина внутренней, и притомъ измѣненія въ длинѣ ея не стоятъ въ соотвѣтствіи ни съ ростомъ человѣка, ни съ длиною голени.

Различіе въ уровнѣ сочленовой линіи колѣна и внутренней ладыжки даетъ длину голени. Разстояніе вершины этой ладыжки отъ пола даетъ высоту ступни, т. е. по крайней мѣрѣ ту высоту ея, которую можно получить на живомъ человѣкѣ правильнымъ измѣреніемъ. На скелетѣ верхняя кость ступни, называемая тараннoю костью (talus s. astragalus) восходитъ выше вершины внутренней ладыжки и поднимается до уровня основанія этой послѣдней; но ничто не позволяетъ опредѣлить эту границу на живомъ человѣкѣ. Поэтому, длина голени необходимо увеличивается на всю длину ладыжки, а высота ступни на столько же уменьшается, но это отступленіе представляется однообразнымъ у всѣхъ измѣряемыхъ субъектовъ и оттого съ нимъ можно помириться.

17. Высота *выпуклости икры* заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ эта высота представляетъ значительныя различія у различныхъ расъ. Такъ, напримѣръ, у негровъ икра менѣе развита и болѣе поднята, чѣмъ у европейцевъ. И такъ нужно изучить этотъ признакъ. Степень развитія или выпуклости икры опредѣляется сравненіемъ наибольшей окружности голени на мѣстѣ этой выпуклости съ наименьшею окружностію, взятою надъ ладыжками. Точка, на которой приходится наибольшая окружность, обозначается линіею дермографическаго карандаша и затѣмъ легко опредѣляется и высота. Опредѣленіе точки наибольшей окружности никогда не бываетъ вполнѣ точно; такъ кривая поверхность икры отлога, и встрѣчаются такіе субъекты, на которыхъ мѣсто наибольшей выпуклости икры можно опредѣлить только съ вѣрностію одного центиметра. Но антропологическія различія, представляемыя этимъ признакомъ, достаточно велики для того, чтобы ихъ можно было явственноoзнать, не смотря на эту причину неточности.

Вышеприведенныя высоты могутъ быть измѣрены въ очень непродолжительное время при участіи особаго помощника, называющаго по порядку, указанному на листѣ, измѣряемыя высоты и записывающаго полученныя наблюдателемъ данныя. Когда этотъ трудъ оконченъ, то у наблюдателя уже имѣются всѣ необходимые элементы для опредѣленія длины различныхъ частей туловища и конечностей; самое же вычисленіе, совершаемое съ помощію простаго вычитанія, можетъ быть произведено когда угодно. Указанный процессъ гораздо предпочтительнѣе непосредственнаго измѣренія съ помощію метрической ленты, такъ какъ онъ производится гораздо скорѣе и приводитъ къ болѣе точнымъ результатамъ. Если употреблять метрическую ленту, то большую часть исходныхъ точекъ нужно отыскивать и опредѣлять два раза: такъ нужно опредѣлить epicondylus первый разъ для измѣренія среднеплечія и другой для предплечія; съ помощію наугольника достаточно опредѣлить только разъ каждую исходную точку. Кромѣ того измѣреніе лентою не устраняетъ необходимости опредѣлять высоту главнѣйшихъ исходныхъ точекъ, слѣдовательно необходимъ при этомъ двойной трудъ и большая потеря времени. Со стороны точности лента также стоитъ гораздо ниже наугольника, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ она не даетъ измѣреній въ прямыхъ линіяхъ; ибо лента необходимо слѣдуетъ по кривизнѣ мясистыхъ частей, отклоняющихъ ее болѣе или менѣе отъ пря-

мой, смотря по части тѣла и по степени развитія мускуловъ и жира у изслѣдуемаго субъекта. Этого мало: палецъ, удерживающій конецъ ленты, необходимо имѣетъ своею точкой опоры кожу, всегда нѣсколько подвижную, а иногда и очень, способную скользить по выдающимся костнымъ возвышеніямъ, лежащимъ подъ нею. Натяженіе, необходимо производимое на другой конецъ ленты, заставляетъ перемѣститься нуль ея на нѣсколько миллиметровъ. Поэтому, съ какою бы тщательностію не производилось измѣреніе лентою, оно менѣе точно, чѣмъ измѣреніе наугольникомъ, оттого способъ метрической ленты нужно употреблять только въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно употребленіе наугольника.

11. *Длина, ширина, окружность.*—О кривыхъ линіяхъ и окружностяхъ головы мы будемъ говорить тотчасъ же, а теперь остановимся на измѣреніяхъ другихъ частей тѣла. *Окружность* груди измѣряется въ двухъ точкахъ: 1) сверху непосредственно подъ мышками и 2) снизу у таліи. Можно опредѣлять также, если угодно, окружность какъ шеи, такъ и другихъ сегментовъ конечностей, но хотя эти измѣренія и имѣютъ нѣкоторый интересъ, однакоже не настолько большой, чтобы мы считали необходимымъ ихъ помѣщеніе на образцовомъ записномъ листкѣ. Особенно важное значеніе имѣютъ только двѣ окружности голени, такъ какъ онѣ опредѣляютъ степень развитія икры, т. е. даютъ очень замѣчательный антропологическій признакъ. *Наибольшая окружность* голени измѣряется на наиболѣе широкомъ мѣстѣ икры, *наименьшая* — непосредственно надъ мыщелками. — Необходимо замѣтить здѣсь, что всѣ окружности измѣряются съ помощію метрической ленты.

Разсмотримъ теперь главнѣйшія измѣренія длины и ширины туловища и конечностей.

Длина *ключицы* (измѣреніе лентою) есть разстояніе отъ acromion до головки ключицы; эта головка есть то костное возвышеніе, которое ощущается съ каждой стороны срединной линіи рукоятки грудины.

Разстояніе *обоихъ acromion* даетъ ширину плечей; оно измѣряется удобнѣе наугольникомъ, чѣмъ лентою.

Ширина распростертыхъ рукъ (la grande envergure) есть наибольшее разстояніе, какое только можетъ охватить человѣкъ на стѣнѣ или палкѣ, раздвигая горизонтально обѣ верхнія конечности и ладони. Замѣчаютъ крайнюю границу обоихъ среднихъ пальцевъ рукъ и разстояніе между этими двумя точками измѣряется затѣмъ лентою или двойнымъ метромъ. Съ перваго раза можетъ казаться лишнимъ измѣрять непосредственно эту мѣру, которую, по видимому, можно бы было получить прямо, взявъ дважды длину верхней конечности и прибавивъ къ этому разстояніе между обоими acromion. Это дѣйствительно было бы такъ, еслибы плечевая кость (humerus) сочленялась съ acromion; но на дѣлѣ она сочленяется нѣсколько далѣе внутрь этой исходной точки, отчего происходитъ то, что рука, вытянутая горизонтально, теряетъ часть своей длины. Вотъ почему ширина распростертыхъ рукъ должна быть измѣрена непосредственно.

Длина *большаго пальца* измѣряется по тыльной поверхности этого вытянутаго пальца, начиная съ округлаго возвышенія, составляющаго головку первой пястной кости (metacarpus) и выдающагося при согнутомъ положеніи большаго пальца.

Длина *средняго пальца* измѣряется такимъ же образомъ, начиная съ головки третьей пястной кости.

Ширину *ладони* измѣряютъ въ нижней ея части, т. е. между основаніями указательнаго и пятаго пальца или мизинца. Съ помощію метрической ленты величина эта несовершенно точна; гораздо лучше измѣрять ее съ помощію наугольника, прикладывая поперечно ладонь къ метру, и притомъ такъ, чтобы одинъ край ея приходился у нуля.

На метрѣ измѣряютъ также оба раздвига пальцевъ. *Большой раздвигъ* есть наибольшее возможное разстояніе вершины большаго пальца отъ вершины средняго. *Малый раздвигъ* есть наибольшее возможное разстояніе вершины большаго пальца отъ вершины мизинца.

Разстояніе между обоими верхними и передними подвздошными остями есть одно изъ важныхъ измѣреній, получаемое съ помощію метрической ленты, проводимой по прямой линіи. Если животъ очень выдается и отклоняетъ значительно ленту, то заставляютъ лечь изслѣдуемый субъектъ; если же и этого недостаточно и если толстотный циркуль недостаточно великъ для того, чтобы захватить обѣ

ости, то придавливаютъ нѣсколько стѣнку живота, накладывая на нее деревянную линейку, приводимую въ соприкосновеніе съ обѣими остями, и отмѣчаютъ на ней разстояніе между ними.

Разстояніе обоихъ подвздошныхъ гребешковъ (crista ilei), дающее наибольшую ширину большаго таза, можетъ быть иногда измѣрено съ помощію толстотнаго циркуля. Но такъ какъ этотъ снарядъ для удобства перевозки получилъ уменьшенные размѣры, то имъ не всегда можно пользоваться. Въ такихъ случаяхъ необходимо прибѣгнуть, для полученія сказанной мѣры, къ помощи наугольниковъ. Для этого субъектъ приставляютъ плотно къ стѣнѣ, накладываютъ наугольникъ послѣдовательно на оба гребешка и отмѣчаютъ каждый разъ на стѣнѣ положеніе вершины наугольника. Разстояніе между полученными такимъ образомъ мѣтками, измѣренное съ помощію ленты, даетъ требуемую ширину таза. Этотъ способъ имѣетъ то преимущество, что даетъ точно maximum расхожденія подвздошныхъ гребешковъ.

Подвздошный гребешокъ есть костный край, встрѣчаемый съ каждой стороны при опусканіи руки по боковой части живота; онъ лежитъ прямо подъмышками и составляетъ верхнюю выдающуюся часть бедра.

Подъ подвздошнымъ гребешкомъ рука ощущаетъ широкое вдавленіе и снизу его другую выдающуюся часть, принадлежащую бедреной кости: это *большой вертелъ*, называемый иногда и просто *вертелъ*.

Разстояніе между *обоими вертелами* измѣряется, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, съ помощію наугольника.

Ширина груди измѣряется непосредственно тѣмъ же способомъ подъ мышками. Для этого вводятъ съ каждой стороны между рукою и грудью наугольникъ и двигаютъ его вверхъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ остановленъ нижнимъ краемъ мускуловъ подмышечныхъ.

На ступнѣ, наконецъ, измѣряютъ сначала *длину большаго пальца* съ помощію метрической ленты, потомъ ставятъ горизонтально ступню на доску или картонъ, раздѣленный карандашемъ на квадратики какъ вдоль такъ и поперекъ, и съ помощію наугольника берутъ слѣдующія мѣры: 1) *всю длину ступни*, заключающуюся между переднимъ концемъ самаго длиннаго пальца и самою заднею частію пятки; 2) длину *долодыжковую* (prémalleolaire) *ступни*, т. е. разстояніе между переднимъ концомъ самаго длиннаго пальца и перпендикуляромъ, опущеннымъ изъ вершины внутренней ладыжки (malleolus internus). Разность между двумя сказанными мѣрами даетъ величину выступа пятки и представляетъ очень любопытный антропологическій признакъ; 3) *наибольшая ширина ступни* измѣряется на уровнѣ плюсневой кости большаго пальца (os metatarsi primum) послѣдовательнымъ прикладываніемъ наугольника къ обоимъ краямъ ступни. 4) Наконецъ *изгибъ ступни*, т. е. степень вогнутости свода ступни узнается измѣреніемъ наибольшей высоты нижней поверхности внутренняго края ступни надъ почвою. Эту высоту нельзя опредѣлить совершенно точно, но все-таки можно приблизительно вычислить ее въ миллиметрахъ, а этого достаточно. Существуютъ такія большія различія между плоскими ступнями, почти совершенно прикасающимися къ полу, и ступнями выгнутыми въ дугу, изогнутость которыхъ можетъ доходить до 3 центиметровъ высоты при нормальномъ, а не патологическомъ состояніи ноги, что измѣреніе даже съ вѣрностію только 2 или 3 миллиметровъ можетъ дать уже очень полезныя указанія.

Этимъ кончается то, что мы должны были указать относительно измѣренія туловища и конечностей. Мы пропустили много такихъ измѣреній, какія казались намъ менѣе поучительными, такъ какъ не желали слишкомъ осложнить задачу наблюдателя. Конечно, никакой фактъ и никакое измѣреніе не могутъ считаться безполезными, но намъ казалось болѣе соотвѣтственнымъ нашей цѣли не слишкомъ увеличивать число вопросовъ и сдѣлать тѣмъ-болѣе возможнымъ собираніе наибольшаго числа наблюденій. Кромѣ того мы имѣли въ виду также и то, что наши инструкціи должны быть доступны для всякаго смышленаго наблюдателя, такъ какъ ничуть не желательно, чтобы кругъ антропологическихъ изслѣдованій ограничился только одними анатомами. Вотъ почему мы опустили нѣкоторыя измѣренія, входящія въ программу Шварца и Шерцера, членовъ ученой экспедиціи при кругосвѣтномъ путешествіи австрійскаго фрегата Новарры. Этимъ ученымъ принадлежитъ заслуга перваго шага къ приведенію въ

систему изученія внѣшнихъ признаковъ различныхъ человѣческихъ племенъ съ помощію измѣреній, и они привезли изъ своего путешествія около двухъ сотъ полныхъ антропологическихъ наблюденій. Программа, изданная ими во время ихъ пребыванія въ Сиднеѣ (въ Австраліи), конечно весьма замѣчательна, но нельзя ожидать у всѣхъ путешественниковъ, хотя и вполнѣ желающихъ посвятить себя подобнаго рода изслѣдованіямъ, тѣ же знанія, ту же опытность и настойчивость, которыя отличаютъ этихъ ученыхъ.

Изъ вопросовъ, поставленныхъ Шерцеромъ и Шварцемъ, многіе непосредственно или посредственно вошли въ нашу рамку, конечно съ тѣми измѣненіями, какія мы сочли необходимыми для того, чтобы сдѣлать измѣренія болѣе легкими и болѣе правильными. Нѣкоторые вопросы намъ показались безполезными, другіе, и ихъ большее число, хотя и представляютъ существенный интересъ, но относятся къ признакамъ менѣе существеннымъ, чѣмъ тѣ, на кои мы указали; и притомъ, чтобы объяснить наблюдателямъ тѣ анатомическія данныя, кои относятся къ этимъ вопросамъ, нужно было слишкомъ расширить эти инструкціи. Мы ограничимся здѣсь только исчисленіемъ тѣхъ измѣреній, которыя достаточно просты для того, чтобы быть понятыми безъ объясненій; это—окружность шеи, наибольшая и наименьшая окружность плеча, предплечія и бедра, окружность колѣна, наибольшая поперечная окружность ступни, разстояніе обоихъ грудныхъ сосковъ. Къ этому можно еще прибавить толстоту переднезаднюю туловища у уровня лобковаго соединенія (symphysis ossium pubis) и у уровня двухъ концевъ грудины; но эти три послѣднія измѣренія требуютъ употребленія очень большаго толстотнаго циркуля, весьма неудобнаго для измѣренія головы, а потому и не можетъ замѣнить головнаго циркуля, и слѣдовательно этимъ циркулемъ долженъ увеличиться багажъ путешественника.

Примѣчаніе. Мы сочли полезнымъ для нашихъ русскихъ наблюдателей, которымъ предназначаетъ антропологическое Отдѣленіе Общества Любителей Естествознанія эти инструкціи, приложить здѣсь и систему измѣреній Шерцера и Шварца, заимствуя ее изъ «Bericht über die Zusammenkunft einiger Antropologen in Göttingen» von K. Baer und R. Wagner. 1861. Эта инструкція была уже переведена на русской языкъ въ Извѣстіяхъ Кіевскаго университета, но мы полагаемъ, что она будетъ очень не лишнею и здѣсь, такъ какъ она даетъ возможность сличить схему Брока съ схемою Шварца и Шерцера. Потому мы и прилагаемъ ее въ концѣ этой главы.

C. *Измѣренія головы.*—Измѣренія головы представляютъ наибольшее значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ они и самыя трудныя, такъ какъ требуютъ наибольшаго вниманія и точности. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо наблюдатель долженъ ясно сознавать цѣль своихъ изслѣдованій, понимать значеніе и важность тѣхъ результатовъ, которые онъ намѣренъ получить.

1. *Области и исходныя точки.*—Голова представляетъ двѣ большія области — лице и черепъ. *Область черепа* соотвѣтствуетъ мозгу; она начинается спереди надъ бровями и продолжается назади до затылка.

На скелетѣ черепъ представляется костяной коробкой, почти полной; нижняя стѣнка этой коробки носитъ названіе *основанія черепа*. Это основаніе недоступно при наблюденіяхъ надъ живыми людьми, и потому намъ нѣтъ надобности останавливаться на немъ. Остальная часть черепа называется *черепнымъ сводомъ*. При изученіи внѣшнихъ формъ, можно описывать и измѣрять непосредственно только черепной сводъ.

Этотъ сводъ покрытъ на всемъ своемъ протяженіи волосами, за исключеніемъ своей передней части, составляющей *лобъ*. Задняя часть свода называется *затылкомъ*, верхняя *темянною частію* (sinciput). Верхняя выдающаяся точка этой темянной части называется *темя* (vertex), и у этой наиболѣе возвышенной части оканчивается большой *вертикальный* діаметръ головы. Наконецъ по сторонамъ черепнаго свода надъ каждымъ ухомъ и вблизи лба находится болѣе или менѣе приплющенное пространство, называемое *вискомъ* и лежащее на височной кости, а назади ушей и сверху ихъ лежитъ съ каждой стороны выпуклая поверхность, называемая *темяннымъ бугромъ* и лежащая на темянной кости. — Если вести пальцемъ снизу вверхъ по срединной линіи задней поверхности шеи, то дойдя до черепнаго свода, онъ встрѣчаетъ болѣе или менѣе выдающееся костное возвышеніе, называемое *затылочнымъ бугромъ*.

Если прижать палецъ на боковой и нижней части черепа за ушною раковиною, то можно ощу-

пать закругленное костное возвышеніе, едва покрытое немногими волосками и называемое *сосцевиднымъ отросткомъ* (processus mastoideus).

Сосцевидный отростокъ, слуховое отверстіе и затылочный бугоръ — суть три исходныя точки, лежащія на части, соединяющей черепной сводъ съ основаніемъ черепа.

Область лица, въ смыслѣ строго анатомическомъ, значительно отлична отъ того, что̀ называется лицемъ въ обыкновенномъ разговорѣ. Такъ лобъ, который въ послѣднемъ случаѣ считается частію лица, анатомами относится не къ нему, а къ черепу. Съ другой стороны лице не ограничивается только внѣшними очертаніями физіономіи, но заключаетъ для анатома глазныя впадины, носовыя полости съ принадлежащими къ нимъ частями, всю полость рта до глотки, со всѣмъ заключающимся въ ней. Было бы совершенно излишне называть и объяснять въ частности всѣ исходныя точки лица: большая часть изъ нихъ извѣстна каждому, а потому намъ остается остановиться только на тѣхъ изъ нихъ, которыхъ научныя названія не могутъ быть понятны каждому безъ объясненій.

Между обѣими бровями, на срединной линіи и непосредственно надъ носомъ, замѣчается округленно выдающаяся часть, сверху незамѣтно переходящая въ лобъ, а снизу отдѣленная отъ носа явственнымъ съуженіемъ. Эта выдающаяся часть есть *надпереносье* (glabella) и принадлежитъ лобной кости. Поперечная сдавленная часть, отдѣляющая надпереносье отъ носа, называется *основаніемъ носа* и соотвѣтствуетъ на скелетѣ шву, соединяющему лобную кость съ носовыми.

Горизонтальная часть, образующая на срединной линіи нижнюю поверхность носа и соединяющаяся съ верхнею губою почти подъ прямымъ угломъ, называется *подносовою перегородкою*. Она составляетъ нижній край срединной, вертикальной и хрящевой перегородки, раздѣляющей обѣ ноздри и носовыя полости одна отъ другой. Вершина входящаго угла, образуемаго нижнимъ краемъ подносовой перегородки и переднею стороною верхней губы, называется *подносовою точкою*: на скелетѣ, на уровнѣ этой точки, замѣчается и срединное острое возвышеніе, называемое *носовою остью* (spina anterior). Чтобы понять всю важность этой исходной точки, достаточно припомнить, что здѣсь именно Камперъ помѣстилъ вершину своего лицеваго угла. Эта точка тѣмъ полезнѣе, что положеніе ея на живомъ человѣкѣ опредѣляется почти съ такою же точностію какъ и на скелетѣ.

На боковой части лба, у внѣшняго конца бровей, легко ощупывается пальцемъ костное возвышеніе, выдающееся наружу у внѣшняго края орбитъ: это apophysis orbitalis externus или *внѣшнее надглазничное возвышеніе*. Прикладывая палецъ къ поверхности черепа надъ этимъ возвышеніемъ, можно ощупать черезъ кожу выдающуюся линію, раздѣляющую переднюю поверхность лобной кости отъ боковой: это *дугообразная линія* (linea semicircularis). Разстояніе между обоими внѣшними надглазничными возвышеніями даетъ ширину глазничной области, а разстояніе между обѣими дугообразными линіями, взятое непосредственно надъ этими возвышеніями, опредѣляетъ наименьшую ширину лба или *наименьшій лобный діаметръ*.

Исходная точка подбородка требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Многіе ученые избрали для такой исходной точки небольшое закругленное и срединное возвышеніе, существующее на передней поверхности нижней челюсти и почти всегда безъ особыхъ затрудненій легко ощупываемое чрезъ мясистыя части. Но это возвышеніе, называемое *подбородочнымъ* или *подбородочною остью* (protuberantia, s. spina mentalis externa), лежитъ приблизительно на 6 или 8 миллиметровъ надъ нижнимъ краемъ нижней челюсти, а потому если начать измѣреніе лица съ этой точки, то это значитъ произвольно уменьшить его на извѣстную часть. Слѣдовательно настоящая исходная точка подбородка есть средина нижняго края нижней челюсти. Хотя эта точка не обозначается никакимъ костнымъ возвышеніемъ, но ее легко найти всегда, продолживъ линію раздѣляющую два среднихъ рѣзца. Чтобы удобно найти ее во время самаго измѣренія, то мѣсто ея обозначаютъ дермографическимъ карандашемъ.

Слѣдуя по направленію извнутри наружу по нижнему краю нижней челюсти, начиная съ подбородка, дойдешь до *нижнечелюстнаго угла* (angulus mandibulae), лежащаго подъ ухомъ и спереди его. Выступъ этого угла всегда замѣчается болѣе или менѣе чрезъ мясистыя части, покрывающія его.

Наконецъ *зубной край* (limbus alveolaris) видимъ во рту на обѣихъ челюстяхъ; онъ соотвѣтствуетъ краю десенъ, на уровнѣ котораго зубы выходятъ изъ зубныхъ луночекъ. *Срединная* точка зубнаго края верхней челюсти называется для краткости *зубною точкою*.

Было бы совершенно излишне давать объясненія относительно положенія скулъ, ноздрей, угловъ рта и вѣкъ. Все это имѣетъ здѣсь тоже самое значеніе какъ и въ разговорномъ языкѣ.

Таковы главнѣйшія исходныя точки измѣреній головы. Теперь намъ необходимо сдѣлать нѣсколько объясненій для того, чтобы выяснить наблюдателямъ предложенную имъ программу.

2. *Лицевой уголъ и лицевой трехугольникъ.* — Обѣ большія области головы, лице и черепъ, имѣютъ существенно различное значеніе. Область черепа соотвѣтствуетъ мозгу, этому органу мышленія, общему центру всѣхъ ощущеній и исходной точкѣ всѣхъ произвольныхъ движеній. Лице обнимаетъ органы чувствъ и жеванія, отправленія коихъ очевидно менѣе высоко, чѣмъ отправленія мозга. Поэтому нужно тщательно изучить какъ абсолютный, такъ и относительный объемъ обѣихъ этихъ областей головы, такъ какъ онѣ могутъ дать драгоцѣнныя данныя относительно степени силы и жизнедѣятельности какъ мозга, такъ и менѣе высокихъ органовъ, сгруппированныхъ въ лицевой области.

И такъ нужно брать измѣренія такимъ образомъ, чтобы на основаніи ихъ можно было опредѣлить относительное развитіе обѣихъ большихъ областей головы.

Прежде всего нужно установить пограничную линію черепа и лица, чего достигнуть вполнѣ точно можно только на скелетѣ; на живомъ человѣкѣ эта линія не опредѣляется съ такою же точностію, но можно достигнуть, по крайней мѣрѣ, достаточнаго приближенія къ вѣрному рѣшенію. Существенное при этомъ заключается въ томъ, чтобы выбрать однородныя и явственно опредѣленныя исходныя точки для того, чтобы тѣ ошибки, коихъ нельзя избѣжать, были всегда однѣ и тѣже, и чтобы результаты, полученные на различныхъ субъектахъ, были бы вполнѣ удобосравниваемы. Это замѣчаніе приложимо, впрочемъ, и ко многимъ другимъ измѣреніямъ, производимымъ на живыхъ людяхъ.

Горизонтальная линія, проведенная у основанія лба на уровнѣ верхняго края бровей и называемая *надбровною линіею*, служитъ спереди пограничною линіею между черепомъ и лицемъ. Средина этой линіи проходитъ надъ верхнею частію надпереносья лобной кости, и срединная точка называется *надносовою точкою*. Она лежитъ приблизительно на 2 дециметра надъ основаніемъ носа, но разстояніе это можетъ варьировать у различныхъ особей на нѣсколько миллиметровъ. Эту точку называютъ также *надглазничною точкою*, такъ какъ она лежитъ непосредственно надъ уровнемъ орбитъ.

Чтобы провести надбровную линію — прикладываютъ поперечно нить къ верхнему краю бровей такъ, что она образуетъ касательную линію къ двумъ кривымъ, образуемымъ этими послѣдними. Оба конца, такимъ образомъ наложенной нити, помѣщаются съ каждой стороны лба непосредственно надъ внѣшнимъ надглазничнымъ возвышеніемъ. Затѣмъ отмѣчаютъ дермографическимъ карандашемъ небольшую горизонтальную черту на уровнѣ средней части этой нити.

Вмѣсто надносовой точки, положеніе коей указано выше, многіе ученые брали за исходную точку то углубленіе основанія носа, то наиболѣе выдающуюся часть надпереносья лобной кости. Это болѣе удобно, но гораздо менѣе точно, такъ какъ при этомъ прибавляютъ къ черепу, въ ущербъ для лица, или всю подбровную часть или нѣкоторую долю ея.

И такъ мы видимъ, что надносовая точка составляетъ спереди и на срединной линіи границу черепа и лица. Назади же и со сторонъ эта граница опредѣляется внѣшними слуховыми отверстіями. Если теперь предположимъ, что проведенъ въ косой плоскости разрѣзъ пилою, разрѣзъ проходящій чрезъ оба слуховыя отверстія и надносовою точкою, то онъ раздѣлитъ такъ точно, какъ это только возможно, область лица отъ области черепа.

Если на трупѣ отдѣлено такимъ образомъ лице, то можно замѣтить, что черепъ въ свою очередь состоитъ изъ двухъ очень различныхъ областей: одной передней, лежащей передъ внѣшними слуховыми отверстіями и продолжающейся косвенно надъ лицемъ, и другой задней, лежащей позади слуховыхъ отверстій и не имѣющей никакого отношенія къ лицу. Эти двѣ области составляютъ то, что называется *переднимъ черепомъ* и *заднимъ черепомъ*. — Въ

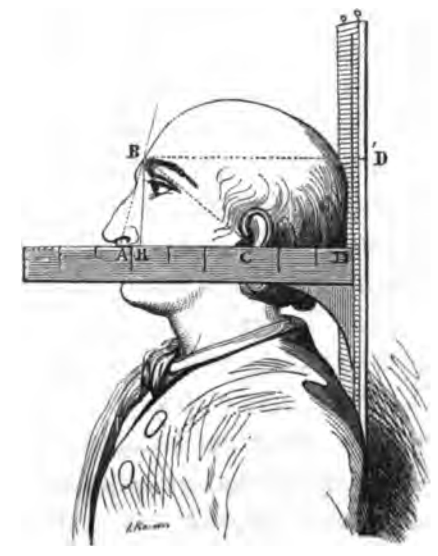
тоже время становится очевиднымъ на отдѣленномъ вышеуказаннымъ образомъ черепѣ то, что онъ въ своей совокупности имѣетъ форму похожую до нѣкоторой степени на яйце, толстый конецъ коего соотвѣтствуетъ затылку, а острый лбу, а большая ось коего идетъ косвенно сверху внизъ и отъ переда къ заду, т. е. отъ лба къ затылку.—И такъ вертикальный и поперечный разрѣзъ пилою, проходящій чрезъ оба слуховыя отверстія, раздѣлитъ голову на двѣ части: одну заднюю, исключительно состоящую изъ задняго черепа, и другую переднюю, состоящую сверху изъ верхняго черепа, а снизу изъ лица.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что форма и объемъ задняго черепа оказываютъ мало вліянія на расположеніе и образованіе лица. Но послѣднее, находясь подъ переднимъ черепомъ, нѣсколько выдается изъ за него и дѣлаетъ передъ нимъ выступъ, который тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше лице и чѣмъ меньше передній черепъ.

Передній черепъ долженъ быть изученъ съ особою тщательностію: это самая важная часть черепа не только потому, что она имѣетъ непосредственныя соотношенія съ лицемъ, коего положеніе и направленіе нѣкоторымъ образомъ зависятъ отъ нея, но также потому, что она заключаетъ самую важную часть мозга. Какъ ни различны мнѣнія относительно соотношенія умственной дѣятельности съ мозговымъ аппаратомъ, всѣ согласны, однакоже, какъ въ томъ, что приписываютъ переднимъ долямъ мозга связь съ самыми высшими способностями ума, такъ и въ томъ, что и у отдѣльныхъ особей, и у племенъ, большее относительное развитіе передняго черепа составляетъ обыкновенно признакъ и болѣе высокаго умственнаго развитія. Высказывавшіе сомнѣнія въ вѣрности этого положенія (которое, впрочемъ, и не имѣетъ притязанія быть абсолютнымъ) направляли свои возраженія скорѣе противъ преувеличеній слѣдствій этого положенія, чѣмъ противъ него самого. Нужно замѣтить, что краніометрическіе способы, наиболѣе употребительные и наиболѣе получившіе извѣстность, ограничиваются измѣреніемъ передняго черепа по линіямъ, рисункамъ и разрѣзамъ черепа въ профиль. Но данныя, получаемыя такимъ образомъ, совершенно недостаточны; онѣ позволяютъ изучить высоту частей и ихъ длину: т. е. ихъ протяженіе съ переда къ заду, но третье измѣреніе, или поперечная ширина, остается неопредѣленною, а потому не получается никакихъ положительныхъ данныхъ относительно дѣйствительнаго объема этихъ частей.

И такъ не слѣдуетъ ограничиваться изученіемъ данныхъ профиля головы; поперечныя измѣренія и нѣкоторые косвенные размѣры должны занять широкое мѣсто въ краніометрическихъ изслѣдованіяхъ. Но внѣ этой оговорки не нужно доходить до того, до чего дошли нѣкоторые современные ученые, слишкомъ далеко простершіе свою реакцію, т. е. до отрицанія всякаго значенія тѣхъ классическихъ способовъ, къ которымъ мы переходимъ теперь.

На профилѣ головы, точно нарисованной при вертикальномъ положеніи тѣла, отмѣтимъ надносовую точку B и подносовую A. Припомнимъ, что эта послѣдняя точка есть вершина входящаго угла, ограниченнаго нижнимъ краемъ подносовой перегородки и верхнею губою. Воображаемая прямая линія AB, соединяющая эти двѣ точки есть *лицевая линія*. Она имѣетъ вертикальное положеніе на греческихъ статуяхъ, но въ природѣ она представляется всегда болѣе или менѣе косвенною, такъ какъ внѣ патологическихъ случаевъ, лице всегда выдается болѣе или менѣе впередъ за передній конецъ черепа, т. е. за надносовую точку. Степень косвенности этой линіи увеличивается или уменьшается въ томъ же отношеніи какъ увеличивается и выступъ лица.

Фиг. 12.

Чтобы уяснить себѣ значеніе этого признака, разсмотримъ профиль головы и спросимъ себя, что бы произошло, если бы мы могли по произволу увеличивать или уменьшать область передняго черепа, оставляя всегда однимъ и тѣмъ же объемъ лица.— Предположимъ сначала, что передній черепъ сдѣлался больше: тогда надносовая точка B будетъ выдвинута болѣе впередъ, а подносовая A останется на мѣстѣ, такъ какъ если бы и она подалась впередъ, то разстояніе, отдѣляющее ее отъ уха, увеличилось бы, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось бы передне-заднее протяженіе лица, что противорѣчитъ допущенному нами. И такъ лицевая линія AB сдѣлается менѣе косвенною, и она тѣмъ болѣе будетъ приближаться къ вертикальной, чѣмъ значительнѣе будетъ увеличеніе передняго черепа.—Предположимъ теперь, что передній черепъ сдѣлается меньше: тогда B отодвинется соотвѣтственно назадъ, точка же A, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, останется на своемъ мѣстѣ, и слѣдовательно лицевая линія AB сдѣлается болѣе косвенною.

Что произойдетъ теперь, если при одномъ и томъ же объемѣ черепа станетъ увеличиваться или уменьшаться объемъ лица? Точка A подастся впередъ въ первомъ случаѣ и назадъ во второмъ; точка B останется на мѣстѣ, а потому лицевая линія, наиболѣе косвенная, будетъ соотвѣтствовать наибольшему развитію лица, и vice versa.

Теперь становится понятнымъ, что два условія опредѣляютъ направленіе лицевой линіи: съ одной стороны степень развитія передняго черепа, съ другой степень развитія лица. Если передній черепъ великъ, а лице мало, то лицевая линія мало косвенна и приближается къ вертикальной. Если же, наоборотъ, передній черепъ малъ, а лице велико, то лицевая линія становится очень косвенною.

И такъ направленіе лицевой линіи даетъ драгоцѣнное указаніе на относительное развитіе передняго черепа и лица. Значеніе этого признака было скомпрометировано тѣмъ, что съ него требовали больше чѣмъ онъ могъ дать. Изъ него хотѣли сдѣлать исключительное основаніе для параллели черепа и лица. Считали достаточнымъ выразить въ градусахъ степень наклоненія лицевой линіи къ горизонту для опредѣленія, не только относительнаго объема черепной и лицевой области, но также и для измѣренія степени смышленности различныхъ видовъ животныхъ, различныхъ племенъ человѣческихъ, различныхъ людей. При этомъ забывали двѣ вещи: во-первыхъ то, что лицевая линія зависитъ только отъ *передняго* черепа и не имѣетъ никакого отношенія къ *заднему*, составляющему большую половину черепной коробки, и потому она не можетъ дать никакого указанія относительно абсолютнаго объема черепа и мозга. Во-вторыхъ то, и это особенно важно, что лицевая линія указываетъ относительное развитіе передняго черепа и лица только въ *передне-заднемъ* (antéro-postérieur) *направленіи* и не имѣетъ никакого отношенія къ ширинѣ или высотѣ, а знаніе одного измѣренія не даетъ возможности опредѣлить объемъ неправильнаго твердаго тѣла. Поэтому направленіе лицевой линіи не имѣетъ того абсолютнаго значенія, которое ему хотѣли приписать, но оно сохраняетъ полное свое значеніе съ морфологической точки зрѣнія, т. е. остается оно однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ для опредѣленія формы головы. Кромѣ того съ анатомической и физіологической точки зрѣнія оно имѣетъ большое, хотя и ограниченное, значеніе, ибо хотя оно и не даетъ ни абсолютныхъ, ни относительныхъ объемовъ, но все-таки оно помогаетъ намъ дознать одно изъ измѣреній, и именно главное измѣреніе переднихъ частей головы, а это уже много.

И такъ существенно необходимо опредѣлять направленіе лицевой линіи. То антропологическое наблюденіе, въ которомъ не было бы этого измѣренія, было бы вполнѣ недостаточнымъ, а потому нужно указать для наблюдателей легкій и скорый способъ, позволяющій имъ съ помощію простыхъ и сподручныхъ снарядовъ опредѣлять степень косвенности этой важной линіи, т. е. угла образуемаго ею съ горизонтомъ при томъ положеніи, когда человѣкъ, стоя вертикально, держитъ голову прямо и смотритъ прямо впередъ

При такомъ положеніи головы внѣшнее слуховое отверстіе и нижній край подносовой перегородки находятся почти на одномъ и томъ же уровнѣ, или другими словами: плоскость проведенная чрезъ оба слуховыя отверстія и подносовую точку, имѣетъ почти горизонтальное положеніе. Мы говоримъ *почти*, потому что уровень слуховаго отверстія можетъ

лежать нѣсколько выше подносовой точки, но съ исходными точками, доступными на живомъ человѣкѣ, нельзя опредѣлить точно горизонтальную плоскость головы, и потому должно ограничиться только приближеніемъ къ ней. Плоскость, только что указанная нами, наименѣе всего уклоняется отъ искомаго направленія.

Если бы мы ограничились проведеніемъ линіи отъ одного слуховаго отверстія къ подносовой точкѣ и измѣрили бы уголъ, образуемый ею съ лицевою линіею, то мы бы вовсе не дознали еще этимъ наклоненія этой послѣдней къ горизонталу. Величина, опредѣляющая наклоненіе линіи на плоскости, есть уголъ дѣлаемый ею съ ея *проэкціею* на этой плоскости, а такъ какъ лицевая линія лежитъ въ срединной плоскости головы, то ея проэкція на горизонтальной плоскости будетъ горизонтальная линія, идущая отъ подносовой точки, прорѣзающая непосредственно голову отъ переда къ заду и, слѣдовательно, проходящая чрезъ средину промежуточнаго пространства, раздѣляющаго оба слуховыя отверстія. Не обсудивши этого, многіе ученые полагали, что измѣряютъ наклоненіе лицевой линіи, измѣряя уголъ образуемый ею съ горизонтальною линіею, идущею отъ подносовой точки, точки *срединной*, къ внѣшнему слуховому отверстію, т. е. точки *боковой*. Такіе ученые предлагали измѣрять на живомъ человѣкѣ три стороны трехугольника, коего вершины находятся у точки надносовой и у слуховаго отверстія, и затѣмъ построить съ помощію циркуля этотъ трехугольникъ на бумагѣ для того, чтобы измѣрить потомъ тотъ уголъ, вершина коего лежитъ у подносовой точки. Но этотъ способъ вполнѣ ложенъ, и потому мы считали нужнымъ указать на него для того, чтобы предостеречь наблюдателей, могущихъ прельститься кажущеюся простотою этого способа.

Камперъ, первый указавшій важность лицевой линіи, вполнѣ понималъ, что наклоненіе этой линіи должно быть измѣряемо въ срединной плоскости головы. Поэтому онъ начиналъ съ абрисовки очень точнаго профиля головы; на полученномъ рисункѣ, на которомъ внѣшнее слуховое отверстіе было также переносимо на плоскость профиля, Камперъ проводилъ лицевую линію, и потомъ другую линію, идущую отъ подносовой точки къ слуховому отверстію. Уголъ, ограниченный этими двумя линіями и названный Камперомъ *лицевымъ угломъ*, опредѣлялъ наклоненіе лицевой линіи. Чѣмъ меньше этотъ уголъ, тѣмъ лицевая линія шла косвеннѣе, и съ помощію этого способа оказывалось возможнымъ выражать въ градусахъ направленіе лицевой линіи у различныхъ расъ человѣка и у различныхъ видовъ животныхъ.

Но точность и вѣрность этого способа зависятъ отъ точности рисунка, а относительно этого ни одинъ артистъ не поручится вполнѣ за себя. На фотографическихъ снимкахъ, которые въ этомъ отношеніи не оставляютъ желать ничего болѣе, трудно опредѣлить точно центръ слуховаго отверстія, всегда окруженнаго довольно широкою тѣнью. Кромѣ того, фотографія не есть способъ, который бы можно было требовать отъ всякаго наблюдателя. Наконецъ, станемъ ли мы имѣть дѣло съ фотографическими снимками, или же подобно Камперу будемъ снимать профили отъ руки, все-таки окажется почти невозможнымъ опредѣлить положеніе надносовой точки, которая, не обозначаясь никакою выпуклостію, не видима на профилѣ. Будучи принужденъ отыскивать для верхняго конца лицевой линіи другую точку, Камперъ выбралъ для этого самую выдающуюся точку надпереносья, но при этомъ большая или меньшая выпуклость этой части лобной кости могла приподнять или опустить на нѣсколько градусовъ лицевую линію и, слѣдовательно, одна изъ анатомическихъ частностей, наименѣе значащихъ, могла вліять на измѣненіе величины лицеваго угла. Даже съ точки зрѣнія чисто артистической, главнымъ образомъ занимавшей Кампера, это представляетъ уже серьозныя неудобства, но ошибка становится гораздо болѣе важною съ точки зрѣнія чисто анатомической, такъ какъ лицевая линія, вмѣсто того чтобы оканчиваться сверху у границы черепа и лица, проходила уже спереди этой границы. Вотъ почему процессъ измѣренія лицеваго угла на рисункѣ профиля былъ оставленъ новѣйшими учеными.

Чтобы опредѣлить наклоненіе лицевой линіи, необходимо прибѣгнуть къ точнымъ геометрическимъ способамъ, но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, мы должны ознакомиться съ *лицевымъ трехугольникомъ Кювье*.

Предположимъ мысленно, что твердая горизонтальная проволока проведена отъ одного слухова-

го отверстія къ другому чрезъ голову; эта проволока составитъ для насъ ту линію, которая называется *ушною осью*. Предположимъ затѣмъ, что голова раздѣлена на двѣ боковыя части срединнымъ вертикальнымъ передне заднимъ разрѣзомъ. Въ плоскости этого то разрѣза и лежитъ лицевой трехугольникъ; точка, соотвѣтствующая перерѣзу ушной оси, составитъ его заднюю вершину, т. е. ушная точка C (см. предыдущую фигуру). Двѣ другія вершины, обращенныя къ переду, суть подносовая точка A и надносовая точка B. Переднюю сторону AB этого трехугольника составляетъ лицевая линія; нижняя сторона BC есть *основаніе* лицеваго трехугольника: третья сторона AC представляетъ длину передняго черепа. На указанной фигурѣ ушная точка, т. е. срединный разрѣзъ ушной оси, совпадаетъ съ внѣшнимъ слуховымъ отверстіемъ, такъ какъ на рисункахъ профиля всѣ точки поверхности головы переносятся, или говоря точнѣе, проэктируются на срединную плоскость; но при этомъ нужно помнить, что задняя вершина лицеваго трехугольника лежитъ въ этой плоскости, а не на сторонахъ головы.

Кювье и Этьеннъ Сентъ-Илеръ, первые опредѣлившіе лицевой трехугольникъ, пользовались имъ для сравненія площади черепа съ площадью лица, и этотъ способъ далъ имъ довольно важные для зоологіи результаты. Въ антропологіи сравниваемые типы недостаточно различны для того, чтобы измѣреніе поверхности лицеваго угла могло оказать такія же услуги; но изученіе этого трехугольника приводитъ къ другимъ важнымъ результатамъ: оно позволяетъ измѣрить *прогнатизмъ*.

Мы видѣли выше, что прогнатизмъ опредѣляется косвенностію челюстей, такъ какъ самое слово это означаетъ выдавшуюся челюсть (πρὸ впередъ, γνάθος челюсть). Собственно говоря верхняя челюсть, съ которой одной теперь мы имѣемъ дѣло, всегда выдается болѣе или менѣе впередъ за основаніе лба; слѣдовательно, всякая голова болѣе или менѣе прогнатична, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ гидроцефаліи и типа, очевидно искусственно преувеличеннаго, греческихъ статуй. Но условлено называть прогнатичными только тѣ головы, коихъ верхняя челюсть, очень косвенная, дѣлаетъ замѣтный выступъ; другія головы называются *ортогнатическими*, что значитъ вертикально — челюстныя (отъ ὀρθὸς прямой, γνάθος челюсть). Термины эти одни изъ самыхъ употребительныхъ въ антропологіи; ихъ употребляли для характеристики различныхъ расъ, и даже для дихотомической классификаціи этихъ послѣднихъ, но при этомъ забывали только одно: указать границу гдѣ кончается ортогнатизмъ и гдѣ начинается прогнатизмъ. Отсюда произошло то, что въ большинствѣ случаевъ опредѣленіе того или другаго представляется крайне невѣрнымъ, и оно будетъ всегда таковымъ, не смотря на всѣ усилія, потому что всякая граница какую бы мы ни установили между этими двумя формами необходимо будетъ произвольною.

Изученіе лицеваго трехугольника позволяетъ замѣнить эти невѣрныя попытки точнымъ изслѣдованіемъ. Опуская изъ надносовой точки B перпендикуляръ BH на основаніе лицеваго трехугольника, дѣлятъ это основаніе на двѣ части, одну заднюю CH, лежащую подъ черепомъ, и другую AH, лежащую спереди черепа. Длина AH, выраженная въ миллиметрахъ, даетъ *мѣру прогнатизма*.

Поэтому необходимо собирать при всѣхъ антропологическихъ изслѣдованіяхъ элементы для построенія лицеваго трехугольника, но сами наблюдатели могутъ и не строить этого послѣдняго: имъ достаточно измѣрить лицевой уголъ и длину обѣихъ сторонъ. Эти три измѣренія вписаны въ листокъ для наблюденій подъ названіями: *лицевой уголъ Кампера*, *длина лицевой линіи* и основаніе *лицеваго трехугольника*. Съ помощію этихъ данныхъ всякій, имѣющій числовыя величины ихъ, можетъ построить трехугольникъ и изучить не только прогнатизмъ, но также и другіе признаки, указаніе на кои завлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей цѣли. И такъ теперь намъ остается изложить только наблюдателямъ способы измѣренія на живыхъ людяхъ лицеваго трехугольника.

Кювье и Этьеннъ Сентъ-Илеръ получали его съ помощію очень сложнаго геометрическаго процесса, требовавшаго построенія двухъ вспомогательныхъ трехугольниковъ. Въ настоящее время мы имѣемъ два способа для этого, столь же точные, но несравненно болѣе простые: одинъ непосредственный, другой косвенный.

Методъ косвенный, въ подробности описанный въ Bulletin de la Société d'anthropologie de Paris,

т. III, представляетъ то удобство, что производится съ помощію чрезвычайно простыхъ снарядовъ, могущихъ быть сдѣланными въ нѣсколько часовъ любымъ столяромъ за весьма дешевую цѣну. Всѣ измѣренія при этомъ методѣ производятся двойнымъ наугольникомъ. Мы уже говорили выше въ общихъ чертахъ объ этомъ способѣ наугольниковъ; въ частности же здѣсь его прилагаютъ слѣдующимъ образомъ. Наблюдаемаго человѣка, въ сидячемъ или стоячемъ положеніи, прислоняютъ спиною къ пластинкѣ съ дѣленіями, на которую упирается задняя часть головы. Тогда опускаютъ направляющій наугольникъ до тѣхъ поръ пока его верхній край AD коснется слуховаго отверстія, и затѣмъ приподнимаютъ голову субъекта, пока подносовая точка непомѣстится вполнѣ на томъ же уровнѣ какъ и слуховое отверстіе. Потомъ спереди къ заду наводятъ изслѣдующій наугольникъ AM на подносовую точку и, отсчитывая мѣру на скалѣ горизонтальной вѣтви направляющаго наугольника, опредѣляютъ въ миллиметрахъ двѣ слѣдующія длины: 1) разстояніе слуховаго отверстія отъ плоскости пластинки съ дѣленіями, т. е. длину CD, и 2) разстояніе подносовой точки отъ той же плоскости, т. е. линію AD.

Кончивши это и оставляя голову изслѣдуемаго субъекта все въ томъ же положеніи, поднимаютъ направляющій наугольникъ до уровня надносовой точки, къ которой наводятъ и изслѣдующій наугольникъ. Верхній край перваго наугольника соотвѣтствуетъ, вслѣдствіе этого, линіи BD', и потому требуется опредѣлить двѣ слѣдующія длины: 1) высоту DD', отсчитываемую на пластинкѣ съ дѣленіями и выражающую то разстояніе, на которое нужно было поднять направляющій наугольникъ, и 2) длину BD', отсчитываемую на скалѣ горизонтальной вѣтви этого наугольника и выражающую разстояніе надносовой точки отъ задней вертикальной плоскости.

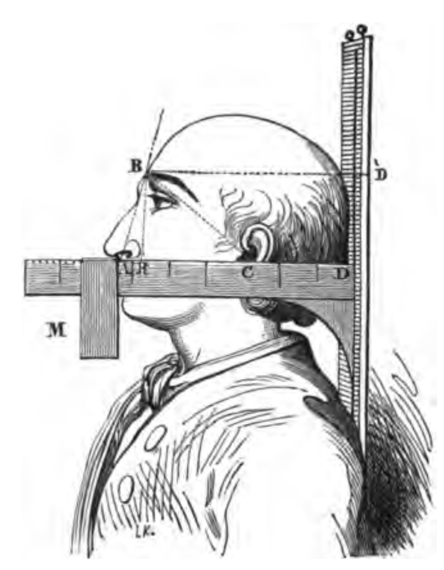
Эти четыре измѣренія носятъ слѣдующія названія: AD есть *горизонтальная ось головы.*

CD выражаетъ протяженіе черепа позади слуховаго отверстія и называется *проэкціею задняго черепа* или короче *заднею проэкціею.* Это-то передне-заднее протяженіе, которое занималъ бы задній черепъ, нарисованный въ проэкціи на горизонтальной плоскости.

BD' выражаетъ все протяженіе черепа въ передне-заднемъ направленіи при горизонтальномъ положеніи головы: это *общая проэкція черепа.*

DD' наконецъ есть *надушная высота надносовой точки.*

Съ помощію этихъ четырехъ данныхъ, достаточно наугольника и циркуля, чтобы построить лицевой

Фиг. 13. Способъ двойнаго наугольника. — DD', пластинка съ дѣленіями, AHC направляющій наугольникъ; AM изслѣдующій наугольникъ.

уголъ. Сначала проводятъ линію AD, длина коей извѣстна; точка A есть первая вершина трехугольника. Начиная съ точки D откладываютъ, съ помощію циркуля, длину равную задней проэкціи и получаютъ ушную точку C, составляющую вторую вершину трехугольника. Отъ той же точки D откладываютъ величину DH равную общей проэкціи черепа (BD'). Изъ точки H, съ помощію наугольника, возстановляютъ перпендикуляръ HB, на которомъ откладываютъ величину BH равную DD', т. е. высотѣ надносовой точки. Такимъ образомъ получается надносовая точка B, третья вершина трехугольника. Построивши трехугольникъ, измѣряютъ лицевой уголъ BAC и лицевую линію BA. Длина AH даетъ мѣру прогнатизма, а длина CH, измѣренная непосредственно или полученная чрезъ вычитаніе, даетъ послѣдній очень важный элементъ—переднюю *черепную проэкцію* или *переднюю проэкцію.*

Такимъ образомъ горизонтальная ось головы оказывается подраздѣленною на три доли, кои суть, идя отъ переда къ заду: *лицевая проэкція* AH, т. е. мѣра прогнатизма, *передняя черепная про-*

экція CH и *задняя черепная проэкція* CD Сравненіе этихъ трехъ величинъ можетъ привести къ выводамъ высокаго интереса.

Всѣ вышеизложенныя операціи производятся очень быстро: требуется не болѣе одной или двухъ минутъ для полученія на живомъ человѣкѣ указанныхъ измѣреній. Также быстро происходитъ и построеніе лицеваго трехугольника. Наблюдателямъ же вовсе нѣтъ особенной крайности строить трехугольникъ; они могутъ это дѣлать въ свободныя минуты для удовлетворенія своего собственнаго желанія знать выводъ. Для Общества будетъ совершенно достаточно, если они только запишутъ эти четыре измѣренія и сообщатъ ихъ ему.

Въ косвенномъ методѣ, который мы только что описали, мѣра прогнатизма получается непосредственно, или скорѣе съ помощію простаго вычитанія; мѣра лицеваго угла получается только съ помощію измѣренія. Въ *непосредственномъ* методѣ, которымъ мы теперь займемся, слѣдуютъ совершенно обратному ходу: измѣряютъ непосредственно лицевой уголъ и, съ помощію построенія, уже получаютъ затѣмъ мѣру прогнатизма.

Непосредственный методъ требуетъ особыхъ снарядовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *гоніометровъ* (γόνυ уголъ, μέτρον мѣра). Гоніометръ Мортона представлялъ нѣкоторые недостатки, которые были удачно исправлены Жаккаромъ. Гоніометръ Жаккара превосходенъ, онъ совершенно точенъ и удобенъ для наблюденій; у него есть одинъ только недостатокъ — это высокая цѣна (300 Франковъ). Косвенный методъ, о которомъ мы говорили, изобрѣтенъ былъ съ цѣлію сдѣлать изученіе лицеваго угла доступнымъ и для тѣхъ, которые не могутъ имѣть гоніометра Жаккара; но гоніометръ Брока не дорогой, легкій, удобный, сподрученъ всѣмъ. Такъ какъ этотъ гоніометръ снабженъ дѣленіями на всѣхъ своихъ пластинкахъ, то онъ позволяетъ измѣрять не только лицевой уголъ, но также и длину лицевой линіи, равно какъ и разстояніе подносовой точки отъ ушной оси, т. е. отъ основанія лицеваго трехугольника. Когда чрезъ наблюденіе будетъ опредѣленъ передній уголъ и двѣ стороны его ограничивающія, то затѣмъ легко построить лицевой трехугольникъ на бумагѣ съ помощію циркуля и масштаба, и потомъ измѣрить прогнатизмъ, опустивъ перпендикуляръ BP. Можно даже непосредственно измѣрить прогнатизмъ безъ построенія лицеваго трехугольника. Достаточно для этого, установивъ снарядъ, опустить съ помощію наугольника перпендикуляръ BP и отсчитать на скалѣ AO величину, PA, т. е. разстояніе вершины наугольника отъ нуля (Фиг. 4.)

Лицевой уголъ, изученіемъ коего мы теперь занимались, есть *лицевой уголъ Кампера,* вершина коего соотвѣтствуетъ при измѣреніяхъ на живомъ человѣкѣ подносовой точки, а на скелетѣ носовой ости. Плоскость, проходящая чрезъ эту точку и чрезъ два слуховыя отверстія, есть наиболѣе приближающаяся къ горизонтальному положенію изъ всѣхъ, кои только можно опредѣлить на живомъ человѣкѣ. Поэтому исходная точка, избранная Камперомъ, есть самая правильная изъ всѣхъ, какія только можно избрать. Но другіе анатомы, принимая въ соображеніе то, что часто подносовая точка оказывается не самою выдающеюся точкою нижней челюсти, и желая сдѣлать возможную оцѣнку различій, происходящихъ отъ косвенности зубнаго края, перенесли на нижнюю часть этого послѣдняго вершину лицеваго угла, вслѣдствіе чего лицевая линія оказывается увеличенною на всю высоту зубнаго края. Кромѣ того, при этомъ нижняя сторона угла, вмѣсто того чтобы быть почти горизонтальною, становится замѣтно косвенною, самый лицевой уголъ дѣлается гораздо болѣе острымъ, а лицевой трехугольникъ увеличивается очень значительно. И такъ теперь принимаются два лицевыхъ угла: одинъ, который мы называемъ угломъ Кампера, и другой, коему можно дать названіе *наименьшаго лицеваго угла* или *зубнаго лицеваго угла,* вершина коего находится у нижней границы зубнаго края. Такое нововведеніе имѣло очень печальныя послѣдствія, именно тѣмъ, что привело къ частой путаницѣ. Большая часть наблюдателей, имѣя понятіе только объ одномъ лицевомъ углѣ, измѣряли его и обозначали въ своихъ замѣткахъ просто названіемъ лицеваго угла, и потому для читателей неизвѣстно съ какимъ угломъ они имѣютъ дѣло. Кромѣ того наименьшій лицевой уголъ ошибоченъ самъ по себѣ потому, что онъ даетъ направленіе лицевой линіи, не относительно горизонтала, но относительно косвенной плоскости, степень косвенности которой

остается неизвѣстною. Поэтому не слѣдуетъ замѣнять уголъ Кампера наименьшимъ лицевымъ угломъ, и если приходится измѣрять только одинъ уголъ, то слѣдуетъ измѣрять уголъ Кампера. Но такъ какъ сравненіе угловъ Кампера и наименьшаго можетъ представить нѣкоторый интересъ, то мы помѣстили какъ тотъ, такъ и другой, на листкѣ наблюденій, прибавляя къ этому однакоже то, что измѣреніе перваго необходимо, а измѣреніе втораго можетъ быть необязательно.

Второй, или наименьшій, лицевой уголъ измѣряется съ помощію гоніометра. Когда лицевой уголъ Кампера измѣренъ, то достаточно нѣсколькихъ секундъ для того, чтобы опустить основаніе гоніометра и чтобы привести его къ уровню нижней границы зубнаго края, приподнимая при этомъ нѣсколько верхнюю губу у изслѣдуемаго субъекта. Можно также прибѣгнуть къ способу двойнаго наугольника, причемъ нужно нѣсколько закинуть назадъ голову субъекта такъ, чтобы зубной край пришелся на уровнѣ слуховаго отверстія. Такъ какъ линіи, которыя должны быть получены для построенія трехугольника, не имѣютъ сами по себѣ никакого значенія и служатъ только для опредѣленія угла, имѣющаго второстепенное значеніе, то нѣтъ особенной надобности прибѣгать къ этому способу.

Наконецъ, иногда измѣряли третій лицевой уголъ, о которомъ мы упоминаемъ только для того, чтобы указать на его безполезность: это тотъ уголъ, вершина коего помѣщается у нижняго края верхнихъ рѣзцовъ. Этотъ уголъ еще острѣе, чѣмъ предыдущій, такъ какъ его вершина лежитъ еще ниже; его величина зависитъ на столько же отъ длины зубовъ, какъ и отъ ихъ направленія, а понятно, что такая незначительная частность, какъ длина рѣзцовъ, не должна входить въ счетъ при оцѣнкѣ общей конформаціи головы. Кому любопытно тотъ пусть измѣряетъ этотъ зубной уголъ, но мы не сочли нужнымъ помѣщать его на листкѣ для наблюденій.

Мы считали необходимымъ остановиться на разсмотрѣніи лицеваго угла Кампера и лицеваго трехугольника, такъ какъ сначала преувеличивали значеніе этихъ краніометрическихъ элементовъ, а потомъ подвергли ихъ незаслуженной опалѣ. Дошли даже до того, что стали отвергать всякое научное значеніе ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы эти элементы приводили различныхъ наблюдателей къ противуположнымъ результатамъ. Дѣйствительно такія противорѣчія очень многочисленны, но они доказываютъ только то, что наблюденія были производимы дурно, или, по крайней мѣрѣ, не по одному и тому же способу. Въ самомъ дѣлѣ, лицевой уголъ измѣряли всего чаще только приблизительнымъ образомъ, безъ помощи точныхъ снарядовъ, и большая часть путешественниковъ даже и не считали нужнымъ объяснять — какими способами полученъ былъ этотъ уголъ. Съ другой стороны, не существовало соглашенія относительно того: какое положеніе нужно придать двумъ концамъ лицевой линіи. Такъ верхній конецъ помѣщали то у основанія носа, то у выдающейся части надпереносья, то на 3 центиметра выше основанія носа; въ тоже время помѣщали вершину лицеваго угла, то у подносовой перегородки, то у зубнаго края челюсти, то у нижняго края зубовъ. Понятно, что отъ сравненія столь разнородныхъ элементовъ должны были придти къ противорѣчащимъ выводамъ. Поэтому въ нашихъ инструкціяхъ было бы недостаточно ограничиться указаніемъ наблюдателямъ однихъ только точныхъ способовъ измѣренія; ихъ нужно было убѣдить въ принятіи однородныхъ исходныхъ точекъ, а для этого необходимо было уяснить имъ значеніе этихъ точекъ и дать имъ данныя, съ помощію которыхъ они могли бы сами оцѣнить значеніе и важность лицеваго угла Кампера и лицеваго трехугольника Кювье.

Мы переходимъ теперь къ другимъ измѣреніямъ головы.

3. *Измѣренія области черепа.* — Элементы, кои имѣется въ виду получить при измѣреніяхъ головы, суть: діаметры, кривыя, хорды и идеальная линія, извѣстная подъ именемъ задней проэкціи.

Діаметры измѣряются толстотнымъ циркулемъ. Ихъ числомъ семь: два передне-заднихъ, четыре поперечныхъ и одинъ вертикальный.

Первый передне-задній діаметръ, или *наибольшій* передне-задній діаметръ, почти не требуетъ объясненій. Это наибольшій раздвигъ ножекъ циркуля на срединной линіи черепа. Одна изъ ножекъ циркуля прикладывается, безъ нажатія однако-же, надъ основаніемъ носа къ наиболѣе выдающейся точкѣ надпе-

реносья и удерживается на своемъ мѣстѣ лѣвою рукою, тогда какъ правая водитъ другую ножку по задней поверхности головы, причемъ наблюдатель слѣдитъ на скалѣ за величиною раздвига циркуля.

Второй передне-задній діаметръ, обыкновенно бывающій нѣсколько меньше предыдущаго, есть діаметръ *затылочный*. Спереди онъ кончается у той же точки какъ и предыдущій, но назади другой конецъ его лежитъ на внѣшнемъ затылочномъ возвышеніи (protuberantia occipitalis externa), непосредственно вблизи начала затылка. Внѣшнее затылочное возвышеніе соотвѣтствуетъ границѣ большаго мозга, такъ какъ подъ нею начинается уже мозжечекъ; слѣдовательно разность между діаметрами наибольшимъ и затылочнымъ выражаетъ степень выступа большаго мозга сзади мозжечка. Эта разность иногда бываетъ довольно значительна, иногда же ее вовсе незамѣчается, и въ такомъ случаѣ затылочный діаметръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшій діаметръ, т. е. это значитъ, что большой мозгъ не выдается назади мозжечка. Но это тоже нужно указать на записномъ листкѣ, обозначивъ однимъ и тѣмъ же числомъ миллиметровъ оба передне-заднихъ діаметра.

Наибольшій темянной діаметръ, или первый поперечный діаметръ, соотвѣтствуетъ наибольшей ширинѣ задняго черепа. Концы этого діаметра лежатъ обыкновенно на два или на три пальца назади верхняго края уха и надъ нимъ; но это, впрочемъ, бываетъ не всегда, и нужно сдѣлать сначала нѣсколько попытокъ ощупью концами циркуля, чтобы найти настоящій наибольшій темянной діаметръ. Едва ли нужно упоминать о томъ, что при этихъ первоначальныхъ попыткахъ ощупью найти діаметръ, линія, проходящая чрезъ оба конца циркуля, должна всегда оставаться горизонтальною и поперечною, т. е. перпендикулярною къ плоскости профиля головы.

Наибольшій височный діаметръ измѣряется непосредственно надъ слуховыми отверстіями. Для этого ставятъ обѣ ножки циркуля непосредственно надъ этими отверстіями и поднимаютъ ихъ вертикально до тѣхъ поръ, пока не получатъ наибольшее расхожденіе или раздвигъ ихъ. Этотъ діаметръ почти всегда меньше предыдущаго, иногда же и бываетъ равенъ съ нимъ; наконецъ онъ можетъ быть и больше его, а потому сравненіе этихъ обоихъ діаметровъ можетъ привести къ очень любопытнымъ даннымъ.

Ушной діаметръ (diam. biauriculaire) есть разстояніе внѣшнихъ отверстій обоихъ слуховыхъ проходовъ. Діаметръ этотъ измѣряется, ставя ножки циркуля на край *козелка* (tragus). Козелокъ есть хрящеватая часть, ограничивающая спереди отверстіе слуховаго прохода.

Наименьшій лобный діаметръ получается, если мы поставимъ обѣ ножки или вѣтви циркуля съ обѣихъ сторонъ лба непосредственно надъ внѣшними надглазничными возвышеніями.

Истинный вертикальный діаметръ головы не можетъ быть измѣренъ на живомъ человѣкѣ. Изъ исходныхъ точекъ, доступныхъ снаружи и лежащихъ близъ основанія черепа, можно указать только на одну, представляющую достаточную опредѣленность: это отверстіе слуховаго прохода. По этому необходимо ограничиться измѣреніемъ только той части вертикальнаго діаметра, которая лежитъ надъ этимъ проходомъ, и часть эта называется *вертикальнымъ надушнымъ діаметромъ*.

Этотъ діаметръ нельзя измѣрить съ помощію циркуля, но онъ удобно измѣряется, съ помощію наугольника, вмѣстѣ съ *заднею проэкціею*. Прислонивъ голову къ стѣнѣ или къ линейкѣ съ дѣленіями, ее направляютъ такъ, чтобы слуховое отверстіе и нижній край носа (или подносовая точка) находились на горизонтальной линіи. Это повѣряютъ, прикладывая большой наугольникъ къ ушной сторонѣ головы и уставляя нижній край носа надъ верхнимъ краемъ наугольника, который, имѣя толщину въ одинъ центиметръ, позволяетъ удобно опредѣлить уровень горизонтальной плоскости. Если употребить при этомъ и изслѣдующій наугольникъ, то опредѣленіе уровня произойдетъ еще вѣрнѣе.

Установивши голову въ такомъ положеніи, опускаютъ наугольникъ на вершину головы и отмѣчаютъ на стѣнѣ высоту наиболѣе выдающейся точки темяни. Затѣмъ опускаютъ наугольникъ по сторонѣ головы, пока горизонтальная вѣтвь его не коснется уровня слуховаго отверстія. Такъ какъ эта вѣтвь снабжена дѣленіями, то опредѣляютъ сначала разстояніе между слуховымъ отверстіемъ и плоскостію стѣны: такимъ образомъ получается *задняя проэкція*. Потомъ опредѣляютъ положеніе вершины на-

угольника у стѣны, и разность въ уровняхъ между послѣднею мѣткою и предыдущею, т. е. между высотою темяни и слуховаго отверстія, выразить въ миллиметрахъ вертикальный надушный діаметръ.

Кривыя линіи, или *окружности* черепа, измѣряются съ помощію метрической ленты. Начинаютъ съ того, что проводятъ поперечно отъ одного уха къ другому круглый и тонкій шнурочекъ, имѣющій назначеніемъ опредѣлить пограничную линію между переднимъ и заднимъ черепомъ, т. е. обозначить ту линію, которая получилась бы, если бы мы распилили черепъ по вертикальной плоскости, проходящей чрезъ оба слуховыя отверстія. Наложеніе этого *ушнаго шнурка* требуетъ особенной тщательности. Если бы была извѣстна точка, въ которой вертикальная ушная плоскость пересѣкается съ кривою профиля головы, то достаточно было бы наложить поперечно шнурокъ на эту точку и опустить его съ каждой стороны къ ушному отверстію. Но ничто не указываетъ извнѣ, даже и на скелетѣ, положеніе этой точки, которую нужно опредѣлить геометрическимъ способомъ. Этого можно достигнуть двумя путями. Самый вѣрный изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы прислонить голову субъекта къ стѣнѣ въ положеніи указанномъ при объясненіи опредѣленія надушнаго діаметра; за тѣмъ уставляютъ наугольникъ подобно тому, какъ и для измѣренія задней проэкціи, и держа ноготь пальца противъ слуховаго отверстія, поворачиваютъ наугольникъ и доводятъ его до вершины головы. Точка черепнаго свода, у которой очутится ноготь, и есть искомая, такъ какъ она имѣетъ такое же разстояніе отъ стѣны какъ и слуховое отверстіе. Ту же точку можно найти, уставляя вершину наугольника на слуховое отверстіе въ такомъ положеніи, чтобы вертикальная вѣтвь была бы восходящею; потомъ по положенію нижняго края носа удостовѣряются въ томъ, что край горизонтальной вѣтви наугольника лежитъ въ горизонтальной плоскости головы и, наконецъ, опредѣляютъ вершинную точку головы по положенію вертикальной вѣтви. Помощникъ наблюдателя, держащій поперечно натянутый шнурокъ надъ этою вершиною, накладываетъ его на найденной точкѣ.

Эта точка, лежащая у вершины головы и на срединѣ ушнаго шнурка, называется *брегматической точкой*, такъ какъ обыкновенно она лежитъ очень близко къ той точкѣ скелета, которую называютъ *bregma*. Это вершина лобной кости, граница между этой костью и линіею соединенія темянныхъ костей.

Такъ какъ наложенный ушной шнурокъ долженъ оставаться нѣкоторое время на мѣстѣ, то необходимо принять мѣры противъ того, чтобы онъ не соскользнулъ съ даннаго ему положенія. Онъ долженъ быть настолько длиненъ, чтобы концы его могли доставать до груди, и помощникъ наблюдателя держитъ эти концы въ натянутомъ положеніи, не выводя ихъ, однакоже, изъ вертикальнаго направленія. Концы эти также можно поручить иногда и самому наблюдаемому субъекту. Относительно положенія концовъ шнурка легко наблюсти, чтобы они оставались приложенными къ внѣшнему слуховому отверстію, но темянная часть шнурка легко можетъ соскользнуть съ своего мѣста, если хотя немного отпустить концы и недостаточно тянуть ихъ.

Точка, въ которой ушной шнурокъ пересѣкаетъ кривую профиля, можетъ быть кромѣ того, для большей вѣрности, обозначена дермографическимъ карандашемъ или на кожѣ, или же на волосахъ. Красный карандашъ мѣтитъ очень хорошо на черныхъ или темныхъ волосахъ, а синій на бѣлокурыхъ или рыжихъ. Если волоса густы и курчавы, то мѣтки нельзя положить, но при этихъ условіяхъ и шнурокъ никогда не скользитъ.

Уставивши вѣрно ушной шнурокъ, можно затѣмъ быстро измѣрить кривыя линіи, которыя суть слѣдующія:

1. *Кривая затылочно-лобная* (occipito-frontale) есть кривая профиля. Она начинается у основанія носа надъ переносьемъ, восходитъ къ срединѣ лба, идетъ чрезъ темя и оканчивается у внѣшняго затылочнаго возвышенія. Эта кривая дѣлится на двѣ части, переднюю и заднюю, брегматическою точкою, т. е. срединою ушнаго шнурка. Измѣривъ всю кривую, измѣряютъ затѣмъ переднюю часть ея, для чего и не нужно снимать метрической ленты, наложенной для измѣренія всей длины этой кривой, такъ какъ нуль этой ленты помѣщается у передняго конца кривой. Нѣтъ надобности непосредственно измѣрять заднюю часть кривой, такъ какъ ее можно получить чрезъ простое вычитаніе.

2. *Кривая ушная* (biauriculaire) измѣряется отъ одного слуховаго отверстія до другаго вдоль ушнаго

шнурка. Исходною точкою въ этомъ случаѣ служитъ съ каждой стороны средина края козелка (tragus).

3. *Горизонтальная кривая*, или *горизонтальная окружность*, дѣлаетъ цѣлый оборотъ около головы. Если мы предположимъ что шляпа надвинута на человѣкѣ до бровей, то внутренній край тульи шляпы и будетъ соотвѣтствовать горизонтальной окружности, которую можно назвать также *наибольшею окружностію головы*. Окружность эта не совсѣмъ горизонтальна, какъ бы можно было полагать по ея названію, но идетъ нѣсколько косвенно, такъ какъ лежитъ спереди нѣсколько выше, чѣмъ сзади. Она проходитъ поперечно черезъ лобъ непосредственно надъ бровями, и это единственная часть ея, положеніе которой всегда одно и то же; назади она окружаетъ самую выдающуюся часть затылка, а на сторонахъ она проходитъ болѣе или менѣе высоко надъ ушами, смотря по большей или меньшей высотѣ, на которой лежитъ затылочное возвышеніе. Не нужно забывать того, что эта окружность наибольшая, слѣдовательно, когда метрическая лента наложена по этой окружности и укрѣплена спереди, то ея задняя часть не можетъ быть ни поднята, ни опущена, безъ того, чтобы лента не ослабла.

Начинающимъ иногда бываетъ необходимо сдѣлать нѣсколько попытокъ, прежде чѣмъ они найдутъ эту наибольшую окружность, но и они скоро пріучаются находить ее съ перваго раза.

Нужно записывать отдѣльно величину какъ всей горизонтальной окружности, такъ и ея передней части, лежащей спереди ушнаго шнурка. Обѣ эти мѣры должно взять не трогая метрической ленты съ мѣста. Для этого сначала прикладываютъ нуль ленты сверху праваго уха на ушной шнурокъ и придерживаютъ его на мѣстѣ лѣвою рукою, тогда какъ правою накладываютъ ленту послѣдовательно на основаніе лба, лѣвый високъ, затылокъ, и за тѣмъ загибаютъ ее къ правому уху до точки нуля. Сначала отсчитываютъ величину всей окружности по дѣленіямъ ленты, а за тѣмъ также и величину передней ея части, которая опредѣляется тою цифрою, которая лежитъ надъ лѣвымъ ухомъ на уровнѣ той точки, въ которой происходитъ пересѣченіе ушнаго шнурка и ленты.

Этимъ оканчивается измѣреніе кривыхъ головы. Тогда, оставляя ушной шнурокъ въ данномъ ему положеніи, переходятъ къ измѣренію *ушныхъ хордъ*.

Ушныя хорды суть прямыя линіи, начинающіяся у слуховаго отверстія и оканчивающіяся у различныхъ исходныхъ точекъ профиля головы. Ихъ измѣряютъ толстотнымъ циркулемъ, для чего одну изъ вѣтвей или ножекъ циркуля накладываютъ легонько на край козелка, а другую ножку уставляютъ послѣдовательно: 1) на внѣшнее затылочное возвышеніе (*затылочная хорда*); 2) на брегматическую точку (*брегматическая хорда*); 3) на надносовую точку (*надносовая хорда*); 4) на подносовую точку (*подносовая хорда*); 5) на средину нижняго края подбородка (*подбородочная хорда*). Къ этому можно еще присоединить *зубнокрайнюю хорду*, оканчивающуюся у средины зубнаго края верхней челюсти, *зубную*—оканчивающуюся у средины нижняго края рѣзцовъ. Но мы не нашли нужнымъ помѣстить ихъ на образцѣ записнаго листа.

Окончивши, такимъ образомъ, измѣреніе области черепа, снимаютъ ушной шнурокъ и переходятъ къ измѣреніямъ лица.

4. *Измѣреніе лица*. Общая конформація лица представляется гораздо болѣе измѣнчивою чѣмъ конформація черепа, а потому если бы хотѣли точно опредѣлить всѣ его частности, то для этого потребовалось бы сдѣлать очень многочисленныя измѣренія. Вслѣдствіе этого нужно ограничиться только самыми общими данными относительно конформаціи лица, для чего совершенно достаточно тѣхъ измѣреній, на которыя мы тотчасъ укажемъ.

Всѣ измѣренія лица берутся по прямой линіи циркулемъ, и затѣмъ раздвигъ опредѣляется по масштабу. Мы ограничимся только перечисленіемъ измѣреній, такъ какъ большая часть исходныхъ точекъ извѣстна всѣмъ, а остальныя были уже объяснены выше.

Одно изъ этихъ измѣреній косвенное: это разстояніе основанія носа отъ угла нижней челюсти: остальныя же или поперечны, или же вертикальны.

Поперечныя измѣренія даютъ наибольшее разстояніе: 1) между обоими внѣшними надглазничными возвышеніями, 2) между обѣими скулами; 3) между обоими внутренними коммиссурами глазъ или внутренними углами этихъ послѣднихъ; 4) между обоими углами нижней челюсти.

ОБРАЗЕЦЪ СОКРАЩЕННАГО ЗАПИСНАГО ЛИСТКА.

Мѣсто наблюденія долгота широта высота мѣста

Имя субъекта Родился въ

Возрастъ Полъ Племя Раса

NB. Гдѣ вопросительный знакъ, тамъ нужно подчеркнуть то прилагательное, которое должно служить отвѣтомъ.

Ростъ . . . . миллим.

Цвѣтъ
- кожи
  - на покрытыхъ мѣстахъ . .
  - на открытыхъ мѣстахъ . .
- волосъ на головѣ . . . .
- волосъ на бородѣ . . . .
- глазъ . . . .

Волоса гладкіе ли, волнистые, курчавые, или рунообразные?

Форма и объемъ носа:

Губы
1. большія ли, среднія, или тонкія?
2. прямыя или приподнятыя?

Рѣзцы вертикальны ли, малокосвенны, или очень косвенны?

Особыя замѣчанія.

Измѣренія головы.

А. ЧЕРЕПЪ.

1. *Діаметры.* миллим.
   - Передне-задній наибольшій . .
   - Поперечный наибольшій . . .
   - » лобный наименьшій
2. *Кривыя.*
   - Затылочно-лобная вся . . . .
   - Горизонтальн. окружность вся.
   - Поперечная ушная . . . . . .

В. ЛИЦЕ.

1. *Лицевой уголъ и трехугольникъ.*
   - Основаніе лицеваго трехугольника.
   - Длина лицевой линіи.
   - Личной уголъ Кампера. градус.
   - » » зубной градус.
2. *Разстояніе подносовой точки.* миллим.
   - Отъ подбородочной точки. . .
   - Отъ основанія носа . . . . .
   - Отъ лобной волосной линіи .
3. *Поперечное разстояніе между обѣими скулами.*

Измѣренія туловища и конечностей.

1. *Высота надъ горизонтомъ.* миллим.
   - Слуховаго отверстія . . . . .
   - Верхнеплечеваго отростка . .
   - Epicondylus'a. . . . .
   - Шиловиднаго отростка лучевой кости . . . .
   - Нижняго конца средняго пальца.
   - Пупка . . . .
   - Верхне-передней подвздошной ости. . . . .
   - Сочленовой линіи колѣна . . .
   - Вершины внутренней лодыжки.
2. *Верхняя конечность.*
   - Ширина распростертыхъ рукъ.
   - Большой раздвигъ . . . . . .
3. *Нижняя конечность.*
   - Вся длина ступни . . . . . .
   - Долодыжковая длина ступни. .
4. Высота темяни надъ горизонтомъ при сидячемъ положеніи субъекта. . . . .

Образецъ записнаго листка для антропологическихъ наблюденій надъ живыми людьми.

Мѣсто наблюденія долгота широта высота мѣста
Имя субъекта Родился въ
Возрастъ Полъ Племя Раса

NB. Тамъ гдѣ есть вопросительный знакъ нужно подчеркнуть то прилагательное, которое должно служить отвѣтомъ.

Ростъ. . . миллим.
Вѣсъ . . . килогр.

Субъектъ толстъ ли, худъ ли, или средній?
Сила натяженія по динамометру.
Число біеній пульса въ минуту.
Число дыханій въ минуту. . .

Описательныя частности.

нумера.

Цвѣтъ:
- кожи:
  - на покрыт. мѣстахъ.
  - на открыт. мѣстахъ.
- волосъ на головѣ. . .
- волосъ на бородѣ. . .
- глазъ. . . . . .

Волоса гладкіе ли, волнистые, курчавые, или рунообразные?
Борода густая ли, рѣдкая, или ея нѣтъ?
Кожа гладкая ли, волосатая, или очень волосатая?
Форма и объемъ носа:

Губы:
1. большія ли, среднія, или тонкія?
2. Прямыя или приподнятыя?

Рѣзцы вертикальны ли, малокосвенны, или очень косвенны?

Особыя замѣчанія.

Измѣренія головы.

А. черепъ.

1. *Діаметры.* миллим.
Передне-задніе: наибольшій . .
» затылочный. .
Передніе: наибольшій теменной
» » височный.
» ушной. . . . .
» наименьшій лобный .
Вертикальный надушный. . .

2. *Кривыя или дуги:*
Затылочно-лобная вся. . .
Передняя часть ея . . .
Горизонтальная окружн. вся.
Передняя часть ея . . .
Поперечная ушная. . . .

3. *Хорды ушныя:*
Затылочная. . . . . .
Брегматическая. . . . .
Надносовая. . . . . .
Подносовая. . . . . .

4. *Задняя проэкція:*

В. лицѣ.

1. *Лицевой уголъ и трехугольникъ:*
Основаніе лицеваго трехугольн.
Длина лицевой линіи . . .
Лицевой уголъ Кампера (градусы)
» зубной (градусы).

2. *Разстояніе подносовой точки:*
Отъ зубной точки. . . .
Отъ края рѣзцовъ. . . .
Отъ подбородочной точки. .
Отъ основанія носа . . .
Отъ надносовой точки. . .
Отъ лобной волосной линіи .

3. *Разстоянія поперечныя:*
Между обоими внѣшними надглазничными возвышеніями. .
Между внутренними углами глазъ
Между обѣими скулами. , .
Между обоими углами нижней челюсти. . . . . . .

4. *Отъ подбородочной точки до угла нижней челюсти.*

5. *Отъ основанія носа до угла нижней челюсти.*

Измѣренія туловища и конечностей.

1. *Высота надъ почвою или поломъ.*
Слуховаго отверстія. миллим.
Нижняго края подбородка. .
Верхнеплечеваго отростка. .
Epicondylus'а . . . . .
Шиловидн. отрост. лучев. кости.
Нижняго конца средняго пальца
Средины вырѣзки грудины. .
Груднаго соска. . . . .
Пупка . . . .
Верхняго края лобковаго соединенія . . . . . .
Шва заднепроходн. промежности
Верхнеперед. подвздошной ости
Верхняго края больш. вертела
Сочленовой линіи колѣна. .
Вершины внутренней лодыжки.
Выпуклости икры . . . .

2. *Верхняя конечность.*
Ширина распростертыхъ рукъ.
Большой раздвигъ . . .
Малый раздвигъ. . . . .
Длина большаго пальца. (тыльная поверхность) . . .
Длина средняго пальца. (тыльная поверхность) . . .

3. *Туловище.*
Разстояніе между обоими acromion . . . .
Длина ключицы. . . . .
Ширина груди . . . . .
Окружность груди: a) подмышками. .
» » b) у таліи.
Разстояніе между подвздошными остями . . . . .
Наибольшее разст. подвздошныхъ гребешковъ . . .
Разстояніе между обоими вертелами. . . . . . .

4. *Нижняя конечность.*
Наибольшая окружность голени
Наименьшая окружность голени
Вся длина ступни . . . .
Долодыжковая длина ступни.
Длина большаго пальца. (тыльная поверхность) . .

5. *Высота темяни надъ поломъ при сидячемъ положеніи субъекта.*

Къ этому нужно присоединить горизонтальное разстояніе (по прямой линіи) подбородочной точки отъ угла нижней челюсти.

Вертикальныя измѣренія берутся по срединной линіи. Всѣ онѣ начинаются у подносовой точки и кончаются: 1) у срединной точки нижняго края верхней челюсти; 2) у нижняго края верхнихъ рѣзцовъ, 3) у подбородочной точки, т. е. у средины нижняго края подбородка; 4) у основанія носа, 5) у надносовой точки, 6) у начала волосъ на лбу или у лобной волосной линіи.

Пятое измѣреніе уже извѣстно: это длина лицевой линіи; поэтому можно ее и не брать, а если и брать, то развѣ только какъ средство для повѣрки. Шестое измѣреніе даетъ данныя о различіяхъ высоты лба, но оно обманчиво у тѣхъ особей, которыя начинаютъ лысѣть спереди, и на это нужно обратить вниманіе. Во всѣхъ случаяхъ, когда лобъ кажется увеличеннымъ вслѣдствіе лысости, нужно въ записномъ листкѣ къ числу соотвѣтствующему шестому измѣренію прибавить вопросительный знакъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Способъ измѣренія Шерцера и Шварца, принятый во время ученой экспедиціи фрегата Новары.

Снаряды, необходимые для измѣреній по этому способу, суть:

1. Вѣсы.
2. Динамометръ Ренье.
3. Метръ съ подраздѣленіями для измѣренія высоты тѣла.
4. Отвѣсъ на шелковомъ шнуркѣ.
5. Маленькая линеечка, 1 центиметра въ длину, съ точными подраздѣленіями для измѣренія разстояній отъ отвѣса.
6. Толстотный циркуль.
7. Метрическая лента.

Систематическая схема для измѣренія тѣла.

1. ОБЩІЯ ДАННЫЯ.

1. Возрастъ измѣряемой особи.
2. Цвѣтъ волосъ и форма ихъ, т. е. гладки ли они, курчавы ли и т. д.
3. Цвѣтъ глазъ и другія особенности.
4. Число біеній пульса въ минуту.
5. Вѣсъ тѣла.
6. Сила давленія (force manuelle) } по динамометру.
7. Сила подниманія (force rénale) } по динамометру.
8. Высота или полный ростъ.

2. ГОЛОВА.

а) въ профилѣ.

9. Разстояніе лобной волосной линіи отъ отвѣса.
10. Разстояніе основанія носа отъ отвѣса.
11. Разстояніе подносовой точки отъ отвѣса.
12. Разстояніе подбородочной точки отъ отвѣса.
13. Отъ основанія носа до его вершины.
14. Отъ вершины носа до подносовой точки.
15. Отъ лобной волосной линіи до основанія носа.
16. Отъ лобной волосной линіи до носовой перегородки.
17. Отъ лобной волосной линіи до подбородочной точки.
18. Отъ лобной волосной линіи до средины вырѣзки грудины (incisura jugularis sterni).
19. Отъ подбородочной точки до верхушки темяни (Vertex capitis).
20. Отъ основанія носа до темяни.

НВ. берутся 19 и 20 №№ по вертикальной линіи съ внѣшнимъ слуховымъ отверстіемъ.

21. Отъ подбородочной точки до темяннаго завитка. (Vortex capillaginis).
22. Отъ основанія носа до темяннаго завитка.
23. Отъ подбородочной точки до внѣшняго затылочнаго возвышенія.
24. Отъ основанія носа до того же затылочнаго возвышенія.

25. Отъ подбородочной точки до внѣшняго слуховаго отверстія.
26. Отъ основанія носа до внѣшняго слуховаго отверстія.
27. Отъ подбородочной точки до угла нижней челюсти.
28. Отъ основанія носа до того же угла.

b). въ фасъ.

29. Окружность головы.
30. Отъ одного внѣшняго слуховаго отверстія до другаго.
31.* Разстояніе между верхними краями прикрѣпленія ушныхъ раковинъ, приблизительно на уровнѣ бровей.
32. Наибольшее разстояніе между скуловыми дугами или костями (смотря потому, которыя болѣе выдаются, о чемъ отмѣтить въ графѣ примѣчаній).

При этомъ слѣдуетъ, отъ точки взятой на скуловыхъ костяхъ, измѣрить разстояніе ея отъ начала лобной волосной линіи и отъ подбородочной точки.

33. Разстояніе между наружными углами глазъ.
34. — — внутренними.
35. Разстояніе между прикрѣпленіями ушныхъ сережекъ.

Примѣчаніе: Нужно измѣрить ширину лба въ двухъ мѣстахъ, именно: a) нижніе концы lineae semicirculares, которые въ видѣ гребешка легко осязать чрезъ кожу, тотчасъ за наружными концами бровей, и b) въ той же горизонтальной плоскости измѣрить самую большую ширину лба между началами височныхъ заростовъ волосъ.

36. Ширина носа.
37. Ширина рта.
38. Разстояніе между углами нижней челюсти.
39. Толщина шеи.

3. ТУЛОВИЩЕ.

40. Отъ седьмаго шейнаго позвонка (остистаго отростка?) до вырѣзки грудины.

* См. статью Коперницкаго о съѣздѣ антропологовъ, стр. 194, въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ № 7, 1862 г.

41. Отъ большаго бугорка одной плечевой кости до того же бугорка другой, горизонтально по грудной клѣткѣ.
42. Отъ средней линіи одной подмышки (regio axillaris), выше грудныхъ сосковъ, до противуположной точки другой подмышки.
43. Поперечный діаметръ между этими же точками.
44. Поперечникъ отъ грудины до спинныхъ отростковъ въ этой же плоскости.
45. Окружность груди въ этой же плоскости.
46. Разстояніе между грудными сосками.
47. Окружность туловища въ таліи.
48. Протяженіе между обѣими подвздошными остями (spinae anter. super. ilei); измѣряется метрическою лентою.
49. Поперечное разстояніе между тѣми же точками (циркулемъ).
50. Разстояніе между большими вертелами бедряныхъ костей.
51. Отъ выдающейся точки грудино-ключичнаго сочлененія (articulatio sterno-clavicularis) до подвздошной ости (spina ilei ant. super.).
52. Отъ той же точки до пупка.
53. Отъ пупка до верхняго края лоннаго срощенія по срединѣ.
54. Отъ выпуклости крестца по гребнямъ подвздошныхъ костей и половому каналу (Leisten kanale) до лоннаго сращенія.
55. Отъ одной верхушки плеча (summum humeri) до другой, по спинѣ.
56. Отъ наружнаго затылочнаго бугра до остистаго отростка 7-го шейнаго позвонка.

Примѣчаніе: 18 и 15 слѣдуетъ производить въ одно время, чтобы сохранить одно и тоже положеніе головы.

57. Отъ остистаго отростка 7-го шейнаго позвонка до окончанія копчика.

4. КОНЕЧНОСТИ.

58. Отъ верхушки плеча (summum humeri) до наружнаго мыщелка (condylus externus) плечевой кости.
59. Отъ наружнаго мыщелка плечевой кости до шиловиднаго отростка лучевой кости, по тыльной поверхности.
60. Отъ шиловиднаго отростка луча (processus sty-

loideus radii) до запястно-перестневаго сочлененія средняго пальца (articulatio metacarpo-digitalis).

61. Отъ этого сочлененія до конца средняго пальца.
62. Ширина руки. (Метрическую ленту накладываютъ по окружности запястно-перестневаго сочлененія съ приведеннымъ большимъ пальцемъ.
63. Толщина плеча по срединѣ двуглавой мышцы.
64. Самая большая толщина предплечія.
65. Самая меньшая ширина его.
66. Отъ большаго вертела до spina ilei anter. super.
67. — — — до наружнаго мыщелка бедра (condylus externus femoris).
68. Отъ наружнаго мыщелка бедра до наружной лодыжки (malleolus externus).
69 Отъ нижняго края лобковаго срощенія до внутр. мыщелка бедра (condylus internus femoris).
70. Отъ внутр. мыщелка бедра до внутренней лодыжки (malleolus internus).
71. Самая большая толщина бедра.
72. Самая меньшая толщина бедра.
73. Окружность въ колѣнѣ.
74. Окружность въ самомъ толстомъ мѣстѣ икры.
75. Самая меньшая толщина голени надъ лодышками.
76. Длина стопы.
77. Окружность стопы.
78. Ширина стопы у основанія пальцевъ.

Такъ какъ опытъ научилъ, что для сбереженія времени при измѣреніяхъ, вмѣсто изложеннаго систематическаго порядка, лучше производить всѣ измѣренія однимъ инструментомъ заразъ, то поэтому для удобства предлагается Шерцеромъ и Шварцемъ практическая схэма измѣреній, изъ коей записанныя данныя переносятся въ систематическую роспись. Для краткости мы не будемъ повторять значенія каждаго номера, а представимъ практическую схэму слѣдующимъ образомъ.

Практическая схэма.

1. Общія замѣчанія.

Имя, полъ, мѣсторожденіе, занятія, образъ жизни, видъ бороды у изслѣдуемаго субъекта.

(Слѣва помѣщены нумера практической схемы, справа-теоретической).

1	Систематической программы №	1.
2	— — — —	2.
3	— — — —	3.
4	— — — —	4.
5	— — — —	5.
6	— — — —	6.
7	— — — —	7.
8	— — — —	8.

2. Измѣреніе съ помощію отвѣса и линейки.

9	Систематической программы №	9.
10	— — — —	10.
11	— — — —	11.
12	— — — —	12.
13	— — — —	13.
14	— — — —	14.

3. Измѣренія циркулемъ.

15	Систематической программы №	17.
16	— — — —	15.
17	— — — —	16.
18	— — — —	19.
19	— — — —	21.
20	— — — —	23.
21	— — — —	25.
22	— — — —	27.
23	— — — —	20.
24	— — — —	22.
25	— — — —	24.
26	— — — —	26.
27	— — — —	28.
28	— — — —	18
29	— — — —	56.

30 Систематической программы № 30.
31 — — — — 31.
32 — — — — 32.
33 — — — — 33.
34 — — — — 34.
35 — — — — 35.
36 — — — — 36.
37 — — — — 37.
38 — — — — 38.
39 — — — — 40.
40 — — — — 43.
41 — — — — 44.
42 — — — — 49.
43 — — — — 50.

4. *Измѣренія тесемкою.*

44 Систематической программы № 29.
45 — — — — 39.
46 — — — — 41.
47 — — — — 42.
48 — — — — 45.
49 — — — — 46.
50 — — — — 47.
51 — — — — 48.
52 — — — — 66
53 — — — — 51
54 — — — — 52.
55 — — — — 53.
56 — — — — 54.
57 Систематической программы № 57.
58 — — — — 55.
59 — — — — 58.
60 — — — — 59.
61 — — — — 60.
62 — — — — 61.
63 — — — — 62.
64 — — — — 63.
65 — — — — 64.
66 — — — — 65.
67 — — — — 67.
68 — — — — 68.
69 — — — — 69.
70 — — — — 70.
71 — — — — 71.
72 — — — — 72.
73 — — — — 73.
74 — — — — 74.
75 — — — — 75.
76 — — — — 76.
77 — — — — 77.
78 — — — — 78.

При достаточномъ навыкѣ полученіе всѣхъ этихъ измѣреній на одномъ субъектѣ потребуетъ только нѣсколькихъ минутъ.

Прилагаемъ и таблицу, или записной листокъ, измѣреній по способу Шерцера и Шварца.

№	Имя, фамилія и племя измѣряемаго субъекта.	*Нумера рубрикъ измѣреній.* (размѣщены по практической схемѣ, но тоже можно сдѣлать и для теоретической).								*Замѣчанія.* Полъ, мѣсторожденіе, занятіе, особенности въ цвѣтѣ и ростѣ волосъ на головѣ и бородѣ. Цвѣтъ глазъ и проч.
		1	2	3	4	5	6	7	8	9 и т. д. до 78.	
1											
2											
3											
4											
и т. д.											

ГЛАВА III.

НАБЛЮДЕНІЯ ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЯ.

На записномъ листкѣ для антропологическихъ наблюденій помѣщены нѣкоторыя физіологическія частности, могущія быть выраженными въ цифрахъ (біеніе пульса, число дыханій, динамометрическая сила). Кромѣ того, на образцѣ этого записнаго листка помѣщено большое число данныхъ, которыя хотя и суть чисто анатомическія, но могутъ служить также основаніемъ и для физіологическихъ выводовъ.

Нѣкоторыя физіологическія изслѣдованія, относящіяся къ явленіямъ простымъ и легко констатируемымъ съ перваго взгляда, требуютъ однакоже гораздо бо̀льшее число фактовъ, чѣмъ число тѣхъ полныхъ антропологическихъ наблюденій, какое можно собрать во время путешествія. Если имѣютъ въ виду опредѣлить анатомическіе признаки племени или расы, то лучше имѣть нѣсколько полныхъ наблюденій, чѣмъ болѣе значительное число неполныхъ. Дюжины полныхъ наблюденій по всѣмъ указаннымъ въ записномъ листкѣ вопросамъ, достаточно для опредѣленія, напримѣръ, соотношенія предплечія и среднеплечія къ общему росту. Но физіологическіе факты представляютъ часто гораздо болѣе обширныя индивидуальныя уклоненія, чѣмъ факты анатомическіе, и потому необходимо для изученія ихъ имѣть подъ рукою гораздо бо̀льшее число индивидуальныхъ наблюденій.

Такъ въ нашей расѣ число біеній пульса у здоровыхъ взрослыхъ особей одного и того же пола и возраста—можетъ варьировать отъ 55 до 90 въ минуту. Поэтому для того, чтобы получить элементы могущіе служить для сравненія различныхъ расъ въ этомъ отношеніи, нужно изслѣдовать пульсъ очень большаго числа особей и тогда только можно взять изъ нихъ среднія по полу и возрасту.

Такъ какъ число интересныхъ для изученія физіологическихъ вопросовъ очень многочисленно, и такъ какъ каждый изъ нихъ требуетъ большаго числа наблюденій, то трудно предположить, чтобы какой-либо путешественникъ поставилъ себѣ цѣлію изучить ихъ всѣ заразъ. Поэтому удобнѣе составить для каждаго изъ вопросовъ, или для нѣсколькихъ сродныхъ вопросовъ, особый списокъ въ видѣ таблицы.

Въ каждую изъ такихъ таблицъ нужно вписывать только однородныя наблюденія, т. е. сдѣланныя надъ особями одной и той же расы, равно какъ и мѣстности. — Необходимость такихъ таблицъ тѣмъ существеннѣе, что многіе изъ физіологическихъ вопросовъ относятся къ фактамъ частнымъ, для которыхъ очевидно не мѣсто на общемъ записномъ листкѣ. Такъ, если бы стали изучать плодовитость женщинъ, то принуждены были бы вписывать большое число свѣденій совершенно спеціальныхъ, которыя бы слишкомъ осложнили записные листки.

Наконецъ существуютъ вопросы, которыхъ нельзя изучить съ помощію среднихъ чиселъ, потому что элементы, относящіеся сюда, не могутъ быть выражены цифрами. Такъ спеціальный запахъ свойственный нѣкоторымъ расамъ, тонкость обонянія и зрѣнія, способы плаванія, любимыя позы, и проч. суть такія физіологическія данныя, относительно кото-

рыхъ наблюдатели должны ограничиться собираніемъ общихъ замѣтокъ, такъ какъ нельзя представить въ видѣ таблицы результатовъ изслѣдованій.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы укажемъ главнѣйшіе физіологическіе вопросы, требующіе антропологическихъ изслѣдованій, но, понятно, что въ этомъ случаѣ мы никакъ не можемъ имѣть претензіи на полноту, и многое должны предоставить собственной проницательности и иниціативѣ наблюдателей

§ 1. *Температура тѣла.* Чтобы опредѣлить температуру тѣла, помѣщаютъ подъ языкъ шарикъ термометра, называемаго *физіологическимъ*, и затѣмъ приглашаютъ изслѣдуемый субъектъ закрыть ротъ и дышать носомъ. Записываютъ число только тогда, когда увидятъ, что ртуть оставалась неподвижною покрайней мѣрѣ въ продолженіи двухъ минутъ. При этомъ предварительно нужно замѣтить и записать температуру внѣшняго воздуха, что необходимо. Субъектъ долженъ находиться передъ наблюденіемъ въ тѣни, а не на вѣтрѣ, быть въ спокойномъ состояніи покрайней мѣрѣ съ полчаса до наблюденія, и сидѣть передъ этимъ нѣсколько минутъ. Нужно отмѣтить: былъ ли субъектъ раздѣтъ, полуодѣтъ или совсѣмъ одѣтъ, и за сколько времени передъ тѣмъ онъ ѣлъ въ послѣдній разъ.

Можно, если угодно, взять нѣсколько термометрическихъ наблюденій на одной и той же особи до ѣды и послѣ ѣды, въ спокойномъ положеніи или послѣ хожденія, но типическое наблюденіе производится надъ неѣвшимъ и находившимся въ спокойномъ состояніи субъектомъ.

Выборъ термометра при этомъ очень важенъ. Во первыхъ необходимо, чтобы термометръ былъ *очень чувствителенъ*; кромѣ того необходимо, чтобы дѣленія были достаточно велики, на столько, чтобы на нихъ удобно было отсчитывать одну пятую часть градуса стоградуснаго термометра. Необходимо наконецъ, чтобы термометръ былъ достаточно коротокъ и достаточно толстъ, т. е. чтобы былъ проченъ, такъ какъ почти необходимо, чтобы во все время путешествія или ряда изслѣдованій — наблюденія производились однимъ и тѣмъ же термометромъ, какъ мы это увидимъ тотчасъ же. Мы рекомендуемъ термометры, дѣлаемые въ Парижѣ Фастре (M. Fastré, rue de l'école polytechnique, № 3, стоятъ 15 франковъ); они представляютъ дѣленія отъ + 17° до + 47° стоградус. Эти числа превосходятъ на нѣсколько градусовъ границы самыхъ наибольшихъ варіацій температуры тѣла, такъ какъ физіологическій термометръ можетъ имѣть въ длину только 30 центиметровъ. Каждый градусъ имѣетъ въ длину около одного центиметра и подраздѣленъ на пять частей, но глазомъ удобно опредѣлять и десятыя доли градуса.

Физіологическій термометръ не можетъ быть замѣненъ термометромъ метеорологическимъ, служащимъ для измѣренія температуры воздуха, такъ какъ послѣдній долженъ имѣть амплитуду гораздо большую, а также потому, что еслибы мы захотѣли сдѣлать на немъ удобоотличаемыми фракціи градусовъ, то ему нужно было бы придать очень значительную длину, а слѣдовательно онъ сдѣлался бы ломкимъ, что, понятно, крайне невыгодно для перевозки. Нужно замѣтить при этомъ, что если необходимо обращать вниманіе даже на фракціи градуса при опредѣленіи температуры тѣла, то при опредѣленіи температуры внѣшняго воздуха можно обратить вниманіе только на градусы, такъ какъ различія въ температурѣ внѣшняго воздуха на нѣсколько градусовъ не вліяютъ замѣтно на температуру тѣла. Поэтому при нашихъ наблюденіяхъ достаточно имѣть какой угодно термометръ для опредѣленія температуры воздуха, но необходимъ точный физіологическій термометръ для опредѣленія температуры тѣла.

Мы должны обратить вниманіе путешественниковъ на одну причину ошибокъ, которая можетъ имѣть очень важныя послѣдствія. Въ физическихъ лабораторіяхъ всегда есть *нормальный термометръ*, нуль коего совершенно точно соотвѣтствуетъ температурѣ тающаго льда. Но такіе термометры, дающіе *абсолютную* температуру, очень рѣдки, и именно вотъ почему: стекло всегда нѣсколько расширяется въ продолженіи первыхъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за изготовкою термометра, и слѣдствіемъ этого бываетъ то, что нуль мало по малу спускается на неопредѣленную величину, которую, поэтому, нельзя заранѣе опредѣлить точно. Чтобы избѣжать по возможности этого неудобства, вычисляютъ приблизительно вѣроятную величину опусканія нуля и ставятъ его на томъ мѣстѣ, на которое по предположенію онъ долженъ опуститься въ послѣдствіи и остаться. Но рѣдко

случается, чтобы вѣрно было опредѣлено окончательное мѣсто нуля, и большая часть термометровъ, установившись наконецъ, вмѣсто того чтобы обозначать абсолютную температуру, даютъ нѣсколько бо́льшую или меньшую. Ошибка при этомъ можетъ простираться на полградуса, градусъ, и даже болѣе, вслѣдствіе чего два физіологическихъ термометра, вполнѣ удовлетворительные, т. е. совершенно точно подраздѣленные и провѣренные, могутъ давать разницу почти на два градуса.

Эти замѣчанія приложимы ко всѣмъ термометрамъ; но варіяціи нуля тѣмъ значительнѣе, чѣмъ градусы длиннѣе, и ошибки, оттого происходящія, гораздо ощутительнѣе для физіологическихъ термометровъ, чѣмъ для обыкновенныхъ. Этой то причинѣ нужно приписать многіе противорѣчащіе результаты термометрическихъ наблюденій, полученные даже замѣчательными физіологами.

Цѣль термометрическихъ изслѣдованій при изученіи человѣческихъ племенъ состоитъ менѣе въ опредѣленіи средней *абсолютной* температуры тѣла, чѣмъ въ опредѣленіи средней *относительной* температуры у различныхъ расъ. Поэтому ошибка въ одномъ градусѣ, напримѣръ, неимѣла бы неудобствъ, еслибы, ошибка была всегда одна и таже: при такомъ условіи наблюдатель, изучившій съ однимъ и тѣмъ же термометромъ нѣсколько расъ, можетъ получить изъ своихъ наблюденій положительные выводы, каковъ бы нибылъ нуль его снаряда. Но кромѣ этого требуется еще, чтобы наблюденія каждаго изслѣдователя могли быть сравниваемы съ данными полученными другими учеными, и при этомъ нужно принять всѣ мѣры, чтобы не приписать различію расъ тѣ различія, кои могутъ въ сущности зависѣть только отъ разницы термометровъ. Чтобы избѣжать подобнаго рода ошибки, путешественники и наблюдатели должны принять во вниманіе слѣдующее:

1. Необходимо запастись такимъ физіологическимъ термометромъ, который устроенъ покрайней мѣрѣ за шесть мѣсяцевъ до начала наблюденій, успѣлъ уже установиться, и не будетъ представлять измѣненій во время наблюденій.

2. Сравнить предварительно дѣленія такого термометра съ дѣленіями нормальнаго термометра изъ ближайшаго физическаго кабинета, и записать точно, до десятой доли градуса, разницу, представляемую обоими этими термометрами.

3. Повторить такое сличеніе по окончаніи наблюденій или путешествія, чтобы удостовѣриться въ томъ, что нуль не перемѣстился въ продолженіи этого времени.

Послѣ такихъ предосторожностей наблюденія могутъ представлять желаемую точность Тогда уже ненужно будетъ дѣлать каждый разъ поправки, что значительно осложняетъ дѣло и ведетъ къ ошибкамъ: достаточно указать только, на сколько десятыхъ градуса больше или меньше показываетъ употребляемый термометръ, и обозначить это въ главѣ списка наблюденій. Когда работа будетъ кончена, то употребляется только одна поправка на каждый полученный средній выводъ.

Возрастъ, полъ, ростъ, спокойное состояніе или движеніе, высота мѣста надъ уровнемъ, частость пульса и дыханія, наконецъ время прошедшее со времени послѣдней принятой ѣды — все это условія; вліяющія на измѣненія температуры тѣла. Поэтому термометрическія таблицы должны заключать въ себѣ всѣ эти указанія. Возрастъ можетъ быть указанъ и приблизительно. Число біеній пульса можно считать во время нахожденія термометра во рту субъекта, такъ какъ волненіе, возбужденное наблюденіемъ, можетъ у необразованныхъ и мнительныхъ особей ускорить кровообращеніе и измѣнить температуру. Но такъ какъ желательно, чтобы одна и таже таблица могла служить и для изученія пульса, то весьма полезно въ ней имѣть двѣ колонки для пульса, обозначая въ нихъ число біеній его до термометрическаго опыта и послѣ него. Мы прилагаемъ образчикъ таблицы, который можно предложить для наблюденій температуры тѣла.

Для того, чтобы такія наблюденія могли повести къ какимъ ли выводамъ относительно возрастовъ и пола, они должны быть очень многочисленны. Для упрощенія труда, поэтому, можно ограничиться изученіемъ, напримѣръ, однихъ только мущинъ раздѣтыхъ или полураздѣтыхъ, неѣвшихъ нѣкоторое время до наблюденія, находящихся въ тѣни, бывшихъ въ спокойномъ состояніи и имѣющихъ около 30 лѣтъ, такъ какъ это типъ физіологическихъ наблюденій.

§ II. ***Кровообращеніе и дыханіе.*** Тѣ путешественники, у которыхъ нѣтъ достаточнаго време-

Таблица наблюденій надъ кровообращеніемъ, дыханіемъ и температурою.

Мѣсто наблюденія Племя или раса Число Часъ дня
Температура внѣшн. воздуха въ тѣни стогр. терм. Высота надъ уровнемъ метровъ.

Нумера.	Возрастъ.	Полъ.	Ростъ.	Дыханіе въ минуту.	Біенія пульса. До наблюденія.	Біенія пульса. Во время термометр. наблюд.	Температура подъ языкомъ.	Частныя замѣтки.
1.	30.	М.	1,66	26.	71.	76.	36,°7	Въ этой колонкѣ записывается:
2.	25.	Ж.	1,58	23.	75.	84.	37,°2	былъ ли наблюдаемый субъектъ раздѣтъ, полуодѣтъ или со всѣмъ
	приб.							одѣтъ; снокоенъ ли онъ или въ
3.	и	т.	д.					движеніи, толстъ или нѣтъ.

ни, ни достаточныхъ средствъ для производства только что указанныхъ наблюденій, могутъ, во всякомъ слачаѣ однакоже опредѣлить число біеній пульса и дѣханія съ помощію секундныхъ часовъ. Таблица нужная для такихъ наблюденій, можетъ быть составлена по предыдущему образцу заисключеніемъ седьмой и восьмой колонки, которыя могутъ быть или выпущены, или же просто оставаться безъ чиселъ.

§ III. *Динамометрическіе опыты.* Мы уже говорили о динамометрахъ и указывали на то, что слѣдуетъ оставить въ сторонѣ, какъ ведущіе къ ошибочнымъ заключеніямъ, тѣ изъ нихъ, которые опредѣляютъ не силу горизонтальнаго натяженія, а другія данныя. Мы рекомендовали динамометръ Матьё какъ наименѣе цѣнный и сподручный, но совершенно тѣже самыя данныя можно получить и съ динамометромъ Гарнейтера, такъ что наблюденія могутъ одинаково производиться какъ тѣмъ, такъ и другимъ снарядомъ.

Такъ какъ эти снаряды могутъ подвергаться очень большимъ измѣненіямъ температуры, и такъ какъ неравномѣрное расширеніе металловъ можетъ нѣсколько измѣнить ходъ указателя на квадрантѣ, то нелишне повѣрять ихъ время отъ времени. Для этого динамометръ привѣшиваютъ за одинъ изъ его крючковъ, а къ другому прикрѣпляютъ извѣстную тяжесть, и тѣмъ повѣряютъ мѣсто указателя.

Для измѣренія силы горизонтальнаго натяженія избираютъ такую мѣстность, которая не представляетъ неровностей; затѣмъ привѣшиваютъ за одинъ крючекъ динамометръ къ стѣнѣ или дереву на высотѣ груди, а къ другому крючку прикрѣпляютъ веревку, неимѣющую узловъ, въ $1 \frac{1}{2}$ метра длины и 2 центиметра въ діаметрѣ. Когда все это устроено, тогда изслѣдуемый субъектъ, предварительно разутый и стоящій на ногахъ, беретъ веревку обѣими руками и тянетъ ее изо всей силы, но безъ толчковъ и равномѣрно. Не нужно останавливаться на цифрѣ наибольшаго указателя (aiguille à maximum), который двигаетъ впереди себя обозначающій указатель, такъ какъ первый часто обозначаетъ только силу развиваемую субъектомъ въ продолженіи чрезвычайно короткаго времени. Эта наибольшая сила часто зависитъ отъ ловкости; поэтому для вывода нужно брать величину постояннаго натяженія, т. е. производимаго безъ толчковъ и минутныхъ усилій. Для этого нужно пристально слѣдить за ходомъ указателя, и принять за выраженіе нормальной силы субъекта только то усиліе, которое онъ въ состояніи произвести, и поддержать, по крайней мѣрѣ въ продолженіи двухъ послѣдовательныхъ се-

кундъ. Когда силы станутъ уменьшаться замѣтно, то опытъ останавливается и записывается отдѣльно: 1) число, выражающее нармальную силу, т. е. наибольшее усиліе произведенное субъектомъ въ продолженіи двухъ послѣдовательныхъ секундъ; 2) число, выражающее наибольшее усиліе, которое могъ и съумѣлъ произвести субъектъ на мгновеніе при наибольшемъ напряженіи. Когда опытъ конченъ, то субъекту даютъ отдохнуть въ продолженіи десяти минутъ и снова начинаютъ опытъ, такъ какъ необходимо получить среднее изъ двухъ опытовъ.

Въ таблицѣ динамометрическихъ наблюденій нужно указать возрастъ, полъ, ростъ, температуру внѣшняго воздуха, часъ дня, число, мѣстность, ѣлъ ли передъ опытомъ субъектъ или нѣтъ. — Здѣсь также можно упростить задачу, ограничиваясь только особями имѣющими около тридцати лѣтъ отъ роду.

§ IV. *Плодовитость женщинъ и менструація.* Наблюденія, относящіяся сюда, могутъ быть представлены въ видѣ слѣдующей таблицы.

Нумеръ	1.	2.	3.	4.	и т. д.
Возрастъ.					
Ростъ.					
Возрастъ первой менструаціи					
Менструація правильная или неправильная					
Число дней періода менструацій					
Продолжительность каждой эпохи менструаціи. . . .					
Все число беременностей .					
Неправильные роды. . .					
Дѣти мертворожденныя . . . . мальч.					
Дѣти мертворожденныя . . . . дѣвоч.					
Дѣти родившіяся живыми . . . . мальч.					
Дѣти родившіяся живыми . . . . дѣвоч.					
Двойные роды					
Болѣе двухъ близнецовъ .					
Возрастъ послѣдней беременности					
Число дѣтей живыхъ въ данное время					
Возрастъ прекращенія менструаціи.					

Рубрика двойныхъ родовъ всегда должна обозначаться независимо отъ числа предыдущихъ четырехъ. Такъ женщина родившая 5 мальчиковъ, изъ коихъ одинъ мертвожденный, и 3 дѣвочки, изъ коихъ 2 близнецы, должна быть обозначена на таблицѣ слѣдующимъ образомъ: нужно поставить 1 въ рубрикѣ мертворожденныхъ, 4 въ рубрикѣ живыхъ мальчиковъ, 3 въ рубрикѣ живыхъ дѣвочекъ и 1 въ рубрикѣ двойныхъ родовъ. Тоже нужно сказать и о родахъ тройныхъ и больше; но если нужно записать одни тройные или четверные роды, то ставятъ сначала цифру 1, и потомъ въ скобкахъ число близнецовъ; напримѣръ при тройныхъ родахъ ставится: 1 (3). Такъ какъ роды, и тройные, и четверные очень рѣдки, то если представятся они, нужно къ таблицѣ приложить особую замѣтку, въ которой обозначить полъ близнецовъ, живыми ли они родились, сколько жили, родились ли они въ нормальный срокъ, т. е. доношены ли они были, и проч.

Въ странахъ, гдѣ браки совершаются нормальнымъ образомъ, для изученія плодовитости нужно преимущественно брать замужнихъ женщинъ, но не слѣдуетъ выключать и рожаницъ не замужнихъ, которыхъ можно вписывать въ туже таблицу, съ обозначеніемъ ихъ особымъ знакомъ.

Для обозначенія случаевъ неплодія недостаточно написать нуль въ рубрику числа беременностей; здѣсь нужно отличать женщинъ имѣвшихъ дѣйствительное сожительство съ мущинами, отъ произвольно или непроизвольно неподвергавшихся ему. Такое различеніе часто очень трудно, но наблюдатель долженъ призвать на помощь всю свою наблюдательность и проницательность для отличія дѣйствительно безплодныхъ, которыхъ онъ долженъ отмѣтить особымъ обозначеніемъ — *безплодныя* — въ одной изъ пустыхъ колонокъ.

Вотъ нѣсколько другихъ вопросовъ, естественно связанныхъ съ предыдущими: 1) Женщины легко ли родятъ? 2) Какое положеніе принимаютъ онѣ при родахъ? 3) Пользуются ли онѣ при этомъ услугами повивальныхъ бабокъ? 4) Сколько времени остаются онѣ въ постелѣ послѣ родовъ: 5) Какая нормальная продолжительность кормленія молокомъ?

§ V. *Скрещиваніе и метисы.* Вопросъ о скрещиваніи одинъ изъ самыхъ спорныхъ въ антропологіи. Самыя противорѣчащія мнѣнія имѣли и имѣютъ еще

своихъ заступниковъ. Одни думаютъ, что скрещиваніе улучшаетъ расу, другіе утверждаютъ съ такимъ же полнымъ убѣжденіемъ, что оно всегда ухудшаетъ ее. Наконецъ третьи принимаютъ, что расы, мало различающіяся другъ отъ друга, могутъ скрещиваться безъ вреда, но что за то слѣдствія скрещиванія становятся тѣмъ болѣе невыгодными, чѣмъ болѣе двѣ сводимыя расы отличны одна отъ другой.

Изученіе слѣдствій скрещиванія между мало различающимися другъ отъ друга расами представляетъ чрезвычайно большія затрудненія, такъ какъ метисы при этомъ оказываются отличающимися отъ родителей только признаками мало выдающимися, и всего чаще смѣшиваются съ остальнымъ народонаселеніемъ. Но если скрещивающіяся расы различаются очень явственными внѣшними признаками, каковы цвѣтъ кожи и глазъ, гладкость или волнообразность волосъ, то на метисахъ отпечатлѣвается очень явственно смѣшеніе: печать смѣшенія можетъ быть узнана, и она очевидна даже черезъ нѣсколько поколѣній, даже послѣ возвратныхъ скрещиваній (croisements de retour). На такіе то наиболѣе удобные случаи для изученія скрещиванія мы и обращаемъ особенное вниманіе наблюдателей. Что же касается до помѣсей, происходившихъ прежде или же совершающихся и нынѣ между племенами очень близкими, какъ напримѣръ между различными племенами бѣлой расы, то онѣ связаны съ сложными вопросами описательной антропологіи, общей антропологіи, исторіи, археологіи и лингвистики, а это выходитъ изъ рамки нашихъ инструкцій.

Условимся сначала въ номенклатурѣ скрещиваній и метисовъ. Соединеніе двухъ особей A и B, принадлежащихъ къ различнымъ расамъ, составляетъ *первичное скрещиваніе* и производитъ *метисовъ первой крови* или *первой степени.* Соединяясь съ расою A, что составляетъ *первое возвратное скрещиваніе*, метисы первой крови производятъ *метисовъ второй крови* или *второй степени. Второе возвратное скрещиваніе* будетъ такое, которое совершается въ томъ же направленіи какъ и первое, т. е. между метисами второй крови и расою A, результатомъ таковаго скрещиванія будутъ *метисы третьей крови* или третьей степени. Черезъ извѣстное число такихъ возвратныхъ скрещиваній исчезаетъ всякій признакъ такого скрещиванія т. е. это значитъ, что потомство теряетъ всякое сходство съ расою B и становится совершенно похожимъ на расу A.

Возвратныя скрещиванія къ расѣ B опредѣляются и называются совершенно такимъ же образомъ. Они производятъ. какъ и предыдущія, метисовъ второй, третьей и т. д. крови, до тѣхъ поръ, пока потомство не сольется вполнѣ съ расою B.

Слѣдующая таблица даетъ способъ обозначенія и можетъ служить удобнымъ подспорьемъ при описаніи ихъ.

Метисы какой либо крови или степени, соединяясь между собою въ продолженіи какого бы то ни было числа поколѣній, производятъ метисовъ того же названія, какимъ обозначаются и сами.

Независимо отъ этихъ типовъ скрещиванія, въ каждомъ смѣшанномъ народонаселеніи встрѣчается большое число метисовъ, происходящихъ отъ соединенія метисовъ различныхъ степеней или же

Расы чистыя	A . .	и	B.	
Первое скрещиваніе	AB.			метисы первой крови.
Первое возвратное скрещиваніе. . . .	A^2B	или	B^2A	метисы второй крови.
Второе возвратное скрещиваніе. . .	A^3B	или	B^3A . . .	метисы третьей крови.
Третье возвратное скрещиваніе. .	A^4B	или	B^4A. . .	метисы четвер. крови.
.	.		.	
.	.		.	
Возвратъ къ чистой расѣ . . .	**A . .**	**или**	**. . . . B**	

послѣднихъ съ тою или другою первоначальною расою. Такіе метисы съ сложною генеалогіею обыкновенно не носятъ никакихъ особыхъ обозначеній. Но еслибы мы пожелали дать имъ особое обозначеніе, то это легко сдѣлать съ помощію предыдущей таблицы: такъ продуктъ метиса первой крови AB съ метисомъ второй крови A^2B можетъ быть обозначенъ $AB+A^2B$, причемъ обозначеніе степени отца ставится прежде. Формула $A+B^2A$ означаетъ метиса, у котораго отецъ расы A, а мать произошла отъ перваго возвратнаго скрещиванія къ расѣ B.

Въ странѣ, въ которой смѣшиваются три явственно различныя расы A, B и C, таблица метисовъ будетъ состоять изъ трехъ рядовъ A и B, B и C, A и C, и метисы съ тремя различными кровями будутъ обозначаться двумя членами, взятыми изъ двухъ такихъ рядовъ. Такъ въ Мексикѣ метисъ отъ европейца A съ негритянкою B называется *мулатомъ* (AB); метисъ негра B съ индіянкою C называется *замбо* (BC); поэтому $AB+BC$ будетъ обозначать продуктъ мулата и женщины замбо, а $BC+AB$ будетъ обозначать продуктъ обратный. т. е. мущины замбо съ мулаткою. Еслибы всѣ случаи были такъ просты, какъ выше приведенные, то въ особомъ обозначеніи не было бы надобности; но когда генеалогія становится очень сложною, или когда не существуетъ особаго термина для обозначенія степени скрещиванія родителей, то необходимымъ становится установить методическій способъ обозначенія и нужно ввести правильную номенклатуру.

Употребляютъ иногда вмѣсто указаннаго выше способа—другой, состоящій въ выраженіи дробями степени участія двухъ первоначальныхъ расъ. Такъ метисъ первой крови обозначается $^1/_2$ A, $^1/_2$ B; метисъ второй крови, происшедшій отъ перваго возвратнаго скрещиванія къ расѣ A, обозначается $^3/_4$ A, $^1/_4$ A; метисъ третьей крови $^7/_8$ A, $^1/_8$ B и т. д. И дѣйствительно можно съ нѣкоторымъ правомъ предполагать, что на метиса вліяютъ равно, т. е. на половину, какъ его отецъ, такъ и мать; Но способъ обозначенія, принятый выше, имѣетъ, во первыхъ, то преимущество, что онъ проще, а во вторыхъ, онъ указываетъ число послѣдовавшихъ скрещиваній, и потому онъ кажется намъ удобнѣе.

Опредѣливши себѣ способъ обозначенія, наблюдатель, поставившій себѣ цѣлію изученіе результатовъ скрещиванія, долженъ прежде всего собрать всѣ названія, которыя существуютъ въ данной мѣстности для различныхъ родовъ метисовъ. Названія эти должны записываться съ обозначеніемъ точнаго ихъ значенія, а еще лучше — съ указаніемъ ихъ выраженія по принятой номенклатурѣ. Такимъ только образомъ можно будетъ, наконецъ, уяснить себѣ синонимію выраженій столь различныхъ, и часто столь противорѣчащихъ, употребляемыхъ въ различныхъ странахъ для обозначенія однихъ и тѣхъ же метисовъ, и можно будетъ уже съ полною точностію собирать тѣ физіологическія наблюденія, которыя къ нимъ относятся. Главнѣйшіе вопросы, на которые при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, суть:

1. Относительныя условія обѣихъ расъ A и B, свойство политическихъ и соціальныхъ отношеній, существующихъ между ними, могущее вліять на частость или рѣдкость случаевъ скрещиванія.

2. Опредѣлить точно, или приблизительно, для каждой изучаемой страны, или мѣстности, цифру населенія какъ каждой расы, такъ и метисовъ, и уяснить себѣ: кажется ли соотвѣтствующею цифра послѣднихъ съ смѣшанными соединеніями расъ. Эти данныя, если только ихъ можно получить, относятся къ числу такихъ, которыя служатъ для разрѣшенія двухъ очень различныхъ вопросовъ, т. е. для вопроса о плодовитости скрещиваній и вопроса о плодовитости метисовъ.

3. Существуютъ ли причины предполагать, что особи двухъ расъ A и B плодовиты болѣе, или менѣе, при непосредственныхъ своихъ соединеніяхъ, чѣмъ при скрещиваніи? — Такой вопросъ имѣетъ особенное значеніе для такихъ мѣстностей, въ которыхъ европейцы, напримѣръ, находятся въ связи съ расами меланезійскими или полинезійскими Такъ, напримѣръ, многіе ученые указывали на чрезвычайную рѣдкость случаевъ рожденій, происходящихъ отъ англичанъ съ австраліанками и французовъ съ ново-каледонками. Съ другой стороны указывали также и на то, что на нѣкоторыхъ островахъ Полинезіи, на которыхъ поразительное уменьшеніе народонаселенія приписывается малой плодовитости женщинъ, послѣднія будто бы болѣе плодовиты съ европейцами, чѣмъ съ особями своей расы. Такія данныя въ высшей степени желательно имѣть относительно смѣшенія русскихъ съ инородческими пле-

менами, а также и относительно взаимнаго смѣшенія этихъ послѣднихъ.

4. Хотя при скрещиваніяхъ между двумя различными расами соединеніе почти всегда происходитъ между мущиною высшей расы и женщиною низшей, но бываютъ случаи и прямо противуположные, т. е. когда женщина принадлежитъ къ высшей расѣ. Эти два обратныхъ случая представляютъ ли одинаковую плодовитость? Такъ говорятъ, что совокупленіе негра съ бѣлою женщиною бываетъ менѣе плодуще, чѣмъ соединеніе бѣлаго съ негритянкою.

5. Дѣти, рожденныя отъ перваго скрещиванія A и B, такъ ли же здоровы какъ и дѣти чистой расы? Подвергаются ли они въ первые годы своей жизни бóльшей смертности? Достигающіе совершеннаго возраста долго ли живутъ?

6. Метисы первой крови, достигшіе совершеннаго возраста, обладаютъ ли плодовитостію равною съ особями чистой расы? При этомъ тщательно нужно различать союзы между метисами отъ союзовъ послѣднихъ, какъ съ особями чистой расы, такъ и съ метисами происшедшими отъ того или другаго возвратнаго скрещиванія. Такъ, напримѣръ, утверждаютъ, что на Ямайкѣ мулаты, или метисы первой крови, мало плодущи другъ съ другомъ и, наоборотъ, очень плодущи при возвратныхъ скрещиваніяхъ съ бѣлой расой или съ неграми.

7. Дѣти, рожденныя отъ метисовъ первой крови, при совокупленіи ихъ другъ съ другомъ достаточно ли крѣпки? Легко ли выращиваются? Живутъ ли долго? Наконецъ, если они совокупляются, выросши, съ подобными себѣ, то даютъ ли стойкое потомство?

Цѣль этого вопроса, и трехъ предыдущихъ, состоитъ въ томъ, чтобы дознать; скрещиваніе расъ A и B есть ли *евгенезическое*, т. е. другими словами — метисы первой крови способны ли сами по себѣ составить расу пополняющуюся собственными соединеніями, безъ помощи скрещиванія съ двумя расами A и B, или съ метисами, происходящими отъ возвратныхъ скрещиваній. Встрѣчаются случаи, въ которыхъ этотъ вопросъ повидимому долженъ быть рѣшенъ положительно, но извѣстны также и такіе, которые, кажется, приводятъ къ отрицательному рѣшенію. Съ этой точки зрѣнія мы обращаемъ особенное вниманіе наблюдателей на скрещиваніе бѣлокурыхъ расъ Европы съ черными расами другихъ странъ, такъ какъ преимущественно основываясь на наблюденіяхъ такихъ скрещиваній, отвергали у метисовъ первой крови *неограниченную плодовитость* (fécondité illimité), вслѣдствіе которой нѣкоторое число особей можетъ увѣковѣчить свою расу, чистую или смѣшанную, безъ содѣйствія особей иного происхожденія.

При уясненіи себѣ вопроса о плодовитости, нужно предостеречь себя отъ ошибочныхъ выводовъ двухъ родовъ. Во первыхъ не слѣдуетъ считать за утвердительный фактъ примѣры, представляемые нѣкоторыми народонаселеніями, имѣющими смѣшанное происхожденіе, у которыхъ многочисленныя возвратныя помѣси къ той или другой первичной расѣ вызвали большее преобладаніе этой послѣдней. Такъ часто приводятъ, какъ примѣръ, Грикасовъ (Griquas) Южной Африки, но примѣръ этотъ вовсе неимѣетъ никакого значенія, такъ какъ этотъ небольшой народъ, происшедшій за шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ изъ десятковъ трехъ семействъ (изъ которыхъ *только половина была смѣшаннаго происхожденія* [метисы голландцевъ и готтентотовъ], другая же половина принадлежала готтентотской расѣ) постоянно получалъ приливъ новой крови исключительно отъ ближайшихъ племенъ.

Во вторыхъ: если метисы первой крови повидимому будутъ казаться болѣе или менѣе безплодными, то нужно изслѣдовать: дѣйствительно ли это абсолютное или относительное безплодіе происходитъ отъ скрещиванія и есть его результатъ и неможетъ ли оно съ бóльшею вѣроятностію быть объяснено неспособностью акклиматизироваться въ данной мѣстности одной изъ двухъ первичныхъ расъ. Напримѣръ извѣстно, что европейскія расы не акклиматизировались ни въ Индостанѣ, ни на Зондскихъ островахъ. Европейцы чистой расы, родившіеся на этихъ островахъ, уже мало плодущи при совокупленіи въ кругѣ своей расы даже въ первомъ поколѣніи, и становятся почти всегда безплодными во второмъ. Такой результатъ есть слѣдствіе климата, а потому безплодность метисовъ, производимыхъ европейцами при скрещиваніи съ туземными расами этихъ мѣстностей, можетъ зависѣть отъ той же причины. Слѣдовательно, если бы кто нибудь и убѣдился въ абсолютномъ или относительномъ безплодіи метисовъ, происшедшихъ отъ

перваго скрещиванія, то этого было бы еще недостаточно для заключенія о томъ, что такое скрещиваніе безплодно само по себѣ. Чтобы заключеніе имѣло значеніе, нужно доказать, что метисы первой крови стоятъ ниже, по крѣпости и плодородію, дѣтей европейцевъ, рожденныхъ въ той же мѣстности, или же метисовъ второй и третьей крови, происшедшихъ отъ возвратнаго скрещиванія къ бѣлой расѣ.

На островѣ Явѣ, у такъ называемыхъ *Липплаппеновъ* или метисовъ голландцевъ съ малайцами, указанъ былъ особый видъ безплодія, чрезвычайно интересный. При совокупленіяхъ другъ съ другомъ Липплаппены съ третьяго поколѣнія производятъ только дѣвочекъ, остающихся всегда безплодными. Интересно было бы получить болѣе подробныя свѣдѣнія какъ объ этомъ фактѣ, такъ и о подобныхъ ему, могущихъ встрѣтиться въ другихъ мѣстностяхъ.

8. Метисы первой крови представляютъ ли болѣе сходства съ одною изъ двухъ первичныхъ расъ или получаютъ типъ приблизительно средній? Описать признаки этихъ метисовъ и обозначить ихъ на особыхъ запискахъ и листкахъ, причемъ не слѣдуетъ ограничиваться только указаніемъ цвѣта кожи, свойствами волосъ и формою лица, но сдѣлать также измѣренія головы, туловища и конечностей, по способу указанному выше.

9. Существуетъ ли какое либо различіе между метисами первой крови, происшедшими отъ обратныхъ скрещиваній, т. е., между метисами AB, у коихъ отецъ A, а мать B, и метисами BA, у коихъ отецъ B, а мать A? Описать и тщательно сравнить метисовъ этихъ двухъ родовъ и сообщить положительные или отрицательные результаты этихъ изслѣдованій на особыхъ записныхъ листкахъ. Нѣкоторые извѣстные факты заставляютъ предполагать, что метисы первой крови, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, представляютъ болѣе сходства съ материнскою расою, чѣмъ съ отцовскою.

10. Черезъ сколько возвратныхъ скрещиваній метисъ первой крови получаетъ типъ расы A или B? Число это одно ли тоже, какъ при переходѣ въ A, такъ и въ B? Рѣшеніе этого вопроса очень важно, такъ какъ оно даетъ намъ возможность заключить о томъ, какую степень вліянія оказываетъ каждая изъ двухъ расъ на продуктъ перваго скрещиванія. Такъ повидимому кажется достовѣрнымъ, что при скрещиваніи бѣлыхъ съ неграми — вліяніе африканской крови оказывается преобладающимъ, ибо достаточно двухъ или трехъ возвратныхъ скрещиваній, чтобы привести мулатовъ первой крови къ типу негровъ, тогда какъ невсегда достаточно бываетъ пяти или шести возвратныхъ скрещиваній къ расѣ бѣлой, чтобы изгладить печать расы негритянской. Изслѣдованіе многихъ другихъ видовъ скрещиванія дало подобные же результаты. Но всѣ эти заключенія были основаны на обзорѣ общаго хода явленій, и ихъ можно считать только тогда окончательно установившимися, когда они будутъ основаны на большомъ числѣ частныхъ наблюденій. Нѣкоторые признаки далѣе другихъ сопротивляются возвратнымъ скрещиваніямъ; обыкновенно такими представляются цвѣтъ глазъ и волосъ. Американскіе креолы утверждаютъ, что они могутъ узнать индивидуумовъ смѣшанной крови, приблизившихся къ бѣлой расѣ нѣсколькими возвратными скрещиваніями, разсматривая луночку ихъ ногтей и ощупывая кончикъ ихъ носа. Но безъ сомнѣнія въ этомъ отношеніи существуетъ много индивидуальныхъ различій, а потому было бы интересно указать тѣ второстепенные признаки, которые оказываются въ этихъ случаяхъ болѣе стойкими, чѣмъ признаки первостепенные.

11. Всѣ данныя заставляютъ предполагать, что метисы одной и той же крови представляютъ большую измѣнчивость признаковъ, чѣмъ чистыя расы. Каждый изъ ихъ признаковъ представляетъ болѣе или менѣе сходства, то съ признаками отцовской расы, то съ признаками материнской. Такъ мулаты первой крови всегда имѣютъ болѣе темный цвѣтъ, чѣмъ европейцы, и болѣе свѣтлый, чѣмъ негры, но границы варіяціи цвѣтности ихъ очень велики. Точно также и волоса ихъ, то представляются почти гладкими, то почти также рунообразны какъ волоса негровъ. Подобныя же варіяціи замѣчаются и у метисовъ второй крови, такъ называемыхъ *квартероновъ*, которыхъ кожа иногда также бѣла какъ и у многихъ европейцевъ, иногда же также темна какъ у мулатовъ первой крови; волоса ихъ представляются, то совершенно гладкими, то чрезвычайно курчавыми. Отсюда вытекаетъ слѣдующій вопросъ: необходимо опредѣлить точными наблюденіями гра-

ницу варіяцій каждаго признака у метисовъ одной и той же крови. Такія наблюденія сначала должны быть произведены на метисахъ первой крови, а потомъ второй и третьей. Подобныя наблюденія потеряли бы большую часть своего значенія, если бы они производимы были на метисахъ, подвергавшихся многократному скрещиванію и перескрещиванію въ различныхъ степеняхъ.

12. Относительно умственныхъ способностей и нравственности въ какомъ отношеніи стоятъ метисы сравнительно съ особями чистой расы? Рѣшеніе этого вопроса сопровождается многими затрудненіями, такъ какъ и въ чистой расѣ умственныя способности представляютъ индивидуальныя различія чрезвычайно большія, зависящія и отъ воспитанія, и отъ природныхъ дарованій, и такъ какъ умственныя способности, непредставляя никакой мѣрки для своего опредѣленія, немогутъ быть и подведены поэтому, подъ выводы среднихъ данныхъ. Существуютъ, однакоже, случаи, въ которыхъ нельзя не замѣтить, что двѣ расы одарены въ очень различной степени умственными способностями; и въ такихъ то случаяхъ только необходимо изслѣдовать вопросъ о томъ: представляетъ ли помѣсь этихъ двухъ расъ средину между ними, или же стоитъ выше или ниже этого уровня. Наблюдатели, убѣжденные въ какой либо возможности приступить къ такой трудной задачѣ, должны принять въ соображеніе при этомъ соціальныя условія метисовъ, воспитаніе получаемое ими, и тѣ обстоятельства, вытекающія изъ установленій и обычаевъ, которыя мѣшаютъ ихъ умственному развитію. Тамъ, гдѣ метисы подвержены рабству или лишены правъ гражданъ, они конечно останутся ниже того уровня, на который они бы могли подняться при нормальныхъ условіяхъ. Кромѣ того предразсудки, изгоняющіе метисовъ изъ общества, дѣлаютъ ихъ врагами законовъ, управляющихъ этимъ обществомъ, и возбуждаютъ ихъ непрерывно къ борьбѣ съ такими законами. Такъ въ Никарагуа и Перу *замбосы* (метисы негровъ и индійцевъ), хотя и представляютъ классъ сравнительно малочисленный, но тѣмъ не менѣе изъ нихъ составляется четыре пятыхъ населенія тюремъ (Чуди и Сквье). Поэтому факты, относящіеся къ нравственности различныхъ классовъ метисовъ, должны быть собираемы съ особою тщательностію, а въ случаѣ, когда метисы оказываются низко стоящими въ нравственномъ отношеніи, нужно предварительно опредѣлить: можетъ ли это быть приписано скрещиванію, или нужно скорѣе винить въ этомъ то положеніе, въ которое ставятъ метисовъ законы и обычаи страны.

13. Было высказано нѣсколько увѣреній въ томъ, что метисы, происходящіе отъ извѣстныхъ скрещиваній, оказываются одаренными такими способностями, какихъ небыло у ихъ родителей, принадлежащихъ къ чистой расѣ. Такъ, напримѣръ, утверждали, что бразильскіе мулаты отличаются какъ отъ европейцевъ, такъ и негровъ, особенною способностію къ искусствамъ, и что вслѣдствіе того живописцы и музыканты въ Бразиліи почти всегда принадлежатъ къ смѣшанной крови. Желательно было бы получить болѣе обстоятельныя свѣденія, какъ объ этомъ фактѣ, такъ и о всѣхъ другихъ подобныхъ, замѣченныхъ путешественниками и наблюдателямя.

14. Народонаселеніе, состоящее изъ метисовъ, представляетъ ли большую пропорцію идіотовъ, сумашедшихъ, слѣпорожденныхъ, заикъ и проч., сравнительно съ тѣмъ числомъ такихъ же случаевъ, какое замѣчается въ той же мѣстности у двухъ первоначальныхъ или материнскихъ расъ? Подобный фактъ указанъ былъ въ Сенегалѣ у *Тукулоровъ*, метисовъ Фула (Foulahs) и негровъ.

15. Склонность къ извѣстнымъ болѣзнямъ или незаражаемость ими, замѣчаемыя у одной изъ двухъ материнскихъ расъ, передаются ли метисамъ, и до какой степени возвратнаго скрещиванія замѣчается подобная передача? Конечно здѣсь мы неможемъ перечислить склонностей ко всѣмъ болѣзнямъ, или незаражаемость ими у каждой расы въ отдѣльности. Но чтобы дать понятіе о сущности нашего вопроса наблюдателямъ, мы укажемъ на примѣръ почти совершенной незаражаемости негровъ желтою лихорадкою въ Америкѣ. Если негры не акклиматизировались, то они совершенно избѣгаютъ этого бича Америки, гнетущаго, напротивъ того, бѣлыхъ (и даже бѣлыхъ акклиматизировавшихся), индійцевъ и метисовъ отъ бѣлыхъ съ индійцами. Кромѣ того, многія эпидеміи дали возможность замѣтить, что мулаты первой крови почти обладаютъ такою же незаражаемостію относительно желтой лихорадки, какъ и негры. Квартероны (метисы второй крови) и метисы третьей и четвертой крови, даже и

тогда, когда стали столь же бѣлыми какъ и европейцы, хотя и подвергаются лихорадкѣ болѣе метисовъ первой крови, но все таки страдаютъ отъ нея менѣе, чѣмъ бѣлые чистой расы. Каждому понятна важность какъ этого, такъ и подобныхъ ему фактовъ; поэтому всякій разъ, какъ въ смѣшанномъ народонаселеніи наблюдатель дознаетъ какую либо патологическую склонность или незаражаемость, исключительно свойственныя одной изъ материнскихъ расъ, онъ долженъ съ особенною тщательностію изслѣдовать: передается ли это метисамъ различныхъ степеней.

VI. *Развитіе тѣла и возрасты*. Въ числѣ вопросовъ, группируемыхъ нами въ этомъ параграфѣ, встрѣтятся и такіе, которыхъ рѣшеніе можетъ быть доступно и путешественникамъ; но многіе другіе могутъ быть обслѣдованы только мѣстными наблюдателями, и преимущественно врачами, которые, живя долгое время въ одной мѣстности, имѣютъ случай наблюдать нѣсколько разъ одно и тоже дитя въ различныя эпохи его роста. Наконецъ здѣсь встрѣтятся и такіе вопросы, для рѣшенія коихъ необходимы анатомическія изслѣдованія и которыя, поэтому, доступны только для такихъ медиковъ, кои живутъ въ городахъ и имѣютъ возможность, какъ наблюдать туземцевъ поступающихъ въ госпитали, такъ и дѣлать анатомическія вскрытія.

1. Весьма важно опредѣлить тѣ *измѣненія въ цвѣтѣ, которымъ подвергаются накожные покровы* въ первые часы, первые дни или первые годы по рожденіи. Всякій знаетъ, что у бѣлой расы волоса обыкновенно бываютъ болѣе свѣтлыми у дитяти, чѣмъ впослѣдствіи; оттѣнки накожныхъ покрововъ представляютъ подобныя же измѣненія, хотя и менѣе наглядныя. Развитіе пигмента кожи и волосъ происходитъ постепенно впродолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, очень различнаго въ различныхъ случаяхъ, такъ какъ иногда полное развитіе въ этомъ отношеніи заканчивается уже въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ, иногда же только въ возрастѣ половой зрѣлости, или даже и позднѣе.

Цвѣтныя расы имѣютъ почти всегда черные волосы, и есть основаніе думать, что у нихъ волоса уже при самомъ своемъ появленіи получаютъ окончательный цвѣтъ; но все таки это требуетъ новаго обслѣдованія, такъ какъ весьма вѣроятно, что пигментація кожи достигаетъ своего наибольшаго развитія только по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ. Наша хроматическая таблица позволяетъ опредѣлить послѣдовательно, чрезъ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ, цвѣтъ кожи одного и того же субъекта, и тѣмъ даетъ наблюдателямъ возможность повѣрить точность вышеприведеннаго положенія.

Но вопросъ о развитіи накожнаго пигмента долженъ быть изслѣдуемъ съ особенною тщательностію у дѣтей цвѣтныхъ расъ впродолженіи *первыхъ часовъ или первыхъ дней по рожденіи*. Всѣ признаютъ, напримѣръ, что цвѣтъ негритенка, только что рожденнаго, гораздо свѣтлѣе цвѣта взрослаго негра. Думали объяснить это измѣненіе дѣйствіемъ солнечнаго цвѣта, такъ какъ полагали, что эти измѣненія происходятъ медленно и мало по малу, по мѣрѣ того какъ дитя подвергается дѣйствію солнечнаго цвѣта. Но теперь намъ извѣстно, что напротивъ того эти измѣненія совершаются очень быстро, и многіе наблюдатели утверждаютъ, что они происходятъ столь же быстро у новорожденныхъ, содержимыхъ при отсутствіи свѣта, какъ и у подверженныхъ ему. Достовѣрно извѣстно, что кожа восьмидневнаго негритенка почти столь же темна, какъ и у взрослаго негра. Итакъ, непосредственно послѣ рожденія совершается совершенно особенное явленіе, стоящее повидимому въ связи съ установленіемъ дыхательнаго процесса, и это явленіе, по быстротѣ своего хода, по степени и по своему свойству, никакъ не можетъ быть смѣшано съ тѣмъ увеличеніемъ пигмента, всегда очень незначительнымъ и иногда почти незамѣтнымъ, которое происходитъ за тѣмъ въ теченіи годовъ въ кожѣ негра.

Такое явленіе было изучено до сихъ поръ только у негритенка, и то очень неудовлетворительно. Весьма необходимо изучить его съ требуемою отъ науки точностію и у новорожденныхъ *всѣхъ цвѣтныхъ расъ*. Наблюденія должны производиться съ помощію хроматической таблицы, причемъ необходимо сначала опредѣлить цвѣтъ новорожденнаго тотчасъ по рожденіи, потомъ черезъ 5 или 6 часовъ, на другой и слѣдующіе дни. Замѣчаютъ тотъ моментъ, когда цвѣтъ, если и не становится окончательнымъ, то по крайней мѣрѣ настолько стойкимъ, что не представляетъ замѣтныхъ перемѣнъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Нѣкоторые наблюдатели утверждаютъ, что этотъ моментъ у негритенка наступаетъ уже на третій день,

и что бывали случаи замедленія его еще на нѣсколько дней, до конца первой недѣли; но вопросъ этотъ нерѣшенъ еще окончательно.

2. Всѣ наблюдатели могутъ собрать свѣденія о возрастѣ половой зрѣлости какъ у мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, о времени появленія волосъ на бородѣ и у половыхъ частей, о времени развитія грудей у дѣвочекъ и о началѣ менструаціи. Нѣкоторыя изъ этихъ частностей были уже указаны при разборѣ вопроса о плодовитости женщинъ. Нужно стараться собрать свѣденія о томъ: въ какой возрастъ, для каждаго пола въ частности, начинается періодъ упадка силъ и старости, какая наибольшая граница долговѣчности, т. е. какое число лѣтъ имѣютъ самые старѣйшіе жители мѣстности. Подобныя свѣденія всегда могутъ быть точными, такъ какъ у не цивилизированныхъ народовъ большая часть стариковъ, и даже взрослыхъ, незнаютъ числа своихъ лѣтъ; но можно иногда получить приблизительныя данныя, распрашивая у стариковъ сколько лѣтъ они имѣли во время какого нибудь событія, время котораго извѣстно.

3. Путешественники, кромѣ того, легко могутъ собрать данныя о наростаніи тѣла, измѣряя тѣхъ дѣтей, возрастъ коихъ имъ будетъ сообщенъ въ точности.

4. Медики, живущіе среди инородцевъ, могутъ прибавить къ сказанному много другихъ свѣденій весьма важныхъ, относящихся къ тому же ряду вопросовъ и могущихъ быть изученными только людьми спеціально знакомыми съ анатоміею и физіологіею. Мы укажемъ имъ здѣсь въ этомъ отношеніи, вопервыхъ, на данныя, относящіяся къ порядку и времени появленія *молочныхъ и постоянныхъ зубовъ*. Такъ какъ это исключительно касается медиковъ, то намъ нѣтъ надобности въ особыхъ объясненіяхъ, и достаточно здѣсь указать только на цѣль подобныхъ изслѣдованій. Вопросъ о появленіи зубовъ разрѣшается обыкновенно только на основаніи наблюденій сдѣланныхъ въ Европѣ и надъ особями бѣлой расы, но мы не знаемъ: происходитъ ли появленіе зубовъ одинаково у всѣхъ расъ и во всѣхъ климатахъ.

Тоже нужно сказать и о развитіи скелета. Европейскіе анатомы съ большимъ стараніемъ опредѣлили возрастъ, при которомъ появляется точка окостененія каждаго изъ концевъ (epiphyses) длинныхъ костей и время спайки ихъ съ тѣломъ кости, что даетъ возможность при судебныхъ изслѣдованіяхъ опредѣлить довольно точно, по разсмотрѣніи трупа, возрастъ особи, имѣющей менѣе двадцати пяти лѣтъ. Но эти остеогеническія данныя приложимы ли одинаково ко всѣмъ человѣческимъ племенамъ? Въ этомъ можно сомнѣваться. Если весьма вѣроятно, что порядокъ появленія точекъ окостененія и ихъ сліянія другъ съ другомъ представляютъ только небольшія измѣненія, то столько же вѣроятно и то, что періоды, въ которые совершаются эти явленія, представляютъ значительныя различія у различныхъ расъ, и происходятъ то болѣе или менѣе рано, то позднѣе, подобно тому какъ это замѣчено и при ростѣ тѣла, часть котораго они и составляютъ. У бѣлой расы развитіе скелета заканчивается только на двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, т. е. при переходѣ юношескаго возраста въ возмужалый; но извѣстно, что у многихъ народовъ юношескій возрастъ наступаетъ раньше, чѣмъ у европейцевъ, а потому позволительно предполагать, что и конецъ этого возраста, т. е. переходъ въ возмужалость, также ускоряется въ этомъ случаѣ. Медики, живущіе въ городахъ снабженныхъ больницами и могущіе дѣлать вскрытія, предпримутъ трудъ чрезвычайно важный, собирая наибольшее возможное число фактовъ относительно развитія скелета. Если бы они пожелали упростить свою задачу, то они могутъ сосредоточить свое вниманіе на Epiphyses длинныхъ костей конечностей, на дно вертлужной впадины (acetabulum), въ которомъ происходитъ спайка трехъ первичныхъ частей лонной кости (os ilei), на epiphysis marginalis cristae ossis ilium и на придаточную точку окостененія пяточной кости (calcaneum).

Эпоха, въ которую вслѣдъ за возмужалымъ возрастомъ наступаетъ старость, неопредѣлена ни у одной расы. Отъ рожденія и до возмужалаго возраста органы и отправленія находятся въ постоянномъ развитіи, потомъ они сохраняютъ полную силу впродолженіи извѣстнаго числа лѣтъ, и затѣмъ начинается послѣдовательный упадокъ ихъ, однихъ за другими. Этотъ то упадокъ характеризируетъ старость; но старость явственно узнается только тогда, когда упадокъ сталъ общимъ, или по-крайней мѣрѣ проявился въ очень значительной сте-

пени во многихъ важныхъ органахъ. До этого неблагопріятныя измѣненія, происходящія въ различныхъ органахъ, совмѣстимы съ почти полною поддержкою отправленій этихъ послѣднихъ. Такія измѣненія не составляютъ еще рѣшительныхъ признаковъ старости, но только предварительныя проявленія ея.

Эти предварительныя проявленія начинаются всегда еще впродолженіи зрѣлаго возраста и могутъ быть часто открыты автопсіею у особей, умершихъ въ полной силѣ своихъ отправленій. Подобныя проявленія, происходящія въ скелетѣ, удобнѣе всѣхъ другихъ для подобныхъ изслѣдованій; они выражаются въ стремленіи къ окостенѣнію связокъ и хрящей, вредящему гибкости и эластичности послѣднихъ, а слѣдовательно оканчиваются, раньше или позднѣе, тѣмъ, что болѣе или менѣе мѣшаютъ отправленію и нормальному развитію извѣстныхъ органовъ. Такъ окостенѣніе грудныхъ хрящей уменьшаетъ амплитуду дыхательныхъ движеній; окостенѣніе хрящей гортани вредитъ мягкости и чистотѣ голоса и придаетъ старикамъ разбитость въ немъ; окостенѣніе хрящеватыхъ частей позвоночника уменьшаетъ гибкость его и затрудняетъ равновѣсіе тѣла, и т. д. Наконецъ сростаніе швовъ черепа противупоставляетъ абсолютное припятствіе наростанію мозга.

Опредѣленіе времени, когда начинается окостенѣніе этихъ различныхъ частей, представляетъ большой научный интересъ. Оно позволяетъ дознать въ зрѣломъ возрастѣ предварительныя явленія старости, и если оно не можетъ служить для опредѣленія продолжительности возмужалости, то оно указываетъ, покрайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ органовъ въ частности, конецъ періода совершенства и начало упадка. Но въ этомъ отношеніи замѣчаются значительныя различія у различныхъ расъ. Такъ извѣстно въ общихъ чертахъ, напримѣръ, что у негровъ окостенѣніе и спайка швовъ черепа происходятъ гораздо раньше, чѣмъ у бѣлыхъ; что у послѣднихъ спайка всего чаще начинается швами задней доли черепа, тогда какъ у негровъ обыкновенно она проявляется прежде всего на переднихъ швахъ и потомъ уже переходитъ на задніе. Важность этихъ признаковъ, имѣющихъ слѣдствіемъ болѣе раннюю или позднюю остановку роста той или другой части мозга, очевидна для каждаго, въ особенности если принять въ соображеніе, что человѣкъ составляетъ единственный примѣръ въ ряду существъ, въ которомъ мозгъ продолжаетъ рости и послѣ юности. Если время и порядокъ послѣдовательности окостенѣнія швовъ черепа измѣняются по расамъ, то становится весьма вѣроятнымъ, что изученіе окостенѣнія реберныхъ или грудныхъ хрящей, хрящей гортани, позвоночника, и даже таза, дастъ этническія различія.

Мы обращаемъ вниманіе на подобнаго рода изслѣдованія тѣхъ медиковъ, которые имѣютъ случай дѣлать вскрытія въ больницахъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ живутъ люди не европейскихъ расъ. Это поле изслѣдованій почти неначатое и, потому, способное дать плодущіе результаты, несмотря на то, къ какому заключенію они не привели бы, такъ какъ столь же важно дознать признаки общіе всѣмъ расамъ, какъ и открыть новые отличительные.

VII. *Дополнительныя частности.*

1. Нѣкоторыя расы издаютъ отъ себя *особенный запахъ*; такъ напримѣръ извѣстно, что собаки, употребляемыя въ Америкѣ для охоты за бѣжавшими невольниками, легко отличаютъ слѣдъ негра отъ слѣда индійца. Запахъ этотъ принадлежитъ къ разряду явленій, которыхъ нельзя ни опредѣлить, ни описать; много, если можно сравнить съ какимъ либо извѣстнымъ запахомъ. Поэтому путешественники всего чаще принуждены будутъ ограничиться только указаніемъ на то, что извѣстная раса издаетъ *спеціальный* запахъ. Тѣ изъ путешественниковъ, которые послѣдовательно посѣтятъ и изслѣдуютъ нѣсколько различныхъ расъ, могутъ указать и на то: отличаются ли запахи этихъ расъ одни отъ другихъ, или же сходны. Нужно, одинакоже, при этомъ рѣзко отличать естественный запахъ отъ запаха масла, жира, или другаго какого либо вещества, которымъ дикіе имѣютъ обычай смазывать свое тѣло.

2. Нѣкоторые народы, живущіе болѣе или менѣе въ дикомъ состояніи, отличаются *утонченностію своихъ органовъ чувствъ*. Краснокожіе выслѣживаютъ по слѣду человѣка или животное, чернокожіе острова Андамана различаютъ предметы на невѣроятныхъ разстояніяхъ; другіе дикіе явственно слышатъ тѣ звуки, которые недоступны нашему уху. Спрашивается: эти способности, поражающія насъ, слѣдуетъ ли приписать отличію расы или же дикой

жизни? Путешественники могутъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, сравнивая въ этомъ отношенiи народы одной и той же расы, ведущіе различный образъ жизни.

3. *Близорукость* или *міопія*, столь частая въ Европѣ, повидимому весьма рѣдко встрѣчается у дикихъ народовъ. Поэтому путешественники должны замѣтить тщательно тѣ случаи близорукости, кои они встрѣтятъ у такихъ народовъ.

4. Утверждали нѣкоторые, что готтентготы никогда не зѣваютъ. Еслибы это подтвердилось, то интересно было бы замѣтить: не встрѣчается ли того же самаго у какихъ либо другихъ расъ.

При этомъ мы должны также обратить вниманіе на нѣкоторыя движенія и позы. Такъ *ушные мускулы*, двигающіе ушною раковиною, находятся въ такомъ зачаточномъ состояніи у человѣка, что всего чаще дѣйствіе ихъ незамѣтно для глаза. Но, однакоже, встрѣчаются и въ средѣ бѣлой расы нѣкоторыя особи, которыя могутъ очень замѣтно двигать ухомъ. Очень можетъ быть, что то, что встрѣчается у насъ чрезвычайно рѣдко, бываетъ довольно обыкновеннымъ у другихъ расъ, и въ особенности у дикихъ. Поэтому это требуетъ наблюденій.

5. Величина движенія *большаго пальца при противупоставленіи его другимъ*, говорятъ, меньше у негровъ, чѣмъ у бѣлыхъ. Противупоставленіе есть то движеніе большаго пальца, которое онъ производитъ при перемѣщеніи своемъ къ ладони руки, и какъ бы при приближеніи его къ мизинцу. Извѣстно, что большой палецъ обезьянъ имѣетъ меньшую противупоставляемость, чѣмъ у человѣка. Интересно изучить у низшихъ расъ, поэтому, величину противупоставленія большаго пальца. Это движеніе слишкомъ сложно для того, чтобы его легко было измѣрить; но приблизительно его можно опредѣлить, взявъ за типъ сравненія руку европейца.

6. Движеніе *большаго ножнаго пальца* далеко не столь независимо, какъ движеніе большаго пальца руки. У субъектовъ, носящихъ обувь, большой палецъ обыкновенно лежитъ рядомъ съ другими пальцами ноги, но вслѣдствіе навыка, однакоже, можно развить его движенія, какъ это замѣчается, напримѣръ у рожденныхъ безъ рукъ, которые послѣ долгихъ упражненій производятъ ногою большую часть движеній, свойственныхъ рукамъ.

Повидимому достовѣрно то, что у народовъ болѣе или менѣе дикихъ и ходящихъ голыми ногами, въ особенности же у лазящихъ часто по деревьямъ и скаламъ, большой палецъ ноги пріобрѣтаетъ замѣчательную подвижность; онъ можетъ, нетолько сгибаться и разгибаться, но также направляться внутрь и быть приведеннымъ, дѣйствіемъ мускуловъ, въ направленіе параллельное оси ноги. Такая подвижность большаго пальца привела къ предположенію, что у нѣкоторыхъ расъ, подобно тому какъ это замѣчается у обезьянъ (названныхъ потому четырехрукими), типъ ноги приближается къ типу руки. Но признакъ, характеризующій руку, есть движеніе противупоставленія, а весьма вѣроятно, что такое движеніе никогда не было замѣчено у ноги человѣка. Для того, чтобы большой палецъ былъ противупоставляемъ, нужно, чтобы онъ могъ перемѣщаться косвенно подъ остальные пальцы. Говоря анатомически этого нельзя считать невозможнымъ, такъ какъ условіе, мѣшающее противупоставленію большаго пальца, заключается менѣе въ отсутствіи противупоставляющихъ мускуловъ, чѣмъ въ расположеніи сочлененія первой плюсневой кости, и если это сочлененіе, вслѣдствіе навыка, стало бы болѣе подвижнымъ, то и оба мускула отводные (abductores) могли бы, при взаимномъ содѣйствіи, произвести нѣкоторое движеніе противупоставленія. Но въ дѣйствительности ничто неговоритъ намъ за то, чтобы такое противупоставленіе въ самомъ дѣлѣ происходило въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нѣкоторые наблюдатели думали видѣть его.

Все заставляетъ предполагать до новаго разрѣшенія вопроса, что наблюдатели не знали въ чемъ состоитъ явленіе противупоставленія, и будучи поражены замѣчательною подвижностію большаго пальца, они охарактеризовали ее терминомъ, точное значеніе коего имъ было неизвѣстно. Впрочемъ какъ бы то ни было, а путешественники должны отмѣчать съ особенною тщательностію, въ числѣ наиболѣе любопытныхъ антропологическихъ фактовъ, тѣ случаи, въ которыхъ большой палецъ ноги обладаетъ особенною подвижностію и служитъ для различныхъ отправленій. Еслибы, что впрочемъ противно всякой вѣроятности, они встрѣтили особей, способныхъ производить большимъ пальцемъ ноги настоящія движенія противупоставленія, то они не должны огра-

ничиваться только голословнымъ указаніемъ на такіе случаи, но имъ необходимо сообщить и тѣ анатомическія подробности, которыя одни только могутъ отвлечь сомнѣніе въ точности наблюденія.

7. Нѣкоторыя позы, очень тягостныя для насъ, естественны для нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Таково *сидѣнье* на *корточкахъ*, при которомъ носокъ, сильно вытянутый, упирается на землю, а ягодицы лежатъ на пяткѣ. Существуютъ народы, у которыхъ это положеніе замѣняетъ наше сидѣнье.

8. Голова европейца при вертикальномъ положеніи тѣла имѣетъ горизонтальное направленіе; если глазъ смотритъ прямо впередъ, то нижній край носа находится на одномъ уровнѣ съ слуховымъ отверстіемъ: таково естественное положеніе головы и оно не требуетъ никакого усилія.*) Правда ли, что у нѣкоторыхъ прогнатическихъ народовъ, отличающихся очень большимъ развитіемъ лица, и въ особенности челюстей, существуютъ другія условія равновѣсія головы? Правда ли, что въ такихъ случаяхъ голова имѣетъ *стремленіе наклоняться впередъ* и удерживается въ горизонтальномъ положеніи только усиліемъ мускуловъ затылка, подобнымъ тому, какое мы производимъ при взглядѣ вверхъ? Это было утверждаемо, но такое важное положеніе требуетъ повѣрки, причемъ мы должны предупредить наблюдателей противъ одной причины ведущей къ погрѣшностямъ. Большая высота зубныхъ отростковъ верхней челюсти и длина зубовъ, обусловливая положеніе подбородка ниже уровня слуховаго отверстія, могутъ повести къ предположенію о наклонности головы, хотя она и будетъ оставаться горизонтальною въ сущности. Поэтому не по положенію подбородка слѣдуетъ судить о направленіи головы, но потому положенію, которое занимаетъ подносовая точка относительно уровня слуховыхъ отверстій. Только въ этихъ случаяхъ, только когда подносовая точка будетъ лежать замѣтно ниже этого уровня, можно утверждать, что голова имѣетъ косвенное направленіе. Даже и въ этомъ случаѣ выводъ будетъ не вполнѣ точенъ, такъ какъ различие въ уровнѣ можетъ зависѣть отъ повышенія слуховаго отверстія, котораго высота надъ уровнемъ затылочныхъ мыщелковъ измѣняется значительно у различныхъ расъ; но на живомъ человѣкѣ невозможно получить болѣе точное опредѣленіе этого.

9. Обратимся теперь къ явленіямъ перемѣщенія. Хотя типъ хожденія всегда одинъ и тотъ же у особей здоровыхъ и нормально сложенныхъ, но несмотря на то извѣстно, что существенныя движенія нижнихъ конечностей и сопровождающія ихъ движенія остальнаго тѣла представляютъ замѣтныя различія. Это и вызвало поговорку: *походка* измѣнчива столько же, какъ и физіономія. Особенности походки безъ сомнѣнія много зависятъ отъ привычки, отъ условій, при которыхъ живетъ человѣкъ. Такъ морякъ ходитъ иначе чѣмъ солдатъ, пѣхотинецъ иначе чѣмъ кавалеристъ, житель нагорныхъ странъ, постоянно взбирающійся на возвышенія и спускающійся съ нихъ, иначе чѣмъ обитатель долинъ. Но несомнѣнно также и то, что устройство скелета, ширина таза, относительная длина туловища, бедръ и голеней, болѣе или менѣе выпуклая форма свода ступни, и т. д. суть главнѣйшія и первичныя условія, вліяющія на походку. Такъ всякій знаетъ, что, напримѣръ, походка женщинъ отлична отъ походки мущинъ, и она характеризуется небольшимъ качаніемъ, зависящимъ отъ косвенности бедеръ, что въ свою очередь зависитъ отъ большой ширины таза. Поэтому то признаку часто узнаютъ женщину переодѣтую въ мужское платье. Размѣръ длины и ши-

Примѣчаніе. Относительно горизонтальной линіи черепа вотъ что говоритъ К. М. Бэръ въ «Bericht über die Zusammenkunft einiger Anthropologen», стр. 35: «До сихъ поръ принимали, что плоскость между обоими слуховыми отверстіями и основаніемъ носа горизонтальна. При такомъ положеніи рисовалась и большая часть череповъ, и эту плоскость взялъ Камперъ за исходную точку для своего лицеваго угла; но эта плоскость во все не настоящая горизонтальная. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только наблюдать самаго себя въ зеркалѣ при спокойномъ вертикальномъ положеніи, и тогда окажется, что эта линія вовсе не горизонтальна. Если ее принять за таковую, то лицо окажется приподнятымъ. Если для наблюденія горизонтальной плоскости сдѣлать слѣдующій опытъ: стать передъ вертикально установленнымъ зеркаломъ и держать голову совершенно спокойно, нисколько не напрягая ея и смотрѣть въ зрачки своего изображенія въ зеркалѣ, то окажется, что хотя искомая горизонтальная и варьируетъ нѣсколько, но всегда она идетъ, если ее вести отъ слуховаго отверстія, выше основанія носа, и колеблется между верхнею и нижнею третью его. — Плоскость, идущая чрезъ слуховыя отверстія и верхній край скуловой кости, гораздо ближе къ искомой горизонтальной.»

рины скелета туловища и конечностей представляютъ еще большія этническія особенности сравнительно съ тѣми, кои замѣчаются у обоихъ половъ одной и той же расы. Поэтому изученіе *особенностей походки* вполнѣ заслуживаетъ вниманія путешественниковъ. Изученіе это требуетъ большой тонкости въ наблюденіяхъ и предварительнаго знанія механизма ходьбы, но оно, безъ всякаго сомнѣнія, приведетъ къ интереснымъ результатамъ.

10. *Плаваніе*, составляющее для насъ только особенный исключительный способъ перемѣщенія, входитъ какъ существенная часть въ условія существованія многихъ народовъ, и пріемы при плаваніи на столько различны, что заслуживаютъ особеннаго описанія. При плаваніи мы раздвигаемъ горизонтально и одновременно обѣ руки и обѣ ноги и двигаемся толчками подобно лягушкѣ. Но нѣкоторые дикіе, Новокаледонцы напримѣръ, плаваютъ скорѣе по способу собакъ, чередуясь въ движеніи обѣими руками, кои погружаются въ воду и двигаются спереди къ заду подобно весламъ, чередуясь также съ движеніями ногъ, изъ коихъ одна сгибается въ то время, какъ другая вытягивается.

11. Мы обращаемъ вниманіе путешественниковъ также на способъ *дикихъ лазить по деревьямъ*. Наши ноги, значительно потерявшія подвижность вслѣдствіе привычки носить всегда обувь, не могутъ прицѣпляться къ деревьямъ, и мы лазяемъ, обхватывая плотно стволъ руками и ногами. Нѣкоторые изъ простолюдиновъ, однакоже, съ помощію навыка достигаютъ того, что развиваютъ въ своихъ большихъ пальцахъ ногъ такую силу и подвижность, что могутъ обхватывать ногами стволъ дерева покрытый жесткою корою. Такой же способъ, но только болѣе замѣчательный, употребляется нѣкоторыми дикими, которые лазятъ подобно кошкамъ, цѣпляясь пальцами за шероховатости коры, и ходятъ, такъ сказать, этимъ способомъ вертикально вдоль дерева, нисколько не прикасаясь при этомъ ни руками, ни грудью, ни ляшками. Изученіе такихъ способовъ лазянія бросаетъ большой свѣтъ на физіологію ноги.

Укажемъ еще нѣсколько вопросовъ, которые хотя и менѣе предыдущихъ относятся къ физіологіи взятой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но тѣмъ не менѣе интересны.

1. *Албинизмъ* есть аномалія рѣдкая въ бѣлой расѣ, но встрѣчающаяся несравненно чаще у нѣкоторыхъ цвѣтныхъ расъ, преимущественно между неграми. Особи, представляющія такую аномалію, называются *албиносами*, бѣлыми неграми, дондосами, какерлаками и проч. Отличаютъ албинизмъ *полный*, характеризующійся совершеннымъ отсутствіемъ пигмента въ кожѣ, глазахъ и волосахъ, и албинизмъ *частный*, коего различныя разновидности еще не всѣ извѣстны. Самый любопытный примѣръ представляютъ такъ называемые *люди-сороки* или *пѣгіе* (les hommes-pies), свойственные чернымъ расамъ. Такіе пѣгіе люди имѣютъ кожу съ неправильно размѣщенными черными и бѣлыми пятнами, и такія пятна представляютъ чрезвычайную варьяцію въ своемъ размѣщеніи, формѣ и размѣрахъ; такъ иногда они очень малы и составляютъ какъ бы брызги грязи по бѣлому полю, иногда же покрываютъ собою цѣлыя области тѣла. Это самый поразительный примѣръ частнаго албинизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый рѣдкій. Частный албинизмъ въ наименьшемъ своемъ развитіи выражается въ одномъ пучкѣ изъ нѣсколькихъ бѣлыхъ волосъ на головѣ или бородѣ. При полномъ албинизмѣ волоса совершенно бѣлы, кожа на всемъ своемъ протяженіи матово бѣлая, внутренность глаза кровянокрасная, радужина, какъ это уже было сказано выше, имѣетъ болѣе или менѣе свѣтло-красный цвѣтъ. Но весьма вѣроятно, что существуютъ случаи, въ которыхъ албинизмъ, хотя и полный на кожѣ, оказывается частнымъ относительно волосъ и глазъ. Такъ утверждали, что нѣкоторые албиносы имѣли желтые волосы, а у другихъ радужина была слегка окрашена въ голубой или рыжій цвѣтъ.

Нѣкоторые писатели утверждали, что албиносы обыкновенно имѣютъ небольшой ростъ, слабое тѣлосложеніе, незначительныя умственныя способности, что они не одарены значительною плодовитостію и что они рѣдко доживаютъ до старости. Все это требуетъ, однако-же, подтвержденія.

Албинизмъ всегда явленіе прирожденное, т. е. другими словами: это аномалія, а не болѣзнь. Его не нужно смѣшивать съ vitiligo, болѣзненнымъ пораженіемъ кожи, которое уничтожаетъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ кожи отложеніе пигмента и которое, развиваясь, можетъ окончить тѣмъ, что обезцвѣтитъ большую часть тѣла. Эта болѣзнь можетъ придать

страдающему ею видъ пѣгости, но легко избавиться отъ ошибки, узнавъ, что эта пѣгость замѣчается у особи не отъ самаго рожденія, что она развивалась постепенно; всего чаще бываетъ, что она начинается по прошествіи значительнаго числа лѣтъ послѣ рожденія.

Вопросы, относящіеся до изученія албинизма, суть слѣдующіе: а) Рѣдко или часто встрѣчается общій или частный албинизмъ въ изслѣдуемой странѣ? Указать, какое число албиносовъ было изслѣдовано или о какомъ можно было собрать свѣденія, и сличить это число въ приблизительною или точною цифрою всего народонаселенія.

б) Собрать свѣденія о результатахъ соединеній, если только они встрѣчались, двухъ албиносовъ. Соединенія эти столько ли же плодущи, какъ и обыкновенныя? Дѣти, рождающіяся отъ нихъ, подвергаются ли албинизму?

с) Албиносы, соединяющіеся съ неалбиносами передаютъ ли иногда свою аномалію дѣтямъ? (извѣстенъ случай такой передачи отъ матери къ дочери въ бѣлой расѣ).

д) Албиносы занимаютъ ли нисшую степень, сравнительно съ обыкновенными особями той же расы, по жизненности, силѣ, росту, умственнымъ способностямъ, плодовитости и долговѣчности?

е) Правда ли, что волоса албиносовъ менѣе развиты, чѣмъ у обыкновенныхъ особей той же расы, что волоса ихъ тоньше, борода рѣже, тѣло болѣе гладко, а волоса на половыхъ органахъ рѣже и позднѣе выростаютъ?

f) Описать въ частности каждаго албиноса, котораго удалось наблюдать, отмѣчая при этомъ, кромѣ общихъ указаній относящихся до возраста, пола, роста, расы и т. д., и слѣдующія частныя свѣденія: албинизмъ полный ли и совершенный ли? Въ этомъ случаѣ достаточно сказать только, что полный, и тѣмъ самымъ уже укажется, что кожа бѣло-матовая, что волоса совершенно бѣлы, что глубина глаза кровяно-красная, что въ радужинѣ нѣтъ и слѣда пигмента, и что она болѣе или менѣе розоваго цвѣта. Что касается до обыкновеннаго цвѣта глазъ албиносовъ, то объ этомъ смотри выше. Если же албиносъ будетъ отличаться хотя малѣйшимъ признакомъ отъ указаннаго типа, то слѣдуетъ указать этотъ признакъ съ ссылкою на хроматическую таблицу. Такъ напримѣръ, если радужина, вмѣсто того чтобы быть болѣе или менѣе розовою, представляетъ голубой, коричневый или зеленый оттѣнокъ, или если волоса, вмѣсто совершенно бѣлаго цвѣта, имѣютъ желтый или красный оттѣнокъ, то отыскиваютъ по хроматической таблицѣ тѣ тоны, которые всего болѣе приближаются къ нимъ. Нужно всегда быть на сторожѣ съ волосами албиносовъ, представляющимися несовершенно бѣлыми, такъ какъ искусственный цвѣтъ, происходящій или отъ смазыванія, или же отъ нечистоплотности, можетъ легко ввести въ заблужденіе и быть принятымъ за естественный. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ отрѣзать пучекъ волосъ и вымыть ихъ въ водѣ и въ винномъ спиртѣ.

Субъекты, представляющіе частный албинизмъ, должны быть описываемы самымъ подробнымъ образомъ: нужно послѣдовательно описать кожу ихъ, пятна встрѣчающіяся на ней, волоса на различныхъ частяхъ тѣла и, наконецъ, глаза. Окрашенныя части, или не вполнѣ безцвѣтныя, слѣдуетъ охарактеризовать съ помощію таблицы.

g) Зрѣніе албиносовъ должно быть тщательно обслѣдовано, сначала днемъ при яркомъ свѣтѣ, потомъ въ полу-свѣтѣ и, наконецъ, въ темнотѣ. Производитъ ли яркій солнечный свѣтъ болѣзненное впечатлѣніе или дѣлаетъ ли онъ только не ясными изображенія? Зрѣніе въ такомъ случаѣ не становится ли болѣе яснымъ при близкомъ разсматриваніи предметовъ, какъ это замѣчается у близорукихъ? И въ такихъ случаяхъ замѣчается ли настоящая близорукость, характеризующаяся способностью ясно видѣть предметы, лежащіе ближе нормальныхъ границъ яснаго зрѣнія? Наконецъ, лучше ли видятъ албиносы въ темнотѣ, чѣмъ обыкновенные индивидуумы? Это утверждали, но необходима новая повѣрка сказаннаго.

2. Основательно или неосновательно, но сближали съ албинизмомъ другую аномалію цвѣтности, замѣчаемую исключительно въ волосахъ и называемую *еритризмомъ*. Нѣкоторыя расы имѣютъ нормально рыжіе волосы, но это еще не составляетъ еритризма. Рыжіе волосы очень обыкновенны въ странахъ, въ которыхъ происходило смѣшеніе бѣлыхъ расъ, какъ съ темнорусыми или черноволосыми съ одной стороны, такъ съ бѣлокурыми или рыжими съ другой. Въ такихъ евре-

щенныхъ расахъ встрѣчаются волоса всѣхъ цвѣтовъ, черные, темнорусые, бѣлокурые, рыжіе и проч. Это естественное слѣдствіе скрещиванія, и потому особи, имѣющія болѣе или менѣе рыжіе волосы вслѣдствіе естественнаго вліянія наслѣдственности или атавизма, не могутъ быть принимаемы за подверженныя аномаліи. Но если у народа черноволосаго, не подвергавшагося никакому смѣшенію, или смѣшивавшемуся только тоже съ черноволосыми расами, родится, какъ исключеніе, особь съ рыжими волосами, то это уже составляетъ случай еритризма. Слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ еритризмомъ, если особь съ яркорыжими волосами встрѣчается между народонаселеніемъ черноволосымъ или очень темноволосымъ, и если въ народонаселеніи *не встрѣчается никакого промежуточнаго или средняго цвѣта*, который бы могъ заставить предположить смѣшеніе расъ.

Нѣкоторые ученые утверждали, что еритризмъ можетъ проявляться во всѣхъ расахъ; одинъ изъ ученыхъ даже предполагалъ, что всѣ расы произошли отъ одной первичной рыжеволосой, и потому считалъ еритризмъ только воспроизведеніемъ первоначальнаго признака. Эта послѣдняя гипотеза уже оставлена, первое же положеніе не доказано, такъ какъ до сихъ поръ не было наблюдаемо ни одного примѣра еритризма у меланезійцевъ. Во всякомъ случаѣ интересно изыскать: какія расы представляютъ наиболѣе частые и наиболѣе рѣдкіе примѣры еритризма.

3. У цвѣтныхъ расъ, преимущественно у негровъ, слѣдуетъ изучить цвѣтъ шрамовъ, принимая въ соображеніе при этомъ и то, узки ли они или широки, поверхностные или глубокіе, недавніе, давнишніе или очень давніе. Нужно тщательно отличать тѣ случаи, въ коихъ кожа была поранена или разрушена только у поверхности, отъ тѣхъ, гдѣ пораненіе происходило во всю толщину ея. Есть основаніе думать, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ, шрамы, имѣющіе нѣсколько миллиметровъ въ ширину, всегда менѣе темны, чѣмъ прилегающая къ нимъ кожа. Бываютъ ли они когда-нибудь и совсѣмъ бѣлыми? Это утверждали, но необходимы новыя точныя указанія. Съ другой стороны, поверхностные и очень узкіе шрамы часто бываютъ темнѣе остальной кожи. Указывали на то еще, что высота мѣстности надъ уровнемъ моря, влажность, дѣйствіе солнечныхъ лучей, могутъ вліять на измѣненіе цвѣта кожи, но мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ наблюденій относительно всѣхъ этихъ вопросовъ.

Поэтому слѣдуетъ опредѣлить съ помощію хроматической таблицы цвѣтъ шрамовъ, сравнительно съ цвѣтомъ кожи, указывая каждый разъ на мѣсто шрама, на поверхность или глубину его, на размѣры, на положеніе относительно одежды, на причины и степень давности. Наконецъ, чтобы опредѣлить вліяніе высоты мѣста, влажности и теплоты климата, необходимо сравнить въ этомъ отношеніи особей той же расы, но жившихъ при различныхъ условіяхъ.

4. Случаи нанизма (карлики), гигантизма (великаны) и полисарціи (необыкновенная толстота) должны быть указываемы также. Не нужно смѣшивать нанизма съ задержкою роста, происходящею отъ болѣзни позвоночника или же отъ рахитизма конечностей. Карликомъ называется особь, имѣющая гораздо меньшій ростъ, чѣмъ остальныя той же расы, но сложенная нормально, или почти нормально. Такъ какъ нанизмъ чрезвычайно рѣдокъ у дикихъ животныхъ, хотя и замѣчается довольно часто у домашнихъ животныхъ, то есть основаніе думать, что онъ встрѣчается тѣмъ рѣже, чѣмъ ближе стоитъ раса къ первобытному состоянію. Само собою понятно, что карлики и великаны должны быть тщательно измѣрены, и что результатъ измѣреній долженъ быть сравненъ съ средними числами, полученными при измѣреніяхъ той же расы.

Таковы главнѣйшіе физіологическіе вопросы, которые, по нашему уразумѣнію, слѣдовало указать наблюдателямъ и путешественникамъ. Перечень, представленный нами, безъ сомнѣнія очень неполонъ, и изслѣдователямъ придется самимъ дополнять много пропусковъ нашихъ. Избравъ точкою сравненія ходъ отправленій и физическихъ способностей европейцевъ, наблюдатели должны замѣчать всякое физіологическое явленіе, кажущееся болѣе или менѣе отличнымъ отъ этого типа.

Изученіе питанія можетъ, или даже и должно, войти въ рамку физіологическихъ изслѣдованій. Но съ другой стороны, такъ какъ оно тѣсно связано съ образомъ жизни, съ соціальнымъ устройствомъ и съ важными условіями почвы и климата, то и

должно по преимуществу имѣть мѣсто въ инструкціи этнологической. Вотъ почему мы не упомянули о немъ въ нашей.

Что касается до вопроса о долговѣчности, числѣ рожденій, смертности, средней жизни, и вообще до всѣхъ вопросовъ рѣшаемыхъ статистикою, то оно будетъ предметомъ особенной програмы.*)

Общій выводъ и заключенія. Наша инструкція какъ она ни велика, не имѣетъ претензіи быть полною. Мы указали изслѣдователямъ большое число вопросовъ для рѣшенія, но существуетъ еще много другихъ, кои мы должны были пройти молчаніемъ, или потому что они менѣе важны, или же потому, что они требуютъ слишкомъ спеціальныхъ знаній. Кромѣ того несомнѣнно, что многіе изъ неупомянутыхъ нами вопросовъ представятся сами собою уму изслѣдователя, что имѣли и мы въ виду, такъ какъ излагая программу изслѣдованій, мы вовсе не хотѣли положить границу имъ. Если считать нашу программу за окончательную, то она окажется слишкомъ ограниченною.

Но и въ такомъ видѣ, въ какомъ мы передаемъ теперь нашу программу, она обнимаетъ собою столько разнообразныхъ предметовъ и столь разнородныхъ, что одному путешественнику нельзя изучить ихъ всѣ разомъ. Поэтому каждый наблюдатель, основываясь на нашей общей программѣ, долженъ сдѣлать для себя и особую таблицу, въ которую онъ помѣститъ по своему выбору извѣстные ряды вопросовъ.

Конечно нельзя не желать, чтобы подробный листокъ для наблюденій пополнялся фактами всякій разъ, какъ это только возможно; но безъ сомнѣнія можетъ случиться часто, что путешественникъ небудетъ имѣть достаточно времени для собранія полнаго ряда наблюденій, а еще чаще изслѣдуемые субъекты незахотятъ подвергнуться долгимъ изслѣдованіямъ. Вотъ почему нами составленъ и краткій записной листокъ, въ которомъ мы собрали самыя существенныя данныя для измѣреній.

Путешественники, вслучаѣ крайности, могутъ еще болѣе укоротить эту програму, ограничиваясь, напримѣръ, только описательными частностями и небольшимъ числомъ измѣреній каковы: ростъ, два наибольшихъ діаметра и окружность головы, ширина распростертыхъ рукъ, высота acromion, нижняго конца средняго пальца и верхне-передней подвздошной ости. Такіе измѣренія все таки могутъ дать понятіе объ относительномъ развитіи нижнихъ и верхнихъ конечностей, какъ сравнительно другъ съ другомъ, такъ и съ общимъ ростомъ тѣла.

Число наблюденій, необходимыхъ для опредѣленія въ расѣ какого нибудь признака должно быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ тотъ признакъ, о коемъ идетъ дѣло, представляетъ больше варіяцій. Въ чистыхъ расахъ нѣкоторые, мало варьирующіе признаки могутъ уже быть достаточно опредѣлены десяткомъ наблюденій, взятыхъ по случаю, безъ выбора, тогда какъ въ смѣшанныхъ расахъ необходимо нѣсколько сотъ наблюденій для дознанія свойства этого признака, въ особенности если при этомъ имѣютъ въ виду разрѣшить вопросъ объ этнологическомъ происхожденіи народонаселенія, подвергавшагося продолжительнымъ скрещиваніямъ. Такъ признаки глазъ и волосъ у негритянскихъ народовъ можно легко и скоро дознать, тогда какъ въ народонаселеніяхъ Европы необходимо для этой цѣли въ каждой мѣстности сдѣлать очень большое число наблюденій.

Поэтому, то число записныхъ листковъ, полныхъ или сокращенныхъ, которое можетъ наполнить одинъ наблюдатель, часто будетъ недостаточно, чтобы рѣшить нѣкоторые вопросы, и въ такомъ случаѣ мы совѣтуемъ нашимъ корреспондентамъ поступать слѣдующимъ образомъ. Они должны начать собирать въ изучаемомъ ими народонаселеніи извѣстное число наблюденій, напримѣръ двадцать. Если, сравнивая эти первые результаты, они увидятъ, что нѣкоторые признаки мало варьируются, тогда какъ другіе очень измѣнчивы, то должны обратить особенное вниманіе на эти послѣдніе. Такъ, напримѣръ, въ негритянскомъ народонаселеніи двадцати наблюденій достаточно для того, чтобы дать понятіе о цвѣтѣ глазъ и волосъ, формѣ носа, степени про-

*) Всѣ эти инструкціи (этнологическая и статистическая) будутъ издаваемы въ Извѣстіяхъ Отдѣленія по мѣрѣ появленія ихъ за границею.

гнатизма и общей формѣ черепа. Но для дознанія средней величины роста, для опредѣленія на основаніи среднихъ чиселъ относительной длины верхнихъ и нижнихъ конечностей, среднеплечія и предплечія, бедра и голени, необходимо гораздо большее число наблюденій. Поэтому можно, измѣривъ и описавъ двадцать особей вполнѣ, ограничиться затѣмъ измѣреніемъ у остальныхъ роста и величины конечностей.

Выборъ специальныхъ вопросовъ, заслуживающихъ особенно глубокаго и подробнаго изученія, будетъ очень различенъ для различныхъ расъ, смотря по условіямъ скрещиванія, которымъ онѣ подвергались, и по desirata науки. Такъ пропорціи туловища и конечностей европейцевъ достаточно хорошо извѣстны, но что особенно желательно изучить, такъ это съ одной стороны ростъ, цвѣтъ волосъ и устройство черепа у расъ, кои, вслѣдствіе скрещиванія, произвели наши смѣшенныя народонаселенія; съ другой же, степень вліянія этихъ различныхъ расъ на народонаселеніе каждой области, и иногда даже каждой мѣстности. Поэтому программа изслѣдованій, для желающихъ изучить смѣшанныя европейскія расы, можетъ быть ограничена изученіемъ слѣдующихъ признаковъ: 1) ростъ, 2) переднезадній наибольшій діаметръ и наибольшій поперечный діаметръ головы, 3) цвѣтъ глазъ, волосъ головы, бороды и кожи. Столь ограниченная программа легко можетъ быть выполнена въ числѣ 200—300 наблюденій для каждой мѣстности.

ИНСТРУКЦІИ

СОБИРАНІЯ ПРЕДМЕТОВЪ ДЛЯ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ И МУЗЕЯ.

ИНСТРУКЦІИ.

СОБИРАНІЯ ПРЕДМЕТОВЪ ДЛЯ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ И РУССКАГО МУЗЕЯ, УСТРОИВАЕМЫХЪ ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Предыдущія инструкціи, составленныя Секретаремъ Парижскаго Общества П. Брока, имѣютъ цѣлію вызвать систематическія, вполнѣ удовлетворяющія требованіямъ науки, изслѣдованія племенъ населяющихъ различныя страны земнаго шара. Антропологическое Отдѣленіе, издавая эти инструкціи, имѣло въ виду вызвать рядъ изслѣдованій въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и дать необходимую руководную нить тѣмъ, кто пожелалъ бы предпринять на себя трудъ собиранія свѣденій о различныхъ племенахъ населяющихъ Россію. Комитетъ, учрежденный Обществомъ Любителей Естествознанія для устройства Русскаго Этнографическаго и Антропологическаго Музея и Выставки, считаетъ полезнымъ приложить къ этимъ инструкціямъ частныя указанія для лицъ, сочувствующихъ предпринятому имъ дѣлу, объяснить въ главныхъ чертахъ то, въ чемъ Комитету желательна помощь отъ лицъ имѣющихъ намѣреніе быть его сотрудниками, и хотя нѣсколько ознакомить ихъ съ задуманнымъ имъ предпріятіемъ. Имѣющія быть сообщенными здѣсь свѣдѣнія далеко не полны, далеко не носятъ на себѣ характеръ законченности; но Комитетъ и не имѣлъ претензіи на это. Онъ постарается постепенно разработывать въ частности тѣ вопросы, на которые здѣсь будетъ указано только въ общихъ чертахъ; но для возможности такой разработки, вслѣдствіе важности и многосложности самаго предмета, ему необходима помощь спеціалистовъ. Желаніе получить отъ нихъ полезныя указанія и было другою побудительною причиною составленія этихъ дополненій. Сочувствіе, заявленное уже неоднократно Комитету многими лицами, къ сердцу коихъ близко все, что касается до русской науки и до обогащенія средствъ ея, даетъ ему увѣренность, что и общая программа его предположеній не останется безъ благихъ послѣдствій. Всякая помощь, оказанная Комитету совѣтомъ или дѣломъ будетъ принята имъ съ искреннею благодарностію, тѣмъ болѣе, что по его убѣжденію, заявленному имъ въ своей программѣ выставки, задуманное имъ предпріятіе будетъ тогда только вполнѣ успѣшно, когда онъ получитъ поддержку въ сочувствіи спеціалистовъ и публики.

Цѣль устройства Русской Этнографической Выставки, имѣющей вызвать образованіе постояннаго музея въ Москвѣ, посвященнаго всѣмъ отраслямъ этнографіи и антропологіи, есть двоякая: во-первыхъ, выставка должна служить средствомъ къ наглядному ознакомленію публики съ обитателями различныхъ мѣстностей Россіи, съ ихъ бытомъ и внѣшнею обстановкою, и во-вторыхъ, она должна представить необходимое пособіе для изученія антропологіи, насущная потребность въ которомъ ощущается теперь болѣе чѣмъ когда-либо. Поэтому задавъ себѣ такія цѣли, Комитетъ долженъ былъ обра-

* Инструкціи эти разсмотрѣны и одобрены въ засѣданіи Распорядительнаго Комитета Выставки 3-го Іюля, 1865 года.

тить вниманіе: во 1) на то, что можетъ быть особенно полезно для заинтересованія не только людей не занимающихся спеціально антропологіею, но даже и совершенно незнакомыхъ съ наукою, и во 2) на то, чтобы эти коллекціи не теряли и строго научнаго значенія, служили бы пособіемъ къ дальнѣйшему развитію науки. Къ счастію обѣ эти цѣли вовсе не такъ различны одна отъ другой, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, и даже служатъ пополненіемъ одна другой. При осуществленіи обѣихъ этихъ цѣлей можетъ встрѣтиться развѣ то, что спеціалистъ нашелъ бы нѣкоторые предметы излишними по своему малому значенію для чистой науки, напримѣръ манекены, а не спеціалисту могутъ показаться безъинтересными иные, напримѣръ кости и полуразрушенные черепа изъ кургановъ. Но далѣе этого не восходитъ разница между требованіями массы и спеціалистовъ, и потому Комитетъ безъ особенной робости беретъ на себя задачу по возможности удовлетворить и тѣхъ и другихъ. Эта двоякая цѣль должна была придать плану музея и выставки, нѣсколько иной характеръ, чѣмъ тотъ, который носятъ на себѣ существующіе этнографическіе музеи, хотя и въ нихъ замѣчаются въ частностяхъ стремленіе къ осуществленію того, что Комитетомъ принято за общую норму, за общій планъ.

Когда не спеціалистъ обозрѣваетъ какой-нибудь этнографическій музей, въ которомъ собрана громадная масса одеждъ, оружій, предметовъ домашняго быта, то самое разнообразіе и богатство этихъ предметовъ подавляетъ его и сравнительно мало обогащаетъ его свѣдѣніями, потому что онъ не умѣетъ связать въ одно цѣлое разрозненныхъ предметовъ, не можетъ составить себѣ по нимъ какое нибудь цѣльное понятіе. У него остается только въ памяти, что у такихъ-то дикарей одежда украшена такъ-то, а у другихъ иначе, что у однихъ оружіе такое-то, а у другихъ другое.

Всякій, кто слѣдилъ за результатомъ осмотра разнообразною публикою музеевъ, тотъ вѣроятно согласится съ тѣмъ, что это осматриваніе далеко не приноситъ той пользы, какую бы можно было ожидать, судя по богатству собраннаго матеріала, по интересу и значенію предметовъ. Причина этого конечно лежитъ въ недостаточности свѣдѣній осматривающихъ, но также, если не больше, и въ томъ, что при постановкѣ предметовъ въ музеяхъ обращалось слишкомъ мало вниманія на то, чтобы размѣстить и обставить ихъ такъ, чтобы всякій желающій могъ составить себѣ цѣльное понятіе о различныхъ группахъ предметовъ. Желаніе пополнить этотъ недостатокъ и заставило Комитетъ принять нѣсколько отличный отъ обыкновеннаго порядокъ размѣщенія коллекцій и устройства ихъ.

Въ первыхъ предполагается каждое племя представить съ помощію манекеновъ въ видѣ особой группы, которая по возможности должна выражать какую нибудь характеристическую сцену изъ жизни этого племени. Менекены, по предположенію Комитета, не должны быть простыми вѣшалками для костюмовъ, но должны представлять портреты, копіи съ людей извѣстнаго племени. Это послѣднее условіе чрезвычайно трудно выполнить и Комитетъ вполнѣ сознаетъ всю трудность задачи. Если эта задача и трудна, то во всякомъ случаѣ она и не невозможна: важность предмета заставляетъ рѣшиться по крайней мѣрѣ сдѣлать попытку. Можетъ быть первые опыты и будутъ представлять многіе недостатки, но самое сознаніе ихъ сдѣлаетъ возможнымъ скорое появленіе чего-нибудь лучшаго.

И такъ Комитетъ предполагаетъ какъ на выставкѣ, такъ и въ музеѣ, каждое племя представить въ видѣ характеристической группы, окруженной по возможности всѣми особенностями своего быта. Получивъ изъ обозрѣнія общей группы общее понятіе о племени, о его чертахъ лица, одеждѣ, обстановкѣ, всякій безъ сомнѣнія уже съ интересомъ и сознательно остановится на тѣхъ деталяхъ, на тѣхъ частныхъ предметахъ быта, которые не могли войти въ составъ группы, но составляютъ необходимое дополненіе къ ней. Результатомъ такой установки группъ будетъ уже въ массѣ публики не обрывочныя понятія о различныхъ костюмахъ и предметахъ, а болѣе или менѣе цѣльное представленіе о племени или о жителяхъ извѣстной мѣстности.

Чтобы самый осмотръ отдѣльныхъ группъ приводилъ къ цѣльному результату, и группы племенъ предполагается размѣстить сообразно ихъ географическому размѣщенію на земномъ шарѣ, начиная съ отдаленнаго сѣвера и кончая тропиками. Переходя постепенно отъ обитателей сѣвера къ южнымъ, вся-

кій осматривающій получитъ много общихъ свѣдѣній о географическомъ размѣщеніи племенъ; о характеристическихъ особенностяхъ различныхъ мѣстностей относительно ихъ обитателей; у него явится много новыхъ вопросовъ, разрѣшить которые вполнѣ можетъ только самостоятельное изученіе, облегчить которое должны уже тѣ лекціи, которыя предполагаются какъ необходимое дополненіе къ устройству музея, а также тѣ этнографическія карты, которыя будутъ служить на выставкѣ и въ музеѣ объясненіемъ географическаго размѣщенія различныхъ племенъ.

Такимъ путемъ Комитетъ надѣется достигнуть своей первой цѣли, т. е. возбужденія интереса къ наукѣ въ массѣ публики и распространенія въ ней общихъ этнографическихъ и антропологическихъ свѣденій. Что же касается до второй цѣли, т. е. до того, чтобы музей былъ и необходимымъ научнымъ пособіемъ, то распространяться объ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ всякому понятно, что это достигается систематичностію и богатствомъ собраннаго матеріала, соблюденіемъ строгихъ требованій науки при выборѣ предметовъ.

Ознакомивши съ общимъ планомъ устройства музея и выставки и съ тою цѣлію, которая положена въ основаніе ихъ, мы можемъ уже перейдти въ частности къ тѣмъ предметамъ, которые необходимы для возможности осуществленія этого плана. Мы можемъ уже остановиться теперь на указаніи того, въ чемъ желательно Комитету получить содѣйствіе, и въ какомъ видѣ это содѣйствіе будетъ для него особенно дорого. Такъ какъ выставка и музей будутъ подраздѣляться на два большіе отдѣла — этнографическій и антропологическій, то мы и разсмотримъ въ частности каждый изъ этихъ отдѣловъ.

I. *Отдѣлъ этнографическій.*

1. *Костюмы.* Собираніе и сохраненіе типическихъ костюмовъ различныхъ племенъ и различныхъ мѣстностей крайне необходимо въ настоящее время, потому что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи тѣ костюмы, которые искони составляли характеристическую особенность ихъ. Пройдетъ десять, пятнадцать лѣтъ, и этнографъ тщетно будетъ отыскивать тѣ живописныя одежды, тѣ характеристическіе головные уборы, которые недавно еще обращали особенное вниманіе путешественника, изучавшаго Россію и ея народный бытъ. Мало мѣстностей имѣло своего Павлова, добросовѣстнаго труженика науки, посвятившаго нѣсколько лѣтъ жизни на то, чтобы въ математически вѣрныхъ и изящныхъ рисункахъ воспроизвести костюмы и всю обстановку губерній Воронежской и Тамбовской. Горожане, по большей части, уже отказались отъ своихъ особенныхъ костюмовъ; во многихъ городахъ уже на нашихъ глазахъ, какъ напримѣръ въ Курскѣ, исчезаютъ и послѣдніе слѣды характеристическаго головнаго убора съ смертію тѣхъ не многихъ старухъ, которыя еще оставались вѣрными своимъ прадѣдовскимъ обычаямъ. Мѣсто прежнихъ живописныхъ и характеристическихъ костюмовъ занимаютъ пародіи чепцовъ и наибезобразнѣйшіе кринолины, и это явленіе тѣмъ грустнѣе, что многіе костюмы исчезнутъ безслѣдно, не только не сохранившись въ музеяхъ, но даже и въ рисункѣ. Тщетно будущій этнографъ будетъ собирать отрывочные факты объ исторіи костюма въ Россіи и справедливо обвинитъ онъ насъ въ невниманіи къ одному важному этнографическому элементу, изученіе котораго можетъ повести ко многимъ любопытнымъ выводамъ. Это обвиненіе будетъ тѣмъ справедливѣе, что мы не можемъ даже извиниться незнаніемъ важности предмета; напротивъ того мы ясно сознаемъ эту послѣднюю и не дѣлаемъ шага для того, чтобы выполнить наши обязанности передъ наукою.

Убѣжденіе въ крайней необходимости безотлагательно приступить къ собиранію мѣстныхъ какъ русскихъ костюмовъ, такъ и инородческихъ, заставитъ Комитетъ направить всѣ свои усилія для достиженія этой цѣли, но понятно, что какъ бы ни было горячо его желаніе, какъ бы энергично онъ не приступилъ къ своей цѣли, онъ не будетъ въ состояніи отчетливо выполнить свою задачу, если ему не будетъ оказано содѣйствіе мѣстными дѣятелями науки и всѣми, которымъ близка къ сердцу народная старина, народный бытъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи можно встрѣтить много лицъ, достаточно просвѣщенныхъ и достаточно имѣющихъ средства принять на себя трудъ собиранія костюмовъ своего околодка, и это тѣмъ возможнѣе,

что собираніе это не требуетъ особенно значительной затраты. Трудъ больше состоитъ въ выисканіи вполнѣ типическаго костюма, чѣмъ въ пріобрѣтеніи его. Комитетъ надѣется, что его слова найдутъ сочувствіе въ жителяхъ различныхъ мѣстностей Россіи и что они не откажутся обогатить русскій этнографическій музей мѣстными костюмами. Всякому понятно, что какъ ни малоцѣненъ, говоря вообще и сравнительно, каждый костюмъ въ частности, но пріобрѣтеніе всѣхъ ихъ на матеріальныя средства Комитета далеко превзойдетъ его средства вслѣдствіе многочисленности отдѣльныхъ костюмовъ; по этому крайне желательно, чтобы Комитету оказана была и матеріальная поддержка доставкою полныхъ мѣстныхъ костюмовъ, но онъ приметъ съ не меньшею благодарностію и каждое полезное указаніе относительно мѣстныхъ характеристичныхъ костюмовъ, подробное описаніе ихъ, а въ особенности рисунки ихъ съ обозначеніемъ мѣстныхъ названій той или другой части костюма.

Для лицъ, желающихъ помочь Комитету въ осуществленіи полнаго собранія костюмовъ, Комитетъ сообщаетъ слѣдующія свои желанія:

1. Костюмъ долженъ быть *мѣстный типическій*, а не измѣненный нововведеніями и украшеніями, невошедшими въ общее народное употребленіе. Во многихъ мѣстностяхъ въ послѣднее время произошли такія измѣненія въ костюмѣ, что напримѣръ, головной уборъ остался еще почти прежнимъ, а платье стало принимать тотъ покрой и ту форму, которыя можно назвать общегородскими. Случается и наоборотъ, что покрой платья сохранился, но головные уборы замѣнились болѣе простою повязкою. Безспорно это уже шагъ къ совершенному уничтоженію извѣстнаго костюма, и онъ означаетъ, что костюмъ понемногу выходитъ изъ употребленія въ данной мѣстности. Сообщеніе свѣденій объ этихъ, такъ сказать, болѣзненныхъ измѣненіяхъ костюма, предвѣщающихъ скорое его уничтоженіе и замѣну общегородскимъ, чрезвычайно желательно, но желательно также и то, чтобы костюмы доставлялись безъ такой позднѣйшей порчи и изъ періода ихъ наибольшаго распространенія и однообразія въ народѣ. Опытъ показалъ, что во многихъ деревняхъ, въ которыхъ теперь вовсе не существуетъ типическаго костюма, такъ что молодежъ и не знаетъ его, еще недавно, за нѣсколько десятковъ лѣтъ, былъ въ употребленіи очень характеристическій костюмъ, сохраняемый тщательно старухами, въ видѣ воспоминанія о своей молодости, въ числѣ своего богатства. Такъ этнографамъ извѣстно, что часто чрезвычайно характеристическіе и вполнѣ вѣрные костюмы сохраняются въ богатыхъ старинныхъ купеческихъ семействахъ, какъ родовая драгоцѣнность, передаваемая по наслѣдству. Такіе костюмы особенно желательно имѣть, конечно безъ цѣнныхъ вещей, принадлежащихъ къ нимъ, какъ-то жемчуга и проч. Украшенія эти можно замѣнить совершенно такими же, но малоцѣнными, напр. бусами.

2. Костюмъ долженъ быть *полный*, начиная съ головной повязки и до башмаковъ, и притомъ со всѣми украшеніями идущими къ нему, какъ-то: серьгами, подвѣсками, ожерельями и проч. Это необходимо для того, чтобы можно было сдѣлать для костюма манекенъ и поставить въ видѣ модели извѣстной мѣстности. До настоящаго времени обыкновенно ограничивались только присылкою въ музей наиболѣе характеристичныхъ частей одежды, оставляя многія части ея, какъ кажущіяся неимѣющими особеннаго интереса. Такія отдѣльныя части костюма конечно лучше, чѣмъ ничего, но ихъ можно сохранять только въ витринахъ, такъ какъ ихъ недостаточно для того, чтобы одѣть манекенъ. Кромѣ того необходимо для устройства манекена, чтобы всѣ части одежды были взяты съ особи одного роста, такъ какъ очевидно, что одѣть фигуру въ верхнюю одежду взятую съ женщины высокаго роста и въ сарафанъ съ маленькаго роста—невозможно, не дѣлая изъ фигуры каррикатуры. Для большей вѣрности устройства фигуры желательно также, чтобы костюмъ сопровождался хотя самымъ простымъ рисункомъ размѣщенія различныхъ частей одежды, иначе Комитетъ можетъ сдѣлать невольную ошибку при одѣваніи фигуры, такъ какъ само собою понятно, что ему не могутъ быть извѣстны всѣ одежды и способъ ношенія ихъ. При рисункѣ полезно было бы указать какъ величину всего роста человѣка, съ котораго присланъ костюмъ, такъ и указанія на то, на какой высотѣ подвязывается сарафанъ сверху, спускается ли онъ до полу и т. д. Чѣмъ болѣе будетъ сообщено такихъ частностей, тѣмъ вѣрнѣе выйдетъ манекенъ и тѣмъ, слѣдовательно, онъ будетъ

болѣе удовлетворять своему назначенію. Повторяемъ: если невозможно доставить рисунокъ, то приложить покрайней мѣрѣ подробное описаніе того какъ носится костюмъ, что спереди и что сзади, гдѣ завязывается, застегивается ли на всѣ пуговицы. Части костюма должны быть обозначены нумерами, объясненіе коихъ должно быть въ приложенномъ описаніи.

3. Костюмъ долженъ быть *совершенно такой*, какой носится строго держащимися старины горожанами или крестьянами и инородцами, * сдѣланъ изъ обыкновенно употребляемыхъ тканей и безъ особенныхъ выдуманныхъ для выставки украшеній. Нужно выбрать наиболѣе нарядный и праздничный костюмъ у мѣстныхъ жителей и сообщить его Комитету а не заказывать гдѣ-нибуль въ другомъ мѣстѣ. Дѣлать самимъ костюмъ по рисунку и даже образцу, не слѣдуетъ потому, что такая копія все-таки будетъ представлять хотя и не значительныя, но не желательныя, отклоненія отъ настоящаго костюма. Но въ случаѣ крайности можно заказать для музея костюмъ тѣмъ же швеямъ и изъ тѣхъ же матеріаловъ, къ которымъ прибѣгаютъ и крестьяне.

4. Обыкновенно въ каждой мѣстности, представляющей характеристичность въ костюмѣ, замѣчаются слѣдующіе главные роды ихъ: костюмъ *дѣвичій, бабій, вдовій* и *мужской*. Желательно поэтому имѣть по полному образцу каждаго изъ этихъ костюмовъ, такъ какъ такая полная коллекція ихъ и можетъ дать вѣрное и удовлетворительное понятіе о извѣстной мѣстности. Случается впрочемъ, что бабы и дѣвушки носятъ одинъ и тотъ же покрой платья, но отличаются только формою головныхъ повязокъ. Въ такомъ случаѣ можно представить только одинъ бабій костюмъ и весь головной уборъ дѣвушки, не высылая, для сокращенія издержекъ, остальнаго костюма этой послѣдней.

5. Такъ какъ манекены должны быть портретами и копіями съ жителей данной мѣстности, то желательно, чтобы при каждомъ костюмѣ былъ приложенъ фотографическій портретъ (съ фаса и съ профиля, см. общ. инструкціи) съ мѣстныхъ жителей, при чемъ нужно выбирать для портрета наиболѣе типическія физіономіи, т. е. общія въ данной мѣстности.

6. Въ Комитетъ уже поступили заявленія отъ нѣкоторыхъ лицъ о томъ, что они желаютъ не только прислать для выставки и музея полные костюмы извѣстной мѣстности, но и принять на свой счетъ устройство группы, при чемъ выражаемо было почти всѣми желаніе знать, во что обойдется манекенъ и не возмется ли Комитетъ за заказъ манекеновъ. Поэтому Комитетъ счелъ за полезное объявить здѣсь, что онъ беретъ на себя надзоръ за дѣланіемъ манекеновъ и что каждый изъ нихъ обойдется отъ 35 до 50 р. сер., не болѣе.

II. ***Предметы домашняго быта***. Выше было уже замѣчено, что каждая группа, характеризующая или извѣстное племя, или извѣстную, замѣчательную своими особенностями, мѣстность, предполагается обставить всѣми возможными предметами домашняго быта, которыя только могутъ придать большую наглядность этому послѣднему и наиболѣе уяснить его зрителямъ. По этому желательно получить характеристическіе предметы изъ каждой мѣстности, относящіеся къ домашнему быту, которые суть: 1) *предметы убранства горницъ,* 2) *посуда домашняя и столовая,* 3) *инструменты домашніе,* 4) *инструменты музыкальные,* 5) *мебель,* 6) *игрушки и дѣтскія вещи,* 7) *предметы домашнихъ и общественныхъ обрядовъ* (въ особенности идолы, какъ предметы во многихъ идолопоклонническихъ мѣстностяхъ истребляемые теперь), 8) *земледѣльческія* и *промысловыя орудія*, 9) *суда*, *модели ихъ* и *принадлежности*, 10) *жилища* и *модели ихъ*, 11) *снаряды для вѣса, мѣры и счета*.

Всѣ эти рубрики понятны безъ объясненій, и потому мы остановимся здѣсь только на нѣкоторыхъ частныхъ желаніяхъ Комитета.

a) ***Жилища*** нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ желательно было бы имѣть вполнѣ, какъ наприм. калмыцкую кибитку и другія тому подобныя, со всѣми къ нимъ принадлежностями.

---

* Одинъ изъ членовъ Комитета выписалъ для своего этнографическаго собранія Алеутскій костюмъ. Ему высланъ былъ онъ такой, что, хотя онъ и дѣйствительно сдѣланъ былъ туземцами, но очевидно съ значительными измѣненіями и прибавленіями. Такъ въ числѣ другихъ вещей присланъ былъ чепчикъ довольно новаго фасона съ лентами и бантами, сдѣланный изъ сивучихъ кишекъ. Нашъ сочленъ, имѣвшій въ виду составить вѣрную алеутскую группу, долженъ было конечно отказаться отъ этой мысли, видя что костюмъ вовсе не типическій, а присочиненный.

Если бы такія жилища были доставлены въ Комитетъ, то обстановка группы могла бы быть очень поучительною и интересною. Для музея желательно бы имѣть также модели или рисунки избъ русскихъ, малороссійскихъ, татарскихъ, чувашскихъ и проч. изъ разныхъ мѣстностей Россіи.

b) Желательно имѣть не только сани, употребляемые для ѣзды на собакахъ и оленяхъ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего сѣвера, но и *достаточное число*, осторожно снятыхъ и годныхъ для набивки, *шкуръ* собакъ, оленей и другихъ характеристическихъ для мѣстности домашнихъ животныхъ. Правила для снятія и подготовки шкуръ можно найти въ Инструкціяхъ Общества, напечатанныхъ въ первомъ томѣ его Извѣстій. Комитетъ, получивши такія шкурки, озаботится набивкою ихъ и составленіемъ группы, но для необходимой вѣрности желательно имѣть рисунки поѣздовъ на собакахъ и оленяхъ.

c. Идолы, какъ нынѣ находящіеся еще кое гдѣ въ употребленіи при обрядахъ, такъ и брошенные, желательно получить въ наибольшемъ числѣ варіететовъ для каждой мѣстности. Это тѣмъ важнѣе, что, какъ указано выше, идолы эти постоянно истребляются при введеніи христіанства между иновѣрцами, а они очень важны для составленія себѣ понятія о естественномъ, первоначальномъ бытѣ племени. При этомъ замѣтимъ, что тамъ гдѣ лица, исполняющія извѣстные религіозные обряды, напр. ламы, шаманы и проч., отличаются особымъ костюмомъ, такъ желательно было бы получить и самый этотъ костюмъ.

III. Полезнымъ дополненіемъ къ обстановкѣ каждой группы будутъ виды инородческихъ жилищъ, сцены, взятыя изъ различныхъ моментовъ ихъ жизни, и даже просто характеристическіе виды тѣхъ мѣстностей, гдѣ живетъ данное племя.

II. Отдѣлъ антропологическій.

Къ этому отдѣлу принадлежитъ все то, что относится до характеристики физическаго строенія различныхъ племенъ и народовъ. Онъ естественно подраздѣляется на двѣ группы, изъ которыхъ первая будетъ заключать въ себѣ предметы, дающіе понятіе о внѣшнихъ признакахъ племени, а вторая препараты, служащіе для уясненія внутренняго строенія. Эту часть можно назвать еще нетронутымъ полемъ у насъ въ Россіи, и потому особенно желательно, чтобы русскіе медики и естествоиспытатели оказали горячее содѣйствіе предпринимаемому нами труду собиранія матеріаловъ для антропологіи Россіи. Хотя все существенное уже указано въ «Общихъ Инструкціяхъ для анатомическихъ и физіологическихъ наблюденій», но мы считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на самыя существенныя группы предметовъ и препаратовъ, желательныхъ имѣть Комитету для выставки и музея, такъ какъ настоящая общая программа естественно получитъ большее распространеніе, чѣмъ наши спеціальныя инструкціи.

1. *Бюсты*, изображающіе типическія черты племени, *маски*, *портреты* и *фотографіи* составятъ первую группу предметовъ антропологическаго отдѣленія. Такъ какъ о маскахъ сказано уже въ общихъ инструкціяхъ, то здѣсь мы остановимся спеціально только на фотографіяхъ. Мы обращаемся съ убѣдительнѣйшею просьбою ко всѣмъ фотографамъ, живущимъ въ Россіи, собрать для антропологическаго отдѣла коллекцію, по возможности большую, портретовъ мѣстныхъ жителей. Желательно имѣть наибольшее возможное число портретовъ потому, что даже въ племенахъ, представляющихъ большое единство въ чертахъ лица, все таки встрѣчаются многочисленныя видоизмѣненія не только по полу, возрасту и образу жизни, но и въ одномъ и томъ же полѣ и возрастѣ. Портреты желательно имѣть каждой особи съ фаса и въ профиль (см. общія инструкціи), и притомъ подъ каждымъ изъ нихъ должны быть обозначены: мѣстообитаніе, племя, и возрастъ особи. У брѣющихъ голову племенъ желательно имѣть портреты не только съ головнымъ уборомъ, но также и безъ него, такъ какъ на такихъ профиляхъ и фасахъ можно получить важныя данныя относительно формы черепа и развитія различныхъ частей его.

2. *Муміи и мумифицированныя головы* различныхъ племенъ. Военные медики, имѣющіе случай быть при битвахъ съ инородцами могутъ получить достаточный матеріалъ для обогащенія коллекцій Университета. Хотя, какъ это видно изъ общихъ инструкцій, приготовленіе мумифицирован-

ныхъ головъ и не особенно сложно, но оно все таки можетъ затруднить мѣстныхъ медиковъ. Поэтому Комитетъ проситъ ихъ только пріобрѣсть головы, не пострадавшія отъ гніенія и сохранившія нормальный видъ, положить ихъ въ спиртъ и прислать въ Комитетъ, который, обладая средствами анатомическаго театра, приступитъ къ ихъ окончательному приготовленію на препаратъ. Такимъ образомъ были доставляемы въ С.-Петербургскую Академію Наукъ чрезвычайно интересныя головы кавказскихъ племенъ. Каждому медику представляются часто случаи возможности полученія головъ съ труповъ безъ возбужденія непріязненнаго чувства въ мѣстныхъ жителяхъ, вообще не любящихъ трупоразъятій. Такими случаями желательно, чтобы пользовались медики для пользы науки. Если бы кто либо изъ медиковъ пожелалъ помочь въ этомъ Комитету, то онъ съ своей стороны, по изъявленному ему желанію, снесется съ мѣстными властями для оказанія содѣйствія медику, и Комитетъ вполнѣ увѣренъ, что онъ найдетъ всегда полное сочувствіе къ своимъ научнымъ цѣлямъ у правительственныхъ лицъ, такъ какъ онъ не разъ убѣдился въ этомъ на дѣлѣ и считаетъ долгомъ заявить здѣсь объ этомъ.

3. *Черепа и костяки* различныхъ племенъ. Всѣ правила, сюда относящіяся, изложены съ большою подробностію въ общихъ антропологическихъ инструкціяхъ.

4. *Черепа, костяки и вещи изъ кургановъ.* Изученіе кургановъ и остатковъ находимыхъ въ нихъ представляетъ не только громадный антропологическій, но и историческій интересъ. Въ Археологическомъ отношеніи мы имѣемъ много данныхъ, полученныхъ отъ раскопки и изученія кургановъ, но подробное систематическое антропологическое изученіе ихъ еще не началось въ Россіи; къ сожалѣнію многіе археологи даже смотрятъ на изученіе и сохраненіе череповъ, какъ на роскошь для исторіи, не могущую привести ни къ какимъ важнымъ результатамъ Слѣдствіемъ этого оказывается то, что не смотря на многочисленныя раскопки кургановъ, произведенныя учеными учрежденіями и археологами, мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для какихъ либо выводовъ относительно физическихъ признаковъ древнѣйшихъ обитателей Россіи, оставившихъ по себѣ многочисленные и неоцѣненные памятники въ курганахъ. При томъ обыкновенно при раскопкѣ кургановъ многіе, даже самые просвѣщенные археологи, ограничивались только сохраненіемъ не многихъ череповъ, полагая что достаточно естествоиспытателямъ двухъ, трехъ образцовъ, чтобы сдѣлать нужные выводы. Извѣстно однакоже, что въ краніологіи можно съ увѣренностію дѣлать выводы только тогда, когда подъ руками существуетъ значительное число череповъ; иначе можно напасть на исключеніе, можно придти къ совершенно ложнымъ результатамъ. Указывая на это мы далеки отъ того, чтобы взводить обвиненіе на археологовъ, которые добросовѣстно и честно трудились для собиранія всего того, что казалось имъ имѣющимъ хоть какой нибудь ученый интересъ; но черепа недавно обратили на себя общее вниманіе, недавно только большинство сознало всю цѣну научнаго матеріала, доставляемаго ими. Слѣдовательно цѣль наша исключительно состоитъ только въ томъ, чтобы указать археологамъ на одну изъ сторонъ раскопки кургановъ, считавшуюся до сихъ поръ не важною и упущенную ими изъ виду, но никакъ не взводить на нихъ обвиненіе. До сихъ поръ курганы были исключительною монополіею археологіи; теперь же и антропологія предъявляетъ на нихъ свои права въ томъ отношеніи, что желаетъ испробовать средства своей науки при рѣшеніи важнаго, но темнаго вопроса о древнѣйшихъ обитателяхъ. Мы убѣждены, что на такое желаніе антропологіи и антропологовъ, и тѣ наши русскіе археологи, которымъ дорога вообще наука и которые далеки отъ гордости навѣваемой узкою спеціальностію и ограниченностію кругозора, вѣроятно не откажутъ намъ въ своемъ содѣйствіи, тѣмъ болѣе, что безъ ихъ содѣйствія не возможенъ и успѣхъ нашихъ изслѣдованій антропологическихъ о курганахъ. Если до сихъ поръ краніологическія изслѣдованія надъ курганными черепами привели къ малымъ результатамъ, не могущимъ сравниться съ массою данныхъ, выработанныхъ археологіею, то это должно вести не къ тому, чтобы отвергать всякое значеніе краніологическихъ изслѣдованій для исторіи, а къ тому, чтобы всѣми зависящими средствами доставить ей тотъ необходимый и многочисленный матеріалъ, безъ котораго она дѣйствительно никогда не сдѣлаетъ ничего существеннаго. Въ этомъ убѣжденіи Комитетъ обращается къ археологиче-

скимъ и историческимъ обществамъ съ просьбою оказать ему содѣйствіе въ составлении необходимой, достаточно богатой коллекціи курганныхъ череповъ и костяковъ, такъ какъ такая коллекція должна предшествовать серьознымъ трудамъ по исторической антропологіи и одна только въ состояніи вызвать ихъ.

Если мы сочли нужнымъ особенно остановиться въ предшествовавшихъ строкахъ на объясненіи нашей просьбы археологамъ, то это потому, что Комитетъ по опыту дознаяъ необходимость уясненія нѣкоторыхъ указанныхъ фактовъ для пользы дѣла. Желая составить по возможности полную коллекцію курганныхъ останковъ, Комитетъ не можетъ не высказать при этомъ слѣдующихъ своихъ желаній лицамъ, имѣющимъ намѣреніе содѣйствовать ему:

1. Хотя всякій черепъ, всякая часть его, добытые изъ кургановъ, должны быть сохраняемы и имѣютъ цѣну при точномъ обозначеніи ихъ мѣстонахожденія, но особенно желательно Комитету получить цѣльную систематическую коллекцію курганныхъ останковъ. Для этого, желающимъ предпринять работы для обогащенія нашего музея, мы совѣтуемъ избирать тѣ мѣстности, гдѣ, находится значительное количество кургановъ и гдѣ, слѣдовательно, можно видѣть кладбище первобытнаго племени. Такое кладбище доставитъ особенно важный матеріалъ, если будетъ разрыто значительное число кургановъ, и если всё найденное будетъ доставлено въ коллекцію съ подробнымъ описаніемъ по нижеуказанной программѣ. Чѣмъ больше будетъ доставлено череповъ и костей изъ *одной* мѣстности, тѣмъ возможнѣе, тѣмъ вѣрнѣе антропологическіе выводы, а слѣдовательно тѣмъ и цѣннѣе коллекція. По одному черепу, вырытому изъ кургана, никто не позволитъ себѣ строить выводы, потому что никто не поручится что форма его не случайная. По этому всякій желающій оказать серьозное содѣйствіе нашему Антропологическому Обществу и его коллекціи долженъ избрать *группу* кургановъ въ одной мѣстности, раскопать ихъ по правиламъ науки и доставить все найденное въ музей. Это будетъ въ десять разъ полезнѣе и цѣннѣе съ нашей точки зрѣнія, чѣмъ раскопка по одному или по два кургана изъ разныхъ мѣстностей, хотя послѣднее въ иныхъ случаяхъ и интереснѣе для археологіи. Требованія антропологіи въ этомъ случаѣ иныя.

Въ особенности желательно, чтобы нашъ Московскій музей сталъ представителемъ полнаго собранія мѣстныхъ кургановъ, т. е. находящихся въ губерніяхъ Московской и прилегающихъ къ ней, хотя конечно желательны вещи, черепа и кости и изъ кургановъ другихъ мѣстностей.

2. При устройствѣ курганной коллекціи Комитетъ будетъ особенно стараться о томъ, чтобы не только сохранялись у него въ собраніи черепа и кости, но и вещи, находимыя съ ними. Такимъ только образомъ составленная коллекція будетъ вполнѣ поучительна, вполнѣ соотвѣтствующая требованіямъ науки. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что опредѣлить эпоху, къ которой относятся найденныя останки, можно только по вещамъ, совмѣстное храненіе ихъ уже необходимо потому, что даетъ каждому изучающему такую коллекцію *всѣ* данныя о курганѣ, по которымъ онъ долженъ сдѣлать выводы. Если же черепа будутъ помѣщаться въ одну коллекцію, а вещи въ другую, то цѣльность матеріала, для будущихъ изслѣдователей нарушается, и археологъ, предвидящій какой либо выводъ изъ разсмотрѣнія вещей и желающій повѣрить его и сличить съ антропологическими данными, почти не будетъ въ состояніи этого сдѣлать, или это покрайней мѣрѣ будетъ для него затруднительно. Тоже нужно сказать и объ антропологѣ. Это уже сознано нѣкоторыми археологами, энергически проводящими мысль о не разрозниваніи частей одного историческаго памятника въ различныя коллекціи. Въ самомъ дѣлѣ, что сказали бы мы о томъ ученомъ который найдя какой нибудь дорогой для науки памятникъ, состоящій изъ изваяній, мозаики, рисунковъ, раздѣлилъ бы всѣ эти части по отдѣльнымъ коллекціямъ? Не возстали ли бы на него за это, и совершенно справедливо, ученые? Почему же естественно разрознивать вещи и скелеты изъ кургановъ, составляющія одно цѣлое и взаимно пополняющія другъ друга? Когда черепа не имѣли не только въ глазахъ археолога, но даже и у естествоиспытателей особеннаго значенія, тогда если не законно, то покрайней мѣрѣ извинительно было поступать такимъ образомъ, но теперь нужно слѣдовать иному пути, потому что наука сознала вредъ такой процедуры.

3. Не одни только черепа, челюсти, кости и вещи изъ кургановъ должны быть сохраняемы, но также

и всѣ вообще кости, которыя только найдутся въ нихъ. Обыкновенно говорятъ, что онѣ находятся въ такомъ полуразрушенномъ состояніи, что трудно предполагать возможность какого либо вывода изъ нихъ. Но это опять ошибка, которую давно уже избѣгли естествоиспытатели въ своей спеціальности. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы сказали о палеонтологѣ, который, найдя какое нибудь ископаемое животное полуразрушеннымъ, взялъ бы отъ него только хорошо сохранившіяся части, а остальныя бросилъ? Развѣ обломочки, кусочки ископаемыхъ, отъ которыхъ на первый взглядъ вовсе нельзя было ожидать ничего полезнаго, не приводили впослѣдствіи къ любопытнымъ выводамъ? Эти примѣры должны убѣдить насъ, что кажущееся намъ не ведущимъ ни къ какимъ выводамъ, еще вовсе не ручается за то, чтобъ это было всегда такимъ, чтобы завтра наука не показала важное значеніе того, въ чемъ сегодня мы не видимъ ничего. Поэтому нужно сберегать всякую кость изъ кургана, всякій остатокъ ея, потому что бѣда была бы небольшая, если бы она и пролежала безцѣльно въ музеумѣ, но бѣда неисправимая, если мы выбросимъ и оставимъ безъ вниманія то, важное значеніе чего намъ завтра показала бы наука.

И такъ, на основаніи сказаннаго, мы просимъ во 1-хъ, чтобы намъ доставляли черепа изъ группы кургановъ извѣстной мѣстности, во 2-хъ, чтобы при нихъ были всѣ кости, всѣ вещи, найденныя при раскопкѣ. Все найденное въ одномъ курганѣ должно быть запаковано отдѣльно.

Такъ какъ Комитетъ уже получилъ заявленіе о томъ, что многимъ желательно было бы приступить къ раскопкѣ кургановъ по полученіи отъ него инструкцій, то онъ считаетъ не лишнимъ указать здѣсь правила, соблюдаемыя при раскопкахъ, основываясь на иструкціяхъ Петербургскаго Археологическаго Общества и на замѣткахъ другихъ археологовъ (см. Извѣстія Археологическаго Общества Т. 1 стр. 147 и Пропилеи т. IV, стр. 401).

1. При изслѣдованіи кургановъ замѣчать и сообщать: a) о разстояніи ихъ отъ ближайшихъ селенія, города и рѣки; b) о площади, занимаемой описываемою группою кургановъ, планѣ размѣщенія на ней кургановъ и о разстояніи ихъ между собою; c) о формѣ кургановъ, ихъ высотѣ и окружности.

2. Снять и приложить планъ расположенія кургановъ и внѣшній видъ ихъ.

3. Сообщить мѣстное названіе кургановъ и преданія къ нимъ относящіяся.

Чтобы получить результатъ отъ кургановъ для исторіи и этнографіи, надлежитъ приступить къ разрытію ихъ съ крайнею осторожностію, такъ чтобы ни одинъ фактъ не остался потеряннымъ для науки. Приступая къ разрытію кургана нужно найти, какъ говорятъ Керченскіе работники, *начинъ* кургана, то есть отыскать какъ слой материковой земли выброшенный при рытіи гробницы, если таковая была, такъ и опредѣлить себѣ за одинъ ли разъ былъ насыпанъ весь курганъ, или его нынѣшняя форма произошла вслѣдствіе многократныхъ присыпокъ; въ послѣднемъ случаѣ необходимо дознать—сколько такихъ присыпокъ вошло въ составъ кургана. Только когда это все уяснено, можно съ увѣренностію полагать, что найдены сдѣды ко всѣмъ гробницамъ, находящимся въ курганѣ, и дальнѣйшее снесеніе земляной массы становится не нужнымъ. Но не слѣдуетъ, однакоже, безъ особенно важныхъ постороннихъ побужденій пріостанавливать раскопку кургана, если способъ насыпки его не вполнѣ ясенъ.

Что касается до самаго способа раскопки, то нѣкоторые совѣтуютъ малые курганы, съ одною вершиною и безъ присыпа, изслѣдовать посредствомъ ямъ, копаемыхъ посрединѣ кургана. Такая яма, достаточной величины приведетъ къ гробницѣ или скелету и объяснитъ насыпку кургана. Если при этомъ представится сомнѣніе, то надобно расширить яму въ одну изъ сторонъ и именно къ сомнительному мѣсту. Курганы можно разрывать также продольными крестообразными разрѣзами, направленными по хребту насыпи отъ ея подошвы къ центру кургана Такихъ разрѣзовъ необходимо должно быть столько же, сколько есть присыпокъ, и разрѣзы непремѣнно должны доходить материка. Для ускоренія полезно производить эти разрѣзы, какъ говорятъ рабочіе, *на́ перевалъ*, то есть засыпать мѣста, вскрытыя до материка, землею выкапываемою при продолженіи работы. Такое распоряженіе не только облегчаетъ рабочихъ, но и достигаетъ еще той выгоды, что поверхность кургана, остающаяся не тронутою, не забрасывается землею, и если окажется необхо-

димость сдѣлать пріемку, то не будетъ нужно терять трудъ на раскидку земли, выброшенной при прежнихъ работахъ. Кромѣ того при такомъ способѣ копанія сохраняется по возможности прежняя форма кургана. Наконецъ существуютъ еще способы раскопки: 1) посредствомъ проведенія минъ, что удобно при курганахъ значительной высоты и 2) концентрическими кругами, который считается за наилучшій способъ нѣкоторыми, въ особенности для кургановъ значительнаго объема и не большой высоты.

Пока еще не дошли до того мѣста, гдѣ ожидаютъ найти скелетъ, работаютъ обыкновенными заступами; кирки употребляютъ если земля очень тверда, но когда достигнутъ самой гробницы, то эти инстументы кладутся въ сторону, и начинаются работы довольно тупыми и длинными прямыми ножами. Естественно, что прежде всего нужно постараться узнать направленіе, въ которомъ лежитъ скелетъ. Для этаго упомянутымъ ножемъ изслѣдуются два продольные конца гробницы и отыскивается мѣсто черепа. Тогда вскрытіе гробницы начинаютъ съ противуположной стороны, то есть съ ногъ, ибо такимъ образомъ легче слѣдовать за направленіемъ костей, не нарушивъ порядка, въ которомъ онѣ лежатъ. Въ ногахъ очень часто попадаются сосуды, но на самыхъ костяхъ нижнихъ конечностей рѣдко бываютъ вещи. Когда гробница вскрыта и вся земля изъ нея выкинута, когда описано положеніе костяка и выбраны тщательно всѣ вещи, тогда вынимаются и кости, перенумеровываются и укладываются. Въ заключеніе просѣваютъ черезъ рѣшето землю, окружавшую скелетъ, чтобы убѣдиться въ томъ не осталось-ли затерянною въ землѣ какая нибудь вещь.*)

Вопросы, которые можно имѣть въ виду при разрытіи кургана и которые должны находиться на записномъ листкѣ у наблюдателя, суть слѣдующіе:

I. Устройство гробницы или могилы.

1. Высота насыпи отъ вершины кургана до пласта земли, на которомъ лежитъ погребенный (для этого иногда оставляется посрединѣ кургана землянная тумба, вышина коей измѣривается, когда дойдутъ до скелета).

*) Кости животныхъ, находимыя иногда въ курганахъ, должны быть также тщательно сохраняемы и препровождаемы въ Общество.

2. Пласты земли: а) насыпаны ли они одновременно и той ли же почвы, какъ и та, гдѣ находится курганъ, в) нѣтъ ли въ насыпи костей, горшковъ, углей и т д.

3. Не обложенъ ли курганъ, и съ какой стороны, камнями, и какими именно?

4. Погребенный положенъ ли въ гробѣ, срубѣ, подъ доскою или безъ нихъ: а) въ могилѣ, какой глубины и какой формы, не обложена ли она деревомъ или камнями, b) или прямо на материкѣ, c) или выше материка на небольшой присыпкѣ, или же на деревѣ, на плитѣ и т. д.

II. Положеніе погребеннаго и вещи при немъ.

1. Если трупъ былъ сожженъ при погребеніи, то осторожно разчищать пепелъ, вынимая изъ него вещи и кости и отмѣчая въ дневникѣ и на планѣ кургана мѣсто, гдѣ лежала та или другая вещь. Замѣтить при этомъ, велика ли была площадь занимаемая костромъ. Если трупъ не былъ сожженъ, то обратить вниманіе: 1-е на положеніе скелета: а) лицемъ къ Сѣверу, Востоку, Западу или Югу? b) лежитъ ли на спинѣ или на боку? c) руки протянуты или скрещены; d) мужской или женской (по тазу), стараго или молодаго человѣка?

2. Вещи лежали съ какой стороны и на какомъ мѣстѣ, напр: а) горшки, въ ногахъ или въ головѣ, справа или слѣва? b) металлическіе обручи на головѣ или на шеѣ? c) браслеты на запястьѣ или выше локтя? если на на ногахъ, то у ступни или выше икоръ? d) кольцы, серьги, бляхи, гривны, монеты и т. д.

По окончаніи раскопки составить полный протоколъ разрытія каждаго кургана въ отдѣльности, упаковать всѣ кости и вещи въ одинъ ящикъ съ нумеромъ кургана и препроводить въ Общество. Найденныя вещи не мыть и нечистить, а запаковывать такъ, какъ онѣ найдены, каждую вещь завертывать отдѣльно въ бумагу съ обозначеніемъ нумера, подъ которымъ она помѣщена въ протоколѣ раскопки. Такъ какъ въ древности хоронили покойниковъ и не въ курганахъ, а просто въ лѣсу подъ деревьями, то если въ какой либо мѣстности есть преданіе о подобномъ древнемъ кладбищѣ, то полезно заняться раскопкою такихъ кладбищъ и сообщить Обществу, найденныя тамъ черепа, костяки и вещи.

5. *Снаряды, употребляемые при антропологическихъ изслѣдованіяхъ*, должны также входить въ составъ антропологическаго отдѣла выставки. Антропологическое Отдѣленіе Общества Любителей Естествознанія уже приняло мѣры, чтобы этотъ отдѣлъ былъ достаточно полонъ, и потому въ этотъ отдѣлъ желательно получить развѣ только тѣ улучшенія, нововведенія и изобрѣтенія, которыя могутъ быть сдѣланы русскими и иностранными учеными.

Таковы указанія, которыя Комитетъ считаетъ не безполезными для своихъ сотрудниковъ. Въ заключеніе ему остается сообщить о тѣхъ наградахъ, которыя будутъ присуждены экспертами экспонентамъ. Само собою разумѣется, что теперь трудно еще опредѣлить вполнѣ *все*, что можетъ имѣть право на награду, но можно по крайней мѣрѣ указать на главнѣйшее; при этомъ мы остановимся только на тѣхъ условіяхъ, которыя Комитетъ считаетъ необходимыми для полученія золотыхъ медалей, предоставляя себѣ право впослѣдствіи обсудить то, что имѣетъ право на нисшія степени наградъ.

Золотыя медали:

a. За представленіе на выставку и въ музей Общества группы извѣстнаго племени, состоящей не менѣе какъ изъ четырехъ манекеновъ, со всѣми нужными костюмами и принадлежностями домашняго быта.

b. За коллекцію фотографическихъ портретовъ (большаго размѣра, не мѣнѣе какъ въ числѣ 50) какого либо племени.

c. За коллекцію мумифицированныхъ головъ мужскихъ, женскихъ, дѣтскихъ какого либо инородческаго племени, въ числѣ 10.

d. За пять мужскихъ и женскихъ скелетовъ какого либо инородческаго племени *).

e. За коллекцію череповъ какого либо племени не менѣе какъ въ количествѣ 40 экземпляровъ.

Понятно, что относительно тѣхъ племенъ, черепа и костяки коихъ составляютъ или чрезвычайную рѣдкость, или же полученіе коихъ сопряжено съ особенными затрудненіями, награда будетъ присуждаема не зависимо отъ числа предметовъ.

f. За полную коллекцію рисунковъ костюмовъ извѣстнаго края.

g, За значительную коллекцію череповъ, костей и курганныхъ вещей, добытыхъ въ извѣстной мѣстности.

*) При представленіи какихъ либо предметовъ къ наградѣ требуется сообщеніе Комитету данныхъ удостовѣряющихъ въ ихъ автентичности.

ИЗВѢСТІЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ,

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

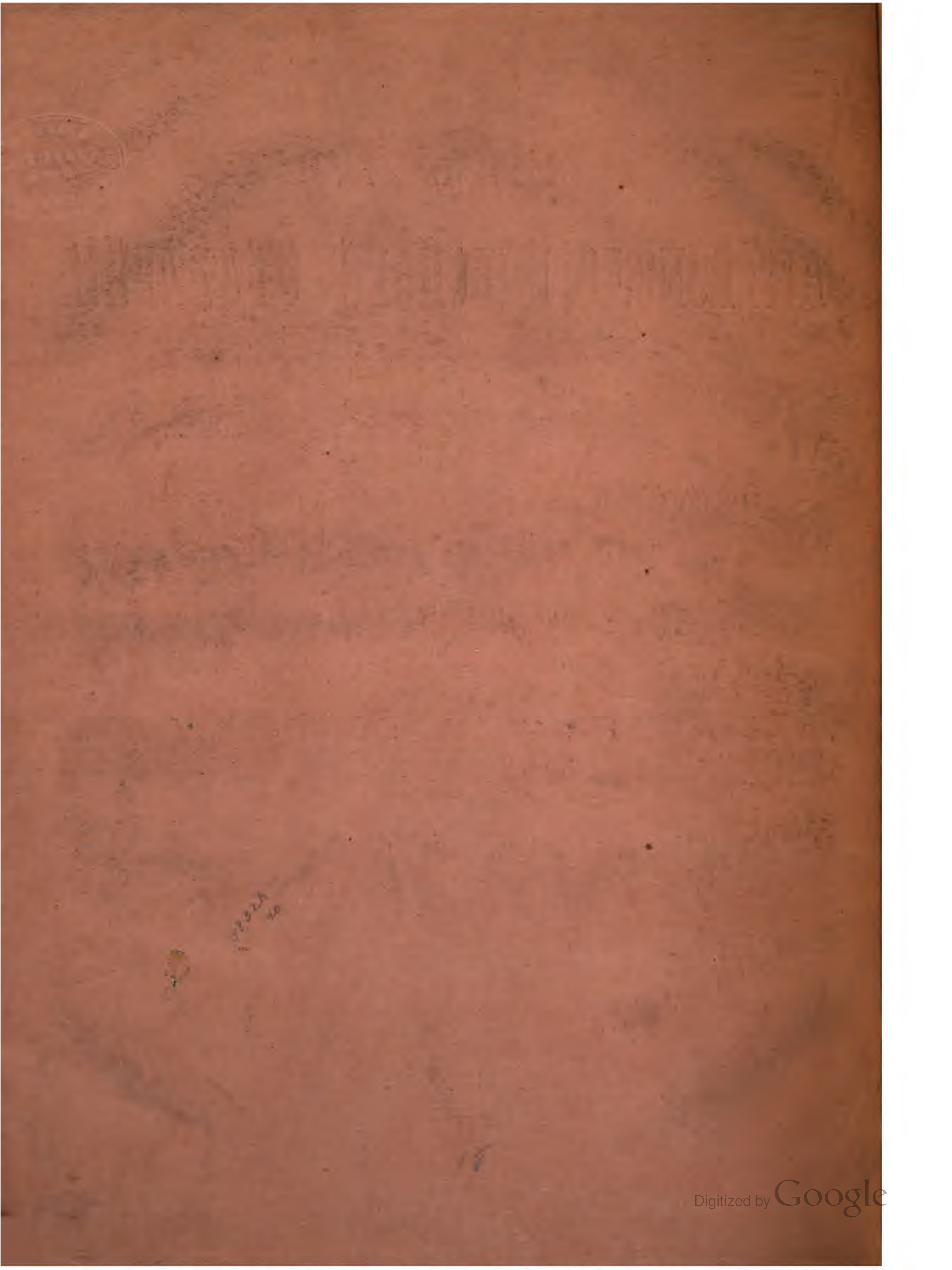
Директора отдѣленія Д. П. Сонцова

и

Секретаря отдѣленія А. П. Федченко.

ТОМЪ I.

МОСКВА.
1865.

TOZZER LIBRARY
3 2044 042 166 710